

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2025 Том 16 № 2

**Актуальные проблемы психолингвистики,
кросс-культурных исследований и поликанальной коммуникации**

Приглашенный редактор Е.А. Горобец

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднардова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Аврамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 25.06.2025. Выход в свет 30.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 36,22. Тираж 500 экз. Заказ № 779. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2025 VOLUME 16 No. 2

Current issues in psycholinguistics,
cross-cultural studies, and multichannel communication

Guest Editor *Elena A. Gorobets*

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Yunsheng Ju, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

English Text Editor *O.N. Kolysheva*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

- Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. (Москва, Российская Федерация).** Актуальные тенденции развития психолингвистики: итоги первых десятилетий XXI в. 319
- Корнев А.Н. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Балчюниене И. (Каунас, Литовская Республика).** Биопсихосоциальная модель психолингвистических механизмов формирования навыков речевой коммуникации у детей 337
- Доброва Г.Р. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Обратная деривация в русском языке и речевой деятельности детей и взрослых 365
- Цзя Ш. (Синьсян, Китайская Народная Республика), Уфимцева Н.В. (Москва, Российская Федерация).** Динамика изменения представления о профессии учителя в русском языковом сознании конца XX — начала XXI в. 381
- Елисеева М.Б. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Деривационные процессы в речи ребенка от 5 до 6 лет: узуальное и окказиональное 392
- Фатхутдинова В.Г. (Казань, Российская Федерация).** Деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство» в русском языке: психолингвистический аспект 411
- Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е., Лайкова Ю.В. (Казань, Российская Федерация).** Эмоциональная выразительность в русском жестовом языке: психолингвистический анализ 427
- Митрофанова И.И., Ван И., Баров С.А. (Москва, Российская Федерация).** Семантический гештальт ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ носителей русской и китайской лингвокультур по данным свободного ассоциативного эксперимента 441
- Semenova E.Yu., Norkina M.V. (Sirius, Russian Federation), Shaikhutdinova R.I. (Kazan, Russian Federation).** Eye Movements During Reading in Bilingual Primary School Children: a Scoring Review (Движения глаз во время чтения у детей-билингвов, обучающихся в начальной школе: обзор предметного поля) 456

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Хухуни Г.Т. (Москва, Российская Федерация), Будман Ю.Д. (Москва, Санкт-Петербург, Российская Федерация).** «Белое пятно» в истории лингвистических учений: еврейская грамматическая традиция 474
- Шкапенко Т.М. (Калининград, Российская Федерация).** «Семантическое расширение»: объем и содержание понятия 487
- Malakhova V.L. (Moscow, Russian Federation).** Meaning as a Mechanism for Senses Transformation and Discourse Sense Space Structuring (Значение как механизм трансформации смыслов и структурирования смыслового пространства дискурса) 502
- Ратникова А.Г., Богуславская В.В. (Москва, Российская Федерация).** Ценность как базовый концепт кросс-культурных исследований 514
- Нурмаганбет К.Е. (Алматы, Республика Казахстан), Синячкин В.П. (Москва, Российская Федерация), Азизова А.О. (Туркестан, Республика Казахстан), Демченко А.С. (Алматы, Республика Казахстан).** «Кочующие в мирах» Б. Каирбекова: роль автоматекста в интерпретации транслингвального произведения 528

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

- Pathan N. (Sohar, Oman), Aleksandrova O.I. (Moscow, Russian Federation), Alvi U.F., Khalid M. (Lahore, Pakistan).** A Corpus-based Study of Vocabulary Distribution in Omani High School English Textbooks (Корпусный анализ лексического разнообразия учебника английского языка для старших классов в Омане) 543
- Ваиль Фахим И. (Каир, Арабская Республика Египет), Мамонтов А.С. (Москва, Российская Федерация).** Логоэпистемы в заголовках российской и арабской прессы: лингвокультурологический аспект 556
- Beibitova A.S., Konyratbaeva Zh.M. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Translating Onomatopoeic Words: a Comparison of Kazakh and English Languages (Перевод ономастических слов: сравнение казахского и английского языков) 566
- Аль-Фоади Р.А. (Багдад, Республика Ирак), Зарытовская В.Н. (Москва, Российская Федерация).** Словообразовательная специфика диминутивов в русском и арабском языках и ее значение при переводе 579

CONTENTS

PSYCHOLINGUISTICS

- Pishchalnikova V.A., Kardanova-Biryukova K.S. (Moscow, Russian Federation).** Current Trends in Psycholinguistics: Distillation of the First Decades of the 21st Century..... 319
- Kornev A.N. (Saint Petersburg, Russian Federation), Balčiūnienė I. (Kaunas, Republic of Lithuania).** Biopsychosocial Model of Psycholinguistic Mechanisms of Speech Communication Skills Development in Children..... 337
- Dobrova G.R. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Reverse Derivation in the Russian Language and the Speech Activity of Children and Adults 365
- Jia Sh. (Xinxiang, People's Republic of China), Ufimtseva N.V. (Moscow, Russian Federation).** Dynamics of Changes in the Idea of the Teaching Profession in Russian Linguistic Consciousness at the end of the 20th – Beginning of the 21st Century..... 381
- Eliseeva M.B. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Derivational Processes in the Speech of a Child from the Age of 5 Old: Normative and Occasional..... 392
- Fatkhutdinova V.G. (Kazan, Russian Federation).** The Derivational and Semantic Space “Hypocrisy and Pretense” in the Russian Language: Psycholinguistic Aspect. 411
- Fayzullina E.F., Ilyicheva T.E., Laykova Yu.V. (Kazan, Russian Federation).** Emotional Expressiveness in Russian Sign Language: Psycholinguistic Analysis. 427
- Mitrofanova I.I., Wang Yi, Barov, S.A. (Moscow, Russian Federation).** Semantic Gestalt of the Associative Field of the Concept LAND of Speakers of Russian and Chinese Linguocultures Based on the Data of Free Associative Experiment..... 441
- Semenova E.Yu., Norkina M.V. (Sirius, Russian Federation), Shaikhutdinova R.I. (Kazan, Russian Federation).** Eye Movements During Reading in Bilingual Primary School Children: a Scoping Review 456

THEORY OF LANGUAGE

- Khukhuni G.T. (Moscow, Russian Federation), Budman Yu.D. (Moscow, Saint Petersburg, Russian Federation).** A “White Spot” in History of Linguistic Thought: the Jewish Grammatical Tradition..... 474
- Shkapenko T.M. (Kaliningrad, Russian Federation).** “Semantic Extension”: Volume and Content of the Term 487
- Malakhova V.L. (Moscow, Russian Federation).** Meaning as a Mechanism for Senses Transformation and Discourse Sense Space Structuring 502
- Ratnikova A.G., Boguslavskaya V.V. (Moscow, Russian Federation).** Value as a Basic Concept of Cross-Cultural Researches 514
- Nurmaganbet K.E. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Sinyachkin V.P. (Moscow, Russian Federation), Azizova A.O. (Turkistan, Republic of Kazakhstan), Demchenko A.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** “Wandering in the Worlds” by B. Kairbekov: the Role of Autometatext in the Interpretation of a Translingual Work..... 528

FUNCTIONAL SEMANTICS

- Pathan H. (Sohar, Oman), Aleksandrova O.I. (Moscow, Russian Federation), Alvi U.F., Khalid M. (Lahore, Pakistan).** A Corpus-based Study of Vocabulary Distribution in Omani High School English Textbooks 543
- Wael F.I. (Cairo, Arab Republic of Egypt), Mamontov, A.S. (Moscow, Russian Federation).** Logoepistemes in the Headlines of the Russian and Arabic Press: a Linguocultural Aspect. 556
- Beibitova A.S., Konyratbaeva Zh.M. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Translating Onomatopoeic Words: a Comparison of Kazakh and English Languages 566
- Al-Foadi R.A. (Baghdad, Republic of Iraq), Zarytovskaya V.N. (Moscow, Russian Federation).** Word-Forming Specificity of Diminutives in the Russian and Arabic and its Aignificance in Translation 579

ПСИХОЛИНГВИСТИКА PSYCHOLINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-319-336

EDN: JAQRWG

УДК 811.161.1'23"20"

Научная статья / Research article

Актуальные тенденции развития психолингвистики: итоги и перспективы начала XXI в

В.А. Пищальникова¹ , К.С. Карданова-Бирюкова² ¹Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация²Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
 kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Аннотация. Исследовательское поле российской психолингвистики значительно диверсифицировалось в последние 10–15 лет за счет появления таких частных направлений, как психолингвоаксиология, ассоциативная лексикография, психолингвокультурология, что неизбежно привело не только к расширению предметной области, но и к определенной размытости психолингвистического объекта. Проведенный авторами анализ сборников материалов профильных научных мероприятий 2013, 2022 и 2024 гг. дает основания определить те исследовательские векторы, которые в настоящее время уходят из поля зрения специалистов, и выявить те, которые сейчас интенсивно развиваются. Научная новизна принятого исследования состоит прежде всего в том, что выявленные тенденции определяют дальнейшее развитие российской психолингвистики и дают возможность скорректировать те изменения, которые происходят естественным путем. Это, в свою очередь, позволяет уточнить границы психолингвистического объекта, а также определить те исследовательские методы и приемы, которые обладают наибольшим объяснительным и прогностическим потенциалом. В качестве исследовательского материала были использованы сборники тезисов крупных научных событий в области психолингвистики, в том числе сборник материалов XX Симпозиума по психолингвистике 2022 г., материалы конференции «Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)» 2024 г., а также монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» (2021). Точкой отсчета выступили материалы X Международного конгресса ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» 2013 г. В исследовании применялись кластерный анализ, сопоставительный анализ, контент-анализ. В результате исследования авторы выявили существенное сужение исследовательской проблематики научных исследований в области психолингвистики, крен в сторону

© Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

структурно-содержательного анализа фрагментов языкового сознания, крайне ограниченную опору на количественные инструменты и метод моделирования. Одновременно осуществленный авторами анализ позволяет наметить ориентиры на ближайшие десятилетия, в том числе необходимость разработки и/или адаптации инструментов для эффективности психолингвистических исследований и постановки задач, направленных на экспликацию и анализ иных граней объекта психолингвистики. Авторы выявили существенное сужение проблематики научных исследований.

Ключевые слова: психолингвистический объект, исследовательские инструменты и методы психолингвистики, тенденции развития психолингвистики

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 10.07.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Актуальные тенденции развития психолингвистики: итоги первых десятилетий XXI в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 319–336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-319-336>

Current trends in psycholinguistics: distillation of the first decades of the 21st century

Vera A. Pishchalnikova¹ , Ksenya S. Kardanova-Biryukova²

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

²Moscow City University, *Moscow, Russian Federation*
 kardanova-birukovaks@mgpu.ru

Abstract. Over the past 15 years the research field of Russian psycholinguistics has experienced major changes and has become more diversified with the advance of such subfields as psycholinguoaxiology, associative lexicography, psycholinguoculturology, etc., which has understandably resulted in the diversification of the subject area as well as a vague psycholinguistic object. The analysis of the Proceedings of the academic forums held in 2013, 2022 and 2024, carried out by the authors, has outlined those research trajectories which tend to become less popular today and alternatively identify most intensely developing ones. The relevance of the current research is supported by the fact that these trends tend to determine further development of Russian psycholinguistics and make it possible to amend those changes which happen to the field naturally. At the same time relying on these findings we could define the boundaries of the psycholinguistic object and specify the methods and research tools with the greatest prognostic and research potential. The research material includes the Proceedings of several major academic events in the field including XX Symposium on Psycholinguistics of 2022, the conference “Language. Consciousness. Communication: Methodology and Practices in the Humanities” of 2024 and the monograph “Russian Psycholinguistics: Achievements and Advances (1966–2021)” of 2021. The reference point of the research is made by the X International Congress ISAPL “Problems of Informational Society and Applied Psycholinguistics” of 2013. The research is based upon cluster analysis, comparative analysis and content analysis. The findings of the research carried out by the authors include the observations to follow: the field of psycholinguistics has become very narrow with a vivid bias towards structural and content analysis of language consciousness, limited

use of statistical tools and modeling in psycholinguistic research. At the same time the analysis has helped identify the vectors to pursue in the next few decades including design of new methods and tools shaped specifically to be used with the object of psycholinguistics and identifying those research problems which could explicate new facets of this object.

Keywords: the object of psycholinguistics, research methods and tools, further development of Russian psycholinguistics

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 10.07.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Pishchalnikova, V.A., & Kardanova-Biryukova, K.S. (2025). Current Trends in Psycholinguistics: Distillation of the First Decades of the 21st Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 319–336. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-319-336>

Введение

Состоятельность научной парадигмы принято оценивать на основе анализа конкретных актуальных исследовательских практик, осуществляемых профильными специалистами, поэтому с определенной периодичностью осуществляется срез текущих исследовательских ориентиров и намечаются перспективы дальнейшего становления и/или развития отрасли: так, В.Н. Базылев представляет актуальные исследовательские траектории в российской лингвистике в монографии [1] и далее уточняет некоторые позиции в научной статье 2024 г. [2]; В.В. Красных рассуждает о новых «гибридных» исследовательских областях в статье 2002 г. [3], а в 2015 г. в соавторстве с И.А. Бубновой развивает эту тему далее [4]. Такие обзорные исследования важны, во-первых, для оценки степени сформированности базовых концептуальных установок и метааппарата научной области, точности определения исследовательского объекта и выявления применимости и эффективности используемых методов и приемов для его изучения, систематизации уже имеющих исследовательских практик, во-вторых, для определения новых ориентиров в развитии научной области и понимания того, какие важные задачи выпадают из поля зрения профильных специалистов.

В психолингвистике такие срезы осуществляются не реже одного раза в 10 лет и ориентированы на обнаружение и корректировку актуальных исследовательских векторов. Еще в 2009 г. А.Г. Сонин отмечал, что многие исследователи, причислявшие себя к психолингвистам, недостаточно аргументируют актуальность своей работы, не изучают научную конъюнктуру, а словно бы совершают «некий магический ритуал, заклинание», бесосновательно причисляя свою работу к своевременным и необходимым. По мнению ученого, «такую ситуацию можно исправить, если выносить суждения на основе максимально отстраненного количественного анализа» [5]. Такой анализ был осуществлен А.Г. Сониным и К.С. Кардановой, которые изучили

содержание докладов нескольких симпозиумов, состоявшихся в 2006, 2009 и 2013 гг., и выявили некоторые тенденции развития психолингвистики, представленные в докладе на конференции «Горизонты психолингвистики» в октябре 2013 г. (Тверской государственный университет, г. Тверь).

Исследование проводилось по нескольким параметрам: (1) география симпозиума, (2) тематическая классификация докладов, отражающая тип конструируемого научного объекта, (3) тип решаемой научной задачи, на основе изучения которой была предложена функциональная классификация. **Цель исследования** — установить тенденции развития современной отечественной психолингвистики, сопоставив материалы XX Симпозиума по психолингвистике [6], конференции «Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)» [7], и коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» [7]. Этот материал позволит определить наиболее теоретически развитые и прагматически востребованные области психолингвистических исследований и в перспективе может стать основой для сравнения с направлениями развития современной зарубежной психолингвистики.

Исследовательский материал, методы и инструменты

Материал для анализа представлен сборниками тезисов крупных научных событий [6–8]. Точкой отсчета выступили материалы X Международного конгресса ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» 2013 г. [9]. В исследовании применялись кластерный анализ, сопоставительный анализ, контент-анализ.

Результаты исследования и дискуссия

Характеристика тематики докладов симпозиума

На втором этапе анализа стояла задача установить динамику актуальной исследовательской проблематики психолингвистики в течение анализируемого десятилетия на основе сопоставления тематики докладов и содержания публикаций в сборниках 2013, 2022 и 2024 гг. В работе использовались кластерный анализ и контент-анализ.

Начнем с исходной точки нашего исследования — с X Международного конгресса ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» 2013 г. [9], который отличает тематическая размытость в силу, прежде всего, значительного количества его участников и ярко выраженного прикладного характера большей части исследований, представленных на мероприятии. Из более чем 400 участников треть докладчиков представили исследования смежных с психолингвистикой областей, поэтому собственно психолингвистическая проблематика в них представлена только в виде общих тезисов либо не представлена вовсе.

В программу X Международного конгресса вошли тематические круглые столы по следующей тематике: психолингвистика текста с опорой на концепцию А.И. Новикова, проблемы психолингвистической лексикографии; этнопсихолингвистические аспекты межкультурной коммуникации; междисциплинарные исследования речевых ритмических процессов в онтогенезе и при речевых расстройствах; анализ общечеловеческих ценностей и их этнокультурная специфика; гендерные исследования в эпоху глобализации; формирование коммуникативных пространств в информационном обществе; корпусный анализ, анализ движения глаз на материале синтаксических конструкций в португальском языке; специфика освоения системы письма португальского языка в начальной школе; обучение с использованием электронных ресурсов; философия языка и методы лингвистических исследований в эпоху глобализации. Очевидно, что тематика ряда круглых столов выходит далеко за пределы исследовательского поля психолингвистики: авторы докладов не ориентируются на фундаментальные методологические установки психолингвистики, не оперируют базовыми категориями и научными понятиями, не привлекают профильные исследовательские инструменты, что в целом ставит под сомнение необходимость включения этих научных дискуссий в программу мероприятия.

Психолингвистические мероприятия 2022 и 2024 гг. характеризуют меньшие масштабы и большая фокусность. Обратимся к анализу содержания докладов, представленных на XX Симпозиуме по психолингвистике [6] и Всероссийской конференции «Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)» [7], с тем, чтобы понять, сохраняются ли исследовательские направления, развивавшиеся десять лет назад, насколько они интенсивны и результативны, какие новые направления формируются и почему они появились в отечественной психолингвистике, как обстоят дела с экспериментальной базой исследований и т.п. Естественно, в первую очередь нас будут интересовать проблемы *методологии теории речевой деятельности*, их применение и развитие. Доклады такой тематики, как правило, сообщаются на пленарных заседаниях.

Методологические психолингвистические работы

В сборнике материалов XX Симпозиума по психолингвистике представлены тезисы пленарных докладов [6]. Проанализируем содержание некоторых из них.

Е.Ф. Тарасов продолжает линию рассуждений о возможностях применения деятельностного подхода в анализе речевого общения и коммуникативного акта. В докладе обозначены как перспективные уже известные направления психолингвистических исследований: изучение эмотивной составляющей речевой деятельности, необходимость учитывать количество коммуникантов в анализе общения, реконструкция смыслов реципиентом сообщения

на основе его собственных знаний и некоторые др. [6. С. 15–16]. В других выступлениях представлены актуальные тенденции в научной интерпретации гендера на примере современной Германии (А.В. Кирилина); пути анализа психологической структуры значения слова через выявление базовых архетипических метафор (В.В. Красных); влияние идей А.И. Новикова на герменевтическую концепцию перевода (Н.М. Нестерова); изменение закономерностей обработки текстовой информации в свете актуальных форматов трансляции и ретрансляции данных (В.А. Пищальникова и Н.П. Пешкова); отражение архетипов культуры в структуре языкового сознания (Н.В. Уфимцева); метод невербального семантического дифференциала (Л.О. Чернейко); возможности экспликации и формализации смысловых акцентуаций через сопоставительный анализ данных ассоциативных тезаурусов (И.В. Шапошникова).

Пленарные доклады, представленные на XX Симпозиуме по психолингвистике 2022 г., демонстрируют развитие некоторых актуальных исследовательских траекторий отечественной психолингвистики, разработку и/или усложнение исследовательских методов и инструментов. При этом очевиден и регулярный выход за пределы теоретических установок собственно психолингвистики, и постановку задач междисциплинарного характера (что, в свою очередь, требует дальнейшей масштабной работы по параметризации научного объекта и разработки соотносимых с этим объектом инструментов анализа). Следует также отметить, что пленарные доклады — в соответствии с жанром — задают только самую общую теоретическую рамку, которая далее должна служить ориентиром для проведения частных исследований, однако, соотнося тематику пленарных и секционных докладов, авторы настоящей статьи не могут отметить развития представленных теорий или даже их систематического применения в конкретных исследованиях. Это тем более важно, что теоретические установки ни в одном из докладов не являются новыми.

В предисловии А.А. Липгарта к сборнику, представляющему тезисы докладов Всероссийской конференции «Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)» 2024 г., разнонаправленность тематики докладов (от традиционного «изучения и описания языкового сознания и образа мира жителей России» до осмысления «возможности и перспективы изучения речевых практик в цифровую эпоху» [7. С. 15–17]) отмечена как положительная черта научного форума. В предисловии также отмечается самостоятельность пути отечественной психолингвистики, объединяющей в своей методологии фундаментальные положения культурно-исторической теории Л.С. Выготского, деятельностной психологической концепции и традиции отечественного психологического языковедения. Н.В. Уфимцева называет новые направления исследования теории речевой деятельности: ассоциативная типология, ассоциативная вариантология и ассоциативная аксиология и формулирует задачи.

Но, формулируя задачи первого направления, исследователь традиционно обращается к «сопоставлению “мировидений”, картин мира, создаваемых с помощью языков в обыденном языковом сознании представителей разных культур» [7. С. 40–41], полагая, что для решения таких задач в отечественной психолингвистике сформирована необходимая теоретическая база в рамках концепции языкового сознания и собрано достаточно ассоциативных данных, представленных в разных словарях. Однако разработка таких направлений могла бы быть более эффективной теоретически, если бы основывалась в общем на теории речевой деятельности и, в частности, на исследовании характера речевого действия, в том числе рассматриваемого как соотношение стимул — реакция (А.А. Леонтьев). Кроме того, необходимо сформировать не только фундаментальные положения для каждого из намеченных направлений, но и разработать методы и концептуальный аппарат, который бы результативно интерпретировал экспериментальные данные, как это сделано в рамках этнопсихолингвистики, исследующей базовые ценности лингвокультур. В.В. Красных предпринимает попытку обосновать понимание лингвокультуры как системы генетически и содержательно различных, культурно обусловленных образов (представлений), фиксированных одними и теми же лексическими единицами. В лингвокультуре, полагает исследователь, сосуществуют когнитивная, метафорическая, эталонная и символическая подсистемы, при этом единица интерпретации первой — стереотип как «представление о классе однотипных феноменов», эталон и символ также отнесены к представлениям [7. С. 22–24]. Свой подход В.В. Красных называет психолингвокультурологическим, но как раз психолингвистичность методологии мало акцентирована. Несмотря на многочисленные исследования, устанавливающие различия между этими единицами, проблема их специфики, как генетической, так и функциональной, остается открытой. Поэтому, на наш взгляд, для психолингвистики важно понять, как различия между стереотипом, эталоном и символом выражаются в характере речевого действия — единственном феномене, изучение которого может дать ответ на вопрос об особенностях их формирования и функционирования. Для методологии теории речевой деятельности важно установить, образуется ли синкретичный образ, объединяющий содержание стереотипа, эталона и символа в ментальную схему более общего порядка, на какой психолингвистической основе это происходит и как репрезентируется в характере речевой деятельности. В этом случае мы переходим от анализа лексического значения слова к анализу речевого действия, характера предикации в нем и определения мотива речевой деятельности. Возможно, это позволило бы усовершенствовать методы психолингвистического анализа, «оторвавшись» от интерпретации содержания слова-репрезентанта.

Методологически значимым для теории речевой деятельности представляется доклад Е.Ю. Мягковой, которая давно и последовательно

аргументирует теоретическую возможность наличия внутреннего (естественного) метаязыка как системы разноуровневых операциональных схем обработки смыслов иноязычного текста при переводе [7. С. 27–29]. Эта гипотеза, рассматривающая перевод как деятельностный процесс, могла бы получить большее распространение среди переводоведов в случае её экспериментального подтверждения, тем более что в последнее время наблюдается некоторое движение переводоведов в сторону осознания процесса переводческой деятельности как психолингвистического (см., например: [10; 11]).

Одной из важных методологических проблем теории речевой деятельности является восприятие информации, причем в соответствии с фундаментальной теорией характер восприятия детерминируется не только условиями коммуникации, но и психосоциальными свойствами общающихся. Н.П. Пешкова рассматривает «коммуниканта нового типа», для которого важна информация «со “значимостью для меня”, независимо от типа текста — носителя информации» [7. С. 29–30]. Экспериментальное исследование, представленное докладчиком, еще раз подтвердило соответствие полученных данных общей теории речевой деятельности А.А. Леонтьева.

Анализ докладов, представленных на секционных заседаниях, показал, что в очередной раз обращается к знаковому опосредствованию сознания и самосознания И.В. Журавлев — проблеме фундаментальной, но далеко не новой [7. С. 185–186], а Н.И. Привалова говорит о природе языкового сознания, вновь подчеркивая его двойственную природу — психологическую и социокультурную, что было обосновано еще Л.С. Выготским [7. С. 261–263].

Таким образом, методологические доклады составляют всего около 3,2 % от общего числа представленных на конференции 2024 г., и по сравнению с 2013 г. число их снизилось на 9,2 %, причем новых концепций, положений, уточняющих теорию речевой деятельности, не предложено. Вместе с тем в монографии «Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности» [12] представлена концепция Н.И. Степыкина, исследующего на ассоциативном материале характер речевого действия и формирующего концепцию, согласно которой «в структуре и содержании ассоциативного поля отражается специфика речевых действий индивидов, проявляющаяся в характере предикации между стимулом и реакцией. Речевое действие как способ и средство предикации реализуется в совокупности речевых операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования, а также внутреннего артикулирования (поиск языковых форм репрезентации смысла)» [12. С. 18–36]. Установление сущностных свойств речевого действия — одна из фундаментальных проблем теории речевой деятельности, решение которой существенно влияет на осознание сущности речевой способности, формирования личностных смыслов. Н.И. Степыкин, используя принципиальную динамичность ассоциативных полей, а также их признаки цельности и связности, устанавливает «универсальные параметры речевого

действия» [12. С. 18–36]: предикативность, модальность, ситуативность и полнота цикла синтаксирования, а также аргументирует «необходимость и достаточность ряда экспериментальных процедур для моделирования и верификации модели речевого действия». Поэтому в рамках этнопсихолингвистики на основе исследования специфики речевого действия, выделяются диахроническая психолингвоаксиология, устанавливающая характер смысловой динамики (базовых) ценностей лингвокультуры, и синхроническая психолингвоаксиология, исследующая содержание ценностей на синхронном срезе; определяются их фундаментальные теоретические положения, концептуальный аппарат и методы [13]. Базовые ценности — самостоятельный объект психолингвистики — в этих направлениях определяются как аксиологические понятия, отображающие способы и модели деятельности, доминирующие в социуме. Тогда система ценностей любой лингвокультуры рассматривается как национально специфичная, иерархическая, принципиально динамическая. Но на синхронном временном срезе такая система обладает свойством неустойчивого равновесия, и потому модели, поведения, установки деятельности и под., сформированные индивидами на базе неосознаваемо принимаемых ценностей, могут обнаруживать разную степень их присвоенности, откуда возникает индивидуальная вариативность аксиологических систем в деятельности носителей лингвокультуры. В диахронической психолингвоаксиологии вводится противопоставление культурного значения и культурного смысла, соответствующее фундаментальному противопоставлению психологического значения и личностного смысла в теории речевой деятельности, методологически приспособленное к исследованию базовых ценностей как особого феномена [13]. В рамках психолингвоаксиологии доказано, что статистически значимое увеличение ассоциатов с отрицательной коннотацией в свободном ассоциативном эксперименте говорит о том, что начался процесс изменения содержания ценности, обозначенной словом-стимулом, при этом понимание коннотации как добавочного к лексическому значению экспрессивно-эмоционально-оценочного содержания хорошо вписывается в охарактеризованное выше противопоставление культурного значения и культурного смысла. Необходимым при интерпретации динамики содержания ценностей, например, представленных фразеологическими единицами, оказывается и психолингвистически значимое понимание образа как ментальной операции репрезентации феномена через некоторую цельную совокупность признаков другого. Каждый признак в этом единстве может быть ассоциативно связанным с бесконечным множеством других, в том числе и культурно значимых. Это создает основу для принципиальной динамичности образа. С использованием представленных и иных терминов моделируется иерархическая система ценностей лингвокультуры, инвариантное содержание каждой ценности, устанавливается степень присвоенности конкретной ценности разными членами языкового сообщества.

Некоторые исследователи предлагают использовать в интерпретации ценностей термин «ценностный код», однако он отличается широкой культурной коннотацией, используется в гуманитарных науках в разных значениях, а перспектива его установления «с помощью анализа семантической наполняемости ценностей» представляется весьма неопределенной: ценностный код, по мысли О.И. Чирковой, «отражает степень адаптации человека к реальности», но какими психолингвистическими инструментами можно измерить эту степень? К тому же исследователь заявляет: ценностный код акцентирует, «что является главным для него (человека. — *В.П., К.К.-Б.*) в текущий момент, что его беспокоит» [7. С. 203–204], т.е. по сути возвращается к понятию мотива деятельности.

Новые исследовательские задачи требуют изменения процедур и принципов сбора и обработки экспериментального материала. Так, ранжирование базовых ценностей, как показывает опыт, должно производиться с учетом предварительного отбора их из общего списка ценностей, причем сам отбор должен учитывать место проведения, социальную группу респондента, его возраст и образование. Языковой материал будет репрезентативным только тогда, когда исследователь проводит сбор ассоциативных данных на основе большой предварительной работы, учитывающей распределение ценностей с учетом названных факторов. Еще более сложной становится интерпретация полученных данных, требования к которой изложены в ряде работ [14–17].

Если в докладах 2013 г. еще можно было хотя бы и условно, выделить экспериментальные исследования языковой способности, речевой деятельности и моделирование речемыслительной деятельности, то в 2022 г. и в 2024 г. это невозможно: изучение языковой способности если и представлено, то осуществляется оно не в рамках теории речевой деятельности, а в собственно психологической или нейрофизиологической парадигмах (ср. доклады: Е.Г. Иванова, А.А. Скворцов, Ю.В. Микадзе «Адаптивные стратегии при письме у пациентов с афазией», Е.Е. Циомо, Е.Г. Иванова «Нарушения невербальной коммуникации в виде распознавания и воспроизведения пантомимы при афазии» в 2022 г.) или в связи с проблемами искусственного интеллекта; речевая деятельность как методологическая категория не исследуется и, по сути, не используется, моделирование речемыслительной деятельности не производится.

Но, как и в предыдущие годы, активно используется ассоциативный эксперимент (АЭ) преимущественно в том виде, в котором «в современной западной науке этот экспериментальный метод воспринимается как оружие, мягко говоря, эксклюзивное, оставленное нашими зарубежными коллегами в 19 в. <...> Думается, что перспективы получения новых знаний связаны сегодня именно с освоением, регулярным использованием и развитием новых экспериментальных методик» (А. Г. Сонин и К.С. Карданова,

доклад на конференции «Горизонты психолингвистики» в октябре 2013 г. (Тверской государственной университет, г. Тверь)). Классический свободный и направленный АЭ применены Л.О. Бутаковой и У. Тао для установления особенностей субъективной семантики стимулов *добро* и *зло* у учебных билингвов, однако большинство исследователей продолжают проводить свободный АЭ с целью установления содержания «образов сознания», отличий «национальных образов сознания», при этом устанавливается оно в анализе *лексического значения ассоциатов*, что не позволяет считать результаты таких экспериментов психолингвистически значимыми. Каких-то новых факторов, влияющих на содержание «образа сознания», не установлено, не предложено и новых приемов интерпретации ассоциативных полей. По-прежнему игнорируется одно из фундаментальных положений теории речевой деятельности о необходимости исследования *отношений* между стимулом и реакцией, в которых выявляются существенные характеристики речевого действия.

Много докладов подобного содержания обнаруживаем в программе XX Симпозиума по психолингвистике [6]: «Сопоставительный анализ семантики лексемы “отдых”» по результатам свободного ассоциативного эксперимента и субъективной дефиниции семантики слова»; «Ассоциативное поле “образование” в компаративном аспекте»; «Ассоциативный эксперимент в описании цветовой концептосферы русского языка: цвет мха»; «Семантика перцептивных прилагательных: психолингвистический аспект» и др.

Постулируя разницу между лексикографическим и психолингвистическим значением слова [7. С. 55, 193], авторы, как правило, выводят последнее из содержания ассоциативного поля стимула, однако методика формулирования психолингвистического значения вновь предполагает анализ лексического значения ассоциатов. Кстати сказать, вызывает недоумение терминологическое противопоставление лексикографического и психолингвистического значений, поскольку, во-первых, авторы неаргументированно искажают значение термина «лексикографический», во-вторых, психолингвистическое значение, зафиксированное в специальном лексикографическом источнике, автоматически переходит в разряд «лексикографических» (недаром на конференции 2024 г. Н.В. Уфимцевой акцентировано создание ассоциативной лексикографии [7. С. 40–41], а А.А. Рудакова сообщает о создании фразеологического психолингвистического толкового словаря [7. С. 197]).

Представлено несколько работ, обосновывающих возможности применения искусственного интеллекта в анализе текстов и их обработке. Современные технологии применяются к анализу данных АЭ нечасто, однако такие исследования есть. Так, В.С. Лукьяненко и А.Ю. Филиппович разрабатывают информационную технологию оценивания тональности текстов [7. С. 154–155]. Интересные результаты получены исследовательским

коллективом, изучавшим сформированность эмоциональной сферы детей по их эмоциональной речи и с помощью автоматического распознавания эмоций по аудио- и печатному тексту (Е.Е. Ляксо, О.В. Фролова, А.С. Николаев и др.), но собственно психолингвистические методики в исследовании не применялись, хотя материалы тестирования, безусловно, могут быть использованы при установлении психолингвистических закономерностей [7. С. 156–158], как и материалы других экспериментальных работ, представленных на симпозиуме и также не относящихся к психолингвистическим ни по объекту, ни по методам исследования.

Сравнительный анализ тематики докладов представлен в таблице.

Сравнительная характеристика тематики докладов конференций 2013, 2022 и 2024 / Comparative characteristics of conference reports topics in 2013, 2022 and 2024

Тип решаемой научной задачи / Type of scientific problem to be solved	2013 г.	2022 г.	2024 г.
Экспериментальные исследования языкового сознания / Experimental studies of linguistic consciousness	21 % (эксперимент / experiment) + 1,38 % (наблюдения / observations)	12 %	11 %
Общие «теоретические» замечания / General “theoretical” remarks	45 %	35 %	22,8 %
Экспериментальные исследования речевой деятельности / Experimental studies of speech activity	14,7 %	1 %	0 %
Моделирование речемыслительной деятельности / Modeling of speech-thinking activity	0,9 %	0,8 %	0 %
Методологические психолингвистические работы / Methodological psycholinguistic works	12,4 %	0 %	3,2 %
Обзоры / Reviews	1,38 %	0 %	0 %
Другое (не входящее в психолингвистическую парадигму) / Other (not included in the psycholinguistic paradigm)	1,38 %	51 %	63 %

Источник: составлено В.А. Пищальниковой и К.С. Кардановой-Бирюковой / Source: compiled by Vera A. Pishchalnikova & Ksenya S. Kardanova-Biryukova.

Если в 2006 г., как отмечают А.Г. Сонин и К.С. Карданова в докладе 2013 г., наблюдался определенный баланс исследований разных типов (28,9 % — эмпирические исследования языковой способности...; 25 % — общие «теоретические» замечания; 23 % — эмпирические исследования продуктов речевой деятельности...), то уже к 2013 г. формируется выраженная доминанта — общетеоретические замечания (45 %). К сожалению, дисбаланс усиливается, судя по данным 2022 и 2024 гг., при этом некоторые

исследовательские траектории либо полностью исчезают из кругозора психолингвистики, либо ученые, занимающиеся решением столь значимых научных проблем, не считают необходимым представлять результаты своих исследований на психолингвистических форумах.

Но сформировались новые области исследования: ассоциативная лексикография (ассоциативные словари разного типа), значительно усилились позиции этнопсихолингвистики, в том числе психолингвоаксиологии. Много говорится о необходимости усиления междисциплинарных связей, и в связи с этим появляются работы, претендующие на создание психолингвокультурологических, психолингвосоциальных и под. исследовательских объектов, однако, как известно, создание собственно междисциплинарных объектов требует особого, холистического подхода и, следовательно, разработки особой теории, методов и концептуального аппарата. На деле заявленная «междисциплинарность» в лучшем случае рассматривается как установление ряда воздействующих факторов, внешних по отношению к психолингвистическому объекту.

Значительную часть докладов как в 2022, так и 2024 г. составляют исследования, не имеющие отношения ни к психолингвистической парадигме вообще, ни к теории речевой деятельности в частности: это работы по семантике, топонимике, семиотике, социолингвистике, психологии преподавания иностранных языков, лингвоаксиологии, прецедентности, а также исследования речевых практик в цифровом коммуникативном пространстве. Авторы этих работ не используют ни фундаментальной теории, ни методов, ни концептуального аппарата психолингвистики для интерпретации объектов, которые формулируются как объекты перечисленных направлений. Кроме того, за пределами обзора докладов значительно увеличилось количество работ, относящихся к разным областям гуманитарного знания, в которых ряд вопросов психологического воздействия, манипуляции с помощью речи, дискурсивных практик, функциональной неграмотности и мн. др. решается не на основе теории речевой деятельности, но с использованием психолингвистической терминологии.

Проведенный анализ докладов, представленных на значительных для психолингвистов мероприятиях, с одной стороны, выявил проблемные зоны, требующие внимания и осмысления профильными специалистами, с другой — позволил акцентировать значимые векторы развития отечественной психолингвистической науки.

1. Размытость исследовательского поля психолингвистики связана с отсутствием у многих исследователей четкого понимания методологических установок теории речевой деятельности, впервые сформулированных в работах А.А. Леонтьева [18–20] и далее поддерживаемых и развиваемых в ряде трудов (см.: [15; 21–27] и некоторых др.). В работах новых поколений исследователей практически не находит применения деятельностная методологии,

есть лишь общее «зонтиковое» указание на нее с целью маркировать принадлежность к парадигме, однако далее исследование, как правило, проводится без ориентации на эти деятельностные установки. Это, к сожалению, приводит к размыванию психолингвистического объекта и к подмене понятий (см. приведенный выше пример с анализом значения лексемы-ассоциата, а не отношения между стимулом и реакцией в речевом действии) и к другим методологическим сбоям.

2. Зарубежная психолингвистика идет по пути расширения экспериментальной базы, а также развития и усложнения исследовательских методов и инструментов. В отечественной же лингвистике наблюдается сокращение количества применяемых исследовательских инструментов: более 95 % работ выполняется исключительно с опорой на АЭ, при этом используется только две его разновидности: свободный и направленный (и лишь в отдельных публикациях). Полученные экспериментальные данные часто не интерпретируются с позиций психолингвистики, о чем еще в 2011 г. говорила А.А. Залевская: «декларируется психолингвистическая направленность исследования, выбор эксперимента обосновывается, однако интерпретация полученных данных ведется в русле лингвистических традиций, т.е. имеет место отождествление понятий “языковой системы” и “индивидуальной языковой системы”» [23. С. 66].

Не применяются верификационные статистические процедуры и инструменты валидизации, что связано, среди прочего, и с крайне незначительным количеством привлекаемых респондентов, хотя совершенно очевидно, что данные, полученные от 30–40 участников эксперимента, невозможно экстраполировать на группы носителей языка, традиционно изучаемых психолингвистическими инструментами. Работа в этом направлении крайне важна для получения валидных данных и обоснования верификационного потенциала применяемых исследовательских и интерпретационных процедур.

3. Отдельные психолингвистические направления уже можно считать вполне сложившимися: в них имеются четкие теоретические установки, накоплен объемный и разнообразный эмпирический материал, отточены исследовательские процедуры. Однако ряд направлений, в той или иной степени отраженных в проблематике докладов на X Международном конгрессе ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» 2013 г. (см. Таблицу), фактически уже не представлен на научных форумах психолингвистов спустя 10 лет. Сужение исследовательского поля психолингвистики представляется крайне нежелательным, поскольку важнейшие для исследования механизмов речесмыслопорождения вопросы остаются нерешенными. Вместе с тем появляются исследования на стыке психолингвистики и клинической нейролингвистики [28]. Все эти вопросы являются весьма актуальными прагматически и могут способствовать оптимизации социального бытия человека.

Заключение

В результате исследования авторы выявили существенное сужение исследовательской проблематики научных исследований в области психолингвистики, крен в сторону структурно-содержательного анализа фрагментов языкового сознания, крайне ограниченную опору на количественные инструменты и метод моделирования. Одновременно осуществленный авторами анализ позволяет наметить исследовательские ориентиры на ближайшие десятилетия, в том числе необходимость разработки и/или адаптации исследовательских инструментов для эффективности психолингвистических исследований и постановки задач, направленных на экспликацию и анализ иных граней объекта психолингвистики.

Библиографический список

1. *Базылев В.Н.* Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М. : Издательство Современного гуманитарного университета, 2009.
2. *Базылев В.Н.* Актуальные направления в отечественной науке о языке (конец первой четверти XXI века) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2024. №2. С. 9–21. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.02.01> EDN: TTVZUU
3. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения: международный сб. научных трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского государственного университета. Краснодар, 2002. С. 204–214.
4. *Красных В.В., Бубнова И.А.* Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 168–174. EDN: UDLHNB
5. *Сонин А.Г.* Тенденции в современной отечественной психолингвистике // Языковое бытие человека и этноса. М., 2009. Вып. 15. С. 159–162.
6. Российская психолингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М. : РУДН, 2022.
7. Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности). Материалы II Всероссийской конференции с международным участием. Москва, 8–11 апреля 2024 г. / ред. коллегия: Н.В. Уфимцева (отв. ред.), В.В. Красных, И.Ю. Марковина, О.В. Балясникова, С.В. Дмитриук. М. : МГУ, 2024.
8. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) : коллективная монография / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М. : Институт языкознания–ММА, 2021.
9. Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics : Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics / Natalia V. Uimtseva, Anna A. Stepanova, Denis V. Makhovikov, Larisa S. Zhukova (eds.). Moscow : RUDN — Institute of Linguistics RAN — MIL, 2013.
10. *Фролов В.И.* Определение и границы перевода: психолингвистический процесс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4(833). С. 91–101. EDN MHOMYZ
11. *Фролов В.И.* Перевод с точки зрения теории речевой деятельности // Языковое бытие человека и этноса : сборник научных трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. М. : ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. С. 243–249.

12. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности / В.А. Пищальникова, Н.И. Степыкин, З.Г. Адамова, А.И. Хлопова. М. : Спутник+, 2021.
13. Пищальникова В.А. Этнопсихолингвистика почти 25 лет спустя, или научное предвидение Александры Залевской // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3(61). С. 70–85. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85> EDN: KFBVRW
14. Nelson D.L., Schreiber T.A. Word concreteness and word structure as independent determinants of recall // *Journal of Memory and Language*. 1992. № 31. P. 237–260.
15. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761> EDN: TOEZZZ
16. Степыкин Н.И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // *Научный диалог*. 2021. № 8. С. 112–127. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
17. EDN: AMLMEM
18. Пищальникова В.А., Степыкин Н.И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психолингвистические параметра анализа // *Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание*. 2024. Т. 23. № 3. С. 1–11. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.1> EDN: BYFQVP
19. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : УРСС, 2003.
20. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М. : УРСС, 2003.
21. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : УРСС, 2003.
22. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005.
23. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 2007.
24. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь : ТвГУ, 2011.
25. Залевская А.А. Что там — за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014.
26. Пищальникова В.А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2020. Т. 10. № 1. С. 17–29. EDN: RAYDOR
27. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: монография. М. : Р. Валент, 2020.
28. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание: Ч. 3. Лингвистика в междисциплинарных исследованиях языка и речи. М. : Р. Валент, 2021.
29. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Возможности адаптации многомерных психолингвистических моделей в нейрокогнитивных исследованиях // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 165. № 3. С. 7–19. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.7> EDN: BPHMUX

References

1. Bazylev, V.N. (2009). *Russian linguistics of the 21st century: traditions and innovations*. Moscow: Modern Humanitarian University publ. (In Russ.).
2. Bazylev, V.N. (2024). Current Trends in the Russian Linguistics (the End of the First Quarter of the 21st Century). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 2, 9–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/ling/2024.02.01> EDN: TTVZUU
3. Krasnykh, V.V. (2002). Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies as constituents of a new scientific paradigm. In: *The sphere of language and pragmatics of speech communication: international collection of scientific papers. On the 65th anniversary of the Faculty of RGF of Kuban State University* (pp. 204–214). Krasnodar. (In Russ.).

4. Krasnykh, V.V., & Bubnova, I.A. (2015). Some Basic Notions and Fundamental Categories of Psycho-Linguo-Cultural Studies. *Journal of Psycholinguistics*, 25, 168–174. (In Russ.). EDN: UDLHHB
5. Sonin, A.G. (2009). Trends in modern domestic psycholinguistics. In: *Language Existence of Man and Ethnos* (Iss. 15, pp. 159–162). Moscow. (In Russ.).
6. Russian psycholinguistics: results and prospects (2022). Proceedings of the XX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory, Moscow, May 27–28, 2022. Moscow: RUDN publ.
7. Language. Consciousness. Communication: Methodology and Humanitarian Practices (Challenges of Modernity) (2024). Proceedings of the II All-Russian Conference with International Participation. Moscow, April 8–11, 2024. N.V. Ufimtseva, V.V. Krasnykh (eds.). Moscow: Moscow State University publ.
8. Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021): collective monograph (2021). I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova (eds.). Moscow: Institute of Linguistics-MMA publ.
9. Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics (2013). Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics, N.V. Ufimtseva, A.A. Stepanova, D.V. Makhovikov, L.S. Zhukova (eds.). Moscow: RUDN — Institute of Linguistics RAN — MIL.
10. Frolov, V.I. (2020). Definition and Limits of Translation from Psycholinguistic Perspective. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(833), 91–101. (In Russ.). EDN MHOMYZ.
11. Frolov, V.I. (2018). Translation from the Perspective of Theory of Speech Activity. In: *Language Existence of Man and Ethnos* (Iss. 20, pp. 243–249). Moscow. (In Russ.).
12. Psycholinguistic experiment and study of identity (2021). V.A. Pishchalnikova, N.I. Stepykin, Z.G. Adamova, A.I. Khlopova (eds.). Moscow: Sputnik+. (In Russ.).
13. Pishchalnikova, V.A. (2024). Ethnopsycholinguistics Almost 25 Years Later, or the Scientific Foresight of Alexandra Zalevskaya. *Journal of Psycholinguistics*, 3(61), 70–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-61-3-70-85> EDN: KFBVWR
14. Nelson, D.L., & Schreiber, T.A. (1992). Word concreteness and word structure as independent determinants of recall. *Journal of Memory and Language*, 31, 237–260.
15. Pishchalnikova, V.A. (2019). Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761> EDN: TOEZZZ
16. Stepykin, N.I. (2021). Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action. *Nauchnyi Dialog*, 8, 112–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127> EDN: AMLMEM
17. Pishchalnikova, V.A., & Stepykin, N.I. (2024). Speech Action as a Meaning-Forming Component of Communication: Psycholinguistic Parameters of Analysis. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(3), 1–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.1> EDN: BYFQVP
18. Leontiev, A.A. (2003). *Psycholinguistic units and the generation of speech utterances*. Moscow: URSS. (In Russ.).
19. Leontiev, A.A. (2003). *Word in speech activity*. Moscow: URSS. (In Russ.).
20. Leontiev, A.A. (2003). *Language, speech, speech activity*. Moscow: URSS. (In Russ.).
21. Zalevskaya, A.A. (2005). *Psycholinguistic Research. Word. Text: Selected Works*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
22. Zalevskaya, A.A. (2007). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow. (In Russ.).
23. Zalevskaya, A.A. (2011). *Word Meaning through the Prism of Experiment: Monograph*. Tver: Tver State University publ. (In Russ.).
24. Zalevskaya, A.A. (2014). What's Behind the Word? Issues of Interface Theory of Word Meaning. Moscow; Berlin: Direct-Media. (In Russ.).

25. Pishchalnikova, V.A. (2020). Experimental Psycholinguistic Research of Word Meaning: Unresolved Issues. *Proceedings of The Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 10(1), 17–29. EDN: RAYDOR
26. Pishchalnikova, V.A. (2020). *History and Theory of Psycholinguistics: Monograph*. Moscow: R. Valent. (In Russ.).
27. Pishchalnikova, V.A., & Sonin, A.G. (2021). *General Linguistics: Part 3. Linguistics in Interdisciplinary Studies of Language and Speech*. Moscow: R. Valent. (In Russ.).
28. Pishchalnikova, V.A., & Kardanova-Biryukova, K.S. (2023). Adaptation of Multi-Faceted Psycholinguistic Models for Research in Neuroscience. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 165(3), 7–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.7> EDN: BPHMUX

Сведения об авторах:

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21); *сфера научных интересов*: методология науки, психолингвистика, общее языкознание, исследовательские методы и инструменты; *e-mail*: pishchalnikova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0992-0466, ResearcherID: HKN-8152-2023, SPIN-код: 2480-2244; Scopus AuthorID 57214930556

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения института иностранных языков, Московский государственный лингвистический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1); *сфера научных интересов*: методология науки, психолингвистика, общее языкознание, исследовательские методы и инструменты; *e-mail*: kardanova-biryukovaks@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-6773-1129, ResearcherID: M-8605-2018, SPIN-код: 4523-4210; Scopus AuthorID 57205289987.

Information about the authors:

Vera A. Pishchalnikova, Dr.Ds. (Philology), Full Professor, Senior Research fellow with the RAS Institute of Scientific Information for Social Sciences (51/21 Nakhimovsky Pr., Moscow, Russian Federation, 117418); *Research interests*: methodology of linguistics, psycholinguistics, general linguistics, research methods; *e-mail*: pishchalnikova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0992-0466, ResearcherID: HKN-8152-2023, SPIN-code: 2480-2244; Scopus AuthorID 57214930556

Ksenya S. Kardanova-Biryukova, Dr.Ds. (Philology), Associate professor, Head of the Chair of Linguistics and Translation Studies with the Institute of foreign languages, Moscow City University (4, Bd. 1, 2nd Sel'skokhozyaystvenny proezd, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: methodology of linguistics, psycholinguistics, general linguistics, research methods; *e-mail*: kardanova-biryukovaks@mgpu.ru
ORCID: 0000-0002-6773-1129, ResearcherID: M-8605-2018, SPIN-code: 4523-4210; Scopus AuthorID 57205289987.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-337-364

EDN: IZDLAD

УДК 811.161.1'23-053.4

Научная статья / Research article

Биопсихосоциальная модель психолингвистических механизмов формирования навыков речевой коммуникации у детей

А.Н. Корнев¹ , И. Балчюниене² ¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,*Санкт-Петербург, Российская Федерация*² Университет Витовта Великого, Каунас, Литовская Республика k1949@yandex.ru

Аннотация. Представлена попытка построения биопсихосоциальной модели (далее — БПСМ) психолингвистических механизмов речевого развития на основе синтеза современных научных данных о ранних этапах речевого развития, полученных в естественных и гуманитарных науках, в том числе и в исследованиях авторов. В данной модели процесс овладения ребенком коммуникативно-речевыми навыками рассматривается как формирование адаптивной формы социально ориентированного поведения в контексте определенных индивидуальных интенций и реальных отношений с людьми, в которых ребенок является субъектом этих отношений. Приобретение опыта речевой коммуникации сопровождается формированием функциональной системы языка и речи (ФСЯР). На протяжении первых трех лет жизни ФСЯР детей не только количественно, но и качественно изменяется, перестраивается. Таким образом, целесообразно различать транзиторные версии ФСЯР у детей и окончательную, зрелую версию ФСЯР у взрослых. Особенностью механизмов ФСЯР является большой вес блока коммуникативной прагматики, ответственного у детей за распознавание коммуникативной ситуации, сегментацию речи взрослого (выделение слов) и соотнесение с референтом, что необходимо как для коммуникации, так и для самообучения правильной речи. Рассмотрено формирование механизмов ФСЯР, включающих пять блоков: блок коммуникативной прагматики, блок программирования/декодирования высказываний, семиотическая блок, регуляционный блок и блок операционального обеспечения. Показано, что механизмы речевого развития многообразны, неоднородны и меняются на разных этапах развития ребенка. Как это и свойственно любой функциональной системе, механизмы взаимодействуют и взаимно модулируют друг друга, а компоненты речевой деятельности конкурируют друг с другом в борьбе за когнитивные ресурсы. Это взаимодействие происходит на трех уровнях: психофизиологическом, психолингвистическом и социально-психологическом. Предложенная БПСМ представляется перспективной для изучения, как нормы, так и патологии речевого развития.

Ключевые слова: коммуникативная прагматика, когнитивные ресурсы, интенция, интерсубъективность

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Корнев А.Н., Балчюниене И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 11.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: *Корнев А.Н., Балчиюниене И.* Биопсихосоциальная модель психолингвистических механизмов формирования навыков речевой коммуникации у детей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 337–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-337-364>

Biopsychosocial Model of Psycholinguistic Mechanisms of Speech Communication Skills Development in Children

Aleksandr N. Kornev¹ , Ingrida Balčiūnienė²

¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

² Vytautas Magnus University, *Kaunas, Republic of Lithuania*

 k1949@yandex.ru

Abstract. The study is an attempt to build a biopsychosocial model (hereinafter — BPSM) of psycholinguistic mechanisms of speech development based on the synthesis of modern scientific data on the early stages of speech development obtained in natural and human sciences, including the authors' research. In this model, the process of acquiring communicative-speech skills by a child is considered as the formation of an adaptive form of socially oriented behavior in the context of certain individual intents and real relationships with people, in which the child is the subject of these relationships. The formation of the functional speech and language system (FUSLAS) coincides with the acquisition of speech communication experience. During the first three years of life, a child's FUSLAS changes and restructures not only quantitatively but also qualitatively. Thus, it is reasonable to distinguish between transitional versions of the FUSLASr in children and the final, mature version of the FUSLASr in adults. The unique thing about the FSNRF is that the communicative pragmatics block has a lot of weight. In children, this block is what helps them understand the communication situation, separate the adult's speech (word choice), and connect it to the referent. This is needed for both communicating and teaching themselves correct speech. The study deals with the formation of FSNRR mechanisms including five blocks: the block of communicative pragmatics, the block of programming/decoding utterances, the semiotic block, the regulation block and the block of operational support. It is shown that the mechanisms of speech development are diverse, heterogeneous and change at different stages of child development. As is characteristic of any functional system, these mechanisms interact and mutually modulate each other. In the struggle for cognitive resources, components of speech activity compete with each other. This interaction takes place at three levels: psychophysiological, psycholinguistic and socio-psychological. The proposed BPSM seems promising for studying both norms and pathologies of speech development.

Keywords: communicative pragmatics, cognitive resources, intension, intersubjectivity

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 11.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Kornev, A.N., & Balčiūnienė, I. (2025). Biopsychosocial Model of Psycholinguistic Mechanisms of Speech Communication Skills Development in Children. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 337–364. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-337-364>

Введение

На протяжении почти вековой истории изучения детской речи сменились несколько теорий, объясняющих ее механизмы. В начале XX в. была предложена *теория условнорефлекторного оперантного обусловливания*, согласно которой взрослые посредством системы поощрений и наказаний вырабатывают у ребенка языковые навыки [1]. В 50–60-е гг., в качестве альтернативы, Н. Хомский и Дж.А. Фодор выдвинули *теорию генетической обусловленности мозговых механизмов*, которые обеспечивают понимание и порождение речи по правилам языка и лишь настраиваются под влиянием конкретной языковой среды [1]. Такой подход впоследствии был назван нативистским. Н. Хомский сравнивал развитие грамматики « [с] ростом физических органов, например, с эмбриональным развитием сердца или зрительной системы. Внешняя среда имеет жизненно важное значение для развивающегося органа, но она в основном поддерживает или активизирует внутренне детерминированные структуры. Приблизительно так же и языковая среда в основном инициирует построение грамматических систем, структура которых определяется генетической программой» [1]. Идеи порождающей грамматики Н. Хомского, не получившие подтверждений в эмпирических исследованиях детской речи, тем не менее, явно или скрыто присутствуют во многих теориях развития речи. Общим для обоих направлений является то, что ребенок рассматривается в роли *объекта*, управляемого или биологической программой развития, или прямыми воздействиями взрослых.

Иное решение было предложено в *культурно-исторической теории* Л.С. Выготского, который рассматривал речь, как и другие высшие психические способности, как продукт взаимодействия ребенка с его культурным окружением в форме совместной деятельности [2]. В диалоге с данными идеями сформировались конструктивистские и когнитивистские теории речевого развития. Их сторонники полагают, что ребенок является активным познающим *субъектом*, который вступает во взаимодействие с близкими взрослыми и в силу возникающих у него определенных практических нужд овладевает навыками невербальной и вербальной коммуникации и на этом пути формирует для себя систему правил, регламентирующих языковое поведение [3–5]. В исследованиях этого направления получено много новых эмпирических данных о путях и стратегиях самостоятельного освоения речи и как следствие — высокой индивидуальной вариативности и нерегулярности правильных и ошибочных форм речевой продукции [6]. Это убеждает, что каждый ребенок своим путем добирается до правильной речи. Этот путь извилист и некоторые из них заходят в тупик и остаются там, пока специалисты (логопеды) не помогают им выбраться на столбовую дорогу.

Исследования зрелых носителей языка показали, что механизмы языка и речи имеют сложную мультимодальную природу, включающую слухоречевой гнозис, артикуляторный праксис, механизмы имплицитного

и эксплицитного обучения и функции коммуникативной прагматики [7–10]. Относительно детской речи таких материалов существенно меньше. Далеко не все известные к настоящему времени механизмы, изученные у взрослых носителей языка, прямо приложимы к детской речи, особенно в раннем и дошкольном возрасте. Это связано с тем, что ребенок находится в особой, весьма непростой ситуации: необходимости самостоятельно, путем самообучения [7] с незначительной помощью взрослых научиться понимать и строить высказывания и тексты в соответствии с имплицитно представленными в речи взрослых правилами языка. Поэтому в начале пути в язык механизмы речи могут существенно отличаться от того, что известно у взрослых. Кроме того, они сами находятся в процессе формирования [11]. К настоящему времени накоплен уже весьма большой массив пока еще разрозненных научных данных, полученных в лингвистических, психолингвистических, нейролингвистических, психофизиологических и нейрокогнитивных исследованиях формирования детской речи в норме и при патологии. Это создает предпосылки для их обобщения, междисциплинарной интеграции и построения рабочей объясняющей модели мультимодальных механизмов формирования языка и речи у детей.

Настоящая публикация представляет собой попытку построения *биопсихосоциальной модели* (далее — БПСМ) психолингвистических механизмов речевого развития на основе синтеза современных научных данных о ранних этапах речевого развития, полученных в естественных и гуманитарных науках, включая и наши исследования детей с нормой и отклонениями в речевом развитии. В связи с тем, что интерпретации некоторых ключевых терминов в англосаксонской и российской традиции не совпадают, считаем необходимым сделать некоторые уточнения. В контексте данной публикации понятие «речевое развитие» будет соотноситься с разнообразными аспектами *коммуникативно-речевой деятельности и ее механизмами*. Понятие «языковое развитие» будет соотноситься с процессами приобретения совокупности *декларативных знаний* о системе правил языковой системы. Мы отдаем себе отчет в условности подобного разграничения, но применительно к модели механизмов ранних этапов речевого развития оно представляется необходимым и уместным.

В понятие «биопсихосоциальная модель» мы вкладываем больше, чем просто идею мультидисциплинарного подхода. В данной модели процесс овладения ребенком коммуникативно-речевыми навыками рассматривается как формирование адаптивной формы социально ориентированного поведения в контексте определенных индивидуальных интенций и реальных отношений с людьми, в которых ребенок является субъектом этих отношений.

Немногочисленные попытки построения моделей детской речи предпринимались и ранее [12–14]: в некоторых из них отражены и механизмы. Теоретической основой нашей модели являются: культурно-историческая

теория формирования высших психических функций Л.С. Выготского [2]; теория деятельности А.Н. Леонтьева [15]; теория речевой деятельности А.А. Леонтьева [8]; социально-прагматическая теория развития речи и усвоения языка М. Томазелло (другое название которой — *usage-based approach*) [5]; концепция М. Халлидея [4]; и идеи Дж. Брунера [3; 16]. В них ребенок выступает, как субъект деятельности общения со взрослыми в микро-социуме и уже на первом–втором годах жизни имеет интуитивное понимание субъектности и интенциональности в поведении взрослого [16]. Цитируя М. Халлидея, он писал, что [р]ебенок начинает понимать разнообразные так называемые «прагматические» функции в речи взрослого еще до того, как освоил лексико-грамматические навыки для их реализации [16]. Родители своим поведением подтверждают ребенку, что понимают интенции в его жестках и еще нечленораздельных вокализациях и интерпретируют их вполне конвенциональным образом [17]. По мнению Дж. Брунера, родители своим поведением (демонстрацией (квази) понимания) и реципрокностью в обмене репликами «[т]ем самым [...] как бы «стандартизируют» эпизоды взаимности таким образом, чтобы облегчить маленькому ребенку играть свою собственную роль агента с намерениями «форматируя» их определенными характерными, довольно стереотипными приемами [...]» [16].

Биопсихосоциальная модель формирования функциональной системы языка и речи на раннем этапе речевого развития

В нашем исследовании предметом анализа будут коммуникативно-речевое развитие и его механизмы на протяжении первых трех лет жизни. В этот период дети овладевают тремя ключевыми группами навыков:

- 1) использования слов в качестве знаков для обозначения определенных аспектов предметного и социального мира;
- 2) программирования и декодирования звуковой структуры слов;
- 3) использования серийно организованных комбинаций слов для выражения разнообразных смыслов.

Каждый из перечисленных навыков имеет как когнитивный, так и семиотический аспект. На основе этих навыков постепенно формируются соответствующие высшие психические функции. Их формирование продолжается на протяжении 5–8 лет [18], но главные, принципиально важные приобретения происходят именно в первые 3 года. Среди участвующих социальных и когнитивных предпосылок некоторые общефункциональны, а другие — избирательно важны для некоторых определенных аспектов речевой деятельности, что позволяет их назвать специфическими предпосылками. Совместно они обеспечивают способность ребенка к освоению языка [9].

Известно, что состояние когнитивных ресурсов оказывает сильное влияние на процесс овладения сложным комплексом речевых навыков и системой конвенциональных правил языка. Особенности детской речи несут на себе

отпечаток дефицита когнитивных ресурсов, обусловленного физиологической незрелостью церебральных структур и гетерохронностью их созревания, что создает временные ограничения для формирующихся речевых навыков. Создается внутренний конфликт между стоящими речевыми задачами и ограниченными ресурсными возможностями, что вынуждает ребенка идти на определенные компромиссные решения (разумеется, неосознанные) и компенсаторные упрощения в некоторых процедурных компонентах речевой деятельности и определенных аспектах языка, как формирующейся системы правил и языковых единиц [19]. Приобретение опыта речевой коммуникации сопровождается формированием функциональной системы языка и речи [5; 18; 20; 21].

Оперируя понятием «система», необходимо оговориться, что данный термин имеет два принципиально разных значения: а) функциональные системы живых организмов [22], способные к самоорганизации, и б) концептуальные логические системы, содержащие иерархию понятий, идей, теоретических положений. Аргументация этих различий подробно изложена в обширной научной литературе по теории систем [22–24]. Разнообразные варианты системы языка, описанные в лингвистике, относятся ко второй категории. В возрастной психолингвистике более актуальны закономерности, свойственные функциональным системам, что не отменяет и значение систем второго типа. Таким образом, в процессе развития ребенка параллельно происходят два взаимосвязанных процесса: а) формирование функциональной системы речи и б) построение ментальной концептуальной системы языка [2; 7–10; 16, 25]. *Функциональная система речи* (далее — ФСР) включает процедурные компоненты и механизмы, необходимые для эффективного использования речи для коммуникации. С точки зрения специфики решаемых задач и механизмов ФСР обслуживает три функционально различающихся сферы: акустико-артикуляторную сферу (порождение и распознавание фонологических структур), лексико-синтаксическую сферу (порождение и распознавание высказываний) и прагматическую сферу (порождение/понимание и жанровую организацию дискурса). Работа ФСР у детей опирается преимущественно на систему имплицитных процедурных знаний, которые приобретаются из практики порождения/понимания речи в процессе коммуникации с людьми [4; 5; 16]. В связи с тем, что когнитивные предпосылки и их мозговые корреляты созревают разными темпами, каждая из подсистем сначала функционирует на минимальном уровне возможностей, но при этом уже обеспечивает целевой результат, хотя и в упрощенной форме [22]. Например, недостаточная зрелость артикуляционного праксиса позволяет детям второго–третьего лет жизни производить только слова, включающие звуки раннего онтогенеза с простой слоговой и звуковой структурой или упрощенные варианты более сложных слов. Это

обеспечивает производство речи с не очень высокой степенью разборчивости (в 24 мес. равной примерно 50 %), но уже приемлемую для коммуникации. По мере снижения психофизиологических ограничений ребенок совершенствует свои навыки. Как и в любой функциональной системе, организующую роль в ее формировании выполняет конечный результат, которым в данном случае является коммуникативная успешность реализации речевого акта.

Концептуальная система языка (далее — КСЯ) — это система ментальных метаязыковых декларативных узуальных правил, которая постепенно формируется у ребенка по мере созревания категориального мышления и способности к осознанию и обобщению своего речевого поведения и получения некоторых знаний от взрослых [25]. Осознанное представление ребенка об узуальной языковой нормативности речи формируется преимущественно в старшем дошкольном и школьном возрасте на основе социально-коммуникативного опыта и регулярного обучения [26–30]. Совокупность ФСР и сложившуюся на ее основе КСЯ образует функциональную систему языка и речи (далее — ФСЯР) [18]. Модель механизмов ФСЯР включает 5 блоков:

- 1) блок коммуникативной прагматики;
- 2) блок программирования/декодирования высказываний;
- 3) семиотическая блок;
- 4) регуляционный блок;
- 5) блок операционального обеспечения [18].

На протяжении первых трех лет жизни ФСЯР детей не только количественно, но и качественно изменяется, перестраивается. Таким образом, целесообразно различать транзиторные версии ФСЯРр у детей и окончательную, зрелую версию ФСЯР у взрослых. Особенностью механизмов ФСЯРр является большой вес блока коммуникативной прагматики, ответственного у детей за распознавание коммуникативной ситуации, сегментацию речи взрослого (выделение слов) и соотнесение с референтом, что необходимо как для коммуникации, так и для самообучения правильной речи. У взрослых же, напротив, обработка фонологических и грамматических компонентов слышимой речи выполняются в автоматическом режиме, а роль прагматики проявляется преимущественно в построении дискурса. Для ребенка при восприятии речи взрослых как форма, так и содержание требуют усилий. Сначала форма заимствуется при весьма приблизительном понимании содержания, а позже референция постепенно уточняется [16; 26; 27; 31]. Языковые характеристики речи взрослых представляют для ребенка эталон, и на них направляется его внимание. Те дети, у которых формирование навыков самомониторинга не происходит своевременно, запаздывают в устранении недостатков своей речи. В нашей модели функция самомониторинга является составной частью регуляционной подсистемы.

Формирование отдельных блоков механизмов ФСЯРр

Формирование блока механизмов коммуникативной прагматики.

В лингвистике прагматику рассматривают как способность приспособливать коммуникацию к социальному и коммуникативному контексту, усваивать социальные конвенции в употреблении языка. В психологии это является частью широкого круга функций, относящихся к социальному интеллекту, эмоциональному интеллекту, интерсубъективности, теории психического (англ. *theory of mind*) [12; 20].

Формирование речевых навыков требует от ребенка немалых усилий и когнитивных затрат [19], которые предпринимаются им в силу жизненной необходимости. Оставаясь довольно долго беспомощным и физически зависимым от взрослых, он заинтересован в том, чтобы научиться понимать смысл и мотивы их поведения и влиять на них в случае необходимости. Это создает высокую степень мотивированности в овладении коммуникативно-прагматическими навыками и является необходимым для этого условием. Следует заметить, что в отличие от традиционных представлений, дети раннего возраста часто являются инициаторами диалога, а родители только иногда (не всегда) отвечают им [21; 32].

Уже в первые месяцы жизни младенец предпринимает элементарные попытки коммуникации посредством мимики, фиксации взора на лице взрослого и вокализаций. Коммуникативное поведение структурно начинает оформляться примерно с трех месяцев, когда появляется отчетливо заметное предпочтение лица человека всем другим изображениям, выраженная избирательная реакция на голос матери, социальная улыбка. Квинтэссенцией этого является т.н. «комплекс оживления» [33]. Необходимость в получении практической помощи взрослого порождает коммуникативную интенцию. Л. Блум и Е. Тинкер разработали теорию интенциональности с двумя составляющими: 1) вовлеченностью в мир людей и в мир объектов, которая мотивирует приобретение языка, и 2) усилиями, которые требуются для все более сложных репрезентаций интенционального состояния [19; 34]. Согласно этой теории движущая сила овладения языком заключается в существенном напряжении между вовлеченностью и усилиями для языковых, эмоциональных и физических действий по интерпретации и выражению. К этому можно добавить и действия активного слушания, попыток понять или наоборот — игнорирования. Т.Н. Ушакова [12] описывает несколько типов интенций, которые наблюдались в исследовании за одним ребенком на втором–третьем годах: предметные интенции, интенции привлечения взрослого к совместным занятиям, протеста или отказа, комментирующая интенция. К моменту перехода от доречевой фазы развития к речевой эта форма поведения приобретает определенный устойчивый поведенческий сценарий [35–38]. Ранними проявлениями коммуникативной прагматики является понимание и использование жестов, понимание и применение интонационно-выразительных

средств речи [39; 40]. Примерно в 9–12 мес. обычно появляются указательные жесты (указательным пальцем или рукой). Указательный жест в сочетании с направленным на объект взглядом являются частым компонентом разделенного внимания [41; 42]. По функции указательные жесты разделяют на два типа а) императивные (требование чего-то) и б) декларативные (указание на что-то) [43; 44]. Последние М. Томазелло с соавторами предложили разделить на два подтипа: экспрессивный и информативный декларативные жесты [41]. Декларативные жесты появляются у детей относительно позже, чем императивные и являются признаком большей зрелости. В лонгитюдных исследованиях декларативные жесты положительно коррелировали с последующим речевым развитием [5; 42].

Еще одним механизмом, участвующим в реализации коммуникативной прагматики, является понимание эмоционального настроения и намерений говорящего. Эмоциональный компонент интонации младенцы различают уже с первых месяцев жизни [45; 46]. К концу первого года жизни дети уже могут понимать смысл некоторых рутинных действий и приблизительное значение фраз, включенных в такие рутинные действия (обычно это называют «пониманием слов») [47; 48]. В 12–16 мес. они уже могут только по интонации различать интенцию в речевых вокализациях взрослого (даже с незнакомыми словами), сопровождающих действия: дифференцировать намеренное от случайного действия [49]. При этом в эксперименте дети чаще имитировали намеренные действия взрослого, чем случайные. Кроме того, распознавание просодического контура облегчает детям сегментацию и понимание слышимой речи [48; 50; 51]. Другой важный механизм коммуникативной прагматики — интерсубъективность, способность читать поведение другого человека. Интерсубъективность, как компонент и один из механизмов социальной прагматики включает несколько аспектов [52; 53]. Некоторые из перечисленных компонентов в слабой степени присутствуют уже у младенцев 9–10 мес. Свидетельства этого приводят многие исследователи [5; 43; 54].

Естественным проявлением интерсубъективности является склонность к имитации в поведении и речевой коммуникации детей. Способность к немедленной имитации проявляется у детей очень рано, уже в первые месяцы жизни [16; 55]. Отсроченная имитация (через 1 день и позже) становится доступной после 6 месяцев и совершенствуется в последующие годы [56; 57]. Благодаря открытию зеркальных нейронов [58], механизм имитации (т.е. «отзеркаливания») стал более понятен: специализированные группы нейронов в премоторных областях коры головного мозга активируются при наблюдении за знакомым действием другого человека. Созревание этого механизма, по-видимому, способствует освоению детьми артикуляторных навыков на основе имитации [59]. По мнению многих ученых, имитация поведения другого человека присуща только людям и некоторым обезьянам, но отсутствует у большинства животных [55; 60–63]. Ранний период психического

развития и социального поведения ребенка и приобщение к культурным традициям общества, социализация ребенка в значительной степени основаны на подражании поведению значимых взрослых, т. е. родителей [47; 60]. Овладение речью требует от ребенка активного внимания ко взрослому, его поведению и речи, включая субъективную репрезентацию происходящего [5; 16; 64]. Операционально это требует опоры на управляющие функции (подробнее описаны в блоке *Оперативного обеспечения*).

Формирование блока программирования и распознавания речи. Данный блок механизмов, который лежит в основе программирования и распознавания высказываний, начинает формироваться у детей на доречевом этапе развития. Главная проблема, которая решается на протяжении второго–третьего лет жизни — совершенствование быстрого распознавания слов и фраз, сегментации непрерывного потока речи на слова и слоги (в малознакомых словах) в динамическом потоке речи. Существующие экспериментальные данные [65], хотя и не дают прямого ответа, но позволяют предположить, что на втором году жизни дети, по-видимому, не способны вычленять из слышимой речи сегменты меньше, чем слово. В 12 мес. вновь усвоенные слова дети узнают изолированно, но еще не могут этого сделать в контексте фразы [66]. Распознаванию услышанного слова помогает и внутреннее (а иногда и озвученное) проговаривание услышанного [67–70]. Имитация услышанных слов или фраз, т.е. цепочка действий «слуховое распознавание + проговаривание + слуховое самовосприятие», создает основу для интеграции фонетических и кинестетических характеристик слов и мультимодального распознавания речи с включением моторного компонента [7; 9; 64]. При немедленной имитации дети опираются на эхоическую (сенсорную) память, а при отсроченной имитации — на рабочую эпизодическую или семантическую память [71]. Хотя концепции пофонемной обработки речи весьма распространены в фонетике, некоторые ученые высказывают убежденность, что эта идея весьма далека от реальности [66; 72]. Современные исследования показывают, что успешное распознавание знакомых слов на слух не требует обязательного дискретного анализа всего звукового состава слов. Успешное понимание значений слов возможно при распознавании лишь части слова [72]. Человек при распознавании слов в потоке речи кроме звукового состава использует много дополнительной информации, например, просодическую характеристику слов (ямб, хорей и др.) и фраз [73; 74].

Формирование механизмов экспрессивной речи начинается у детей еще на доречевом этапе развития. Как известно, с 7–8 месяцев вокализации приобретают характер канонического лепета. Довольно долго дискуссионным был вопрос о связи лепета и речевого развития. В настоящее время получено достаточно свидетельств, подтверждающих такую связь. У детей первого–второго лет жизни в процессе канонического (подражательного) лепета накапливается инвентарь артикуляторных слоговых программ (моторных схем,

соответствующих слогам), координационно доступных на этом этапе развития [12; 27; 75–78]. В процессе лепетной активности у ребенка вырабатывается арсенал слоговых моторных схем, которые будут использованы в первых словах и формируются межанализаторные слухомоторные ассоциации: кинестетические образы производимых слогов ассоциируются со слуховыми образами этих же слогов [26; 79–83]. Параллельно с освоением двусложных слов тем не менее в экспрессивной речи почти до конца второго года у детей обнаруживается и лепет [26; 76].

Зрелость артикуляционного праксиса оказывает существенное влияние на состояние слоговой и звуковой структуры слов [18; 84]. По существу, слоговая структура для ребенка — это ритмико-интонационный «скелет» слова, от которого зависит разборчивость речи. Среди освоенных слогов на втором году жизни наиболее частотны слоговые конструкции типа СГ и СГС. Среди конструкций типа СГС преобладают те, в которых первый и последний согласный имеют одинаковое место образования [26; 76]. Это, по-видимому, указывает на связь с временной незрелостью динамического артикуляторного праксиса.

Опыт, полученный ребенком в процессе ранних форм общения, способствует формированию элементарных представлений о сценариях коммуникативного поведения, например, реципрокность в диалоге (англ. *turn-taking*) [27; 37; 75; 85–87]. Механизм управления разделенным со взрослым вниманием (англ. *joint attention*) помогает установлению «совместной референции» [3; 88]. Такой уровень прагматических способностей, полагает Э. Бейтс [89], создает условия для усвоения первых коммуникативно-речевых конвенций. Примерно в 9 месяцев ребенок от одноактных коммуникативных сигналов (плача, крика, жеста) переходит к выстраиванию сигналов в последовательность и их замещением. После 9 мес. ребенок начинает изменять сами сигналы, добавлять лишние или замещать их другими в зависимости от изменений в поведении взрослого [89]. Происходит ритуализация сигналов, что можно расценивать как интенциональное поведение и понимание ребенком конвенциональности актов коммуникации, которые приобретают, в терминологии теории речевых актов [90; 91], иллокутивную силу. Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы, например, Е. Кларк [48]. Примерно с 9–10 мес. подобные коммуникативные функции становятся протознаками (описанные Е.И. Исениной [85] вокознаки, кинезнаки и мимеознаки).

Для объяснения перехода детей от однословных к многословным конструкциям было предложено очень много разнообразных объяснений. Самые простые объяснения предлагались бихевиористами (оперантное обусловливание) и генеративистами (например, «врожденный инстинкт языка» [92]). Многочисленные концепции познавательных механизмов, предлагаемые конструктивистами и когнитивистами, можно объединить в две категории:

- 1) концепции *дедуктивного пути познания языка* с опорой на декларативное знание (теоретическое); подобные модели представлены преимущественно в публикациях, посвященных усвоению второго языка [93];
- 2) концепции *индуктивного пути познания* (от отдельных наблюдений, фактов, эвристических решений — к их интеграции, обобщению, генерализации и построению системы) с опорой на имплицитное научение; позже (в старшем дошкольном и школьном возрасте) добавляется эксплицитное обучение, предлагаемое взрослыми. В связи с ограниченностью круга задач настоящей работы мы опустим рассмотрение концепций, относящихся к первой категории. Лингвисты когнитивистского направления полагают, что усвоение первых двухсловных конструкций опирается не на знание теоретических принципов языка (им их еще надо приобрести), а путем воспроизведения типовых конструкций, услышанных у взрослых, с некоторыми модификациями: перестановками слов, объединением двух простых конструкций и т.п. [94]. Это согласуется с концепцией А.Н. Гвоздева, согласно которой второй период формирования грамматического строя русского языка (от 1 г. 10 мес. до 3 лет) заключается в усвоении грамматической структуры предложения и только на третьем периоде (от 3 до 7 лет) происходит усвоение всей морфологической системы русского языка [26].

Используя имитацию (немедленные и отсроченные повторы и самоповторы) ребенок строит связи между программами порождения (кинестетические образы), слуховыми образами восприятия и референтами речи взрослого (событиями, действиями и предметами) [95]. Обобщение в этом возрасте опирается преимущественно на аналоговое мышление, которое дети используют и для понимания ситуации (действие или объект действия), к которой относится высказывание [96; 97]. В механизмах сохранения холистических или частично расчлененных речевых комплексов участвуют имплицитное запоминание с использованием ресурсов эпизодической памяти (в форме рабочей или долговременной памяти). На раннем этапе речевого развития и анализа речи взрослых дети учатся следовать двум главным принципам в усвоении — конвенциональности и дифференцированности [48]. Конвенции устанавливаются детьми посредством опоры на невербальные компоненты общения взрослого, механизм разделенного внимания и интерсубъективность [3; 17; 62; 64].

Процедурное знание¹ (неявное знание по [98]), необходимое для понимания и порождения речи, как известно, приобретается в процессе речевой практики. В основе таких приобретений лежит механизм понимания через порождение (проговаривание облегчает понимание) [99]. В настоящее время собрано немало доказательств, что в процессах понимания речи активное участие принимают зоны мозга, отвечающие за порождение (например,

¹Процедурное знание — это знание *как*, в отличие от декларативного знания — *что*.

зона Брока). Открытие зеркальных нейронов в лобных отделах коры головного мозга во многом прояснило участие механизмов скрытой или явной имитации [100].

Формирование семиотического блока. Семиотику культуры своего микросоциума ребенок начинает осваивать с первыми коммуникативными, еще невербальными актами. Семиотический блок, с нашей точки зрения, занимает среди остальных блоков своеобразное положение. С одной стороны, это блок формирующихся механизмов, обеспечивающих возможность постижения семиотики коммуникативных конвенций (в жестовой, вокальной и речевой коммуникации), которым ребенок наблюдая имплицитно учится, подражает, обобщает их и на основе которых строит систему языковых правил. С другой стороны – это система уже наработанных им процедурных правил, лежащих в основе рождающихся коммуникативно-речевых навыков. То есть это одновременно и набор средств, и результат их использования. Выработанное ребенком процедурное знание становится механизмом приобретения уже нового процедурного знания, надстраивающегося над ранее усвоенным. В рассматриваемом нами возрасте приобретение процедурного знания происходит преимущественно на основе механизмов имплицитного научения [101–103]. Уже усвоенные коммуникативные и речевые конвенции помогают детям двигаться дальше, расширять их круг, усваивая новые и более сложные. Процессы опосредования и деконтекстуализации превращают однословные высказывания в знаки [89], которые в долговременной памяти ассоциированы в семантические поля.

При формировании лексикона прагматические способности ребенка особенно важны для освоения глаголов [104]. Существительные в функции номинации усваиваются преимущественно на основе ситуаций, где взрослый указывает на предметы или манипулирует с ними. Установление связи глагола с действием сложнее. Это требует опыта наблюдений за разворачиванием действия или участия в нем с пониманием контекста происходящего [105; 106]. Прогресс в дальнейшем развитии происходит в двух направлениях:

- а) в обобщении и объединении внешне разных событий и ситуаций, имеющих общих общую глубинную семантику, укрупнение фреймов,
- б) в большем структурировании и дискретизации, сегментации слышимой речи взрослых и уточнении референции усвоенных (импрессивно и экспрессивно) словоформ.

Формирование регуляционного блока. Формирование любой функциональной системы, связанной с целенаправленным поведением, обязательно включает способность к саморегуляции [22]. Важнейшей частью этого механизма является акцептор действия, обеспечивающий обратную связь: сравнение ожидаемых и полученных промежуточных и окончательных результатов. Главная роль регуляционного блока ФСЯРр – гибкое стратегическое управление психолингвистическими механизмами и алгоритмами

порождения речи с учетом целей, задач и психофизиологических возможностей мозга ребенка. Психофизиологическая основа этого — блок программирования и контроля (третий блок по А.Р. Лурия [107]), чему соответствует западное понятие «управляющие функции» (англ. *executive function*). Регулятивные коррекции процесса порождения/понимания речи на разных уровнях осуществляются посредством произвольных и произвольных операций [13; 14]. Артикуляторные действия, в связи с быстротой их исполнения, регулируются произвольными, неосознанными операциями, выполняющимися в параллельном и опережающем режиме. Акцептор действия – основа самомониторинга, который позволяет исправлять ошибки на основе сопоставления ожидаемого результата и полученного фактически. В процессе первоначального освоения навыков это особенно важно. От этого зависит, какой компонент артикуляторного действия будет находиться под сознательным контролем, а какой автоматизирован и выполняется в фоновом режиме [11].

Регуляторные операции могут быть *стратегическими* и *тактическими*.

Стратегические операции распространяются на вербальные и невербальные коммуникативные акты, перенося, например, акцент с вербальных на невербальные средства, что было описано многими авторами [5]. Другой пример касается выбора языковых единиц из уже освоенных ребенком при программировании высказываний. Анализ корпуса литовскоговорящего ребенка в возрасте 1 г. 9–10 мес. показывает, что при продуцировании двухсловного высказывания одна из уже частично освоенных словоформ эпизодически может заменяться ономотопеей [108]. Тактические операции проявляются в форме речевых сбоев (англ. *linguistic dysfluency*), таких как паузы, хезитации, самоповторы и самоисправления [109]. Особенностью регуляторной подсистемы у маленьких детей является ее интерпсихический характер. Как известно из теории формирования высших психических функций Л.С. Выготского, у детей они сначала выполняются совместно со взрослым, на интерпсихическом уровне, а потом освоенные схемы действий интериорируются [2]. Дети второго–третьего лет жизни в большей степени реагируют на отрицательную обратную связь (англ. *negative evidence*) взрослых, чем на самоконтроль. Например, Р. Голинкофф [110] обнаружила, что около 50 % взаимодействий, инициированных младенцами (в возрасте 1,0–1,5 лет), сопровождались исправлениями взрослых. В отдельных описаниях приводятся примеры и спонтанных самоисправлений у детей этого возраста [108; 111]. В возрасте 23–25 мес. дети в экспериментальной ситуации называния в 75 % случаев делали попытку самоисправления слов с фонологической ошибкой после неопределенной вокальной реакции взрослого (*Хм! Да! Не понял*) [112].

Как особую функцию регуляционных механизмов у детей можно выделить долгосрочную стратегию самосовершенствования в артикуляторных, фонологических и лексических речевых навыках с опорой на слуховой и артикуляторно-кинестетический контроль.

Функция слухового самоконтроля – необходимое условие фонологического развития. Дети второго–третьего лет жизни дети еще не могут в полной мере им пользоваться. Как отмечено выше, они оценивают успешность своих речевых актов преимущественно по реакции взрослых, получая положительную (англ. *positive evidence*) либо отрицательную (англ. *negative evidence*) обратную связь. По свидетельствам ученых, наиболее действенными ее формами являются демонстрация непонимания или отсутствие реакции [113].

Формирование блока операционального обеспечения.

Операциональное обеспечение ФСЯРр в раннем возрасте остается еще весьма несовершенным, что вызвано физиологической незрелостью и гетерохронностью созревания церебральных структур, ответственных за их иннервацию [22]. Хотя процесс созревания соответствующих нейросетей (миэлинизация проводящих путей, созревание нейронов и синаптических структур, образование функциональных межнейронных связей) регулируется генетической программой, одновременно он находится и под сильным влиянием (не только на психологическом, но и на физиологическом уровне) внешней и внутренней стимуляции, связанной с психомоторной активностью и средовыми факторами.

Современные данные о нейрокогнитивных механизмах речи в норме и при аномальном развитии позволяют представить перечень наиболее значимых предпосылок, определяющих темп и качество речевого развития [53; 74; 82; 114–119]. Совокупность когнитивных этих механизмов образует когнитивный ресурс порождения/понимания языка и речи [120]. Л. Блум [19] на основе экспериментальных данных установила, что речевые акты детей второго–третьего лет жизни имеют разную индивидуальную ресурсозатратность на различных этапах развития. Возрастной дефицит когнитивных ресурсов ограничивает его возможности, заставляя «экономить» и упрощать используемые речевые конструкции. Аналогичные наблюдения приводят и другие исследователи [5; 34; 108]. Дефицит когнитивных ресурсов у детей накладывает отпечаток на используемые ими стратегии и механизмы. Например, у многих детей с недоразвитием речи отсутствует или ограничена имитация речи взрослого [18]. McEwen с соавт. [121], исследуя способность подражать у 5000 близнецов, обнаружили, что у тех, кто хорошо имитирует невербальное поведение, выше показатели словарного запаса.

Комплекс наиболее значимых компонентов операционального обеспечения речи включает: 1) познавательные способности и обучаемость, 2) комплекс управляющих функций, 3) механизмы управления вниманием, 4) механизмы восприятия речи и слухоречевой гнозис, 5) механизмы моторной реализации программы высказывания и артикуляционный праксис [18].

Обучаемость в раннем возрасте находится на весьма высоком уровне: темпы приобретения новых навыков значительно превышают все последующие возрастные периоды. Цена года (количество психологических

новообразований за 1 год) за весь период детства экспоненциально уменьшается. Как отмечалось выше, все навыки и знания в раннем возрасте приобретаются на основе имплицитного научения, главной особенностью которого являются неосознанность и непроизвольность. Одной из форм имплицитного научения является так называемое статистическое научение (англ. *statistical learning*) [122; 123]. Основным источником имплицитного научения — практика, опыт. Таким способом приобретается процедурное, неявное знание [98; 99; 117]. Статистическое научение представляет собой неосознанные когнитивные процессы обработки повторяющихся стимулов, с выявлением их внутренних закономерностей, с последующим запоминанием в форме процедурных знаний [119; 124]. Имплицитное научение функционально связано с иными, чем у эксплицитного обучения (лобно-височные отделы и гиппокамп) мозговыми структурами: с премоторными, стриарными и мозжечковыми структурами мозга [83].

Экспериментальные исследования познавательных способностей показали, что в возрасте 3–4 мес. младенцы уже способны к категориальным обобщениям, основой которых являются перцептивные и функциональные признаки объектов [125]. В возрасте 14 мес. дети способны устанавливать статистические закономерности повторяющихся сочетаний услышанных слов и невербальных референтов [119]. На втором году жизни появляется способность к обобщению и переносу на новый материал посредством аналогии [96; 97]. Примерно в это же время (1 г. 3–4 мес.) у детей появляется ранняя символическая игра, описанная Ж. Пиаже, где символами становятся действия «понарошку» [126–128]². По мнению Л. Блум [21], когнитивное развитие детей в этот период влияет на лингвистические индукции, которые они делают в отношении грамматики своего языка, и на выбор стратегий освоения синтаксиса на разных этапах его формирования. В экспериментах показано, что эпизодическая память (с контекстом связанные «что-где-когда»-ассоциации) или ее подобие (англ. *episodic-like*) используются уже у детей второго–третьего лет жизни [71; 130], т.е., на этом этапе единицей хранения в памяти, вероятно, является целиком эпизод, в который включено высказывание взрослого.

Управляющие функции (УФ) являются сборным понятием, а не отдельной самостоятельной функцией. Существуют разные мнения относительно компонентного состава этой группы функций [131]. В большинстве исследований признаются в качестве самостоятельных такие компоненты, как организация целенаправленного поведения, высшие формы управления селективным

² Не следует смешивать с символической игрой более позднего периода, возникающей после 3 лет в контексте сюжетно-ролевой игры [129]. Ее признаком является использование предметов-заместителей.

вниманием (англ. *top-down regulation*), операции планирования и контроля, способность к гибкой и оперативной смене стратегий, управление ресурсами оперативной памяти, торможение импульсивных реакций (англ. *inhibitory control*) [132]. УФ являются общефункциональным механизмом и участвуют в развитии всех высших психических функций и эмоциональной сферы. Совершенствование УФ происходит дольше всех когнитивных функций: до периода ранней юности.

Управление селективным вниманием имеет первостепенное значение для освоения речи, как и любого процесса учения. То, что называют вниманием, психофизиологически представляет собой механизм распределения активности мозга, то есть — главным мозговым ресурсом [133]. Активность внимания к чему либо, как известно, тесно связана с мотивированностью и субъективной психологической значимостью. Это согласуется с интенциональной моделью Л. Блум [19]. Селективное внимание (зрительное и слуховое) играет важную роль в распознавании речи взрослого, чтении с губ и определении направления взгляда говорящего взрослого. Сегментация воспринимаемой речи и распознавание слов и грамматических маркеров в естественных условиях предъявляют серьезные требования к механизмам организации селективного слухового внимания. В ситуации референциального треугольника «я-ты-объект» [53], образующейся во время коммуникации, ребенок должен оперативно переключать внимание с лица взрослого на объект и действие взрослого с этим объектом. Это, собственно, есть т.н. феномен разделенного внимания [88; 134]. К 24 мес. у типично развивающихся детей во время общения с родителями возникают периоды совместного слухового внимания — совместного воспроизведения звуков [135].

Механизмам восприятия речи у детей посвящена обширная литература, представляющая широкий спектр разных моделей (для обзора см. [69; 118; 136]). Известно, что для полноценного освоения речи ребенку необходимы 3 вида функциональных возможностей слухового анализатора:

- а) возможность воспринимать звуки речи в частотном диапазоне от 250 до 4000 герц (в норме эта возможность появляется уже на 32 неделе беременности);
- б) возможность категориально дифференцировать звуки речи независимо от вариативного их звучания у разных носителей языка. Первые проявления способности к категориальному различению звуков речи появляются еще в младенческом возрасте, около 2 мес. [137–139]. После 6 мес. эта способность сужается до гласных звуков только родного языка, в 8 мес. дети различают типичные для родного языка акцентные структуры слов, к 9 мес. — на основе статистического научения дифференцируют типичные для родного языка сочетания звуков, а к 11 мес. — дифференцирует согласные родного языка [136];

- в) способность категориально распознавать звуки речи, т.е. опознавать серийно организованные звуки речи в словах в потоке речи, инвариантно соотнося их с фонемами языка и дифференцируя соответственно системе фонематических оппозиций системы языка. Эта способность формируется на протяжении дошкольного возраста [119]. Кроме этого, важным компонентом операционального обеспечения является способность селективно управлять слуховым вниманием [115]. Среди разнообразных теорий, объясняющих восприятие речи, на первый план все чаще выходят мультимодальные, у которых набирается весьма солидная доказательная база: модели сочетанного участия в восприятии речи механизмов слухоречевой и артикуляторной (кинестетической) перцепции [69; 80; 138; 141]. Согласно моторной теории уже в раннем возрасте дети распознают слышимую речь, используя два анализатора: слуховой и моторный (кинестетический) [95]. М. Вийман предложила концепцию «артикуляторного фильтра», который на первом году жизни на основе собственного лепета формирует слуховые образы. В речи взрослого ребенок поначалу улавливает те сегменты, которые похожи на его лепетные слуховые образы, и их повторяет [59]. В качестве дополнительной модальности, как отмечалось выше, они активно используют и видимую артикуляцию [142]. Исследование детей 12–30 мес. показало, что при мультимодальном предъявлении дети (особенно, младше 24 мес.) узнавали и соотносили предъявленные слова с объектом значительно лучше, чем при слуховом предъявлении [135].

Механизмы моторной реализации программы высказывания и артикуляционный праксис. Как известно, уровень артикуляторных возможностей ребенка в значительной степени зависит от функциональной зрелости механизмов артикуляционного праксиса [11; 107]. После того, как спонтанный лепет позволил накопить ребенку некоторый артикуляционный опыт, примерно с 8–9 мес., появляются признаки взаимодействия между слуховым и моторным анализаторами, которое модулирует подражательный лепет и способствует формированию слухо-артикуляторных ассоциаций (т.е. начального силлабария, согласно концепции В. Левельта) [115; 143]). Авторы теории «зеркальных нейронов» предположили, что способность к межанализаторной интеграции, связыванию видимых действий с собственными моторными программами распространяется и на слухо-артикуляторные взаимосвязи [58; 59]. К ней близка гипотеза «артикуляторного фильтра», предложенная М. Вийман [59]. Незрелость праксиса накладывает существенные ограничения на звуковой состав канонического лепета и первых слов в речи ребенка [144]. Эти ограничения особенно выражены в серийной организации артикуляторных действий первых слова, ограничивая их структуру итерационными конструкциями [145]. А.Н. Гвоздев [26] выдвинул идею временной субституции – провизорных звуков, которые используются ребенком

вместо тех, которые он еще не может артикулировать. Позже, на основе собранного А.Д. Салаховой [146] эмпирического корпусного материала и идеи А.Н. Гвоздева, В.И. Бельтюков разработал модель «триплетного кода», объясняющую логику формирования ребенком фонологической системы [147] на основе компромиссных решений: вместо временно невыполнимых звуков дети используют примерно одни и те же, артикуляторно более доступные звуки-субституты, характерные для определенных возрастных этапов освоения фонологии.

Заключение

Научные материалы о механизмах формирования детской речи весьма многочисленны разнообразны. Накопленный корпус фактов позволяет сложить весьма разные пазлы в зависимости от исходной теоретической позиции автора, что и обнаруживается при знакомстве с литературой. Предлагаемая нами биопсихосоциальная модель (БПСМ) представляет собой еще одну такую попытку найти правильный баланс между врожденным (англ. *nature*) и приобретенным (англ. *nurture*). Специфика нашей позиции обусловлена многолетним опытом исследований отклонений в речевом развитии, включая анализ стратегий оказания помощи таким детям. Такой опыт способствует более отчетливому пониманию «глазами ребенка» того, что представляет собой тернистый путь овладения речевыми навыками. Поэтому в нашей модели на передний план выдвинуты трудности и ограничения, связанные с физиологической незрелостью ключевых механизмов. Такая позиция позволяет понять личный вклад ребенка и особенность его жизненной ситуации.

Системный анализ взаимодействующих механизмов речи позволяет преодолеть односторонность, которой грешили многие из предложенных ранее моделей. В частности, кажется неистребимой склонность объяснять (эксплицитно или имплицитно) поразительные успехи детей врожденной языковой способностью, достигающей им в силу генетических причин. Мы попытались показать, что механизмы речевого развития многообразны, неоднородны и меняются на разных этапах развития ребенка. Как это и свойственно любой функциональной системе, разные механизмы взаимодействуют, взаимно модулируют друг друга. А компоненты речевой деятельности – конкурируют друг с другом в борьбе за когнитивные ресурсы. Это взаимодействие происходит на трех уровнях: психофизиологическом, психолингвистическом и социально-психологическом. Сама идея системного взаимодействия в речевом развитии, конечно, не нова. Новым в настоящей работе является попытка операционализировать это на материале современных научных данных.

БПСМ может быть особенно полезной для понимания природы и механизмов отклонений в речевом развитии, которые нередко объясняют с позиций классической психолингвистики взрослых носителей языка. Исследования детей с нарушением речевого развития показали, что механизмы почти всегда

мультифакторны и включают комплекс нескольких дефицитов, которые взаимодействуют мультипликативно, взаимно усиливая отрицательные эффекты друг друга. Например, сочетание дефицитов УФ, оперативной памяти, артикуляционного праксиса и серийной организации речевых операций способно существенно ограничить появление многословных высказываний и затормозить прогресс в синтаксическом развитии, внешне производя впечатление первичного дефицита языковой способности. Поэтому предложенная БПСМ представляется перспективной для изучения, как нормы, так и патологии развития.

Библиографический список / References

1. Crane, W. (2007). *Psychology of human development: 25 main theories*. Saint Petersburg: Прайм-ЕВРОЗНАК. (In Russ.).
Крейн У. Психология развития человека: 25 главных теорий. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
2. Vygotsky, L.S. (1995). Problem of development and decay of higher mental functions. In: *Problems of defectology*. (pp. 404–418). Moscow: Prosveshchenie publ. (In Russ.).
Выготский Л.С. Проблема развития и распада высших психических функций // Проблемы дефектологии. М. : Просвещение, 1995. С. 404–418.
3. Bruner, D. (1975). The ontogenesis of speech acts. *Journal of Child Language*, 2(1), 1–19.
4. Halliday, M.A. (1993). Towards a language-based theory of learning. *Linguistics and Education*, 5(2), 93–116.
5. Tomasello, M. (2009). The usage-based theory of language acquisition. In: *The Cambridge Handbook of Child Language*. CUP, L. Bavin (Ed.) (pp. 69–87). Cambridge, MA: Harvard University Press.
6. Kornev, A.N., & Balčiūnienė, I. (2021). Lexical and grammatical errors in developmentally language disordered and typically developed children: The impact of age and discourse genre. *Children*, 8(12), 1114. <https://doi.org/10.3390/children8121114> EDN: FNUEZC
7. Zhinkin, N. (1998). *Language — speech — creativity (selected works)*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество (избранные труды). М. : Лабиринт, 1998.
8. Leontyev, A.A. (2008). *Basics of psycholinguistics*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Академия, 2008.
9. Zimnyaya, I.A. (2001). *Linguopsychology of speech activity*. Moscow: Moscow Psychological and Social University. (In Russ.).
Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М. : МПСУ, 2001.
10. Zalevskaya, A.A. (1999). *Introduction to psycholinguistics*. Moscow: Russian State University of Humanities. (In Russ.).
Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 1999.
11. Bernstein, N.A. (1990). *Physiology, movement and activity*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
Бернштейн Н.А. Физиология, движение и активность. М. : Наука, 1990.
12. Ushakova, T.N. (2011). *The birth of the word. Problems of speech psychology and psycholinguistics*. Moscow: Institute of Psychology RAN. (In Russ.).
Ушакова Т.Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М. : Институт психологии РАН, 2011.
13. Levelt, W.J. (1993). *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, MA: MIT Press.
14. MacWhinney, B. (1987). The Competition Model. In: *Mechanisms of Language Acquisition* (pp. 249–308). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
15. Leontyev, A.N. (1983). *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika publ.. (In Russ.).
Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983.

16. Bruner, J. (1999). *Play, Dreams and Imitation in Childhood*. Abingdon: Routledge.
17. Meltzoff, A., & Gopnik, A. (1993). The role of imitation in understanding persons and developing a theory of mind. In: *Understanding other Minds*, S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen (Eds.). (pp. 335–366). Oxford: Oxford University Press.
18. Kornev, A.N. (2006). *Bases of Pediatric Locopathology: Clinical and Psychological Aspects*. Saint Petersburg: Rech'. (In Russ.).
Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб. : Речь, 2006.
19. Bloom, L., & Tinker, E. (2001). The intentionality model and language acquisition: engagement, effort, and the essential tension in development. *Monogr Soc Res Child Dev*, 66(4), 1–91.
20. Ushakova, T.N. (2004). *Speech: origins and principles of development*. Moscow: Per Se. (In Russ.).
Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М. : Пер Сэ, 2004.
21. Bloom, L. (2013). *One word at a time: The use of single word utterances before syntax*. Paris: Mouton Publ.
22. Anohin, P.K. (2024). *Essays on the physiology of functional systems*. Moscow: RUGRAM. (In Russ.).
Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М. : RUGRAM, 2024.
23. Chernyshov, V.N., & Chernyshov, A.V. (2008). *Systems theory and system analysis*. Tambov: Tambov State Technical University Publ.
Чернышов В.Н., Чернышов А.В. Теория систем и системный анализ. Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 2008.
24. Vasiliev, Y.S., Volkova, V.N., & Kozlov, V.N. (2021). Systems theory and system analysis: origins and prospects. *System analysis in design and management: collection of scientific papers of the XXV International scientific and educational-practical conference, October 13-14, 2021: in 3 parts*. (1), 7–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id21-45> EDN: GAXEJU
Васильев Ю.С., Волкова В.Н., Козлов В.Н. Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции, 13–14 октября 2021 г.: в 3 частях. СПб., 2021. Ч. 1. С. 7–29. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id21-45> EDN: GAXEJU
25. MacWhinney, B., & Bates, E. (1994). *The Competition Model and UG*. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.
26. Gvozdev, A.N. (2007). Issues of children's speech study. Saint Petersburg: Detstvo-Press. (In Russ.).
Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. СПб. : Детство-Пресс, 2007.
27. Seytlin, S.N. (2000). *Language and Child: Linguistics of Children's Speech*. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS. (In Russ.).
Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
28. Millar, S. (2003). Children and linguistic normativity. In: *Social Dialectology* (pp. 287–297). Amsterdam: John Benjamins.
29. Worle, M., Essler, S., & Paulus, M. (2019). Paying it back and forward: The impact of experiencing and observing others' sharing and stinginess on preschoolers' own sharing behavior and expectations. *Journal of Experimental Child Psychology*, 198.
30. Rojas-Nieto, C. (2024). Normative talk about talk in child-caregiver interaction in Mexican families. *Sciendo*, 28(1), 350–388.
31. Slobin, D.I. (1979). *Psycholinguistics*. New York: Berkeley Book.
32. VanDam, M., Thompson, L., Wilson-Fowler, E., Campanella, S., Wolfenstein, K., & De Palma, P. (2022). Conversation initiation of mothers, fathers, and toddlers in their natural home environment. *Computer Speech & Language*, 73, 101338. <https://doi.org/10.1016/j.csl.2021.101338> EDN: SKIGVP

33. Artemis, P.P., Izabel, H., Hansel, S.H., Pâmela, C.C., Yulia, S., & Nara, A.C. (2023). The genesis of the ‘animation complex’ concept in the historical-cultural psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 19(2), 88–98. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190212> EDN: MPHWST
34. Snow, C.E., Pan, B.A., Imbens-Bailey, A., & Herman, J. (1996). Learning how to say what one means: A longitudinal study of children’s speech act use. *Social Development*, 5(1), 56–84.
35. Lisina, M.I. (1985). *Communication and speech: development of speech in children in communication with adults*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
Лисина М.И. Общение и речь: развитие речи у детей в общении со взрослыми. М. : Педагогика, 1985.
36. Lisina, M.I. (1986). *Problems of ontogenesis of communication*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М. : Педагогика, 1986.
37. Isenina, E.I., & Baranovskaya, T.I. (1999). On the prerequisites of basic qualities of mother. *Language and speech theory: history and modernity*, 3, 176–182. (In Russ.).
Исенина Е.И., Барановская Т.И. О предпосылках базовых качеств матери // Теория языка и речи: история и современность. 1999. № 3. С. 176–182.
38. Mussen, P.H., Conger, J.J., Kagan, J., & Huston, A.C. (1987). *The development of the child*. Moscow: Progress. (In Russ.).
Муссен П.Х., Конджер Дж.Дж., Каган Дж., Хьюстон А.С. Развитие личности ребенка. М. : Прогресс, 1987.
39. Isenina, E.I. (2003). On some concepts of ontogenesis of basic qualities of the mother. *Perinatal psychology and psychology of parenthood*, 4–5, 49–63.
Исенина Е.И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери // Перинатальная психология и психология родительства. 2003. № 4–5. С. 49–63. (In Russ.).
40. Hübscher, I., & Prieto, P. (2019). Gestural and prosodic development act as sister systems and jointly pave the way for children’s sociopragmatic development. *Frontiers in Psychology*, 10, 1–16.
41. Tomasello, M., Carpenter, M., & Liszkowski, U. (2007). A new look at infant pointing. *Child Development*, 78, 705–722.
42. Lüke, C., Ritterfeld, U., Grimminger, A., Rohlfing, K.J., & Liszkowski, U. (2020). Integrated communication system: Gesture and language acquisition in typically developing children and children with LD and DLD. *Frontiers in Psychology*, 11, 118–132.
43. Bates, E., Camaioni, L., & Volterra, V. (1975). The acquisition of performatives prior to speech. *Merrill-Palmer Quarterly*, 21(3), 205–226.
44. Cochet, H., & Vauclair, J. (2010). Features of spontaneous pointing gestures in toddlers. *Gesture*, 10(1), 86–107.
45. Fernald, A., & Kuh, P.K. (1987). Acoustic determinants of infant preference for motherese speech. *Infant Behavior & Development*, 10(3), 279–293.
46. Kitamura, C., & Lam, C. (2009). Age-specific preferences for infant-directed affective intent. *Infancy*, 14(1), 77–100.
47. Nelson, K. (1996). *Language and Cognitive Development. The Emergence of the Mediated Mind*. New York: CUP.
48. Clark, E.V. (2016). *First Language Acquisition*. New York: CUP.
49. Sakkalou, E., & Gattis, M. (2012). Infants infer intentions from prosody. *Cognitive Development*, 27(1), 1–16.
50. Christophe, A., & Dupoux, E. (1996). Bootstrapping lexical acquisition: the role of prosodic structure. *The Linguistic Review*, 13(3–4), 383–412.
51. Soderstrom, M., Seidl, A., Nelson, D.G.K., & Jusczyk, P.W. (2003). The prosodic bootstrapping of phrases: Evidence from prelinguistic infants. *Journal of Memory and Language*, 49(2), 249–267.
52. Gärdenfors, P. (2007). Mind-reading as Control Theory. *European Review*, 15(2), 223–240. <https://doi.org/10.1017/S1062798707000233> EDN: HZJWZL

53. Baron-Cohen, S. (2014). The eye direction detector (EDD) and the shared attention mechanism (SAM). In: *Two cases for evolutionary psychology. Joint Attention. Psychology Press*, Ch. Moore, (Eds.). (pp. 41–59). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
54. Trevarthen, C. (2005). First things first: Infants make good use of the sympathetic rhythm of imitation, without reason or language. *Journal of Child Psychotherapy*, 31(1), 91–113.
55. Clark, R. (1977). What's the use of imitation? *Journal of Child Language*, 4, 341–358.
56. Sergienko, E.A. (2008). Cognitive nature of speech “explosion”. *Psychological studies*, 1(1), 1–21. (In Russ.).
Сергиенко Е.А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психологические исследования. 2008. № 1(1). С. 1–21.
57. Obukhova, L.F. (1994). *Forms and functions of imitation in childhood*. Moscow: Publ. Moscow State University. (In Russ.).
Обухова Л.Ф. Формы и функции подражания в детском возрасте. М. : МГУ, 1994.
58. Rizzolatti, G., & Buccino, G. (2005). The mirror neuron system and its role in imitation and language. In: *From Monkey Brain to Human Brain*, (Eds.) (pp. 213–234). Cambridge: The MIT Press.
59. Vihman, M.M. (2002). The role of mirror neurons in the ontogeny of speech. In: *Mirror Neurons and the Evolution of Brain and Language*, M.I. Stamenov, V. Gallese (Eds.) (pp. 305–314). Amsterdam: John Benjamins Company.
60. Donald, M. (2005). Imitation and mimesis. In: *Perspectives on Imitation. Neuroscience to Social Science: Vol. 2. Imitation, Human Development, and Culture*, S. Hurley, N. Chater (Eds.) (pp. 283–300). Cambridge: The MIT Press.
61. Alott, R. (2003). Imitation in language and speech. Roles and functional base. In: *Proceedings of the AISB'03 Second International Symposium on Imitation in Animals and Artifacts 7th–11th April 2003* (pp. 105–112). Wales: The University of Aberystwyth Wales.
62. Tomasello, M., & Carpenter, M. (2005). Intention Reading and Imitative Learning. In: *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science: Vol. 2. Imitation, Human Development, and Culture* S. Hurley, N. Chater (Eds.) (pp. 300–317). Cambridge: The MIT Press.
63. Meltzoff, A. (2005). Imitation and other minds. The “Like me” hypothesis). In: *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science: Vol. 2. Imitation, Human Development, and Culture* S. Hurley, N. Chater (Eds.) (pp. 317–333). Cambridge: The MIT Press.
64. Shimpi, P.M., Akhtar, N., & Moore, C. (2013). Toddlers' imitative learning in interactive and observational contexts: The role of age and familiarity of the model. *Journal of Experimental Child Psychology*, 116(2), 309–323.
65. Ferguson, C.A., & Farwell, C.B. (2013). Words and sounds in early language acquisition. (M.M. Vihman, T. Keren-Portnoy (Eds.)) In: *The Emergence of Phonology: Whole-Word Approaches and Cross-Linguistic Evidence* (pp. 93–132). New York: CUP.
66. Keren-Portnoy, T., Vihman, M., & Fisher, R.L. (2019). Do infants learn from isolated words? An ecological study. *Language Learning and Development*, 15(1), 47–63.
67. Sokolov, A.N. (2007). *Internal speech and thinking*. Moscow: USSR. (In Russ.).
Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М. : URSS, 2007.
68. Sato, M., Tremblay, P., & Gracco, V.L. (2009). A mediating role of the premotor cortex in phoneme segmentation. *Brain and Language*, 111(1), 1–7.
69. Skipper, J.I., Devlin, J.T., & Lametti, D.R. (2017). The hearing ear is always found close to the speaking tongue: Review of the role of the motor system in speech perception. *Brain and Language*, 164, 77–105.
70. James, K.H., & Maouene, J. (2009). Auditory verb perception recruits motor systems in the developing brain: An fMRI investigation. *Developmental Science*, 12(6), F26–F34.
71. Newcombe, N.S., Balcomb, F., Ferrara, K., Hansen, M., & Koski, J. (2014). Two rooms, two representations? Episodic-like memory in toddlers and preschoolers. *Developmental Science*, 17(5), 743–756.

72. Stern, A.S. (1990). Perceptive aspect of speech activity [PhD thesis]. Leningrad. (In Russ.).
Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. дисс... д-ра филол. наук. Л., 1990.
73. Vinarskaja, E.N., & Bogomolova, G.M. (2005). *Age phonetics*. Moscow: АСТ. (In Russ.).
Винарская Е.Н., Богомолова Г.М. Возрастная фонетика. М. : АСТ, 2005.
74. Friederici, A.D. (2008). *Brain Correlates of Language Processing during the First Years of Life. Handbook of Developmental Cognitive Neuroscience*. Cambridge: The MIT Press.
75. Lepskaya, N.I. (2013). *Child's language: speech communication ontogeny*. Moscow: Russian State University of Humanities Publ. (In Russ.).
Лепская Н.И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М. : РГГУ, 2013.
76. Eliseeva, M.B. (2008). *Phonetic and lexical development of the child at an early age*. Saint Petersburg: Herzen University. (In Russ.).
Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
77. Morgan, W. (2018). A systematic review of the literature on early vocalizations and babbling. *Communication Disorders Quarterly*, 40(1), 3–14.
78. Smith, A. (2010). Development of neural control of orofacial movements for speech. In: *The Handbook of Phonetic Sciences*, W.J. Hardcastle, J. Laver, F.E. Gibbon (Eds.) (pp. 251–296). Oxford: Blackwell Publ. Ltd.
79. Losik, G.V. (2001). Psychological concept of motor theory of perception of speech. In: T.N. Ushakova, N.V. Ufintsev (Eds.). *Children's speech: psycholinguistic research* (pp. 9–22). Moscow: Perce.
Лосик Г.В. Психологическая концепция моторной теории восприятия речи / Т.Н. Ушакова, Н.В. Уфимцева (Ред.) // Детская речь: психолингвистические исследования. М. : ПерСэ, 2001. С. 9–22.
80. Chishnovich, L.A., Ventsov, A.V., & Granström, M.P. (1976). *Physiology of speech. Perception of human speech*. Leningrad: Nauka publ. (In Russ.).
Чистович Л.А., Венцов А.В., Гранстрем М.П. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л. : Наука, 1976.
81. Fagan, M.K. (2015). Why repetition? Repetitive babbling, auditory feedback, and cochlear implantation. *Journal of Experimental Child Psychology*, 1(37), 125–136.
82. Kröger, B.J., & Bekolay, T. (2019). The LS Model (Lexicon-Syllabary Model). In: *Neural Modeling of Speech Processing and Speech Learning: An Introduction* (pp. 239–262). Luxembourg: Springer.
83. Kröger, B.J., Bekolay, T., & Cao, M. (2022). On the emergence of phonological knowledge and on motor planning and motor programming in a developmental model of speech production. *Frontiers in Human Neuroscience*, 16, 844529.
84. Kornev, A.N. (2000). Articulatory and verbal inconsistency in children. In: *Speech disorders. Multidisciplinary approach to study, diagnosis and correction* (pp. 191–197). Saint Petersburg. (In Russ.).
Корнев А.Н. Артикуляционная и вербальная диспраксия у детей // Расстройства речи. Мультидисциплинарный подход к изучению, диагностике и коррекции. СПб., 2000. С. 191–197.
85. Isenina, E.I. (1986). *Psychological foundations of speech ontogenesis in the initial period* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
Исенина Е.И. Психологические основы речевого онтогенеза в начальном периоде: дисс... д-ра психол. наук. М., 1986.
86. Vinarska, E.H. (1987). *Early speech development of the child and problems of defectology*. Moscow: Prosvyashchenie publ. (In Russ.). (In Russ.).
Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. М. : Просвещение, 1987.

87. Kazakovskaya, V.V. (2006). *Question and answer unity in dialogue "adult-child"*. Saint Petersburg: Nauka publ. (In Russ.).
Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок». СПб. : Наука, 2006.
88. Tomasello, M., & Farrar, M.J. (1986). Joint attention and early language. *Child Development*, 57(6), 1454–1463.
89. Bates, E. (1979). Intentions, conventions, and symbols. In: *Cognition and Communication in Infancy* (pp. 33–68). New York: Academic Press.
90. Austin, J.L. (1989). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
91. Searl, J. (1977). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. New York: CUP.
92. Pinker, S. (1994). *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. New York: William Morrow & Co.
93. Nagy, W.E., Diakidoy, I.A.N., & Anderson, R.C. (1993). The acquisition of morphology: Learning the contribution of suffixes to the meanings of derivatives. *Journal of reading Behavior*, 25(2), 155–170.
94. Dąbrowska, E., & Lieven, E. (2005). Towards a lexically specific grammar of children's question constructions. *Cognitive Linguistics*, 16(3), 437–474.
95. Vihman, M.M. (2022). The developmental origins of phonological memory. *Psychological Review*, 129(6), 1495–1508. <https://doi.org/10.1037/rev0000354> EDN: ILSYXV
96. Behrens, H. (2016). The role of analogy in language processing and acquisition. In: M. Hundt, S. Mollin, S. Pfenninger (Eds.) *The Changing English Language: Psycholinguistic Perspectives*. (pp. 215–239). New York: CUP.
97. Gentner, D., & Hoyos, C. (2017). Analogy and Abstraction. *Topics in Cognitive Science*, 9(3), 672–693.
98. Polanyi, M. (1958). *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago: The University of Chicago Press.
99. Ullman, M.T. (2001). The declarative/procedural model of lexicon and grammar. *Journal of Psycholinguistic Research*, 30, 37–69.
100. Ritzsolatti, D., & Sinigallia, K. (2012). *Mirrors in the brain. About mechanisms of joint action and compassion*. Moscow: Yazyki Clavyanskikh Kul'tur. (In Russ.).
Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. М. : Языки славянских культур, 2012.
101. Moroshkina, N.V., Ivanchey, I.I., & Karpov, A.D. (2017). Implicit science. In: V.F. Spiridonov. *Selected sections of the psychology of science* (pp. 223–275). Moscow: Delo. Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation Publ. (In Russ.).
Морошкина Н.В., Иванчей И.И., Карпов А.Д. ИмPLICITное научение / В.Ф. Спиридонов (отв. ред.) // Избранные разделы психологии научения. М. : Дело, РАНХиГС, 2017. С. 223–275.
102. Reber, P.J. (2013). The neural basis of implicit learning and memory: A review of neuropsychological and neuroimaging research. *Neuropsychologia*, 51(10), 2026–2042.
103. Reber, P.J., Batterink, L.J., Thompson, K.R., & Reuveni, B. (2019). Implicit learning: History and applications. In: *Implicit Learning*, A. Cleeremans, V. Allakhverdov, M. Kuvaldina (Eds) (pp. 16–37). Abingdon: Routledge.
104. Casasola, M., Bhagwat, J., & Ferguson, K.T. (2006). Precursors to verb learning: Infants' understanding of motion events. In: *Action Meets Word: How Children Learn Verbs*, K. Hirsh-Pasek, R.M. Golinkoff (Eds.) (pp. 160–190). Oxford: Oxford University Press.
105. Childers, J.B., & Tomasello, M. (2006). Are nouns easier to learn than verbs? Three experimental studies. In: *Action Meets Word: How Children Learn Verbs*, K. Hirsh-Pasek, R.M. Golinkoff (Eds.) (pp. 311–335). Oxford: Oxford University Press.
106. Gampe, A., Brauer, J., & Daum, M.M. (2016). Imitation is beneficial for verb learning in toddlers. *European Journal of Developmental Psychology*, 13(5), 594–613.

107. Luria, A.R. (1962). *Higher cortical functions of the human being and their violations in local brain lesions*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М. : Издательство Московского университета, 1962.
108. Balčiūnienė, I. (2009). Pokalbio struktūros analizė kalbos įsisavinimo požiūriu (daktaro disertacija) = *Analysis of conversational structure from the perspective of language acquisition* [PhD thesis]. Kaunas.
109. Balčiūnienė, I., & Kornev, A.N. (2024). Linguistic disfluencies in Russian-speaking typically and atypically developing children: individual variability in different contexts. *Clinical Linguistics and Phonetics*, 38(4), 287–306.
110. Golinkoff, R.M. (1986). “I beg your pardon?”: The preverbal negotiation of failed messages. *Journal of Child Language*, 13(3), 455–476.
111. Scollon, R. (1976). *Conversations with a One-Year-Old. A Case Study of the Developmental Foundation of Syntax*. Honolulu: University of Hawaii Press.
112. Levelt, C., van den Brink, E., & Karlsson, J. (2023). Prompted self-repairs in two-year-old children. In: *Segmental Structure and Representations*, J. van de Weijer (Ed.). P.I. (pp. 227–248). Berlin: De Gruyter Mouton.
113. Clark, E.V. (2020). Conversational repair and the acquisition of language. *Discourse Processes*, 57(5–6), 441–459. <https://doi.org/10.1080/0163853x.2020.1719795> EDN: RVEHCZ
114. Gomes, H., Molholm, S., Christodoulou, C., Ritter, W., & Cowan, N. (2000). The development of auditory attention in children. *Frontiers in Bioscience*, 5(1), 108–120.
115. Kent, R.D. (2000). Research on speech motor control and its disorders: A review and prospective. *Journal of Communication Disorders*, 33(5), 391–428.
116. Kornev, A.N. (2000). Toward a neuropsychological model of phonological development. In: *Becoming Loquens. More Studies in Language Origins*, B. Bichakjian (Ed.) (pp. 201–209). Bern: Peter Lang.
117. Gabriel, A., Maillart, C., Guillaume, M., Stefaniak, N., & Meulemans, T. (2011). Exploration of serial structure procedural learning in children with language impairment. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 17(2), 336–343.
118. Bishop, D.V.M. (2014). *Uncommon Understanding: Development and disorders of language comprehension in children*. New York: Psychology.
119. Dunn, K.J., Frost, R.L., & Monaghan, P. (2024). Infants’ attention during cross-situational word learning: Environmental variability promotes novelty preference. *Journal of Experimental Child Psychology*, 241, 105859. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2023.105859> EDN: NUFVLH
120. Ullman, M.T., & Pierpont, E.I. (2005). Specific language impairment is not specific to language: The procedural deficit hypothesis. *Cortex*, 41(3), 399–433.
121. McEwen, F., Happé, F., Bolton, P., Rijdsdijk, F., Ronald, A., Dworzynski, K., & Plomin, R. (2007). Origins of individual differences in imitation: Links with language, pretend play, and socially insightful behavior in two-year-old twins. *Child Development*, 78(2), 474–492.
122. Pelucchi, B., Hay, J.F., & Saffran, J.R. (2009). Statistical learning in a natural language by 8-month-old infants. *Child Development*, 80(3), 674–685.
123. Richtsmeier, P.T., & Goffman, L. (2023). Statistical learning of phonotactics by children can be affected by another statistical learning task. *Applied Psycholinguistics*, 44(6), 1124–1142. <https://doi.org/10.1017/s0142716423000449> EDN: ORAKOG
124. Bogaerts, L., Siegelman, N., Christiansen, M.H., & Frost, R. (2022). Is there such a thing as a ‘good statistical learner’? *Trends in Cognitive Sciences*, 26(1), 25–37. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.10.012> EDN: RNBFWQ
125. Sergienko, E.A. (2006). *Early cognitive development: A new perspective*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (In Russ.).
Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М. : Институт психологии РАН, 2006.

126. Kornev, A.N. (2001). The main indicators of mental maturity in children at an early age. In: *Current problems of locopathology: research and correction. Mat. science.-law. conf. «Diagnosis and correction of speech disorders: historical traditions and ways of improvement»*, dedicated. 10th anniversary of the activity of the Association of Logopaths of Saint-Petersburg and the region. SPb. (pp. 37–45). Saint Petersburg. (In Russ.).
Корнев А.Н. Основные показатели психической зрелости у детей раннего возраста // Актуальные проблемы логопатологии: исследования и коррекция. Мат. науч.-практ. конф. «Диагностика и коррекция речевых нарушений: исторические традиции и пути совершенствования», посвящ. 10-летию деятельности ассоциации логопатологов Санкт-Петербурга и области. СПб., 2001. С. 37–45.
127. Pukhova, T.I. (2005). *Symbolic game and general development from two to three years*. Moscow: Vysshaya shkola psikhologii. (In Russ.).
Пухова Т.И. Символическая игра и общее развитие от двух до трех лет. М. : Высш.шк. Психологии, 2005.
128. Piaget, J. (2013). *Play, Dreams and Imitation in Childhood*. Abingdon: Routledge.
129. Elkonin, D.B. (2007). *Child Psychology*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
Эльконин Д.Б. Детская психология. М. : Академия, 2007.
130. Russell, J., & Hanna, R. (2012). A minimalist approach to the development of episodic memory. *Mind & Language*, 27(1), 29–54.
131. Machin, R.I. (2015). Brain Control Systems. *Journal of Higher Nervous Activity by I.P. Pavlov*, 65(1), 33–60.
Мачинская Р.И. Управляющие системы мозга // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2015. № 65(1). С. 33–60. <https://doi.org/10.7868/S0044467715010086> EDN: TJFMYL
132. Filipe, M.G., Veloso, A.S., & Frota, S. (2023). Executive functions and language skills in preschool children: The unique contribution of verbal working memory and cognitive flexibility. *Brain Sciences*, 10/13(3), 470. <https://doi.org/10.3390/brainsci13030470> EDN: TCGPKA
133. Suvorov, N.F. & Tairov, O.P. (1985). *Psychophysiological mechanisms of selective attention*. Leningrad: Nauka.
Суворов Н.Ф. Таиров О.П. Психофизиологические механизмы избирательного внимания. Л. : Наука, 1985.
134. Bruner, J. Foreword. (2014). In: *Joint Attention*, Ch. Moore, Ph.J. Dunham, Ph. Dunham (Eds.) (pp. 1–14). Abington: Psychology Press.
135. Adamson, L.B., Suma, K., Bakeman, R., Kellerman, A. & Robins, D.L. (2021). Auditory joint attention skills: Development and diagnostic differences during infancy. *Infant Behavior and Development*, 63, 101560. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2021.101560> EDN: LDBXTG
136. Kuhl, P.K. (2004). Early language acquisition: cracking the speech code. *Nature Reviews Neuroscience*, 5(11), 831–843. <https://doi.org/10.1038/nrn1533> EDN: LRQXTD
137. Kuhl, P.K. (2008). Linking infant speech perception to language acquisition. In: J. Colombo, P. McCardle, L. Freund (Eds.) *Infant Pathways to Language: Methods, Models, and Research Directions* (pp. 213–244). Abington: Psychology Press.
138. Meltzoff, A.N. (1995). Understanding the intentions of others: re-enactment of intended acts by 18-month-old children. *Developmental Psychology*, 31, 838–850.
139. Jusczyk, P.W., & Luce, P.A. (2002). Speech perception and spoken word recognition: Past and present. *Ear and Hearing*, 23(1), 2–40. <https://doi.org/10.1097/00003446-200202000-00002> EDN: LRQWDZ
140. Liberman, A.M., Cooper, F.S., Shankweiler, D.P., & Studdert-Kennedy, M. (1976). Perception of the speech code. *Psychological Review*, 74(6), 431–461.
141. Liberman, A.M., & Mattingly, I.G. (1985). The motor theory of speech perception revised. *Cognition*, 2(1), 1–36.

142. Sekiyama, K., Hisanaga, S., & Mugitani, R. (1985). Selective attention to the mouth of a talker in Japanese-learning infants and toddlers: Its relationship with vocabulary and compensation for noise. *Cortex*, 140, 145–156.
143. Levelt, C.C., Schiller, N.O., & Levelt, W.J. (2000). The acquisition of syllable types. *Language Acquisition*, 8(3), 237–264.
144. Goffman, L., & Smith, A. (1999). Development and phonetic differentiation of speech movement patterns. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 253, 649–660.
145. Jang, J., Choe, Y.G., & Ha, S. (2020). Characteristics of diadochokinesis in typically developing children and adults. *Audiology and Speech Research*, 17(1), 73–80.
146. Salachov, A.D. (1973). *Development of the sound side of the child's speech. (Diary of the mother)*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
Салахова А.Д. Развитие звуковой стороны речи ребенка. (Дневник матери) / под ред. В.И. Бельтюкова. М. : Педагогика, 1973.
147. Beltukov, V.I. (1977). *Interaction of analyzers in the process of perception and assimilation of oral speech (In norm and pathology)*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). М. : Педагогика, 1977.
148. Voeuykova, M.D. (2015). *Formation of the name: early stages of children's assimilation of named morphology of Russian language*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
Воеуйкова М.Д. Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М. : Языки славянских культур, 2015

Сведения об авторах:

Корнев Александр Николаевич, кандидат медицинских наук, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой логопатологии, заведующий лабораторией нейрокognитивных технологий НИЦ, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (194100, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2); *e-mail*: k1949@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6406-1238; Scopus Author ID: 55570221000; ResearcherID: B-6504-2018; Loop profile: 576937; Scopus Author ID: 56982662600.

Балчиюниене Ингрида, PhD, доцент кафедры литовского языка, Университет Витовта Великого (44248, Литовская Республика, г. Каунас, ул. К. Донелайчио, д. 58); *e-mail*: ingrimi@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8307-1108; ResearcherID: L-9731-2013; Scopus Author ID: 25642358700; Loop profile: 695172; SciProfiles: 1766725.

Information about the authors:

Aleksandr N. Kornev, MD, D.Sc. in Psychology, Assoc. Prof., the Head of the Department of Logopathology, the Head of the Laboratory for Neurocognitive Technologies of the Center of Scientific Research, Saint Petersburg State Pediatric Medical University (2 Litovskaya St, Saint Petersburg, Russian Federation, 194100); *e-mail*: k1949@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6406-1238; Scopus Author ID: 55570221000; ResearcherID: B-6504-2018; Loop profile: 576937; Scopus Author ID: 56982662600.

Ingrida Balčiūnienė, PhD in Linguistics, Assoc. Prof. of the Department of Lithuanian Studies, Vytautas Magnus University (58 Donelaičio St, Kaunas, The Republic of Lithuania, 44248); *e-mail*: ingrimi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8307-1108; ResearcherID: L-9731-2013; Scopus Author ID: 25642358700; Loop profile: 695172; SciProfiles: 1766725.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-365-380

EDN: IXZXSM

УДК 811.161.1'23

Научная статья / Research article

Обратная деривация в русском языке и речевой деятельности детей и взрослых

Г.Р. Доброва Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация✉ galdobr@peterlink.ru

Аннотация. Обратное словообразование занимает существенно более значимое место среди других способов словообразования, чем это принято считать. Если в языке действительно случаи возникновения слов путем обратной деривации единичны, то в речевой деятельности как взрослых, так и детей случаи обратной деривации достаточно частотны. В исследовании приводятся примеры конструирования и использования взрослыми носителями языка слов, образованных с помощью обратного словообразования, и делается вывод, что широкому использованию таких слов в речи взрослых препятствует лишь контроль, который не дает взрослому носителю языка использовать в речи мысленно образованное им окказиональное слово. У детей же, в силу недостаточности речевого опыта, контроль еще не действует в полной мере, и потому дети нередко используют в своей речи образованные путем обратной деривации окказионализмы, что доказывается данными записей спонтанной речи детей. Кроме того, исследование базируется на данных экспериментального исследования, проверявшего склонность детей к обратному словообразованию (80 детей: 16 детей 4 лет, 16–5 лет, 16–6 лет, 16–7 лет и 16–8 лет). В результате анализа эксперимента был сделан вывод о том, что «пик» склонности к обратному словообразованию у детей наблюдается в 5–6 лет (когда способ обратного словообразования уже освоен, а контроль еще не включен в полной мере). Выявилось также, что компенсаторная вербальная креативность, обусловленная незнанием узуального языкового знака, замещается креативностью осознанной постепенно, на протяжении нескольких лет, а время перехода от компенсаторной креативности к креативности осознанной в области словообразования определяется временем освоения ребенком той или иной словообразовательной модели, скорость этого перехода — индивидуальными особенностями детей. В целом результаты исследования заставляют нас посмотреть на обратную деривацию под новым углом — как на важный факт именно речевой деятельности индивида.

Ключевые слова: обратное словообразование, словообразовательные инновации, речевой онтогенез, детская речь, компенсаторная вербальная креативность, сознательная вербальная креативность

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 11.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

© Доброва Г.Р., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Доброва Г.Р. Обратная деривация в русском языке и речевой деятельности детей и взрослых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 365–380. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-365-380>

Reverse Derivation in the Russian Language and the Speech Activity of Children and Adults

Galina R. Dobrova

Herzen State Pedagogical University of Russia, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ galdobr@peterlink.ru

Abstract. Reverse word formation occupies a much more significant place among other methods of word formation than is commonly believed. If in language there are indeed rare cases of words arising through reverse derivation, then in the speech activity of both adults and children, cases of reverse derivation are quite frequent. The study provides examples of the construction and use by adult native speakers of words formed using reverse word formation, and concludes that the widespread use of such words in the speech of adults is hampered only by control, which does not allow an adult native speaker to use an occasional word mentally formed by him in speech. In children, due to insufficient speech experience, control does not yet operate fully, and therefore children often use occasionalisms formed through reverse derivation in their speech, which is proven by data from recordings of children's spontaneous speech. In addition, the study is based on data from an experimental study that tested children's tendency to reverse word formation (80 children: 16 children 4 years old, 16–5 years old, 16–6 years old, 16–7 years old and 16–8 years old). As a result of the analysis of the experiment, it was concluded that the “peak” tendency for reverse word formation in children is observed at 5–6 years of age (when the method of reverse word formation has already been mastered, and control has not yet been fully included). It was also revealed that compensatory verbal creativity, caused by ignorance of a common word, is replaced by conscious creativity gradually, over several years, and the time of transition from compensatory creativity to conscious creativity in the field of word formation is determined by the time the child masters one or another word formation model, the speed of this transition — individual characteristics of children. In general, the results of the study force us to look at reverse derivation from a new angle — as an important fact of an individual's speech activity.

Keywords: reverse word formation, derivational innovations, child language, language acquisition, compensatory verbal creativity, conscious verbal creativity

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 11.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Dobrova, G.R. (2023). Reverse Derivation in the Russian Language and the Speech Activity of Children and Adults. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 365–380. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-365-380>

Введение

Обратным словообразованием (редеривацией) принято называть «возникновение мнимопроизводящего слова в результате оценки непроемной основы как производной, с вычленением в последней ложного аффикса: ... *фляшк-а фляж-к-а фляг-а*»¹.

¹Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / сост. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. М. : РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1998. С. 30.

Соответственно, обратное словообразование — это такой способ словообразования, при котором слово образуется от другого не путем прибавления словообразовательных аффиксов, а, напротив, путем их устранения. Осуществляется обратная деривация по тем же словообразовательным моделям, что и прямая деривация, однако слово, являющееся результатом деривационного процесса, занимает место не производного слова, а производящего в словообразовательной модели [1. С. 414].

Место обратного словообразования в словообразовательной системе русского языка и в речевой деятельности индивида

Традиционно считается, что в русском языке в узусе обратное словообразование практически не представлено, точнее — представлено крайне ограничено. В качестве исключений (своего рода языковых казусов) всегда рассматриваются буквально два-три примера, когда слова в русском языке возникли в результате обратной деривации. Так, слово «зонт» возникло из нидерландского «zonedoek» («zondek»), где оно имело значение ‘тент’, ‘навес от солнца над палубой корабля’. Когда это слово вошло в русский язык, нидерландское «zonedoek» стало произноситься как «зонтик», в котором финаль была воспринята носителями русского языка как (якобы) суффикс -ик-. Поскольку же суффикс -ик- имеет в русском языке уменьшительно-ласкательное значение, слово «зонтик» воспринималось как обозначение предмета небольшого размера, вследствие чего в русском языке к нему возникла пара для обозначения того же, что названо мотивирующим словом, но без (кажущегося носителям языка таковым) значения уменьшительности — «зонт». Суффикс в этом случае не прибавляется, а, напротив, отсекается (в данном случае, разумеется, не суффикс, а то, что воспринималось носителями языка как суффикс), т.е. слово «зонт» возникает в результате обратной деривации. Аналогична и судьба слов «фляга» и «дояр» — они образовались вследствие обратного словообразования. Такие примеры рассматриваются как своего рода языковые казусы: считается, что обратное словообразование не типично для русского языка.

Однако так ли это? Действительно ли для русского языка процесс обратной деривации нетипичен и представляет собой всего лишь исключение из языковой системы? Мы не стали бы утверждать это столь категорично. Для того чтобы пояснить свои аргументы, мы предлагаем задуматься над тем, что вообще понимается под словообразованием. Под словообразованием, как известно, традиционно подразумевают «образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации... словосложения, конверсии и других формальных средств»². В данном и ему подобных определениях ключевым словом является

² Кубрякова Е.С. Словообразование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 467–469.

слово «язык» — «в языке», «образование в языке». Однако в таком случае возникает вопрос: чем же тогда словообразование отличается от этимологии? Как отмечал еще Г.О. Винокур, «требование различать морфологию и этимологию... уже давно стало общим местом лингвистической литературы. Это требование... не раз отчетливо формулировалось уже младограмматиками у нас в России — Фортунатовым, Бодуэном де Куртене, Крушевским и др. Однако, признавая силу этого требования в теории, ученые до сих пор плохо считаются с ним в практической работе...» [2. С. 419].

В связи с отмеченным имеет смысл задуматься не только над тем, как (с точки зрения диахронического подхода) образовались те или иные слова в русском языке, но и над тем, как носитель языка воспринимает отношения словообразовательной производности в этом языке. Принято считать, что взрослый человек (в отличие от ребенка) слова почти не конструирует, а извлекает их в готовом виде из ментального лексикона. В известной степени это утверждение справедливо. Между тем, как нам представляется, носители языка (взрослые) много чаще не извлекают слова в готовом виде из ментального лексикона, а конструируют их. К примеру, если для человека (взрослого) актуально слово «фрезеровщик» (применительно к лицу мужского пола), то в случае необходимости обозначения лица женского пола той же профессии, он, естественно, произнесет «фрезеровщица». Однако откуда этот носитель языка взял данный женский родовой коррелят к существительному «фрезеровщик»? Извлек из ментального лексикона? Или же мгновенно сам сконструировал на основе существующей в языке словообразовательной модели (ср., например, с «старьевщик — старьевщица»? Разумеется, ответ на это вопрос нельзя дать без серьезных психолингвистических экспериментов, однако косвенные доказательства того, что в случаях нечастотности женского родового коррелята к слову, обозначающему лицо мужского пола, мы его не извлекаем из ментального лексикона, а конструируем, все же имеются. Так, обратим внимание, что, например, словарь С.И. Ожегова³ чаще всего не дает отдельных словарных статей для женских родовых коррелятов: в словаре нет слов «таксистка», «гитаристка», «велосипедистка» и т.п., хотя мужские родовые корреляты этих слов («таксист», «гитарист», «велосипедист») в словаре представлены. Вряд ли причина заключается в том, что во времена С.И. Ожегова не было женщин-таксистов, женщин-гитаристов или женщин-велосипедистов. Скорее всего, причина заключается в другом: эти женские родовые корреляты воспринимались (по крайней мере — во времена С.И. Ожегова) как разговорные слова. Видимо, предполагалось, что носитель языка, зная слово «таксист», при необходимости обозначить женщину данной профессии либо, строго следуя жесткой языковой норме, скажет «женщина — водитель такси» или «женщина-таксист», либо сам в своей разговорной речи просто сконструирует (подчеркнем

³ Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 1997.

это слово «сконструирует») женский родовой коррелят. Разумеется, в более современных словарях многие из подобных слов женского рода уже отражаются как отдельные языковые единицы: так, в словаре Т.Ф. Ефремовой⁴ уже есть «гитаристка» или «велосипедистка», но слова «таксистка», кстати, и в словаре Т.Ф. Ефремовой нет. Иными словами, набор женских родовых коррелятов к словам, обозначающим лиц мужского пола, в словарях со временем может расширяться, но принцип остается неизменным: носителю языка в подобных случаях предлагается либо воспользоваться словом, обозначающим лицо мужского пола, и добавить к нему с помощью лексических средств некое обозначение женскости, либо — при необходимости — самому сконструировать этот женский родовой коррелят. Таким образом, представляется, что составители словарей предполагают, что при необходимости носитель языка и сам «доконструирует» нужное ему слово.

Следовательно, словообразование — это живой процесс, и ограничиваться при анализе лишь тем, что является бесспорным фактом собственно языка, не затрагивая проблемы речи, вряд ли целесообразно. Не случайно, кстати, что, например, в «Русской грамматике»⁵ на многие словообразовательные модели приводятся примеры не только языковых (устоявшихся) единиц, но и примеры авторских окказионализмов.

Нечто подобное можно наблюдать и в отношении обратного словообразования. Начнем с примера, касающегося «докомпьютерной» эпохи, когда тексты печатали машинистки. В Ленинграде в 1960–1970-е гг. был достаточно известен один человек, который профессионально печатал тексты на машинке. И клиенты в разговорах об этом человеке часто не понимали, как следует его называть: ведь слово «машинист» явно не является мужским родовым коррелятом к существительному «машинистка», а обозначает лицо совсем иной профессии. Почему же носители языка выражали недоумение, почему они вообще пытались назвать этого человека машинистом (и понимали, что это слово не подходит)? Именно потому, что пытались образовать мужской родовой коррелят с помощью обратного словообразования. А почему они это делали? Скорее всего, потому, что на самом деле мы пользуемся не только прямым, но и обратным словообразованием гораздо чаще, чем это принято считать. Человеку проще и быстрее не извлекать слово из ментального лексикона, если оно само быстро не актуализируется, а сконструировать его по существующим в языке моделям — пусть и направив процесс словообразования в обратную сторону, как бы переставив местами производящее и производное. Однако (в отличие от детей, о чем речь пойдет далее) у взрослых носителей языка при самостоятельном конструировании слова включается механизм контроля — взрослый, произнося сконструированное им слово,

⁴Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.

⁵Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

как бы сверяет его с нормой, которая ему, взрослому, известна. Именно поэтому ни один человек не назвал упоминавшегося выше профессионально печатавшего на машинке мужчину машинистом: благодаря знанию человеком нормы включался контроль, и носитель языка понимал, что в норме слово «машинист» обозначает лицо совсем другой профессии.

Можно рассмотреть и другие примеры обратного словообразования в современном словоупотреблении. Например, слово «лягуха». Это слово для обозначения лягушки используется в некоторых диалектах русского языка, но обратим внимание не на местные особенности лексики, а на случаи, когда это «лягуха» произносят люди, не являющиеся носителями какого-то диалекта. Они произносят «лягуха» обычно для обозначения лягушки большого размера (*Смотри, какая лягуха огромная), создавая окказиональную оппозицию по аналогии с примерами типа «рука — (маленькая) ручка», распространяя область использования суффикса -к- для обозначения предмета небольшой величины на употребленные в качестве производящих слова с суффиксом -ух-, которые обычно не имеют такой пары с суффиксом -к- (ср. со словами типа «старуха» — «старушка»). Интересно отметить, что в разговорной речи постоянно встречаются такие примеры обратного словообразования от слов с суффиксом ушк- (от которого отбрасывается элемент — как бы суффикс -к-): от грибников можно услышать, что они нашли огромную *зеленуху (от названия гриба «зеленушка»), при покупке ребенку большой погремушки можно услышать, как взрослые говорят об огромной *погремухе, говоря о двухкомнатной квартире большого размера могут сказать об огромной *двухе (от разговорного «двушка») и т.п. Отметим кстати, что слова типа «лягушка», «сыроежка» и пр., являющиеся в современном русском языке псевдодиминутивами, этимологически были истинными дериватами, т.к. существовали слова «лягуха» «сыроега» и т.п. (см. об этом в работах И.В. Фуфаевой, например [3]).

Таким образом, по-видимому, можно констатировать следующее: если мы говорим о том, как образовывались в языке слова, то следует признать, что обратное словообразование играло в русском языке достаточно скромную роль; однако если говорить о месте обратного словообразования в речевой деятельности носителей русского языка, то придется признать, что оно играет достаточно важную роль. Недаром, кстати, один из самых авторитетных отечественных специалистов в области словообразования И.С. Улуханов говорит о потенциальной возможности «прочтения» любого соотношения производящего и производного не только слева направо, но и справа налево, т.е. о наличии потенциальной возможности для любого такого соотношения стать моделью для обратного словообразовательного процесса [4. С. 39]. При этом И.С. Улуханов подчеркивает, что обратное словообразование приводит к заполнению пустующих клеток (абсолютных лакун), мы же подчеркнем, что в процессе речевой деятельности носители языка обращаются к обратному словообразованию не только для заполнения абсолютных лакун (см. приведенные выше примеры

типа «лягуха», «зеленуха» и т.п.), но и, по-видимому, для индивидуальной «реконструкции» существующего в языке, но по какой-то причине быстро не актуализировавшегося слова — «законного владельца» этой клетки. Так, если мы слышим какое-то производное слово и нам надо извлечь из ментального лексикона его производящее, которое по какой-то причине (например, из-за его меньшей частотности) само по себе быстро не извлекается, мы нередко прибегаем к обратному конструированию. Например, мы обсуждаем, кто является в учреждении табельщицей, и выясняется, что это человек — мужчина; в таком случае мы вовсе не обязательно должны извлекать из ментального лексикона слово «табельщик» (скорее всего, менее частотное, чем «табельщица»), мы можем его просто быстро сконструировать за счет обратной деривации. То, что на самом деле мы действительно совсем не редко прибегаем к обратному словообразованию, могут доказать и оговорки (вопрос о важности изучения оговорок для понимания речевых процессов одной из первых в отечественной лингвистике подняла М.В. Русакова; в дальнейшем об этом неоднократно писала С.Н. Цейтлин [5–7]). Так, недавно нам пришлось услышать рекомендацию взрослого ребенку заглянуть в салфетницу и взять там «салфету», после чего взрослый быстро поправился — «то есть салфетку». Используя слово «салфетница» (не отраженное, кстати, в словарях, но нередко звучащее в разговорной речи), взрослый явно воспользовался им как производящим, образовав от него в качестве производного «салфета», но знание нормы («салфетка») заставило его быстро исправить свою ошибку, назвав соответствующее узусу слово «салфетка». Такие примеры демонстрируют, как в реальности действует обратное словообразование в речевой деятельности взрослого носителя языка.

Обратное словообразование в спонтанной детской речи

Что же касается обратного словообразования в детской речи, то начнем с того, что в этом случае мы говорим именно о речевой деятельности (детей). Свою речевую деятельность ребенок реализует а) благодаря знакомству с речевой деятельностью взрослых, б) в виде самостоятельных речевых действий, в том числе конструирования, возникающих на основе потребности осуществлять речевую коммуникацию. Соответственно, нет никаких преград для того, чтобы ребенок использовал обратное словообразование при конструировании слов: в языке имеется потенциальная возможность обратного словообразования, и взрослые, как отмечалось выше, в своей речевой деятельности тоже им пользуются.

Действительно, обратное словообразование в детской речи достаточно распространено. Об этом явлении много писала в своих работах, например, С.Н. Цейтлин [1; 8; 9] и т.д. Как и в случаях прямого словообразования, мы замечаем, что ребенок не воспользовался готовой языковой единицей, а самостоятельно ее сконструировал, лишь в тех случаях, когда он не «попал в точку», т.е. когда он произнес такое слово, которого в языке нет, создал

словообразовательную инновацию. Наверняка в реальности дети прибегают к обратному словообразованию гораздо чаще, чем мы это фиксируем, мы просто не замечаем этого в очень многих случаях.

Известна масса примеров детских словообразовательных инноваций, созданных с помощью обратного словообразования («*бела» вместо «белка», «*ложа» вместо «ложка», «*льзя» от «нельзя» вместо «можно», «*сучить» вместо «засучивать» от «засучить», «*драть» от «драться» вместо «бить» и т.д. — все эти примеры взяты из многочисленных работ С.Н. Цейтлин). Отметим, что обилие таких инноваций в детской речи, в отличие от речи взрослых, обусловлено тем, что взрослый, в силу своего речевого опыта, не должен конструировать слова столь часто, как это делает ребенок: имея гораздо больший, чем у ребенка, речевой запас, взрослый просто чаще, чем ребенок, извлекает готовую единицу из своего ментального лексикона. Однако есть и еще одна причина. В силу опять же своего речевого опыта и гораздо лучшего, чем у ребенка, знания языковой нормы взрослый, даже (возможно) мысленно образовав некое слово, подвергает его контролю и не станет его произносить, если это образованное им слово не совпало с существующим в норме. То есть взрослый, даже если и создал инновацию (например, на основе обратного словообразования), как бы сверяет ее с нормой и чаще всего не «выпускает ее наружу», а если по случайности и произнес это не соответствующее норме слово вслух, быстро поправляет себя (оговорки, о которых речь шла выше). Ребенок же норму не знает, поэтому ничто не мешает ему озвучить окказиональное производное слово, образованное, в частности, за счет обратной деривации.

В детской речи обычно выделяют такие виды обратного словообразования, как депрефиксация, десуффиксация, депостфиксация и реадвербиализация (последнее — достаточно редкое явление, поэтому далее будем говорить только о первых трех видах обратного словообразования в детской речи). Т.А. Гридина выделяет еще дефлексию (см., например, ее трактовку детских инноваций типа «*шуб» о шубе мальчика — в отличие от шубы девочки, «белк» о самце белки [10]). Мы же скорее склонны считать это разновидностью десуффиксации: если считать, что в словообразовательной модели типа кум — кума. супруг — супруга и т.п. имеет место нулевая суффиксация (именно такую трактовку см., например, в параграфе 467 Русской грамматики⁶), то в случаях типа «*шуб» от «шуба» имеет место десуффиксация с отбрасыванием (воспринимаемого ребенком как такового) нулевого суффикса. Впрочем, разница в подходах к трактовке подобных примеров имеет скорее чисто «академическое» значение, поскольку никак не влияет на факт признания таких примеров детского словотворчества той или иной разновидностью обратного словообразования.

⁶ Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

Остановимся на вопросе о том, насколько осознанно происходит образование детьми словообразовательных окказионализмов. В своих трудах Т.А. Гридина выделяет два типа детской вербальной креативности: 1) компенсаторную креативность, которая обусловлена дефицитом языковых средств (ребенок вынужденно создает инновацию, поскольку не знаком еще с узуальным языковым знаком), 2) осознанную креативность, обусловленную желанием пошутить, поиграть со словом (см., например, [11. С. 14–15; 13. С. 48–49]). К осознанной креативности, кроме цели пошутить, мы бы, кстати, добавили и еще одну цель — выразить языковой протест против отсутствия в языке соответствующей языковой единицы, например: «Она теперь не настольная, а настульная» — о лампе, которую переставили со стола на стул⁷. Разумеется в этом и подобных случаях достаточно сложно разграничить, когда у ребенка цель — пошутить, а когда цель — выразить протест против отсутствия в языке соответствующей единицы (доказательством может служить разве что смех, улыбка ребенка, сопровождающие высказывание, но они отнюдь не всегда фиксируются теми, кто записывает детские примеры), хотя в некоторых случаях превалирование не шуток, а именно языкового протеста достаточно очевидно: «Не толкучка надо говорить, а толпучка»⁸, тем более что произнес это ребенок всего лишь трех с половиной лет.

В отношении обратного словообразования справедливо все то, что выше отмечалось в отношении детского словообразования вообще: при обратном детском словообразовании, естественно, тоже важно разграничивать компенсаторную и осознанную креативность.

Представляется, что на более ранних этапах речевого онтогенеза имеет место креативность компенсаторного характера, а на более поздних — осознанного. «В общем виде» это, действительно, так. Однако если мы рассматриваем конкретные примеры, то можно видеть, что примеры как компенсаторной креативности при детском словообразовании, так и осознанной встречаются в самом разном (в основном дошкольном) возрасте. Так, мы выписали все примеры⁹, которые с уверенностью отнесли к осознанной детской креативности. Их, кстати, оказалось в этой книге немного — всего 8 из более чем 500 примеров детских словообразовательных окказионализмов; в каких-то других словарях детской речи, например, в словаре Т.А. Гридиной [10], их доля наверняка существенно больше, поскольку данный автор в течение многих лет собирает примеры именно осознанной детской креативности. Перечислим возраст детей — авторов этих осознанных отступлений

⁷ Детские словообразовательные инновации: учебные задания. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. С. 36.

⁸ Детские словообразовательные инновации: учебные задания. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. С. 55.

⁹ Детские словообразовательные инновации: учебные задания. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986.

от нормы¹⁰: 5 лет, 4 года, 3 года, 6 лет, 4 года, 3,5 года, 4 года, 4 года, 7 лет. Как можно видеть, сознательное словообразование встречается в речи детей самого разного возраста.

Возможно, многое зависит от индивидуальной языковой способности ребенка: разные дети в разном возрасте и в разной степени становятся склонны к метаязыковой деятельности и тем более к языковой рефлексии. Например, Алеша Д., спонтанную речь которого мы записывали в течение ряда лет, проявлял склонность к сознательному словообразованию крайне рано. Так, уже в 2,3 в его речи зафиксирован следующий монолог: (рассматривает рыбу на тарелке) «Это кость. Вейнее — костик. У рыбы есть хвостик, есть и костик» (ребенок как бы хочет сказать ‘если есть оппозиция хвост — хвостик, то должна быть и оппозиция кость — костик’). У данного ребенка с самого раннего возраста вообще было много проявлений языкового протеста (подробнее см. [13; 14]), и это же касается и области словообразования: едва начав создавать словообразовательные инновации, данный ребенок, по-видимому, стал сравнивать эти единицы с нормой и, не найдя в своем лексическом запасе такой единицы, начал настаивать на том, что такая единица должна существовать, соответственно очень рано (а главное — очень быстро) начав отходить от собственно компенсаторной креативности к креативности сознательной. Например, если говорить об обратном словообразовании, то в 4.7 он настаивает на существовании слова, образованного им с помощью депрефиксации: Алеша: **Множко*. — Бабушка: Не множко, а много. — Алеша: *Нет, раз есть немножко — значит, есть и *множко*.

При этом обратное словообразование (как более сложная разновидность словообразования) осваивается позднее, чем прямое словообразование в «зеркальных» им парах. Если факты прямого словообразования, где производное существительное отличается от производящего существительного наличием суффикса -к — типа капитан — **капитанка* — встречаются у детей достаточно рано, то факты «зеркального» обратного словообразования в спонтанной речи детей возникают позднее, в 6 лет: «Русалка — это тетенька с рыбьим хвостом, а если дяденька — то русал!»¹¹.

Доказательствами же того, что ребенок переходит от стадии компенсаторной креативности в области словообразования к стадии осознанной креативности можно считать такие показатели, как улыбка (смех) ребенка при произнесении словообразовательной инновации, эксплицированное выражение языкового протеста по поводу отсутствия соответствующей единицы в языке, сопровождающее создание словообразовательной инновации, а также всяческие способы выражения сомнения в существовании подобного слова (если речь идет об условиях эксперимента).

¹⁰ Детские словообразовательные инновации. Учебные задания. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986.

¹¹ Детские словообразовательные инновации. Учебные задания. Л. : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986.

Экспериментальное исследование обратного словообразования у детей

В 2022 г. под руководством автора статьи магистрантка РГПУ им. А.И. Герцена А.А. Ерегина проводили эксперимент в ГБДОУ № 51 Калининского района Санкт-Петербурга и в ГБОУ СОШ № 341 Невского района Санкт-Петербурга. В эксперименте участвовали 80 детей: 16 детей 4 лет, 16–5 лет, 16–6 лет, 16–7 лет и 16–8 лет. Мальчиков и девочек было равное количество в каждой возрастной группе — по 8 мальчиков и 8 девочек.

Эксперимент состоял из заданий на депрефиксацию (3 задания), заданий на десуффиксацию (5 заданий) и задания на депостфиксацию (1 задание). Разумеется, во всех заданиях дети давали ответы разных типов — и называли нормативные слова, и отказывались от ответа, и создавали словообразовательные инновации с помощью не обратного, а прямого словообразования; в данном случае сосредоточимся именно на обратном словообразовании.

В первом из заданий на депрефиксацию детям в игровой форме предлагалось подобрать антонимы к словам типа «негодяй», «непутевый», «непоседа» и т.д. Как показал эксперимент, к обратной деривации в этом случае обращались дети всех возрастных групп: дети 4-х лет дали 50 таких ответов, дети 5-ти лет — 73 таких ответа, дети 6-ти лет — 91 такой ответ, дети 7-ми лет — 77 таких ответов, дети 8-ми лет — 27 таких ответов. Следовательно, дети 4-х лет только начинают давать такие ответы, а дети 8-ми лет — уже начинают отказываться от такого типа ответов; больше всего таких ответов с образованием антонима путем отбрасывания отрицательной приставки НЕ- — у детей 5–7 лет.

Во втором задании на депрефиксацию дети подбирали к предложенным словосочетаниям (типа «небрежный почерк», «беззащитный котенок», «ненастный день» и т.д.) словосочетания, противоположные по смыслу. Результаты оказались похожи на результаты выполнения предыдущего задания: меньше всего таких ответов у детей 4 лет и у детей 8 лет. Больше всего таких ответов — у детей 5–7 лет.

В третьем задании на депрефиксацию ребенку нужно было подобрать к глаголу совершенного вида (типа «засучить», «повесить», «похитить» и т.д.) глагол несовершенного вида. Как выяснилось в эксперименте, к имперфективации за счет депрефиксации больше склонны дети 4–6 лет: дети 4 лет дали 12 таких ответов, 5 лет — 14, 6 лет — 26. Дети же младшего школьного возраста таких ответов давали существенно меньше: дети 7 лет дали 2 таких ответа, 8 лет — 4.

В первом задании на десуффиксацию ребенку требовалось, услышав название предмета или животного маленького размера, дать наименование предмету большого размера. Как показали результаты, к десуффиксации в данном случае дети обращаются крайне редко. Из 4-летних испытуемых лишь трое отбросили суффикс, вследствие восприятия его как уменьшительного:

мышка — **мыха* (Даша Б.), косточка — **коста* (Алиса В., Тимур Д.). Два аналогичных примера зафиксированы также у одного 5-летнего дошкольника. Дети более старшего возраста таких ответов не дали вообще.

Во втором задании на десуффиксацию перед детьми стояла такая же задача, как и в предыдущем, однако данное задание выполнялось в игровой форме. Обращений к обратному словообразованию в данном задании, по сравнению с предыдущим заданием, у испытуемых всех возрастных групп оказалось больше. Например, у 4-летних детей зафиксировано 7 случаев десуффиксации: подушка — **подуша* (Саша Л.), одуванчики — **одуваны* (Тимур Д., Фёдор Б., Даша Б.) и кузнечики — **кузнецы* (Сергей Б., Фёдор Б.). В целом при выполнении данного задания дети 4-х лет дали 7 ответов, образовав инновацию с помощью обратного словообразования, дети 5-ти лет — 14, дети 6-ти лет — 10, дети 7-ми лет — 8, дети 8-ми лет — 7. Вновь больше всего случаев обратного словообразования — у детей 5–7 лет, «пик» приходится на 5 лет.

В ходе выполнения третьего задания на десуффиксацию стало очевидно, что в словах *овчарка* и *кошка* дети не склонны ошибочно воспринимать суффикс -к- как пейоративный. Ответы **овчара* и **коша* встретились только у детей 5-ти и 6-ти лет, причем таких ответов было очевидно мало: 1 ответ у ребенка 5-ти лет и 3 ответа у детей 6-ти лет.

В четвертом задании на десуффиксацию экспериментатор, называя самку животного, при этом добавлял в начале слово «мама», к примеру: «мама — кошка». Ребенок же должен был назвать самца данного животного, т.е. сказать «папа — кот». Дети 4-х лет дали 5 ответов с обратной деривацией, дети 5-ти лет — 24, дети 6-ти лет — 29, дети 7-ми лет — 11, дети 8 лет — 3. Вновь оказалось, что обратным словообразованием склонны в большей степени пользоваться дети 5–7 лет, «пик» при этом приходится на детей 6 лет.

В пятом задании на десуффиксацию детям демонстрировались парные картинки, на которых были изображены по два человека — лицо женского и лицо мужского пола. Экспериментатор называл лицо женского пола, к примеру: девочка — ученица. Задача ребенка — назвать, соответственно, лицо мужского пола, т.е. сказать: «мальчик — ученик». Ответы типа **татар*, **кокет*, **негритян* давали дети всех возрастных групп: дети 4-х лет дали 12 ответов, воспользовавшись обратным словообразованием, дети 5-ти лет — 55, дети 6-ти лет — 60, дети 7-ми лет — 53, дети 8-ми лет — 38. Таким образом, к созданию мужского родового коррелята от существительных женского и общего рода путем отбрасывания суффикса оказались в большей степени склонны дети 5–7 лет, «пик» приходится на 6 лет. Интересно, что, в отличие от предыдущих случаев, к 8 годам, хотя в целом тенденция к обратному словообразованию и начинает идти на спад, при создании мужских родовых коррелятов она еще достаточно активна.

В задании на депостфиксацию экспериментатор читал детям небольшие тексты, в которых были представлены различные ситуации. К примеру: «Дима

неожиданно подошел к Васе и что-то крикнул. Вася сильно *испугался*. Почему Вася испугался? Потому что Дима Васю *испугал*». Задача испытуемых — подобрать к первому глаголу каузативную пару. Каузативную оппозицию путем отбрасывания постфикса (**проснуть* кого-то, **рассмеять* кого-то и т.п.) создавали дети всех возрастных групп: было получено 2 таких ответа у детей 4-х лет, 6 — у детей 5-ти лет, 5 — у детей 6-ти лет, 6 — у детей 7-ми лет и 2 — у детей 8-ми лет. Вновь более склонны к обратному словообразованию оказались дети 5–7 лет.

Таким образом, результаты эксперимента показали, что к обратному словообразованию более всего склонны дети 5–7 лет. Дети 4-х лет, по-видимому, еще только начинают осваивать возможности обратной деривации, а к 8-ми годам склонность к ней у детей уже начинает идти на спад. При этом к депрефиксации и десуффиксации более всего склонны дети 5–6 лет, к депостфиксации — дети 5–7 лет. Следовательно, можно сделать вывод, что наиболее частотны у детей случаи использования образованных ими путем обратной деривации слов в среднем в возрасте 5–6(7) лет: до этого возраста способность детей к самому процессу обратной деривации еще не сформирована в достаточной степени, а после этого возраста использованию в речи детей слов, образованных ими путем обратного словообразования, начинает препятствовать формирующийся у детей контроль — тот самый контроль, о котором шла речь выше в связи с речевой деятельностью взрослых и который чаще всего служит барьером для появления в речи неузуальных слов.

Как же соотносится склонность детей к созданию словообразовательных инноваций путем обратного словообразования с тем, насколько эта вербальная креативность носит у них компенсаторный характер, а насколько — сознательный. Не было зафиксировано ни одного случая, когда дети 4-х и даже 5-ти лет демонстрировали бы, что они осознают, что такого слова в языке нет и что они просто вынуждены это слово создать. Разумеется, сказанное вовсе не означает, что вообще никто из детей в 4–5 лет не способен к осознанной вербальной креативности в области обратного словообразования; такие дети, конечно, есть (см., например, приведенный выше пример из речи Алеши Д. в возрасте 4,7); однако в описанном эксперименте таких детей не было.

Ситуация начинает незначительно меняться к 6-ти годам. Так, в процессе проведения эксперимента у некоторых 6-летних детей были замечены реакции, выражающие сомнения по поводу существования слов, образованных с помощью отбрасывания префикса: «Годяй, что ли?», «Путевый?» (Рома Д.), «Годяй?» (Даня Т.). При этом подавляющее большинство испытуемых этого возраста произносило слова, образованные с помощью депрефиксации, четко и уверенно, даже не задумываясь над их правильностью.

Кардинально ситуация меняется лишь к 7-ми годам. Многие дети 7 лет уже тщательно обдумывали свой ответ, не произносили его сразу же.

Некоторые испытуемые, конструируя с помощью депрефиксации антонимы, сопровождали это выражением удивления или смехом.

У детей 8-ми лет подбор антонимов к некоторым словам по-прежнему вызывает затруднения («непоседа», «непутевый» и «невежа»). В таком случае дети 8-ми лет либо отказываются от ответа, либо все-таки отбрасывают приставку, но сопровождают это смехом или улыбкой. Это свидетельствует о том, что дети 8-ми лет, даже если и создают словообразовательные окказионализмы с помощью обратного словообразования, делают это уже осознанно. Отметим, что, поскольку это эксперимент, ребенок поставлен в ситуацию, когда он вынужден дать какой-то ответ, и самый простой, сразу приходящий в голову путь — отбросить аффикс, однако к этому, компенсаторному (в силу экспериментальных условий) характеру креативности добавляется сознательность; получается такая «компенсаторно-сознательная» креативность.

Таким образом, в ходе речевого онтогенеза компенсаторная вербальная креативность, обусловленная незнанием узуального языкового знака, замещается креативностью осознанной постепенно, обычно — на протяжении нескольких лет (в среднем проходит примерно 2 года от момента, когда какая-то разновидность обратного словообразования активно включается в речевую деятельность ребенка, выполняя вначале исключительно компенсаторную функцию, до момента, когда ребенок делает это уже осознанно); время перехода от компенсаторной креативности к креативности осознанной в области словообразования определяется временем освоения ребенком той или иной словообразовательной модели, а скорость этого перехода — индивидуальными особенностями детей; процесс перехода от компенсаторной вербальной креативности к креативности сознательной проявляется сначала в появлении и вербализации сомнений в существовании окказиональной единицы, а затем — в сознательном отказе от языковой нормы, осуществляемом с целью пошутить, поиграть со словом, сознательно проявить вербальную креативность.

Интерпретация полученных результатов

Итак, обратное словообразование, как представляется, играет в речевой деятельности как взрослых, так и детей весьма существенную роль — гораздо более важную, чем это принято считать. Если в языке как таковом не так много слов, образованных таким путем, то в своей речевой деятельности индивиды нередко обращаются к обратной деривации. Однако часто (возможно, чаще всего) этот процесс остается незамеченным собеседниками, поскольку образованная только что языковая единица совпадает с существующей в узусе и потому, разумеется, не воспринимается как окказиональная. При этом, естественно, в детской речи таких случаев принципиально больше, чем в речи взрослых, поскольку у взрослых, с их более богатым речевым опытом, включается контроль, который не позволяет им произнести вслух то (окказиональное) слово, которое они только что имплицитно образовали.

У детей же такого барьера, в силу недостаточности речевого опыта, еще нет, и потому в их речевой деятельности часто встречаются окказиональные слова, образованные путем обратной деривации. Все отмеченное заставляет нас посмотреть на обратную деривацию под новым углом — как на важный факт именно речевой деятельности индивида.

Библиографический список

1. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. EDN: RWKCTL
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы. М. : Учпедгиз, 1959. С. 419–442.
3. Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 257–266.
4. Улуканов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. : РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2008.
5. Цейтлин С.Н. Речевые сбои как разновидность «отрицательного языкового материала» // Конф., посв. 150-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. 4–7 сентября 2013 года: тезисы. СПб. : 2013. С. 99–101. EDN: UJDFRZ
6. Цейтлин С.Н. Речевые сбои при порождении глагольных форм // Русский глагол (к 50-летию выхода в свет книги А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина): тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб. : Нестор-История, 2017. С. 165–166. EDN: ZRZMGT
7. Цейтлин С.Н. Глагольные словоизменительные оговорки в речи носителей русского языка // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2019. Т. 3. № 15. С.134–157. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715306> EDN: FERCUC
8. Цейтлин С.Н. Обратное словообразование в детской речи // Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку). М. : АН СССР, Институт языкознания, 1978. С. 61–66. EDN: SZHQXP
9. Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. EDN: RXZPEF
10. Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург : УрГПУ, 2012. EDN: QNPVEF
11. Гридина Т.А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. С.11–39.
12. Гридина Т.А. Онтолингвистика. Екатеринбург : УрГПУ, 2003. EDN: QQUWLT
13. Доброва Г.Р. Языковой протест как одно из проявлений метаязыковой деятельности — почему не у всех детей? // Проблемы онтолингвистики-2012. Материалы междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А.Н. Гвоздева. СПб. : Златоуст, 2012. С. 467–472. EDN: RWSRRN
14. Доброва Г.Р. Детские высказывания о языке в динамике: на примере одного ребенка // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 17–32. EDN: YPZQOF

References

1. Tseitlin, S.N. (2009). *Essays on Word Formation and Form Formation in Children's Speech*. Moscow: Znak. (In Russ.). EDN: RWKCTL
2. Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian Word Formation. In: *Selected Works on the Russian Language* (pp. 419–442), Moscow: Uchpedgiz publ. (In Russ.).
3. Fufaeva, I.V. (2016). Expansion of expressive diminutives in Russian. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (3), 257–266. (In Russ.).

4. Ulukhanov, I.S. (2008). *Units of the Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation*. Moscow: RAS, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
5. Tseitlin, S.N. (2013). Speech Failures as a Kind of “Negative Linguistic Material” In: *Conf., Dedicated to the 150th Anniversary of the Department of General Linguistics of St. Petersburg State University, Theses*, (pp. 99–101). Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: UJDFRZ
6. Tseitlin, S.N. (2017). Speech Failures in the Formation of Verbal Forms In: *Russian verb (to the 50th Anniversary of the Publication of the Book by A.V. Bondarko and L.L. Bulanin): Abstracts*, (pp. 165–166). Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: ZRZMGT
7. Tseitlin, S.N. (2019). Verbal Inflectional Slips in the Speech of Native Speakers of the Russian Language. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*, 3(15), 134–157. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715306> (In Russ.). EDN: FERUC
8. Tseitlin, S.N. (1978). *Back-formation in Children’s Speech* In: *Psycholinguistics’ Studies (Speech Development and Theory of Language Learning)*. Moscow: The Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Linguistics, (pp. 61–66). Moscow. (In Russ.). EDN: SZHQXP
9. Tseitlin, S.N. (2013). *Linguistic Essays*. Saint Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: RXZPEF
10. Gridina, T.A. (2012). *Explanatory Dictionary of Children’s Innovations*. Yekaterinburg: USPU. (In Russ.). EDN: QNPVEF
11. Gridina, T.A. (2018). Metaphors in Children’s Speech as a Phenomenon of Linguocreative Thinking and Poetic Ability. In: *Linguistics of Creativity-4: a Collective Monograph*, (pp. 11–39). Yekaterinburg. (In Russ.).
12. Gridina, T.A. (2003). *Ontolinguistics*. Yekaterinburg: USPU. (In Russ.). EDN: QQUWLT
13. Dobrova, G.R. (2012). Language Protest as One of the Manifestations of Metalinguistic Activity — Why not All Children? In: *Problems of Ontolinguistics-2012. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 130th Anniversary of the Birth of K.I. Chukovsky and the 120th Anniversary of the Birth of A.N. Gvozdev*, (pp. 467–472). Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: RWSRRN
14. Dobrova, G.R. (2017). Children’s Statements about Language in Dynamics: on the Example of one Child. *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity’s Study*, (15), 17–32. (In Russ.). EDN: YPZQOF

Сведения об авторе:

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка, Российский государственный университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *сфера научных интересов*: онтолингвистика, персональный дейксис, вариативность речевого развития детей, детский билингвизм; *e-mail*: galdobr@peterlink.ru ORCID: 0000-0001-8007-1973. AuthorID: 108444. SPIN-код: 5025-4952; Scopus ID: 57209316374, ResearcherID: C-3837-2018.

Information about the author:

Galina R. Dobrova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Language and Literary Education of the Child, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: ontolinguistics, personal dysks, variability of speech development of children, children’s bilingualism; *e-mail*: galdobr@peterlink.ru ORCID: 0000-0001-8007-1973. AuthorID: 108444. SPIN-code: 5025-4952; Scopus ID: 57209316374, ResearcherID: C-3837-2018.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-381-391

EDN: IRAEQC

УДК 811.161.1'23:371-051"19/20"

Научная статья / Research article

Динамика изменения представления о профессии учителя в русском языковом сознании конца XX — начала XXI в.

Ш. Цзя¹ , Н.В. Уфимцева² ¹Хэнаньский педагогический университет, *Синьсян, Китайская Народная Республика*²МГУ им. М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация* 1041487637@qq.com

Аннотация. В фокусе внимания авторов исследования — изучение динамики образа учителя, сложившегося в языковом сознании русских (1988-е — 2020-е гг.). Рассмотрен учитель как важнейшая категория человеческого бытия и одна из составляющих русского языкового сознания. Представлен сравнительный анализ данных РАС1996 и полученных материалов нами в результате САЭ2020 по исследованию фрагмента ассоциативного поля «УЧИТЕЛЬ». Дано комплексное описание содержания языкового сознания и структуры ассоциативного поля учителя. Выявлена специфика образов мира русских и изменения их отношения к профессии учителя.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, ассоциативный эксперимент

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта вуза провинции Хэнань (КНР) в области гуманитарных и социальных наук 2025 года, проект «Сопоставительное исследование ядра языкового сознания русских и китайцев в рамках российской психолингвистики» (№ 2025-ZDJH-873); Национального Фонда Социальных Наук в рамках научных проектов № 24AYY015; гранта провинции Гуандун (КНР) в области гуманитарных и социальных наук 2024 года, проект «Исследование стимулирования учебной деятельности китайских студентов, изучающих русский язык, с помощью ассоциативного тезауруса» (№ GD24CWY01).

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.12.2024; дата приема в печать: 15.02.2025.

Для цитирования: Цзя Ш., Уфимцева Н.В. Динамика изменения представления о профессии учителя в русском языковом сознании конца XX — начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 381–391. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-381-391>

© Цзя Ш., Уфимцева Н.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Dynamics of Changes in the Idea of the Teaching Profession in Russian Linguistic Consciousness at the end of the 20th — Beginning of the 21st Century

Shuyue Jia ¹, Natalia V. Ufimtseva ²

¹ Henan Normal University, *Xinxiang, People's Republic of China*

² Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

 1041487637@qq.com

Abstract. The authors of the study focus on studying the dynamics of the image of a teacher that has developed in the linguistic consciousness of Russians (1988–2020s). The study considers a teacher as the most important category of human existence and one of the components of Russian linguistic consciousness. A comparative analysis of the data of the RAS1996 and the materials we obtained as a result of the SAE2020 on the study of a fragment of the associative field “TEACHER” is presented. A comprehensive description of the content of linguistic consciousness and the structure of the associative field of a teacher is given. The specificity of the images of the world of Russians and changes in their attitude to the teaching profession are revealed.

Keywords: associative dictionary, associative experiment

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Financing: The work was carried out with the support of the University of Henan Province (PRC) grant in the field of humanities and social sciences of 2025, project “Comparative Study of the Core of linguistic Consciousness of Russians and Chinese within the Framework of Russian Psycholinguistics” (2025-ZDJH-873), the National Social Science Foundation within the framework of scientific projects 24AYY015, the Guangdong Province (PRC) grant in the field of humanities and social sciences of 2024, project “Study of stimulating educational activities of Chinese students studying Russian language with the help of associative thesaurus” (GD24CWY01).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.02.2025.

For citation: Jia, Sh., & Ufimtseva, N.V. (2025). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 381–391. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-381-391>

Введение

Исследование языкового сознания и динамики образов языкового сознания носителей своей и чужой культур в разные исторические периоды давно привлекали к себе внимание исследователей российской психолингвистики (см., например [1–3] и др.). Исследователи отмечают, что языковое сознание (ЯС) — это «совокупность образов сознания, формирующиеся и овнешняемых при помощи языковых средств: слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [4. С. 36]; «мы не можем изучать сознание напрямую, а только через продукты его деятельности» [1. С. 104]. По мнению Е.Ф. Тарасова, «одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент» [4. С. 41]. Ассоциативное поле (далее АП) есть «совокупность ассоциатов, или реакций, на слово-стимул» [5. С. 197]. Как полагает Н.В. Уфимцева, это «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или

иногo этноса, отраженного в сознании „среднего“ носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [2. С. 98]. Анализ АП слова-стимула в определенном смысле открывает перед нами возможность исследовать систему ценностей носителей языка и специфику самих образов сознания. Поэтому представление о профессии учителя среди россиян исследовано нами с его помощью в психолингвистическом аспекте.

Учитель — основной, трудовой род занятий, трудовой деятельности¹. Учитель как основополагающее бытие в процессе воспитания личности и социального развития является неотъемлемой частью общества. С изменением социального переворота и экономическим развитием изменилась и система образования, и поэтому взгляды людей на учителей стали неоднозначными, обусловленные опытом, языком, культурой. Как Н.В. Уфимцева утверждает, «Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутри системные связи объективного мира» [2. С. 98–99]. Учитывая, что любые изменения, происходящие в обществе, оказывают влияние на отношение человека к миру и, в значительной степени, отражаются в языковом сознании носителей языка и культуры, проблема изучения динамики представления о профессии учителя в русском языковом сознании становится актуальной. В центре внимания нашего исследования находится вопрос о том, каков образ учителя в русском языковом сознании, какая его динамика изменения в русской культуре во времени и с какими причинами могут быть связаны те или иные изменения?

Целью нашего исследования является прослеживание и выявление изменения языкового сознания русских в период с 1988 г. по 2020-е гг. и в отношении профессии учителя в языковом, духовном и материальном аспектах.

Материалы и методы исследования

Был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) с носителями русского языка в 2020 г. (далее — САЭ₂₀₂₀) в России: в нем приняли участие 344 респондента. Испытуемый — студент высших учебных заведений в России, в частности, Москвы и Санкт-Петербурга. Испытуемые были разделены по следующим специальностям: журналистика (30), экономика (33), менеджмент (27), социология (27), юриспруденция (24), педагогическое образование (23), биология (21), международные отношения (19), инженерное дело (18), радиотехника (17), лингвистика (16), психология (15) и др. Самая большая группа испытуемых — второкурсники (34,6 % от общего числа), потом первокурсники (26,03 %), магистранты (11,96 %), четверокурсники (10,89 %) и третьекурсники (13,75 %). Испытуемым нужно было указать пол, нацию, университет, курс и др. и написать первое слово (словосочетание / предложение), пришедшее

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1986. С. 543.

в голову при слове-стимуле УЧИТЕЛЬ. Исследование нами проводилось на основе материала АП учитель, зафиксированных в РАС (далее — РАС₁₉₉₆) и данных, полученных в ходе САЭ₂₀₂₀ (таблицы 1—3).

Результаты

Г.А. Черкасова предполагает, что «величина порога стабильности реакций находится в пределах 3–5 %» [6. С. 286]. Анализируя полученные результаты, мы возьмем 5 % как величину порога стабильности реакций для нашего исследования. Величина, как утверждают В.Е. Гольдин и А.П. Сдобнова, демонстрирует высокий уровень стандартности главных ассоциатов: значительная часть испытуемых дает одинаковые ответы на установленном пятипроцентном уровне [7. С. 47]. А.А. Степанова отмечает, что «единичные реакции... в большей степени отражают индивидуальные черты языкового сознания испытуемых, в отличие от повторяющихся ассоциативных пар, которые моделируют усредненное языковое сознание носителей русского языка» [8. С. 125], мы также будем учитывать такие реакции. Это позволит нам анализировать и сравнивать контент языкового сознания русского языка за последние 30 лет.

Таблица 1 / Table 1

Модель профессиональной идентификации учителя РАС1996 и САЭ2020 / Model of professional identification of a teacher RAS1996 and SAE2020

Ядро АП учителя (≥5 %) / англ	
РАС ₁₉₉₆	истории 6
САЭ ₂₀₂₀	школа 66, знания 26
Ближняя периферия АП учителя (3 %–5 %) / англ	
РАС ₁₉₉₆	математики 4, добрый, музыки, мучитель, пения, рисования 3
САЭ ₂₀₂₀	преподаватель 15, указка 14, ученик 12, дети 11
Дальняя периферия АП учителя (2 %–3 %) / англ	
РАС ₁₉₉₆	друг, женщина, злой, любимый, мой, первый, плохой, преподаватель, русского, словесности, указка, ученик, хороший 2
САЭ ₂₀₂₀	доска 9
Крайняя периферия АП учителя (<2 %) / англ	
РАС ₁₉₉₆	авторитет, азбука, алгебры, английского, баба, ботаники, в школе, все, географии, говорит, двоечник, дирижер, достал, дурак, зануда, занятие, Ирка, история, класс, классный, кусок, литература, мужчина в сером костюме, мученик, наставник, не всегда человек, немецкого, немецкого языка, Орлов, отец, пение, пенсне, прав, прекрасный, пришел, само, сердечный, скучно, спрашивает, стоит, строгий, учитель, физики, химии, хлястик, человек, школа, шпион, язык 1
САЭ ₂₀₂₀	мама, наставник 6, педагог, умный 5, бедный, математика, работа, строгий, уважение, урок 4, женщина, линейка, математики, образование, ответственность, русский, русского, труд, ученики 3, английский, воспитатель, время, детство, друг, зарплата, знание, история, книга, мудрый, мудрость, мучитель, наука, нервы, оценка, польза, русского языка, стресс, тетрадь, хороший 2, агрессия, бабушка, бедность, биология, благо, благородно, близкий, будущее, бюджетник, вторая, голос, гордость, дар, дисциплина, добродетель, добрый, домашнее задание, Елена Николаевна, женщина в юбке, жестокое обращение, журнал, заинтересовать, имя учителя, квалифицированный, китайский язык, китайского, книги, контрольная, культуры, лань, лекция, литература, лох, Мелькор, методист, мотивация, навыв, Наталья Николаевна, начальная школа, низкая зарплата, образ, обществознания, опыт, орет, очки, первый учитель, поддержка, помощник, помощь, понимающий, правда, предмет, призвание, пример, профессионал, псих, путь, пж, русский язык, русского и литературы, сенсей, словесник, спасибо, страшно, терпение, тетка, университет, унижение, унижительность, усталость, устарелость, учебник, учитель, учительница, учить, школьная доска, школьный, экзамен 1

Источник: составлено Н.В. Уфимцевой, Ш. Цзя / Source: compiled by Natalia V. Ufimtseva, Sh. Jia.

Модель профессиональной идентификации учителя RAC_{1996} и $CAЭ_{2020}$ показывает, что на слово-стимул УЧИТЕЛЬ в качестве сходства в RAC_{1996} и в $CAЭ_{2020}$ даются 15 реакций: *математики* (3,9 %, 0,9 %), *добрый* (2,9 %, 0,3 %), *мучитель* (2,9 %, 0,6 %), *друг* (2,0 %, 0,6 %), *женщина* (2,0 %, 0,9 %), *первый* (2,0 %, 0,3 %), *преподаватель* (2,0 %, 4,4 %), *русского* (2,0 %, 0,9 %), *указка* (2,0 %, 4,1 %), *ученик* (2,0 %, 3,5 %), *хороший* (2,0 %, 0,6 %), *литература* (1,0 %, 0,3 %), *наставник* (1,0 %, 1,7 %), *строгий* (1,0 %, 1,2 %), *учитель* (1,0 %, 0,3 %), *школа* (1,0 %, 19,1 %). Эти данные указывают на то, что в языковом сознании носителей русского языка имеются общее и типичные представление о профессии учителя. Но относительно стабильно обнаруживаются в RAC_{1996} и в $CAЭ_{2020}$: *русского*, *литература*, *наставник*, *строгий* и *учитель*.

Можно отметить, что в RAC_{1996} и $CAЭ_{2020}$ главные ассоциаты первых пяти высокочастотных рангов поменялись значениями и значительно отличаются друг от друга. Первой в RAC_{1996} стоит слово-реакция *истории* 6 с долей 5,8, а в $CAЭ_{2020}$ — *школа* 66. Следует отметить, что реакция *школа* 66 с долей 19,1 повторилась еще в RAC_{1996} , но была дана только одним испытуемым, и ее доля уменьшилась более чем в 19 раз. На втором месте в $CAЭ_{2020}$ стоит слово-реакция *знания* 26, которая дана 7,6 % испытуемых, такая реакция отсутствует в RAC_{1996} .

Реакции *преподаватель*, *указка* в $CAЭ_{2020}$ соотносительно стоит третьей и четвертой с долями 4,4 и 4,1, в RAC_{1996} они также повторились, их доли вдвое с лишним ниже — 2,0 и 2,0 соотносительно. На пятом месте в $CAЭ_{2020}$ стоит реакция *ученик*, ее дали 3,5 % испытуемых, а в RAC_{1996} встречалась реже — ее доля в полтора раза ниже.

Стоящие в начале АП «УЧИТЕЛЬ» в RAC_{1996} реакции *математики* (3,9), *добрый* (2,9) появились еще в $CAЭ_{2020}$ с долями 2,9 и 0,3. На четвертом месте в RAC_{1996} стоит слово-реакция *мучитель*, которая дана 2,9 испытуемых, а в $CAЭ_{2020}$ менее 1 %.

Ю.Н. Караулов отмечает, что семантический гештальт является «одним из ведущих способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей данного языка» [9. С. 192]. Поэтому с помощью его метода мы выделяли шесть основных семантических зон, такие как **субъект**, **объект**, **характеристика**, **действие**, **состояние**, **локус**. При этом в зоне «объект» — *конкретные предметы*, *абстрактные предметы*, *ценности* и *эмоции*. В зоне «характеристика» — *положительная*, *нейтральная* и *отрицательная*.

Сходства и различия в структуре и содержании семантических зон материалов, полученных в ходе $CAЭ_{2020}$, и данных, взятых из RAC_{1996} , состоят в следующем. Ассоциативные реакции на слово-стимул УЧИТЕЛЬ в RAC_{1996} и $CAЭ_{2020}$ можно распределить по трем семантическим зонам: «Субъект», «Объект», «Характеристика». Наиболее частотные зоны в RAC_{1996} — «Характеристика» (74,5 %), «Субъект» (21,6 %) и «Объект» (3,9 %). В $CAЭ_{2020}$ — «Объект» (38,8 %), «Субъект» (25,0 %) и «Локус» (24,9 %). «Вес» зоны «Субъект» в $CAЭ_{2020}$, чем в RAC_{1996} (25,0 % и 21,6 % соответственно). По данным зоны «Субъект» в RAC_{1996} и $CAЭ_{2020}$ мы заметили, что самая типичная черта в RAC_{1996} — *мучитель* 3 с 5-м

рангом, а в САЭ₂₀₂₀ — *преподаватель* с третьем рангом. По важности для современных русских представление о профессии учителя — это также *наставник* 6, *педагог* 5, *воспитатель* 2. В русском сознании старшего поколения появилась реакция *преподаватель* 2 с 15-м рангом.

Таблица 2 / Table 2

**Анализ пар «стимул–реакция» с частотой больше 1
(РАС1996–52.0 %, САЭ2020–77.0 %) / Analysis of stimulus-response pairs
with a frequency greater than 1 (RAS1996–52.0 %, SAE2020–77.0 %)**

	РАС ₁₉₉₆	САЭ ₂₀₂₀
СУБЪЕКТ / SUBJECT	21,6	25,0
ОБЪЕКТ / OBJECT	3,9	38,8
ХАРАКТЕРИСТИКА / CHARACTERISTICS	74,5	11,3
ДЕЙСТВИЕ / ACTION	0	0
ЛОКУС / LOCUS	0	24,9
ПРОЧИЕ / OTHER	0	0

Источник: составлено Н.В. Уфимцевой, Ш. Цзя / Source: compiled by Natalia V. Ufimtseva, Sh. Jia.

По данным САЭ₂₀₂₀, вызывают в качестве слова-реакции слова-стимула УЧИТЕЛЬ объект обучения и воспитания такие, как *ученик* 12 с 5-м рангом и *дети* 11 с 6-м рангом в САЭ₂₀₂₀. Подобные реакции в РАС₁₉₉₆ — только *ученик* 2 с 19-м рангом.

Актуальной в русском сознании является связь таких понятий, как учитель — *мучитель* (3, 2) в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀, с одной стороны, и учитель — *друг* (2, 2) — с другой. Это также подтверждают лишь единичные реакции: *дурак* 1, *зануда* 1, *мученик* 1 в РАС₁₉₉₆ и *лох* 1, *псих* 1 в САЭ₂₀₂₀.

Совпадающая реакция *женщина* (2, 3), хотя и не имеет высокого частотного показателя, но стабильно обнаруживается в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀. Подобная реакция *мама* 6 также встречается в САЭ₂₀₂₀. Заметно, что в русском языковом сознании учитель прежде всего — женщина.

Зона «Объект» в САЭ₂₀₂₀ представлена большим числом реакций, чем в РАС₁₉₉₆ — 38,8% и 3,9% соответственно. Субзона «*Конкретные предметы*» в САЭ₂₀₂₀ является более важной, чем в РАС₁₉₉₆ (РАС₁₉₉₆ — 3,9% реакций, САЭ₂₀₂₀ — 1,3%).

Устойчиво представление об атрибуте учителя в виде *указка* (2, 14) в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀. Следовательно, такая принадлежность, как *указка*, занимает стабильное место в представлении русских об учителе. В языковом сознании современных русских представлены более развернуто: *доска* 9, *линейка* 3, *книга* 2, *тетрадь* 2.

В субзоне «*Ценности и эмоции*» в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀ имеются большие количественные расхождения в числе ассоциатов (РАС₁₉₉₆ — 0%, САЭ₂₀₂₀ — 14,7%).

Мы не находили ни одной совпадающей реакции в этой субзоне. В САЭ₂₀₂₀ появились реакции *знания 26, уважение 4, ответственность 3, знание 2, мудрость 2*, связанные с ценностью учителя. В частности, *знания 26* со вторым рангом и *знание 2* утвердились, в русском языковом сознании сохраняется традиционное представление: учитель — «тот, кто обладает знаниями», а не тот, «кто может научить» [10. С. 196].

Большое различие в САЭ₂₀₂₀ и РАС₁₉₉₆ мы находим в зоне «**Характеристика**». Данная зона в РАС₁₉₉₆ представлена значительно большим числом коллокаций, чем в САЭ₂₀₂₀ — 74,5 % и 11,3 %. Субзона «**Положительная характеристика**» в РАС₁₉₉₆ составляет 13,7 %, а в САЭ₂₀₂₀ составляет 4,9 %. По данным этой субзоны в РАС₁₉₉₆, учитель — в первую очередь *добрый 3*. Как отмечает К.О. Касьянова, первичные ценностные системы российской культуры «повелительно требуют от человека быть причастным к чему-то “доброму”, “вечному” в мире, к чему-то непреходящему» [11. С. 183]. В САЭ₂₀₂₀ учитель прежде всего умный 5. Не менее важными характеристиками учителя являются такие, как *любимый 2, хороший 2* в РАС₁₉₉₆, и *строгий 4, мудрый 2, хороший 2*. В этих оценках проявляется, с одной стороны, профессиональная компетентность учителя, с другой стороны, его моральные качества.

В русском языковом сознании старшего поколения наиболее типичный учитель — это учитель *истории 6* с первым рангом, и также достаточно часто встречаются реакции: *музыки 3, пения 3, рисования 3, словесности 2*, а для современных русских — *русский 3, английский 2, математики (4, 3), русского (2, 3)*, являющиеся предметным характером деятельности учителя в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀.

В субзоне «**Отрицательная характеристика**» РАС₁₉₉₆ прежде всего УЧИТЕЛЬ соотносится со *злым 2, плохим 2*, а САЭ₂₀₂₀ — *бедный 4*.

Зона «**Локус**» в САЭ₂₀₂₀ представлена большим числом реакций 24,9 %, данная зона в РАС₁₉₉₆ отсутствует. Самая распространенная реакция — *школа 66* как рабочее место учителя. Это также подтверждают единичные реакции на слово-стимул УЧИТЕЛЬ в САЭ₂₀₂₀ в отличие от РАС₁₉₉₆, где данная реакция широко представлена. Нужно отметить, что слова-реакции, связанные с действием, состоянием учителя, в САЭ₂₀₂₀ отсутствуют. Анализируя единичные слова-реакции в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀, мы выявили одинаковые слова-реакции, а именно: *литература (1,1) и учитель (1,1)*.

Большая часть реакций РАС₁₉₉₆ относится к зонам «**Субъект**» (34,0 %), «**Характеристика**» (25,5 %), «**Объект**» (23,4 %). САЭ₂₀₂₀ — «**Объект**» (57,0 %), «**Субъект**» (22,8 %), «**Характеристика**» (13,9 %).

Интересно заметить, что в зоне «**Субъект**» появляется оппозиция слов-реакций: *мужчина в сером костюме 1, отец 1, человек 1* в РАС₁₉₉₆ и *бабушка 1, женщина в юбке 1, тетка 1* в САЭ₂₀₂₀. Достаточно редко учитель воспринимается русскими как *штион 1*.

**Анализ пар «стимул–реакция» с частотой меньше 1
(РАС₁₉₉₆–48.0 %, САЭ₂₀₂₀–23.0 %) / Analysis of stimulus-response pairs
with a frequency of less than 1 (RAS₁₉₉₆–48.0 %, SAE₂₀₂₀–23.0 %)**

	РАС ₁₉₉₆	САЭ ₂₀₂₀
СУБЪЕКТ / SUBJECT	34,0	22,8
ОБЪЕКТ / OBJECT	23,4	57,0
ХАРАКТЕРИСТИКА / CHARACTERISTICS	25,5	13,9
ДЕЙСТВИЕ / ACTION	8,5	3,8
ЛОКУС / LOCUS	4,3	2,5
ПРОЧИЕ / OTHER	4,3	0

Источник: составлено Н.В. Уфимцевой, Ш. Цзя / Source: compiled by Natalia V. Ufimtseva, Sh. Jia.

В РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀ присутствуют слова-реакции, являвшиеся собственными именами: *Ирка 1, Орлов 1, Елена Николаевна 1, Мелькор 1, Наталья Николаевна 1*.

Для русских старшего поколения УЧИТЕЛЬ — *дирижер 1, наставник 1*, а для современных русских — *методист 1, словесник 1, профессионал 1*.

С учителем ассоциируется слово-реакция *учитель 1* в РАС₁₉₉₆, мы также находили реакцию *учитель 1* и ее оппозицию *учительница 1*.

Зона «Объект» в РАС₁₉₉₆ составляет 23,4%, а в САЭ₂₀₂₀ — 57,0%. В субзоне «Конкретные предметы» САЭ₂₀₂₀ у русских предметный компонент представлен более развернуто, учитель соотносится с дисциплинами учителя: *биология 1, китайский язык 1, литература 1, русский язык 1*, относящийся к атрибутами учителя: *журнал 1, книги 1, учебник 1, домашнее задание 1, школьная доска 1*. Интересно, что одна из черт учителя — его *голос 1*. В РАС₁₉₉₆ появились слова-реакции: *история 1, литература 1, пение 1*, касающиеся дисциплин учителя. Утверждается, что для русских старшего поколения учитель прежде всего — учитель истории. Мы еще находили слова-реакции: *азбука 1, язык 1*.

В субзоне «абстрактные предметы» РАС₁₉₉₆ с УЧИТЕЛЕМ только ассоциируется слово-реакция *занятие 1*, подобные реакции: *дисциплина 1, предмет 1* встречаются в САЭ₂₀₂₀. Для современных русских — учитель, обладающий *навыком 1, опытом 1*, тесно связан с нашим *будущим 1*. И также у него *низкая зарплата 1*.

В субзоне «Ценности и эмоции» РАС₁₉₉₆ только встречается *авторитет 1* с положительной оценкой, а в САЭ₂₀₂₀ появились большое количество реакций, *благо 1, гордость 1, дар 1, добродетель 1, поддержка 1, помощь 1, правда 1, признание 1, пример 1, терпение 1* — с одной стороны, и *агрессия 1, бедность 1, унижение 1, унижительность 1, усталость 1, устарелость 1* — с другой стороны.

В зоне «Характеристика» в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀ мы находим большое количество слова-реакций. К положительным слов-реакций относятся образы:

УЧИТЕЛЬ *прекрасный* 1, *сердечный* 1 — в РАС₁₉₉₆, а также может быть *не всегда человеком* 1. А для современных русских УЧИТЕЛЬ — *близкий* 1, *добрый* 1, *квалифицированный* 1, *понимающий* 1.

Среди единичных слов-реакций мы также находили многие реакции, связанные со специалистами конкретных школьных предметов, как в РАС₁₉₉₆ — *алгебры* 1, *английского* 1, *ботаники* 1, *географии* 1, *немецкого* 1, *немецкого языка* 1, *физики* 1, *химии* 1, а в САЭ₂₀₂₀ — *вторая* 1, *китайского* 1, *контрольная* 1, *культуры* 1, *обществознания* 1, *русского и литературы* 1, *школьный* 1.

В зоне «**Действие, состояние**» в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀ имеется небольшое количественное расхождение в числе ассоциатов (русские — 8,5 %, китайцы — 3,8 %). Здесь появился предметно-деятельностный компонент. Для русских старшего поколения учитель *говорит* 1, *прав* 1, *пришел* 1, *спрашивает* 1, *стоит* 1, а для современных русских — *заинтересовать* 1, *орет* 1, *учить* 1.

В РАС₁₉₉₆ русские рассматривают *школа* 1 как место работы учителя, а в САЭ₂₀₂₀ — как *начальная школа* 1, так и *университет* 1.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: представление о профессии учителя в русском языковом сознании с переходного для страны и общества периода до 2020-х гг. претерпело значительные изменения. Учитель для русских старшего поколения — прежде всего *добрый* (2.9 %) человек, *ведущий историю* (5.8 %) и *использующий указку* (2.0 %), для учеников (2.0 %) он может быть как *мучителем* (2.9 %), так и *другом* (2.0 %). В языковом сознании современных русских учитель — это тот, кто, *обладает знаниями* (7.6 %) и *работает в школе* (19.1 %). Для учеников (3.5 %) это *преподаватель* (4.4 %), *наставник* (1.7 %), *педагог* (1.6 %) с *указкой* (4.1 %). Ясно, что в русском языковом сознании акцент в представлении об учителе сместился с учебных дисциплин и качества преподавания на рабочее место и профессиональные навыки, при этом предметно-деятельностный компонент остается довольно слабым.

Вышеперечисленные сходные элементы также показали, что часть реакций САЭ₂₀₂₀ на заданное слово-стимул — УЧИТЕЛЬ содержатся в РАС₁₉₉₆. Ассоциативные данные демонстрируют, что профессия учителя воспринимается как «проявление его сущностных свойств, ценностных параметров его личности и статусных характеристик» [12. С. 13]. Следовательно, это подтверждает факт, что в языковом сознании носителя языка и культуры сохраняется как субъективное представление о профессии (опыт) отдельного индивида, так и общее представление (опыт) этноса, которое бессознательно передается из поколения в поколение, и в этом процессе формируется этнокультурная специфика языкового сознания.

В данных отмечены противопоставления оценок учительского труда, но в целом за переходный период до настоящего времени в русском языковом сознании преобладают положительные оценки. Это подтверждается по всем характеристикам (*положительной, отрицательной, нейтральной*)

в РАС₁₉₉₆ и САЭ₂₀₂₀ соответственно. Можно сказать, что роль учителя обществом всегда оценивалась высоко.

По семантическим зонам отмечается неравномерное распределение: в РАС₁₉₉₆ наибольшее количество реакций сконцентрировано в семантической зоне «характеристика», затем в зонах «субъект», «объект». В САЭ₂₀₂₀ большинство реакций относится к семантической зоне «объект», «субъект», «локус». Необходимо уточнить, зона «характеристика» представлена наиболее разнообразно.

Библиографический список

1. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111. EDN: LTFFQD
2. Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4(8). С. 98–111. EDN: MUBRWR
3. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М. : Институт языкознания РАН, 2000. С. 24–33. EDN: UVGUEN
4. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47. EDN: LAUJQD
5. Голубева И.С. Ассоциативно-смысловая характеристика школьного дискурса // Современный ученый. 2019. № 5. С. 191–199. EDN: KNNZQI
6. Черкасова Г.А. Сопоставительные статистические исследования характеристик русских ассоциативных тезаурусов // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 272–287. EDN: TXIXJH
7. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография. Саратов, 2008.
8. Степанова А.А. Психолингвистический подход к описанию фразеологических единиц русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 124–133. EDN: PVRCTF
9. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М. : Институт языкознания РАН, 2000. С. 191–206. EDN: SIJQLH
10. Тарасова И.А. Концепт «учитель» в сознании студентов-педагогов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 2. С. 194–197. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-194-197> EDN: XRTTFJ
11. Касьянова К.О. О русском национальном характере. М. : Ин-т нац. модели экономики, 1994.
12. Заречнева Е.Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. EDN: ZNYNQD

References

1. Ufimtseva, N.V. (2003). Linguistic consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality *Journal of Psycholinguistics*, (1), 102–111. (In Russ.). EDN: LTFFQD
2. Ufimtseva, N.V. (2009). The Image of the World of Russians: the Systemic Characteristics and the Content. *Language and Culture*, (4), 98–111. (In Russ.). EDN: MUBRWR
3. Tarasov, E.F. (2000). Actual problems of the analysis of linguistic consciousness. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*, N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 24–33). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.). EDN: UVGUEN
4. Tarasov, E.F. (2004). Language consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, (2), 34–47. (In Russ.). EDN: LAUJQD
5. Golubeva, I.S. (2019). Associative and Sense Characteristics of School Discourse. *Modern Scientist*, (5), 191–199. (In Russ.). EDN: KNNZQI

6. Cherkasova, G.A. (2015). Contrastive Statistical Investigations of the Russian Associative Thesauruses. *Journal of Psycholinguistics*, (24), 272–287. EDN TXIXJH.
7. Goldin, V.E., & Sdobnova, A.P. (2008). *Russian Associative Lexicography*. Saratov. (In Russ.).
8. Stepanova, A.A. (2012). Psycholinguistic Approach to the Description of Phraseological Units of the Russian language. *Journal of Psycholinguistics*, (15), 124–133. (In Russ.). EDN: PVRCTF
9. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of national mentality in the associative-verbal chain. In: *Language consciousness and image of the world*. Collection of articles, N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 191–206). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.). EDN: SIJQLH
10. Tarasova, I.A. (2018). The “Teacher” Concept in the Consciousness of Students of the Faculty of Education. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(2), 194–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-194-197> EDN: XRTTFJ
11. Kas’yanova, K.O. (1994). *On the Russian national character*. Moscow: Institute of National economics. (In Russ.).
12. Zarechneva, E.N. (2009). Sociocultural concept “teacher”: cognitive-discursive study [PhD thesis]. Barnaul. (In Russ.). EDN: ZNYNQD

Сведения об авторах:

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет); *сфера научных интересов*: языковое сознание, онтогенез языковой способности, язык как деятельностная структура, этнопсихоллингвистика; *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7476-8421; SPIN-код 3470–4597; Researcher ID: S-5910-2016.

Шуэя Цзя, кандидат филологических наук, декан факультета русского языка института иностранных языков, Хэнаньский педагогический университет (Синьсян, Хэнань, Китайская Народная Республика); *сфера научных интересов*: русский язык, психоллингвистика, этнопсихоллингвистика, языковое сознание; *e-mail*: 1041487637@qq.com
ORCID: 0009-0005-9989-8205. Researcher ID: MSW-9685-2025.

Information about the authors:

Natalia V. Ufimtseva, Dr.Ds. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Comparative Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991); *Research interests*: linguistic consciousness, ontogenesis of linguistic ability, language as an activity structure, ethnopsycholinguistics; *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7476-8421; SPIN-код 3470–4597; Researcher ID: S-5910-2016

Shuyue Jia, PhD in Philology, Lecturer at the Department of Russian, Institute of Foreign Languages, Henan Normal University (Xinxiang, Henan, People’s Republic of China); *Research interests*: Russian language, psycholinguistics; *e-mail*: 1041487637@qq.com
ORCID: 0009-0005-9989-8205, Researcher ID: MSW-9685-2025.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410

EDN: HWSLHN

УДК 811.161.1'23-053.4

Научная статья / Research article

Деривационные процессы в речи ребенка от 5 до 6 лет: узуальное и окказиональное

М.Б. Елисеева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ melyseeva@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования стали особенности словообразования в речи одного ребенка в возрасте от 5 до 6 лет, предмет анализа — словообразовательные окказионализмы и употребление в речи дериватов, относящихся к разным частям речи. Проведено сопоставление словообразовательных окказионализмов рассматриваемого периода с окказионализмами предыдущих этапов (условно отдельным этапом считается каждый год жизни ребенка). Наибольшее количество окказиональных слов отмечено в возрасте от 3 до 4 лет, а наименьшее — от 5 до 6. Преобладающим способом словообразования на всех возрастных этапах является суффиксация. На втором месте все другие способы прямой деривации, при этом доля сложения всегда низка. Обратное и заменительное словообразование встречаются крайне редко. До 3 лет детские инновации относятся к трем частям речи: больше всего существительных, на втором месте — прилагательные, на третьем — глаголы. От 3 до 4 количество существительных и глаголов практически одинаково, а прилагательных меньше. От 4 до 5 процент существительных высок, а глаголов значительно меньше. Доля прилагательных в эти три периода не меняется. От 5 до 6 начинают преобладать глаголы, образованные различными способами, — этот этап можно назвать взрывом глагольного словообразования. Мотивирующими словами для создания детских окказионализмов до 3 лет являются существительные и глаголы, но первых вдвое больше. Затем возникает баланс этих частей речи и появляются прилагательные. Постепенно доля глаголов становится несколько выше по сравнению с существительными, а доля прилагательных увеличивается. Хотя создание инноваций — одно из проявлений метаязыковой деятельности ребенка, после 5 лет осознанность в процессе словообразования возрастает. Ребенок создает свои слова, играя и занимаясь творчеством. Взрослые влияют на возможность создания детьми окказионализмов, читая им книги детских поэтов и писателей, в произведениях которых есть языковая игра.

Ключевые слова: речевой онтогенез, детское словообразование, словообразовательные окказионализмы, части речи, словообразовательные модели, метаязыковая деятельность, языковая рефлексия, лингвокреативность

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Елисеева М.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 11.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Елисеева М.Б. Деривационные процессы в речи ребенка от 5 до 6 лет: узуальное и окказиональное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 392–410. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410>

Derivational Processes in the Speech of a Child from the Age of 5 to 6 Years Old: Normative and Occasional

Marina B. Eliseeva¹

Herzen State Pedagogical University of Russia, *St. Petersburg, Russian Federation*

✉ melyseeva@yandex.ru

Abstract. The features of word-formation in the children’s speech of a child aged 5 to 6 years old, namely, word-formation occasionalisms and the use in speech of derivatives belonging to different parts of speech are in the focus of the study undertaken. In parallel, a comparison was made as to word-formation occasionalisms of the period from 5 to 6 years old with occasionalisms of previous stages. The greatest number of word-formation innovations in a child’s speech occurs between the ages of 3 and 4, and the least — from 5 to 6. The dominant means of word formation at all age stages is suffixation. All other means of direct derivation are considered as secondary. Reverse and substitution word formation are extremely rare. New derivational models of children’s innovations are described in comparison with the models mastered by a child from 1 year and 9 months to 5 years old: adjectival or substantive verbs formed according to non-productive models. Up to 3 years of age, innovations relate to three parts of speech: nouns, adjectives, verbs. From the age of 3 to 4, the number of nouns and verbs is the same, but the number of adjectives is less. From the age of 4 to 5 the ratio of nouns is still high and the ratio of verbs becomes much smaller. The ratio of adjectives in these three periods is the same. From the age of 5 to 6, verbs predominate — this stage can be called an explosion of verb word formation. Although the creation of innovations is one of the manifestations of a child’s metalinguistic activity, after the age of 5 the degree of awareness in the process of word formation increases. The child creates his own words through play and creative activities. Adults influence children’s creation of occasionalisms through reading books by poets and writers who play games with language.

Keywords: speech ontogenesis, children’s word-formation, derivational occasionalisms, parts of speech, word-formation models, metalinguistic activity, reflections of language, linguistic creativity

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 11.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Eliseeva, M.B. (2025). Derivational Processes in the Speech of a Child from the Age of 5 to 6 Years Old: Normative and Occasional. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 392–410. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-392-410>

Введение

Цель исследования — анализ особенностей словообразовательных процессов в речи одного ребенка в возрасте от 5 до 6 лет и сопоставление полученных результатов с результатами предшествующих этапов.

Основная причина детского окказионального словообразования, охватывающего не только период «от двух до пяти» [1], но и более поздние этапы речевого развития детей, связана с различием между узуальным лексиконом языка и ограниченным словарем ребенка [2]. Как замечает С.Н. Цейтлин, «способ, избранный ребенком, часто отличается от того, который был использован для номинации того же явления в конвенциональном языке» [2. С. 291]. В этот разряд попадают детские инновации, заполняющие относительные языковые лакуны, когда в узусе есть синонимическая единица к детскому слову. Однако есть и другая причина «словосочинительства»: часть явлений «не имеет лексических этикеток» [2. С. 294] — и ребенок заполняет абсолютные лакуны, используя потенциальное из языковой системы. Именно в области словообразования таких примеров очень много, в отличие от формообразования: деривационные модели чрезвычайно разнообразны, а процессы в нормативном языке подчас прихотливы — создать все возможные слова не способен ни один язык.

Как пишет Е. Кларк (исследующая детский лексикон и словообразование на материале английского и других языков с 80-х гг. XX в.), на детское словообразование влияет несколько факторов: простота формы, прозрачность смысла и продуктивность инпута. Характерно, что Е. Кларк отмечает, что для детей, овладевающих французским, итальянским, португальским и испанским языками, данные об образовании детьми новых слов состоят главным образом из дневниковых наблюдений; в некоторых случаях они дополняются экспериментальными исследованиями [3].

В настоящей статье исследуется окказиональное словообразование в речи Лизы Е. (1996 г.р.) в возрасте от 5 до 6 лет на основании дневниковых записей. Дневник речевого развития ребенка велся автором настоящей статьи и является частью ФДДР НИЛ онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена. Окказиональное словообразование в речи ребенка от 1,9 (возраст первых инноваций) до 5 лет было подробно проанализировано ранее [4–7].

Лексика от 5 до 6:

использование в речи ребенка дериватов различных типов

Анализ инноваций — не единственный путь исследования освоения детьми словообразования. М.Д. Воейкова считает, что «об уверенном осознании деривационных связей говорит» не только создание детьми словообразовательных инноваций, но и «применение детьми продуктивных деривационных моделей, или возникновение в их речи „параллельных цепочек“ из нескольких разных глаголов с одной приставкой» [8. С. 13]. Автор исследует ранний этап речевого онтогенеза (до 3 лет), когда словообразовательных инноваций мало, поэтому такой подход очень продуктивен. Безусловно, было бы интересно рассмотреть видеозаписи, в которых подряд фиксировалась речевая продукция ребенка (в течение записи) и сравнить нормативные дериваты и окказиональные, но эта задача невыполнима (видеозаписи велись до 4

лет). Однако в дневнике встречаются разнообразные дериваты, относящиеся к разным частям речи: *чудище, запасы, закат, рассвет, выходной, детство, младенчество, подросток, головастик, нищенка, прозвище, равновесие, продолжение, без сомнения; вырасти, разгрызть, усыпано, подушить, посторожить, переполо́шенные, избаловать, сосчитать, уходить, вскрыть* (в значении открыть, о тайне), *капризничать, властвовать, тянуться, заблудиться, разговаривать, перебирать, перевоспитать, переодеться, перепрыгивать, преувеличивать, выучивать, подавиться, согреться, присоединиться, рассыпаться, размножаться, рассаживаться, свариться, вернуться, возвращаться; прикольный, вечный, грамотный, посторонний, породистый, молоденький, жирненький, немножечко, изумительно, поласковее, по-настоящему*. Иногда от этих слов созданы формообразовательные инновации (*заморозИта, остановляясь, намечи* (наметь), *разодру* (раздеру), *содру* (сдеру), *переполнетой* (переполненной), *горе успокоимое, дай опахалу, на рисованиях, нет голольда; по голольду, почистее, подолже* (подольше). Иногда дериваты использованы в ненормативном значении: *Я девочка простая, которая совсем не обозначает на Лизу; Надо преследовать* (следить) *за вашим кетчупом*. Окациональное формообразование может сочетаться с окациональной семантикой: *Давай Наташа назовем. Кстати, это имя не такое размножённое*. Отметим, что больше всего среди дериватов именно глаголов.

Наблюдения М.Д. Воейковой и В.В. Казаковской за процессом освоения глаголов в раннем возрасте показали преобладание префиксальных моделей [9. С. 182–183]. Интересно, что до трех лет детьми не использовались глаголы, построенные иначе. По приведенным выше примерам очевидно, что узуальные дериваты в речи ребенка 5–6 лет отличаются значительным разнообразием, однако среди глаголов больше всего префиксальных. Это обусловлено тем фактом, что приставки «легко выделяются носителями языка в структуре глагола как структурно, так и семантически» [10. С. 38].

Окациональная деривация от 5 до 6

Если говорить о количестве словообразовательных инноваций, то мы видим следующую динамику: с 1,9 до 3 — 83, от 3 до 4 — 196, от 4 до 5 — 113, от 5 до 6 — 68. Хотя объем дневника после 5 лет меньше и в этот период в дневнике встречаются комментарии о том, что записано не всё и есть типичные случаи, не зафиксированные матерью, тем не менее очевидна общая тенденция снижения количества инноваций после 4 лет (рис. 1).

Проанализируем, по каким моделям построены инновации ребенка после пяти лет.

Отглагольные существительные (3), являющиеся названиями отвлеченного действия: с нулевой суффиксацией (как и прежде), а также с новыми суффиксами *-ений* и *-ий*: *Вот к чему этот завид привел!; здесь большие полязия, тошнение*.

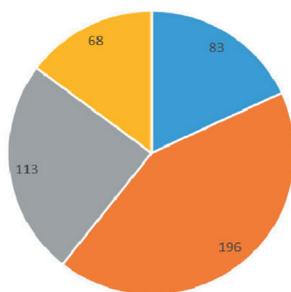

Рис. 1. Количество словообразовательных инноваций в разные возрастные периоды в речи Лизы Е
 Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 1. The number of word-learning innovations in different age periods in E. Lisa's speech
 Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

Отглагольные существительные, обозначающие предмет, предназначенный для совершения действия, или лицо, совершающее действие (5). Во-первых, два слова с суффиксами, уже встречавшимися ранее (-лк, -тель): *держалочка для бус* — о леске (двухшаговое образование: держать — держалка — держалочка); *проигрыватели* — о героях сказки «Колобок», которых они лепили в детском саду¹. Во-вторых, отмечено три отглагольных существительных с новыми суффиксами: -ник² (*встречники* — те, кто встречает); -льщик (*дарильщик*).

Особняком стоит слово *обслуженец*: *Вчера рассказывала, как приходил чужой кот: «А я ему говорю: уходи, у нас и так много обслуживенцев: Егор, Зося, Клепа... (клички котов — нашего и соседских). Сегодня играет в кота, я должна говорить: Обслуженец, уходи, брысь!»* Использование суффикса -енец удивительно, и вот почему: «§ 332. Морф -ец выступает ... в существительных, мотивированных словами на -ение...: перерождение — перерожденец... пораженец, снабженец...» [11]. Абсолютно все примеры из Русской грамматики, редкие и не могли быть аналогиями для ребенка, к тому же нет слова «обслужение», и детское слово, вероятно, все же образовано от глагола обслуживать. Однако суффикс -енец встречается, например, в отадыктивном существительном младенец, которое, безусловно, было знакомо ребенку.

Интересно посмотреть на то, как изменилось обозначение лиц, указывающих на гендерную принадлежность. До пяти лет нередко были отсубстантивные существительные с нулевой суффиксацией, обозначающие родовые

¹ Попыталась сама исправиться: назвала описательно (которые...), потом — играющие, потом — герои. Возможно, повлияла омонимия с нормативным словом проигрыватель, известным ребенку.

² Этот суффикс в Русской грамматике отмечен только у отсубстантивных существительных. В 4 года было сходное слово: *шаловник*. При этом слово *встречник* кажется вполне обычным — модель вполне могла бы существовать.

корреляты мужского пола, и избыливали женские отсубстантивные корреляты — как правило, с суффиксом *-их*. В 4 года впервые (однократно) встретились производные с суффиксами *-иц* и *-к*. В статье [7] указано, что подобные окказионализмы обусловлены желанием играть и заполнением лакун нормативного языка. Таких инноваций от 5 до 6 всего 3: с суффиксами *-иц* и *-к*, а также образованное путем десуффиксации.

Проанализируем эти примеры. Оба случая прямого словообразования возникают при опоре ребенка на слова, обозначающие лица мужского пола, предварительно употребленные в речи: 1) *командирами и командирщицами*; 2) *Уговаривает куклу-мальчика Дениса сесть на лошадь-качалку: «Ты же настоящий рыцарь! Я не рыцарька»*. Впечатление, что ребенок понимает окказиональность своих образований, но они ему необходимы в данном контексте. Это подтверждается и третьим примером, где сознательность употребления подмечена в дневнике: *Я хочу этого ута красить (в раскраске изображен герой мультфильма мужского пола). — Ну, крась этого ута (подчеркиваю голосом последнее слово). — Селезня. Произнесла ут явно сознательно, но все же исправилась*. Даже зная слово *селезень*, ребенок предпочел создать свое: это сделать легче, чем вспомнить. Проявлением метаязыковой деятельности, когда «единицы, освоенные ребенком на бессознательном уровне, передвигаются в светлое поле сознания» [2. С. 295], является и такое возражение ребенка в диалоге с мамой: *Играет, что она мальчик Антон. — Ты умница! — Я не умница, я мальчик!* Ребенок осознал слово общего рода в качестве женского вследствие ориентации на окончание 1 склонения.

Создание ребенком инноваций — само по себе одно из проявлений метаязыковой деятельности. Однако после 5 лет осознанность в процессе словообразования возрастает и увеличивается число случаев языковой рефлексии, которая, по мнению Т.А. Трифоновой, «по сравнению с другими проявлениями метаязыковой деятельности — явление более высокого порядка» [12].

Неизменно многочисленны относительные прилагательные с разнообразными суффиксами, производные от существительных (8) с суффиксами *-ов*, *-ин*, *-н*, *ск-* и от глаголов (2) с суффиксами *-льн* и *-л* (последний суффикс прежде не встречался, а все остальные использовались): *карандашовый паке-тик; свадебное платье; докторская шапочка, мужчинский* (о пиве и о пластыре, дважды в разное время); *оркестрный* (о столике); *полотенный крючок; тюльпанная страна; небное солнце* (4 примера с суффиксом *н*); *засыпальная песенка; штаны сохлые*.

Казалось бы, с этими моделями все по-прежнему, но есть и нечто новое: благодаря комментариям в дневнике можно заметить если не сознательность в образовании многих из этих слов, то, если так можно выразиться, «полуосознанность». При этом некоторые из этих окказионализмов использованы в игре или в творчестве: *небное солнце* — в собственных стихах; *Тюльпанная страна* — название своего рисунка; при укачивании куклы: *Засыпай, мой*

ребенок, мой крошка... Мандаринчики приснятся тебе... Это засыпальная песня. В 5,5,26 в дневнике отмечено: Стала смеяться во время чтения. Смех вызывают выдуманные слова: *куковальный бунт* (из «Гарантийных человечков» Э. Успенского). Казалось бы, авторский окказионализм повлиял на создание детского слова с тем же суффиксом, но *засыпальная песенка* записана в 5,0,25, а еще раньше был *снимальный хвостик*.

Ребенка не смущает и сложность артикуляции: он повторяет окказионализм с трудным стечением согласных из четырех звуков, изменяя порядок слов: *столик оркестрный, оркестрный столик*.

Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин, -ий, -ячий* (их было много до 5 лет) почти исчезли (3), причем встречаются исключительно в игре или в творческой деятельности: *деревьины ветви; Гусячьи следы в утро первого выходного* (название своего рисунка), *по гусячьим следам* (повтор в этот же день). Слово *котячий* можно считать устойчивой инновацией данного ребенка: оно было и прежде — используется при игре в кошку (*котячий пляж*). Внутри своего мира, внутри игры ребенок чувствует себя вправе говорить по-своему.

Если говорить об однотипных инновациях, то больше всего случаев окказионального образования видовых пар (12) с помощью имперфективации с неверным выбором суффикса. Этот способ был частотен и от 3 до 5. При этом, как правило, используется суффикс *-ива/ыва* вместо *-а*: это 7 инноваций из 12: *приближиваются, украшиваю³, я не буду научиваться, ему Алеша отгрызывает уши, напоминаешь, а как она очищается (о воде)?, выставливаем два ворота*.

Есть примеры, когда в норме видовой пары у глаголов нет (3 — *покипеть, полюбить, улечься*): «Несоотносительные глаголы сов. вида — это преимущественно те префиксальные глаголы, у которых присоединение префикса меняет значение глагола, а образование вторичного имперфектива по тем или иным причинам невозможно» [11]. Однако в детской речи суффиксальная имперфективация у этих глаголов возможна: *полюбляю (С кем я долго бываю, того я полюбляю⁴); покипывает* (помешивая кетчуп на плите), при этом встретилось самоисправление, когда подобран приблизительный эквивалент: *Бельчата улягиваются... Улягиваются... Ложатся*.

Еще один пример свидетельствует о самостоятельном образовании ребенком слова только потому, что сохранена основа производящего глагола: *буду расте/илять⁵* (о коврике), ср. с нормативным *расстелать*: суффикс ис-

³ Эта же инновация встретится и позже: *Надо украсить дом. У всех на день рождения города украшивают* (6,5,18).

⁴ Здесь могло повлиять стремление ребенка создать ритмизованную строчку.

⁵ Хотя окказионализмы подчиняются правилам русской орфографии, это слово можно, как нам кажется, написать по-разному: если за корнем следует суффикс А, корень требует написания с И. Но этот суффикс в норме ни разу не встречается после мягкого согласного. А глагол образован от слова «расстелить», поэтому облик корня хочется сохранить.

пользован тот же, но основа унифицирована, и чередования мягкого согласного с твердым нет.

Именно суффиксальную имперфективацию для образования видовой пары использовать удобно, так как в паре с глаголом совершенного вида изменяется только видовое значение, тогда как префиксальная перфективация часто сопровождается изменением лексического значения. Возможно, поэтому префиксальное образование окказиональных глаголов, чрезвычайно активное от 3 до 4, почти не встречается после 4-х. Нами высказывалось предположение о том, что ребенок отказался от коммуникативно непрозрачных моделей вследствие того, что созданные ребенком глаголы могут быть непонятны из-за полисемии и омонимии приставок [7].

Единственный пример префиксального образования видовой пары связан с супплетивизмом в нормативном языке и обусловлен простотой и понятностью окказионализма в данном случае, так как префикс чисто видовой: *А Оксана ищет, ищет, ничего не наищет* (ср.: *учить — научить, кормить — накормить*).

Отадъективное образование глаголов с префиксом *у-* и суффиксом *-и-* (а иногда и с постфиксом) со значением ‘наделить признаком’ уже встречалось от 4 до 5 лет (*украсивить, украсивиться, утишиться*) — теперь есть четыре подобных примера, хотя на этот раз они образованы от компаративов: *укруглить, ухужить, убольшиваться, утоньшивать*.

Слово *укруглить* было использовано дважды: *Укруглить волосы. Головной убор; У вас такие лохмотья... Теперь нужно округлить* (причесывая мать). Один окказионализм создан в результате прайминга (модель продуктивная, ср. *увлажнить*) и сопровождается самокоррекцией: *Я не улучшила, а ухужила... Сделала плохо*.

Две инновации являются двухшаговыми: *убольшиваются* — о руках (*больше — убольшиться — убольшиваться*); *они утоньшивают резину* — о том, как делают воздушные шары (*тоньше — утоньшить — утоньшивать*). Проанализированные примеры можно назвать предшественниками (прообразами) глагольного взрыва в словообразовании после пяти лет.

Остановимся на новых частных моделях, появившихся после пяти лет. Замечательно, что это почти исключительно глагольные дериваты, мотивированные существительными или прилагательными, — суффиксальные, префиксально-суффиксальные или префиксально-суффиксально-постфиксальные. Н.М. Введенская отмечает, что «в словообразовании заметна тенденция к использованию не всего разнообразия моделей, а только тех, что являются продуктивными» [13. С. 72]. Однако это справедливо на ранних этапах развития, а теперь уже далеко не всегда так: в основном типы непродуктивные и слова, по аналогии с которыми могли бы быть созданы детские, — редкие. Нами было замечено, что эти инновации похожи на окказионализмы писателей [14].

При этом по каждой частной модели создан один или — максимум — два глагола. Рассмотрим детские инновации.

1) Суффиксальные глаголы (6).

Как планета, яркаёт... — Что? — Как планета, яркаёт... — Что такое «яркаёт»? — Мерцает. Объяснение ребенка, спровоцированное взрослым, неточное: *яркаёт* — становится ярким, ярче, а *мерцает* — то ярче, то тусклее. Синоним приближительный, лагуна абсолютная. Отадъективный глагол с суффиксом *-а-* имеет значение ‘приобретать признак’ (ср. *ветшать*) — этот тип отмечен в «Русской грамматике» как непродуктивный.

Появлению этого слова предшествовала инновация *блескает*, которую ребенок использовал неоднократно в значении ‘сверкает, переливаясь’ (о переливающихся точках — в компьютере). Модель здесь несколько иная, так как глагол мотивирован существительным, при этом все частные значения и приведенные в «Русской грамматике» пары нельзя назвать аналогичными (*завтракать, пеленать, седлать*).

Отгядъективные глаголы с суффиксом имеют знач. ‘приобретать признак’: *Я все красивею и красивею.* Этот тип продуктивный — в отличие от образований от существительных с тем же значением (ср. *сиротеть*), что не мешало ребенку сконструировать и отсубстантивный окказионализм: *Я все дурчею, дурчею, дурчею.*

Другой отсубстантивный глагол — с суффиксом *-и*, обозначающий действие, свойственное лицу, названному производящим словом, — *рыболовить*. В узусе по этой модели строятся разговорные или просторечные глаголы: *партизанить, шоферить, кашеварить*.

Отсубстантивные глаголы с суффиксом *-ова-* имеют значение отнесенности действия к предмету. Детская инновация *голосовать* совпала с существующим словом, но лексическое значение иное — основанное на прямом значении производящего слова *голос*: *Когда ты говоришь с кем-то, я начинаю голосовать* (мешает матери говорить по телефону — громко кричит). К этому типу относится также слово *бешенствовать* и образованное от него префиксально *побешенствовать*: *Носится перед сном по квартире. Хочу бешенствовать. Еще немного побешенствовать.* Любопытно, что ни один из 8 подтипов этого словообразовательного типа не характеризует эти примеры полностью, так как значение окказиональное ‘проявлять то, что названо мотивирующим существительным’. Третий детский пример свидетельствует о том, что модель понравилась, так как ребенок создает слово по этой модели, повторяет его трижды и меняет форму: *Черепашка будет аппетитовать сушиками... Перестань ты аппетитовать. Лучшие здесь аппетитуй огуцом.*

2) Префиксально-суффиксальные глаголы (5).

Один отадъективный глагол с приставкой *по-* и суффиксом *-е-* имеет значение «приобрести признак». В § 908 «Русской грамматике» отмечено, что многие глаголы мотивируются сравнительной степенью прилагательного:

он посерьезнел, то есть стал серьезнее [11]. Детский окказионализм по этой модели — *потупеть*: *Он немножечко потупел* (о карандаше).

Один отадъективный глагол с приставкой *о-* и суффиксом *-и-* имеет значение ‘наделить признаком’. В § 891 «Русской грамматики» приведены примеры облагородить, округлить, усложнить — остальные слова более редкие. Однако ребенок во время чтения детской Библии сказал о Ноевом ковчеге: *Животные хорошие, они все омягчают*. Вероятно, деривация двухшаговая (в сочетании с имперфективацией): *мягкий* (мягче) — *омягчить* — *омягчать*.

Глагольные дериваты с префиксом *вы-* и суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, имеют то же значение; в «Русской грамматике» приведены примеры *выпрямить*, *выявить*, *выяснить* и указано, что тип продуктивный (§ 887). Детский окказионализм: *Ты это выкрасни* (т.е. ‘сделай красным’: обведи красным фломастером написанное ручкой слово «колобок»).

Следующий тип — непродуктивный: глаголы с тем же суффиксом, но с другой приставкой (*от-*), образованные от существительных, имеют значение ‘отделить то, что названо мотивирующим существительным’: *отщепить* (отделить щепку) § 894 [11]. Детский окказионализм: *отгвоздить* ‘выдернуть гвозди из забора’.

3) Префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы (2).

Использован тот же суффикс — *-и-*, приставки *за-* или *о-* и постфикс.

Образованным по уникальной модели является окказионализм затёплится: *Когда затёплится...* В Русской грамматике приведены два примера, но производные от существительных: *заилиться*, *запаутиниться* (окказиональное) [11. § 956]. От прилагательных образованы глаголы с другими приставками (*наловчиться*, *расщедриться*).

В норме глаголы с преф. *о-*, суф. *-и-* и постфиксом *-ся*, имеют значение ‘стать тем или приобрести признаки предмета’, однако в окказионализме ребенка другое словообразовательное значение форманта — не ‘стать тем...’, а ‘проявить то...’: *Это ты оголосилась* ‘произнесла’ [11. § 956].

И, наконец, есть единственный случай образования наречия: *Залезла в шкаф. Это мы, Роза и Лиза! А Аня не пришла в добавку с нами?* Ближе всего к детскому примеру такая модель: «Наречия с преф. *в-/во-* и суф. *-у* и нулевым, омонимичными флексиям вин. п. ед. ч. существительных... обозначают... признак, характеризующийся отнесенностью к тому, что названо мотивирующим словом: в придачу, в одиночку...» § 1009 [11].

Деривационные процессы с использованием некоторых моделей, актуальных на ранних этапах словообразовательной активности, еще активны, но инновации, созданные по ним, единичны: субстантив с суффиксом увеличительности (*календариче*); два диминутива (*держалочка*; *приманивают и красотой сиренки*). Инновации, обозначающие детенышей, исчезнувшие после 4 лет, теперь отмечены дважды, при этом оба примера — заполнение

абсолютных лакун: *ластята* (в ласточкином гнезде); *маленький сирененок, такой мальчик сирена*⁶.

Несмотря на «высокий уровень системности» явлений постфиксации и депостфиксации, отмечаемый С.Н. Цейтлин [15], в речи нашего информанта подобных примеров почти нет. Постфиксация и депостфиксация были частотны до 4 лет, однако семантических отличий между мотивирующим глаголом и детским окказионализмом не было. На данном этапе зафиксирован один пример добавления постфикса, который можно трактовать как пассивную конструкцию с привнесением страдательного значения: *Дети! Вы будете скоро капаться в нос!*

Случай «осмысленной» депостфиксации тоже всего один — ребенком образован переходный глагол: *Вскарабкай меня туда* (залезает на мать и хочет, чтобы та ей помогла). Исчезли ошибки, которые были нередки до 4 лет 8 месяцев — «потеря» постфикса у действительных причастий, не меняющая значение слова (по типу *кончившее=кончившееся*).

Замечен еще один случай обратного словообразования, весьма необычный: *Мама, ты что оголтела?* Ребенок отталкивался от прилагательного *оголтелый* — это подтверждает факт фиксации этого слова в дневнике: *кошки оголтелые* (пятью месяцами ранее). Интересно, что, в свою очередь, это прилагательное происходит от глагола — «из диал. о-голтеть, из праслав. *gyltati (вероятно, звукоподр.)»⁷.

Заметим, что оба примера обратной деривации привели к образованию глаголов.

Встретился один случай заменительной префиксации: *Сказала, что будут санки запасные и будут припасные* (ударение на ы): *на которых можно кататься*.

Из моделей, актуальных прежде, отсутствуют отадъективные существительные, обозначающие абстрактный признак или лицо, которому присущ признак, а также не встретились префиксально-суффиксальные отадъективные наречия и глаголы с суффиксом однократности. В статье [7] было высказано предположение, что одна из возможных причин утраты актуальности модели — освоение ее в предшествующий период и потеря интереса к ее формальной стороне.

Дети создают весьма небольшое количество слов путем сложения: не случайно в трудах С.Н. Цейтлин эта модель даже не упомянута. М.Д. Воейкова объясняет это тем фактом, что «в целом в русском языке количество

⁶ Из дневника: «Дочитывают с папой детское переложение "Приключений Одиссея". После посещения Камероновой галереи в Пушкине и моего рассказа про Ариадну Лиза стала проявлять интерес к мифам. Нарисовала сирен и описывает свой рисунок».

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : ИЦ Азбуковник, 2007.

композитивов как в лексической системе, так и в потоке речи значительно ниже, чем в языках с богатым основосложением» [8. С. 146].

В речи нашего информанта основосложение с суффиксацией встретилось в этот период лишь однажды: *землекрушение* по аналогии со словом *землетрясение*. Этот пример можно осмыслить и иначе: могло быть модифицировано само слово *землетрясение* — первый корень остался, а второй заменен синонимичным *трясение*). В эгоцентрической речи было одно слово, образованное сложением слов (*сверток-сумочка*) — таким же образом создавались первые сложные слова, от 2 до 3 лет (*ремешок-змея*). В речи матери в диалоге с ребенком отмечено окказиональное прилагательное, образованное сложением: *Сейчас я тебе сделаю прическу деньрожденную*. Слово звучит настолько естественно, что ребенок не обращает на него внимания и отвечает на содержание высказывания взрослого: *Когда мой будет праздник, ты будешь тоже в прическе ходить*.

Одна инновация не была включена мною в основной анализ, поскольку создана без использования какой-либо узуальной модели и напоминает некоторые индивидуально-авторские образования А.П. Чехова, тоже образованные от несуществующих корней): «Придумала себе имя и фамилию — Глагорию Аистовчикина. Записала под моим руководством, потом спрашивала, какая она девочка (чтобы запомнить)».

Сопоставление словообразовательных окказионализмов от 5 до 6 с окказионализмами предыдущих этапов

Основной способ словообразования на всех этапах — суффиксальный (что предсказуемо): его показатели практически неизменны начиная с 1,9 до 6 лет — 66–70 % (рис. 2).

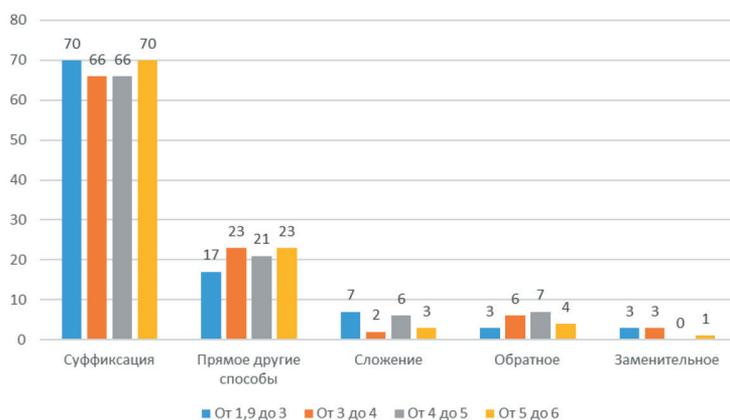

Рис. 2. Способы словообразования инноваций на разных возрастных этапах, проценты
 Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 2. Ways of word-forming innovation at different age stages, percent
 Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

На втором месте все другие способы прямой деривации (от 17% до 2 лет до 21–23% вне зависимости от возраста), исключая сложение, которое посчитано отдельно. Процент сложения невелик (2–7%), и может показаться странным, что больше всего таких случаев до 3 лет, но в этом возрасте это исключительно сложение слов — основосложение только зарождается. Процент обратного словообразования низок (3–7%), а заместительного еще меньше (0–3%).

Какими частями речи являются детские слова (рис. 3)?

До 3 лет это существительные, прилагательные и глаголы — и именно в таком порядке по убыванию частотности (40, 35 и 25%). От 3 до 4 количество существительных и глаголов практически одинаково (37 и 38%) и меньше прилагательных — 24%. Появляются наречия — 1%. От 4 до 5 — процент существительных опять вырос — 43% (почти как было и до 3 лет), гораздо меньше глаголов — 30 (но они на втором месте) и еще меньше прилагательных — 24%. Наречия единичны — 3%. Мы видим, что процент прилагательных в эти три периода не меняется.

От 5 до 6 частеречное соотношение инноваций меняется: лидируют глаголы — 47%, существительных всего 32% и, даже процент прилагательных впервые несколько уменьшился — 20%. Наречие — 1%.

Этот этап можно назвать взрывом глагольного словообразования.

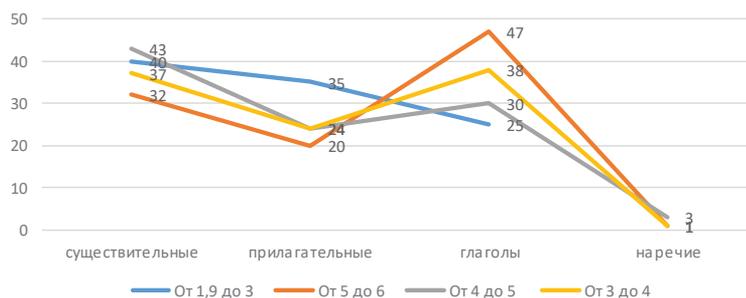

Рис. 3. Частеречная отнесенность словообразовательных инноваций на разных возрастных этапах, проценты

Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 3. Private rating of word-based innovations at different age stages, percent

Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

И, наконец, от каких частей речи ребенок образует свои слова (рис. 4)?

Сначала, до 3 лет, в подавляющем большинстве случаев инновации произведены от существительных — 68%; более, чем вдвое, ниже — процент от глагольных — 29. На периферии находятся отмеждоментные — 2% и отадъективные дериваты — 1. От 3 до 4 — одинаковое количество отсубстантивных

и отглагольных инноваций — по 46 %; количество отадъективных выросло до 6 %, отмеждоментных и отадвербиальных окказионализмов по 1 %. От 4 до 5 процентов отглагольных дериватов тот же — 46, а отсубстантивных несколько меньше — 40. Процент отадъективных увеличился до 9, от наречий до 4, а от междометий по-прежнему 1. От 5 до 6 доля отглагольных и отсубстантивных окказионализмов почти одинакова — 43 и 40 соответственно, доля отадъективных выросла почти вдвое (17), а других типов нет.

Таким образом, динамика изменения частеречной отнесенности производящих слов такова: до 3 лет это в основном существительные и глаголы, причем первых вдвое больше. Затем возникает баланс этих частей речи и ощутимо присутствие прилагательных. Постепенно процент глаголов становится несколько выше по сравнению с существительными в качестве мотивирующих слов, а процент прилагательных устойчиво растет.

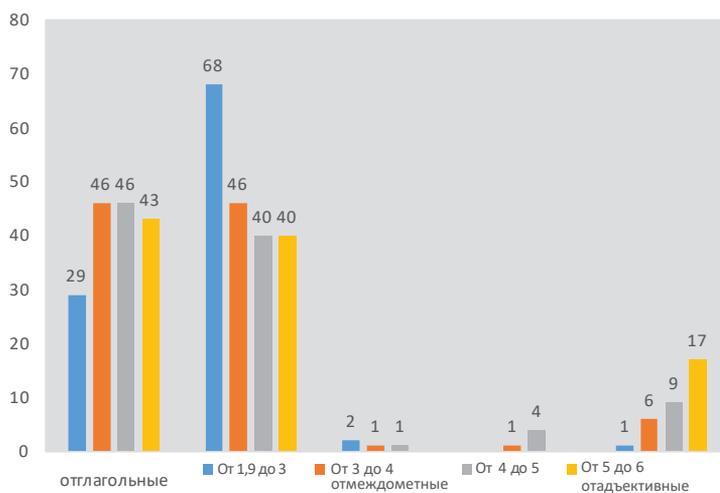

Рис. 4. Типы инноваций по частеречной природе производящего слова от 4 до 5 лет, проценты
 Источник: составлено М.Б. Елисеевой.

Fig. 4. Types of innovations in the nature of the word producer from 4 to 5 years, percentage
 Source: compiled by Marina B. Eliseeva.

Влияние инпута на создание и употребление словообразовательных окказионализмов детьми

«Воспитание речи» — так называется главка в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти». Книга знаменитая, а эта главка цитируется редко, хотя в ней автор касается важного вопроса: «вправе ли мы культивировать их (инновации — М.Е.) в речи детей?». Писатель утверждает, что нельзя хвалить при ребенке сочиненные им слова и тем более пытаться сохранить их в его речи. Задача педагога — «возможно скорее приблизить речь детей к речи взрослых». Кроме того, писатель осуждает родителей, открыто записывающих детскую речь [1].

Справедлива ли точка зрения К.И. Чуковского, высказанная с присутствующей писателю страстностью? Современные онтолингвистические исследования доказывают, что взрослые, как правило, не только не культивируют детские окказионализмы, но часто не обращают на них никакого внимания. Родителей прежде всего интересует содержание речи ребенка, а не форма высказывания: «По-видимому, истинностное значение, а не синтаксическая безупречность в основном вызывает эксплицитное словесное подкрепление со стороны родителей» [16. С. 7]. Многие инновации взрослые не замечают, хотя словообразовательные окказионализмы более выразительны и заметны, чем, например, формообразовательные. Немногие родители записывают речь детей, при этом скрыть от ребенка это в какой-то момент становится невозможным. Однако это скорее развивает языковую рефлексию, чем отрицательные качества характера. Время от времени родители корректируют речь ребенка, используя тактики прямого и косвенного исправлений [17. С. 103]. В речи детей, начиная с 2 лет, много самоисправлений различных типов (больше всего — морфологических), но при этом словообразовательные инновации исправляются (например, поясняются, заменяются словосочетанием), как правило, не самостоятельно, а только после вмешательства (косвенных исправлений) взрослого. Интересен пример из дневника А.Н. Гвоздева, где после вопроса отца Женя в 6,6 заменяет свой окказионализм синонимом, а потом добавляет еще один окказионализм: — *Пестристый олень. — Что это значит? — Пестрый. — Почему же пестристый?* Кричит, недовольный, что к нему пристают: — *Много пестринок!* [18]. Примеры см. также в [17. С. 107].

Процесс создания окказионализмов (в том числе словообразовательных) при нормотипичном развитии речи продолжается в течение всего дошкольного детства и в младшем школьном возрасте. Например, в речи Жени Гвоздева отмечены в 6,6,20–6,6,25 — *светловато, прорез, толщенный, удавик, зачтоха (зашто'ха какой! — о том, кто повторяет «за что»), светлота, дымяки, дымейка (о вулканах), брызгучки, начепушишь (скажешь чепуху), не экскурсенная дорога, разбойничкишки*. В 7, 5: *Деру'чий мальчишка, Спиля'ют вяз; Он деретя. Кого знает, не дерет», бумага прозра'чивается, прозра'чится*. Последние окказиональные слова записаны А.Н. Гвоздевым в 8, 9, 22 [18].

К 8–9 годам окказионализмы остаются почти исключительно только как языковая игра, см., например, такой диалог с девятилетним мальчиком, записанный автором настоящей статьи: — *Ты прислушиваешься?* — *Нет, я приглаживаюсь!*

Опыт родителей, которые вели дневники речевого развития своих детей, показывает, что действительно скрыть ведение дневника от ребенка (особенно по мере его взросления) становится трудно или даже невозможно, однако запись ошибок ребенка взрослым ведет к развитию языковой рефлексии ребенка, а не к развитию позерства.

В заключение упомянем еще одну значимую причину создания детьми окказионализмов. К словотворчеству детей побуждает чтение родителей (а позже — собственное чтение), поскольку в детской литературе частотны словообразовательные окказионализмы: в прозе А. Волкова, Н. Носова, В. Драгунского, Э. Успенского, в поэзии О. Григорьева, М. Яснова, В. Левина, А. Усачева, М. Бородицкой, Г. Кружкова, И. Шевчука, в переводной литературе — у Л. Кэрролла, А. Милна, Р. Даля, О. Нэша, Доктора Сьюза, Дж. Р.Р. Толкиена, Дж. Роулинг и др. Вследствие развития языковой рефлексии ребенок начинает осознавать возможность создания несуществующих слов не только им самим, но и взрослыми — судя по наблюдениям [19], это происходит как раз после пяти лет: в дневнике в 5,5,26 отмечено: «Недавно стала смеяться во время чтения. Смех вызывают выдуманные слова: *куковальный бунт* (из «Гарантийных человечков» Э. Успенского).

Заключение

Мы придерживаемся подхода о появлении словообразовательных инноваций, построенных по различным моделям, как о критерии усвоения этих моделей ребенком. Использование ребенком некоей модели как образца для конструирования своего слова — не только свидетельство детской лингвокреативности, но креативности в определенном русле: чтобы создать слово по модели, ребенок должен осознать ее (какое слово является производящим, с помощью какого форманта с каким словообразовательным значением оно построено).

Новые словообразовательные модели — это прежде всего отыменные глаголы, образованные суффиксально, префиксально-суффиксально или префиксально-суффиксально-постфиксально по непродуктивным моделям. Мотивирующими словами для детских инноваций этого периода также часто являются глаголы.

Развитие языковой рефлексии приводит, с одной стороны, к самоисправлениям и, с другой стороны, к сознательному словотворчеству, к чему детей побуждает также чтение игровой поэзии. Ребенок всегда, с самого начала речевого онтогенеза, использует узуальные языковые средства: даже у самых «лингвокреативных» детей окказионального значительно меньше. Это относится и к словообразовательным инновациям. По мере взросления пополняется лексикон, и поэтому словообразовательными окказионализмами в основном заполняются абсолютные языковые лакуны, т.е. то, что не имеет наименований в нормативном языке. Огромное количество продуктивных словообразовательных моделей ребенком «не отрабатывается» с помощью окказионализмов — напротив, используются редкие, необычные модели. Вспомним, что усвоение моделей ребенком происходит не только посредством создания собственных слов, но и через использование в речи производных слов. Однако обозначенная проблема предполагает дальнейшие размышления и требует изучения.

Библиографический список

1. Чуковский К.И. От двух до пяти. М. : Детская литература, 2023.
2. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. EDN: RWKCTL
3. Clark E.V. Later lexical development and word formation // *The handbook of child language* / eds. P. Fletcher, B. MacWhinney. Oxford: Blackwell, 1995. P. 393–412. <https://doi.org/10.1111/b.9780631203124.1996.00016.x>
4. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы: ранние этапы. М. : Языки славянской культуры, 2015. EDN: VRSAJJ
5. Елисеева М.Б. Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // *Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия : материалы ежегодной междунар. науч. конф.* Иваново : Листос, 2019. С. 152–156. EDN: ONJXFM
6. Елисеева М.Б. Онтогенез словообразования в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2020. № 196. С. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>.
7. Елисеева М.Б. Словообразовательные окказионализмы в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2024. № 166(1). С. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130> EDN: EATCTB
8. Воейкова М.Д. Глагольные дериваты на ранних этапах усвоения русского языка // *Проблемы онтолингвистики 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы) : материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 г.* СПб. : ВВМ, 2022. С. 13–21. EDN: FGFHST
9. Kazakovskaya V.V., Voeikova M.D. Acquisition of derivational morphology in Russian // Mattes V., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K., Dressler W.U. (eds.) *The acquisition of derivational morphology: a cross-linguistic perspective*. NY : John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 169–195. <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz> EDN: GLXCOG
10. Сухорукова Ю.А. Функциональные особенности глаголов и глагольных префиксов в русском языке: корпусное исследование (на материале глаголов с префиксом пред-) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2021. № 4(216). С. 37–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-4-37-47> EDN: AMGQJA
11. Русская грамматика: в 2 т. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. М. : Наука, 1980.
12. Дети о языке: метаязыковая деятельность и языковая рефлексия / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина [и др.]. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. EDN: PNQCFP
13. Введенская Н.М. Каркас русской грамматики // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2023. Т. 165. № 3. С. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78> EDN: CMKJRK
14. Елисеева М.Б. Детские и поэтические окказионализмы: сходство и различие // *Проблемы онтолингвистики 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка : материалы ежегодной Международной научной конференции*. СПб. : ВВМ, 2024. С. 78–84 EDN: UATJVO
15. Цейтлин С.Н. Возвратные глаголы и детская речь // *Проблемы теории грамматического залога*. Л. : Наука, 1978. С. 128–130. EDN: SZHQML
16. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. Перевод с английского Е.И. Негневицкой / Под общ. ред. А.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1976.
17. Елисеева М.Б. Прямые и косвенные самоисправления в речи детей дошкольного возраста // *Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании*. 2015. № 4. С. 98–112. EDN: VHUKGZ
18. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса : дневник научных наблюдений. М. : Ленанд, 2019.

19. Елисеева М.Б., Максимова Н.И., Голубева В.К. Книга в восприятии ребенка от рождения до 11 лет. Исследование и методики развития интереса к чтению. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. EDN: TYVGHN

References

1. Chukovsky, K.I. (2023). *From two to five*. Moscow: Detskaya literatura. (In Russ.).
2. Cejtin, S.N. (2009). *Essays on word formation and form formation in children's speech*. Moscow: Znak. (In Russ.). EDN: RWKCTL
3. Clark, E.V. (1995). Later lexical development and word formation. In: *The handbook of child language*, P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.) (pp. 393–412). Oxford: Blackwell. <https://doi.org/10.1111/b.9780631203124.1996.00016.x>
4. Eliseeva, M.B. (2015). *Formation of an individual language system: early stages*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.). EDN: VRSAJJ
5. Eliseeva, M.B. (2019). Suffixal word-formation models in the speech of a child from 3 to 4 years old (based on a longitudinal study). In: *Modern ontolinguistics: problems, methods, discoveries: materials of the annual international scientific conf.* (pp. 152–156). Ivanovo: Listos. (In Russ.). EDN: ONJXFM
6. Eliseeva, M.B. (2020). The ontogenesis of word formation in a child's speech between 3 and 4 years of age (a case study). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (196), 86–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96> EDN: GORCRT
7. Eliseeva, M.B. (2024). Derivational Occasionalisms in the Speech of One Child Aged from Four to Five Years. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*, 166(1), 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130> EDN: EATCTB
8. Voeikova, M.D. (2022). Verbal derivatives in the early stages of Russian language acquisition. In: *Problems of ontolinguistics 2022: the child's speech world (universal mechanisms and individual processes): Proceedings of the annual international scientific conference, St. Petersburg, April 19–21, 2022* (pp. 13–21). Saint Petersburg: Publ. House VVM. (In Russ.). EDN: FGFHST
9. Kazakovskaya, V.V., & Voeikova, M.D. (2021). Acquisition of derivational morphology in Russian. In: Mattes V., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K., Dressler W.U. (eds.) *The acquisition of derivational morphology: a cross-linguistic perspective* (pp. 169–195). NY: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/lald.66.07kaz> EDN: GLXCOG
10. Sukhorukova, Yu.A. (2021). Functional features of verbs and verbal prefixes in the Russian language: corpus research (based on verbs with the prefix pre-). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (4), 37–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-4-37-47> (In Russ.). EDN: AMGQJA
11. Russian grammar: in 2 vol. (1980). N.Yu. Shvedova (Ed.) Vol. 1. Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
12. Children about language: metalinguistic activity and language reflection (2022). S.N. Cejtin, M.B. Eliseeva, T.V. Kuzmina (eds.). Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia publ. (In Russ.). EDN: PNQCFP
13. Vvedenskaya, N.M. (2023). Russian Grammar Framework. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 165(3), 67–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78> EDN: CMKJRK
14. Eliseeva, M.B. (2024). Children's and poetic occasionalisms: similarities and differences. In: *Problems of ontolinguistics 2024: language interaction between an adult and a child. Proceedings of the annual International Scientific Conference* (pp. 78–84). Saint-Petersburg: VVM. (In Russ.). EDN: UATJVO
15. Cejtin, S.N. (1978). Reflexive verbs and children's speech. In: *Problems of the theory of grammatical voice of the USSR Academy of Sciences., Institute of Linguistics* (pp. 128–130). Leningrad. (In Russ.). EDN: SZHQML

16. Slobin, D., & Green, J. (1976). *Psycholinguistics*, E.I. Negnevitskaya (Transl.), A.A. Leontyev (Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
17. Eliseeva, M.B. (2015). Direct and indirect self-corrections in the speech of preschool children. *Scientific Journals of Ural State University. Series: Psycholinguistics in education*, (4), 98–112. (In Russ.). EDN: VHUKGZ
18. Gvozdev, A.N. (2019). *From first words to first grade: a diary of scientific observations*. Moscow: Lenand. (In Russ.).
19. Eliseeva, M.B., Maksimova, N.I., & Golubeva, V.K. (2019). *The book in the perception of a child from birth to 11 years. Research and methods for developing interest in reading: educational and methodological manual*. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia publ. (In Russ.). EDN: TYVGHN

Сведения об авторе:

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка, Институт детства, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *сфера научных интересов*: язык художественной литературы, речевой онтогенез и дизонтогенез, становление индивидуальной языковой системы ребенка, диагностика речевого развития, языковая рефлексия, восприятие книги ребенком, освоение русского языка детьми-билингвами; *e-mail*: melyseeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0564-668X, SPIN-код: 9596-1616, Author ID: 183194.

Information about the author:

Marina B. Eliseeva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Children's Language and Literary Education, Institute of Childhood, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: language of literary literature, speech ontogenesis and dizonogenesis, development of individual language system of the child, diagnosis of speech development, linguistic reflexes, perception of a book by a child, mastering of Russian language by children-bilingual; English language, imagology; *e-mail*: melyseeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0564-668X, SPIN-code: 9596-1616, Author ID: 183194.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426

EDN: HWCEDC

УДК 811.161.1'23

Научная статья / Research article

Деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство» в русском языке: психолингвистический аспект

В.Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

favenera@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить и охарактеризовать в психолингвистическом аспекте процесс словообразовательного маркирования семантических доминант деривационно-семантического пространства «Лицемерие и притворство», а именно слов *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*. Они объективируют в языке рационалистически-прагматическую модель коммуникации, обусловленную морально-нравственными ориентирами личности. Новаторство исследования состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать производные лексические единицы, вербализующие стереотипы неискреннего и лживого поведения, сквозь призму психолингвистики и лингвистической метаэтики, что позволило интерпретировать морфосемантическую структуру слова как проявление динамики русского языкового сознания. В соответствии с предложенным алгоритмом анализа охарактеризована семантическая структура доминантных слов; на основе синонимических и ассоциативных рядов установлен лексический состав и границы исследуемого пространства; выявлены основные типы производных в составе коррелирующих словообразовательных гнезд и их компонентов; определен спектр чувств и эмоций, сопровождающих процесс идентификации и оценивания «обманных действий» и «мнимой реальности», доказано наличие психологического компонента в семантической структуре подобных номинативных единиц. Производная лексика (наименования лиц, действий, отвлеченных понятий, разного рода признаков) как одна из форм отражения этноментальной действительности получает эмоционально-экспрессивную окраску, пейоративную оценку и дополнительные оттенки значения. Экспрессивность их внутренней формы вызывает в сознании человека сопутствующие чувства, эмоции и представления. Перспективный (синхронический) и ретроспективный (диахронический) словообразовательный анализ позволил рассмотреть совокупности производных слов как макроединицы хранения и систематизации ментально-языковой информации, связанной с социально-психологическими установками носителей языка, их поведением и коммуникативной деятельностью. Изучение производных номинаций антропологической направленности, появившихся в результате актов деривации, является одним из способов реконструкции и описания русского языкового сознания.

Ключевые слова: словообразование, модели поведения, морально-этические нормы, эмоции

© Фатхутдинова В.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: работа выполнена за счет средств «Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета» (Приоритет-2030).

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.11.2024; дата приема в печать: 15.02.2025.

Для цитирования: *Фатхутдинова В.Г.* Деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство» в русском языке: психолингвистический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 411–426. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426>

The Derivational and Semantic Space “Hypocrisy and Pretense” in the Russian Language: Psycholinguistic Aspect

Venera G. Fatkhutdinova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ favenera@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify and characterize in the psycholinguistic aspect the process of word-formation labeling of the semantic dominants of the derivational-semantic space “Hypocrisy and pretense” in the Russian language, namely the words *hypocrisy*, *duplicity*, *insincerity* and *pretense*. They objectify in language a rationalistic and pragmatic model of communication, conditioned by the moral and moral orientations of the individual. The innovation of the work lies in the fact that for the first time it attempts to describe derived lexical units that verbalize stereotypes of insincere and deceitful behavior through the prism of psycholinguistics and linguistic meta-ethics. This approach allowed us to interpret the morphosemantic structure of the word as a manifestation of the dynamics of Russian linguistic consciousness. In accordance with the proposed analysis algorithm, the semantic structure of dominant words is characterized in the study; on the basis of synonymous and associative series, the lexical composition and boundaries of the studied space are established; the main types of derivatives in the composition of correlating word-formation nests and their components are identified; the spectrum of feelings and emotions accompanying the process of identification and evaluation of ‘deceptive actions’ and ‘imaginary reality is determined. The study proves the presence of a psychological component in the semantic structure of such nominative units. Derived vocabulary (names of persons, actions, Abstract concepts, various kinds of signs) as one of the forms of reflection of ethnomental reality, it receives an emotionally expressive coloring, a pejorative assessment and additional shades of meaning. The expressiveness of their inner form evokes accompanying feelings, emotions, and ideas in the human mind. Prospective (synchronic) and retrospective (diachronic) word-formation analysis allowed us to consider the totality of derived words as “macrounits” of storage and systematization of mental and linguistic information related to the socio-psychological attitudes of native speakers, their behavior and communicative activities. The study of derived anthropological nominations that have emerged as a result of acts of derivation is one of the ways to reconstruct and describe the Russian linguistic consciousness.

Keywords: word formation, patterns of behavior, moral and ethical norms, emotions

Financing: the work was carried out using funds from the “Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University” (Priority 2030).

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.11.2024; accepted: 15.02.2025.

For citation: Fatkhutdinova, V.G. (2025). The Derivational and Semantic Space “Hypocrisy and Pretense” in the Russian Language: Psycholinguistic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 411–426. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426>

Введение

Этика, мораль, нравственность, поведенческие стереотипы и психологический портрет личности представляют собой единое концептуальное пространство, объективация которого в языке всегда привлекала внимание лингвистов. Как известно, морально-этические нормы, как и деонтические нормы в целом, имеют прототипический характер: они регулируют множество коммуникативных ситуаций, описывают стереотипы межличностного взаимодействия, типичные установки и поведение субъектов, характеризуют социально нерелевантные действия и оценочные реакции людей. Моральные ценности «говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть» [1. С. 4]. Для современной лингвистики актуальным становится изучение «нормативной эксплицитности», а именно способов вербализации правовых и этических норм, представлений, запретов, социальных законов, социально-психологических установок и прескриптивов нравственного поведения. Слова, указывающие на модели поведения человека, в ментальном лексиконе занимают особое место. По мнению В.И. Постоваловой, в настоящее время «этическая оценка в ее лингвистическом ракурсе исследуется в новом направлении гуманитарной науки — лингвистической метаэтике, изучающей нравственное сознание человека через его отображение в языке — разных видах деонтического дискурса, этических номинациях, оценках и др.» [2. С. 406].

С точки зрения Ю.Д. Апресяна, представления об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики можно извлечь из анализа таких лексических единиц, как *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *жаловаться* и *ябедничать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, что свидетельствует о закреплении в значениях слов морально-этических норм [3. С. 39].

Предметом исследования выступили производные лексические единицы, образующие деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство», главная функция которых — объективировать представление о нежелательных, предосудительных, социально осуждаемых моделях поведения человека. **Цель исследования** — выявить и охарактеризовать в психолингвистическом аспекте процесс словообразовательного маркирования семантических доминант исследуемой сферы, а именно слов *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*. Они объективируют в языке рационалистически-прагматическую модель коммуникации, обусловленную морально-нравственными ориентирами личности. «Этика здравого смысла

предупреждает, что самым опасным в поведении окружающих людей выступает обман. При этом *неприкрытая ложь* опасна и для самого субъекта, и потому обман *прикрывается добрыми чувствами, рядится* в самые разные одежды и принимает самые разнообразны личины» [4. С. 179–180].

Лицемерное поведение можно трактовать как разновидность «обманных действий» и как проявление очевидной и неочевидной коммуникативной прагматики. Оно противоречит нормам диалогической этики, фиксирующей «нормативно-ценностные основания социокультурной практики речевой коммуникации» [5. С. 40]. «Общественные» и «частнооценочные» номинации «имеют отношение к соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной), восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям), ... к прескриптивной функции речи, реализующейся в определенных типах речевых актов» [6. С. 183].

Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать производные лексические единицы, объективирующие стереотипы неискреннего, лицемерного, лживого поведения в психолингвистическом аспекте, позволяющем интерпретировать морфосемантическую структуру слова как проявление динамики русского языкового сознания. Для описания результатов словообразовательной детерминации исследуемых понятий в этом ключе мы предлагаем следующий алгоритм анализа: 1) охарактеризовать семантическую структуру доминантных слов; 2) на основе синонимических и ассоциативных рядов установить лексический состав и границы исследуемого пространства; 3) выявить основные типы производных в составе коррелирующих словообразовательных гнезд и их компонентов; 4) определить спектр чувств и эмоций, сопровождающих процесс идентификации и оценивания лицемерного поведения.

Одной из теоретических посылок нашего исследования стал тезис о «внутреннем структурировании» психолингвистики как науки, в результате чего, наряду с «психолингвистикой дискурса», «психолингвистикой мышления» и «нейропсихолингвистикой» выделяется «психолингвистика сознания», которая «включает в свой состав фоносемантику, комплекс проблем описания ментального лексикона, психолингвистические аспекты изучения словообразования, грамматики и т.п.» [7. С. 45]; ср. термин «языковое сознание», который указывает на «неразрывную связь лингвистических проявлений с содержанием сознания человека» и в полной мере раскрывается при модельном описании «целостной структуры рече-мысле-языковой системы» [8. С. 15]. Другим теоретическим основанием нашего исследования стало понятие «психологической (психолингвистической) структуры значения слова», представляющей собой единство вербальных и невербальных компонентов, неразрывно связанных с коннотативными (эмоционально-оценочными) смыслами, в разной степени осознаваемыми носителями языка (А.А. Леонтьев,

А.А. Залевская, И.А. Стернин, А.В. Рудакова, В.В. Красных, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский и др.). Его трактовка как компонента ассоциативной структуры» позволяет говорить о «принципиальном единстве психологической основы ассоциаций и семантических компонентов значения слова» [9. С. 10].

Методы и материалы исследования

При описании словообразовательных процессов в языке, на наш взгляд, необходима интеграция структурно-семантического, когнитивного и психолингвистического подходов, при которой акты деривации рассматриваются как результаты деятельности языкового сознания, см. интерпретацию словообразования как «источника реконструкции языкового сознания» [10]. Поэтому в качестве методов нашего исследования выступили компонентный анализ семантической структуры слова; лингвокультурологический анализ словарных дефиниций, представленных в лексикографических источниках разного типа; психолингвистическая интерпретация внутренней формы дериватов. В настоящее время ученые предлагают исследовать внутреннюю форму слова с учетом достижений «когнитивно ориентированных лингвистических дисциплин, изучающих ассоциативно-апперцепционный характер мышления человека» [11. С. 77].

Перспективный (синхронический) и ретроспективный (диахронический) словообразовательный анализ лексических единиц, образующих исследуемую семантическую сферу, является одним из способов выявить и описать роль и место деривационных средств в формировании понятийно-логической, аксиологической и концептуальной модели окружающей действительности. «...За процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, ... т.е. процессы концептуальной деривации, связанные с развитием и формированием общей и языковой картины мира» [12. С. 58].

Материалом для исследования послужили толковые, словообразовательные, синонимические, ассоциативные и идеографические словари русского языка, а также данные Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждение

Представление о лицемерии в русском языковом сознании

Способы вербализации стереотипов человеческого поведения, связанных с социальным взаимодействием, физическим, психическим состоянием людей и процессом межличностной коммуникации, характеризуют ценностный аспект языковой личности. Лексические единицы исследуемого семантического пространства объединяются на основе интегрального признака «отношение к членам социума», проявляющегося в соответствии или несоответствии внешнего поведения характеру и внутреннему миру человека.

Деонтическое предписание «быть честным» (говорить правду) по оценочной (аксиологической) шкале соответствует положительному полюсу, в то время как нарушение этой нормы (например, «казаться честным», «изображать искренность») оценивается негативно. «Признак «кажимости», несовпадение фактического положения дел с тем, что представляется наблюдателю, лежит в основе важного для языка противопоставления реального и мнимого (воображаемого или обманного) миров»¹.

Представление о лицемерии в языковом сознании носителей русского языка имеет давнюю историю и с течением времени сформировалось в стереотипный, функционально значимый для современной речевой коммуникации образ. *Лицемерие* — «несоответствие слов, поступков человека истинным чувствам, убеждениям, намерениям; притворство»². Словообразовательное гнездо с исходным словом *лицемер* включает в себя 16 дериватов: субстантив со значением женскости *лицемерка*; глаголы *лицемерить*, *полицемерить*, *лицемерничать*, *слицемерничать*, *лицемерствовать*; адъектив *лицемерный*, на базе которого образованы существительные со значением отвлеченного признака: *лицемерие*, *лицемерность*, *лицемерство*; адвербиальные слова: *лицемерно*, *нелицемерно* и др.³. Социально-психологическое назначение перечисленных дериватов — выразить пристрастное, ценностное отношение к процессу межличностного взаимодействия, а также интерпретировать действительность с точки зрения деонтических норм.

Вершина словообразовательного гнезда — непроизводный с точки зрения синхронии агентив *лицемер* имеет четкую морфемную структуру, но не совсем ясную внутреннюю форму: «ст.-слав. *лицемѣр* от **lice* и **-menъ* — меняющий лица, двуличный (см. мена); сближено с *мѣра*, *мѣрити* (см. мера)»⁴ (С. 506); см. также «мер I в *лицемер* (см.), связано с *мѣна*» (С. 600).

С точки зрения В.В. Красных, «при изучении психологической структуры значения слова особое внимание следует уделять архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка (представителя культуры), и коннотативным и эмотивным аспектам значения» [13. С. 1309]. В этой связи одной из архетипических единиц исследуемого семантического пространства является понятие «лицо» как «главная проекция души человека». Деривационно-смысловая триада «лицо — личина (маска) — лицемер» отражает процесс «рационального словообразования», при котором дериваты заменяют собой дескриптивное описание и актуализируют эмоционально оценочную коннотацию.

Смысловая и структурная соотносительность слова *лицемер* со словом *личина* не вызывает сомнений: «Личина (устар.) 1. маска; 2. (перен.) напускные

¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 872.

² Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191.

³ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 547.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 2.

манеры, внешний вид, посредством которых скрывается истинная сущность кого-, чего-либо. Устойчивое: *надеть личину* — прикинуться кем-либо или каким-либо»⁵. В «Толковом словаре» В.И. Даля производное *личина* представлено в словарной статье «лице́, лицо» и семантизируется следующим образом: «накладная рожа, харя, маска», «ложный, притворный вид, лукавое притворство // он бездельничает под личиной смиренья. Снять с кого личину». При этом глаголы *лицемерить* / *лицемерствовать* толкуются именно через слово *личина* (от *лицо*): «принимать на себя личину, быть двуличным, облыжным, действовать притворно, обманывать внешностью; прикидываться смиренным, ханжить, льстить кому из своих видов». Отсюда *лицемер* — «ханжа, притворно набожный или добродетельный корыстный льстец»⁶.

В «Русском семантическом словаре» широко представлены наименования лиц «по свойствам природы, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемыми такими свойствами, чертами», в частности, в подгруппе «обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность»: *двурушник, комедиант, иудушка, конформист, конъюнтуристик, лицедей, лицемер, обманщик, перевертыш, приспособленец, притвора и притворщик, святоша, симулянт, фарисей, филистёр, флюгер, хамелеон, ханжа, шарлатан* и др.⁷, ср. также *иезуит, волк в овечьей шкуре, ипокрит, Тартюф, двуликий Янус, притворщик*⁸.

Для подобных лексических единиц антропоцентрической направленности «коннотативное значение приобретает особую значимость в силу специфики самого объекта исследования, так как обычно то, что характеризует человека (его характер, поведение, внешний облик, действия, отношения между людьми и т.д.), представляет оценочные категории» [14. С. 17]. Семантическая структура агента *лицемер* включает в себя отрицательный эмотивно-оценочный (= психологический) компонент, поскольку ассоциатами для него выступают понятия «ложь, неискренность, притворство», вызывающие идентичную чувственную реакцию. По сравнению со словом *лицедей* (калька с греческого, букв. «делающий лицо») '(устар). актер; притворщик' в лексеме *лицемер* негативная коннотация получила развитие прежде всего на базе соответствующих ассоциаций. Она в семантике этого слова стала доминирующей и определяющей, т.е. фактически трансформировалась в лексическое значение данной языковой единицы. Если в номинации *лицедей* эмоционально-оценочный компонент является адгерентным (ситуативным, контекстуальным), то в слове *лицемер* он явно уже стал ингерентным (узуральным). «Названия человека как личности социальной и духовной позволяет

⁵ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191–192.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 259.

⁷ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2000. Т. 1. С. 112.

⁸ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. С. 105.

выяснить природу ценностей и императивов традиционной культуры, нормы, правила поведения и взаимодействия людей в обществе, поскольку социальное поведение человека регулируется принятой в обществе моралью как одного из важнейших элементов культуры» [15. С. 134].

В «Толковом словаре» В.И. Даля отвлеченные понятия представлены тремя субстантивами: *лицемерие*, *лицемерство* и *лицемерность*; «лицемерный поступок» — это «деяние, где зло скрывается под личиной добра, порок под видом добродетели». Кроме адъектива *лицемерный* представлены также два других прилагательных «лицемеристый и лицемероватый» со значением «в меньшей степени с наклонностью к сему» (к лицемерию)⁹. Можно предположить, что два последних адъектива обозначены как потенциально возможные лексические единицы в узуальной повседневной речи в зависимости от их функции. «Большое количество антропологических прилагательных имеют два разных значения — (1), Свойство, характеристика личности и (2) поведение, актуальная характеристика человека в конкретной ситуации» [16. С. 85].

Процессуальное воплощение этической оппозиции «искренний — неискренний» представлено в психологически значимом предикате *лицемерить* — «проявлять неискреннее отношение к кому-либо, прикрывая злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью; син. *двоедушничать*, *двуличничать*, *фальшивить*, *фарисействовать*, *ханжить*»¹⁰.

Психологический компонент лексического значения имеет место и у прилагательного *двуличный*. «1. (устар.) имеющий два лика, лица; 2. лицемерный, неискренний»¹¹. Компоненты значения слова *двуличный*, представленные его интенционалом, с течением времени получили устойчивую эмоционально-экспрессивную окраску — коннотацию осуждения, неодобрения, поскольку сопутствующие окказиональные смыслы с течением времени перешли в разряд узуальных. «Слово *двуличный* в современном русском языке выражает только одно значение — лицемерный, неискренний, двоедушный, имеющий как бы два лица. ... Все эти слова окружены экспрессией осуждения, порицания»¹².

В «Словообразовательном словаре русского языка» (1985) данный адъектив представлен в рамках двух словообразовательных гнезд — с вершиной «два» и с вершиной «лицо». И если адъектив *двуликий* соотносится с основой *лик*, то прилагательные *двулицый* и *двуличный* — с мотивирующей основой *лицо*. Конкретная словообразовательная парадигма прилагательного *двуличный* включает в себя агентивы *двуличник* и *двуличница*; глаголы *двуличничать* и *сдвуличничать*, наречие *двулично*; отвлеченные субстантивы *двуличность*

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 259.

¹⁰ Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 601.

¹¹ Словарь русского языка. под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 1. С. 371.

¹² Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1990. С. 129.

и *двуличие*, а также прилагательное *двуличневый*¹³. Лексикографические источники констатируют тождество близких по смыслу понятий: *двуличный* — «то же, что и двуличный (Двуличный Янус — о двуличном, лицемерном человеке)»¹⁴. Об абсолютном тождестве понятий «двуличие» и «лицемерие» свидетельствуют и глаголы: *двуличничать* — «проявлять лицемерие, неискреннее отношение к кому-либо поведением, словами, скрывающими истинные чувства; син. лицемерить, фальшивить»¹⁵; ср. *криводушничать*, *двоедушничать*; *двуличничать* — «хитрить, лицемерить, лукавить, говорить не то, что думаешь»; *двуличие* / *двуличность* — «состояние и свойство двуличного человека или предмета о двух лицах // двоедушие, лицемерие, облыжность, лукавство, скрытность; двуличный, двоедушный человек»¹⁶.

Устаревшая лексика, слова-хронофакты свидетельствуют о конкретно-предметном значении других однокоренных слов: «*двуличка* (*двуличная вещь*) — ткань без изнанки, на два лица, двулицевая, двуличенка»¹⁷. Данная номинативная единица базируется на переносном значении слова *лицо* — «обращенная наружу лицевая сторона чего-либо (ткани, одежды и т.п.); противополог. *изнанка*»¹⁸.

Архаическими слоями сознания обусловлено существование корреляции *двоедушие* и *криводушие*. «Двоедушие — качество или свойство двоедушного человека — лживость, притворство, лукавство, лицемерие. Двудушничать — лицемерить, лукавить; двоедушник, двоедушница — двоедушный человек»; ср. «Дво (у) язычить, двуречить / двоеречить — лукавить и говорить двояко, так и иначе; дво (у) язычие, дво (у) язычность — свойство двуязычного, двоякость речей»¹⁹.

Более частотным и более образным, по сравнению со словом *двоедушие*, в русском языке является композит *криводушие* (от *кривая душа*) — «(уст.) неискренность, лицемерие и адъектив *криводушный* (уст). ‘поступающий против совести, кривящий душой; неискренний, лицемерный»²⁰.

Словообразовательный потенциал обоих понятий в силу стилистической маркированности невелик: *два* → *двое* → *двоедушный* → *двоедушие*, *двоедушничать* → *сдвоедушничать*²¹; *душа* → *криводушный* → *криводушно*, *криводушие*, *криводушник*, *криводушничать*; *криводушник* → *криводушница*;

¹³ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 275.

¹⁴ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 1. С. 371.

¹⁵ Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 599.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 420–421.

¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 421.

¹⁸ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 420, 422.

²⁰ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 129.

²¹ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 272–273.

криводушничать → *покриводушничать*, *скриводушничать*²². Экспрессивность всего блока производных связана с образностью (архаичностью) их внутренней формы, которая вызывает сопутствующие чувства, эмоции и представления.

Отдельное место в исследуемом деривационно-семантическом пространстве занимает глагол *притворяться* и его дериват с отвлеченной семантикой *притворство* — «лицемерное, лживое поведение, преследующее цель ввести в обман, в заблуждение»²³. В «Новом объяснительном словаре синонимов» (2000) представлен следующий синонимический ряд: *притворяться*, *прикидываться*, *симулировать*, который «обозначает попытку субъекта создать у другого человека неверное представление о действительности: при этом в качестве объекта, о котором создается ложное представление, выступает сам субъект»²⁴. Однако данное концептуальное понятие, по сравнению с понятиями «лицемерие» и «двуличие», является более широким, более диффузным и может выражать амбивалентную оценку. Притворство как тип поведения не всегда оценивается негативно, здесь возможно и снисходительное отношение к субъекту действия: *женское притворство*, *притвориться спящим*.

Синонимические и ассоциативные ряды

Психологическая способность личности к наблюдению и анализу неискреннего, лживого поведения приводит к перманентному процессу его оценивания и вербальному воплощению, о чем свидетельствует большое количество лексических единиц, объективирующих в языке обманные действия и их результаты, однако лексическими доминантами исследуемого семантической зоны остаются слова *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*.

Смысловую вариативность исследуемого концептуального пространства демонстрируют синонимические ряды, которые следует признать и ассоциативными: «Лицемерие, лицемерность, неискренность, лживость, фальшь, фальшивость, двоемыслие, двоедушие, криводушие, двуличие, двуличность, двойственность, ханжество, фарисейство, тартюфизм, ипокритство, см. притворство»²⁵. В синонимическом словаре антропоцентрической направленности под. ред. Ю.Д. Апресяна лексема *лицемерие* зафиксирована только в качестве слова-аналога к синонимическому ряду *неправда*, *ложь*, *вранье*, а также в статусе деривата, наряду со словами *видимость*, *маска*, *личина*, *неискренний*, *деланный*, *напускной*, *наигранный*, *мнимый* и др.²⁶.

²² Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 324.

²³ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 3. С. 448.

²⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 873.

²⁵ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. С. 105.

²⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 290.

Идеографические, стилистические и контекстуальные синонимы, как и ассоциативные ряды слов²⁷ (см. [9]) отражают динамику и расширяют границы деривационно-семантического пространства за счет дополнительных смыслов и эмоционально-экспрессивной коннотации. Так, в сознании людей *лицемерие*, *двуличие* и *двоедушие* очень часто связаны с изменой (ср. *лицемерный* — *коварный*, *вероломный*, *продажный*), поэтому в идеографических словарях существительное *лицемер* представлено в окружении других лексических единиц близкой смысловой сферы «предательство»: *иуда*, *предатель*, *провокактор*, *неверный*, *перебежчик*, *ренегат*, *отступник*, *изменник*, *перевертыш*, *перекрасившийся*, *хамелеон*, *перерожденец* и др.²⁸: *В фильмах моего детства и юности носителем **двоедушия**, **трусости** и потенциальной готовности к **предательству** неприменным образом оказывался жалкий интеллигент в очках* (Б. Васильев. Оглянись на середине // «Октябрь», 2003). Приведем примеры использования подобных синонимов и ассоциативных слов в художественном дискурсе (здесь и далее иллюстративный материал извлечен из Национального корпуса русского языка²⁹ — В.Ф.):

*Так Рубин сразу показал майору всю свою **неискренность** и свое **двуличие*** (А. Солженицын. В круге первом // «Новый Мир», 1990);

*Ее оскорбляла даже тень **двуличия** и **двоедушия**, **нечистота**, **непрямота отношений**, **неполнота доверия** или **самоотдачи*** (Л.К. Чуковская. Памяти Фриды (1966);

*А ты не знаешь, что такое **ложь**, **лукавство**, **двоедушие**, у тебя две жизни, но душа одна* (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста // «Новый Мир», 2001);

*«Ошибки всем людям свойственны», и суровости может быть достойно только одно **лицемерие**, **коварство** или вообще **заведомое криводушие*** (Н.С. Лесков. Письмо М.А. Протопопову, 23 декабря 1891 г.);

*При этом в Леонтии не было и тени **лицемерия**, **двуличия**, **коварства*** (А.Н. Бенуа. Жизнь художника (1955));

*Если он ошибался, то явно сознавался в ошибке, и исправлял ее по-царски, но не прощавал обмана, **криводушия**, **лихоимства**, **непослушания*** (Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849)).

Таким образом, семантизация понятия может осуществляться при помощи слов-ассоциатов, в функции которых выступают не только синонимические единицы, но и фоновые знания и понятия, совокупности образов и представлений. В данном случае мы имеем дело с так называемой «семантической ассоциативностью» [9].

²⁷ Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕБРАС. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 02.02.2025).

²⁸ Функционально-когнитивный словарь русского языка: Языковая картина мира / под ред. Т.А. Кильдибековой. М. : Гнозис, 2013. С. 588.

²⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 02.02.2025).

Лицемерие и психологические свойства личности

Психолингвистическая интерпретация исследуемой семантики предполагает как описание, так и оценку психологических свойств личности. Лицемерие в русской культуре всегда отождествлялось с пороком, в основе которого лежит не просто нарушение морально-этических норм, а психологический портрет человека, его осознаваемой или неосознаваемой приверженности к обманным действиям: *Если б тебя смолоду учили, ты знал бы, что нет гнуснее порока, как лицемерие и неблагодарность!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Из других редакций. Царство смерти (1857–1865)). Такой тип поведения вызывает осуждающую эмоциональную реакцию: *Подписей слишком много и... о лицемерие! О двуличие! Где вы, росчерки, подчерки, закорючки, хвостики?* (А.П. Чехов. Пережитое (Психологический этюд) (1880)).

Психологический компонент в лексическом значении слова *лицемерие* актуализируется в зависимости от контекста. Выделим наиболее частотные психологические параметры лицемерного поведения:

- лицемерие как свойство натуры и психики человека: *Тем не менее лицемерие было до такой степени потребностью его натуры, что он никак не мог прервать раз начатую комедию* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880));
- лицемерие как неадекватное психопатическое состояние: *До сих пор, когда я бывал должен, то впадал в лицемерие — очень противное, психопатическое состояние* (А.П. Чехов. Письмо А.С. Суворину, 29 августа 1888 г. Сумы);
- лицемерие как категория сознания: *И чем больше увеличивается расстояние между действительностью и сознанием людей, тем больше растягивается и лицемерие* (Л.Н. Толстой. Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1890–1893));
- лицемерие (двоедушие) как раздвоение личности: *Я думаю, что двоедушие — один из самых существенных признаков нашей жизни; есть роль, и есть актер, исполнитель, есть некое раздвоение личности* (И.А. Дедков. Дневник (1977)).

Лицемерие и неискренность как тип поведения у адресата речи вызывает относительно идентичные чувства, эмоции и эмоциональные реакции. В психологической науке существует множество классификаций эмоций, которые строятся на разных основаниях. «Положительность» или «отрицательность» эмоции определяется «в зависимости от степени желательности или нежелательности вызываемых ею последствий» [17. С. 34], см. о типологии чувств и эмоций [18–20].

Анализ нормативных суждений в художественном типе дискурса показал, что лицемерие и притворство вызывают у людей следующие чувства негативного характера:

- чувство возмущения: *Тут поважнее всяких честных слов. Меня лицемерие возмущает, ложь! — Не понимаю! — проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестели у нее на глазах* (А.П. Чехов. Житейская мелочь (1886));

ср. Такое **криводушие** окончательно меня возмутило, и чиновник был прогнан с надлежащим внушением (Н.М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки (1884–1885));

- чувство ненависти: **Ненавидь всякое лицемерие** и всё, что не угодно Богу (Л.Н. Толстой. Учение 12-ти апостолов (1885)); ср. Он был богат, благороден и знатен; имел прямой и честный характер; любил правду и ненавидел **притворство**, а это совсем не шло под стать тому времени, в котором он жил (Н.С. Лесков. Скоморох Памфалон (1887));
- чувство отвращения: **Что может быть отвратительней этого безысходного двуличия, этого оскорбительного бессилия: радоваться малейшему успеху восставших и присоединяться к общему возмущению вслух!** (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003));
- чувство резкого неприятия, отторжения: **Если замечал в ком-то фальшь, двуличие, способность сделать подлость, разом прерывал всякие отношения** (Э. Барсуков. Служение слову // «Ковчег», 2014); ср. **Ничто мне так не противно, как притворство!** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Секретное занятие (1863)).

Таким образом, чувства и эмоциональное состояние человека в данном случае обусловлены когнитивным оцениванием ситуации, субъективными переживаниями, регуляцией своего поведения и своих психических реакций в ответ на социально нерелевантные действия других членов общества.

В результате проведенного анализа становится ясно, что семантически идентичные понятия *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство* не являются равнозначными, поскольку круг их ассоциативно-чувственный реакций отличаются степенью пейративной оценки. Несмотря на то, что носители языка психологически связывают референциальные значения этих слов, они по-разному «действуют на эмоциональную сферу сознания, вызывая в нем различную сферу представлений и переживаний» [21. С. 309], из чего следует, что исследуемое семантическое пространство одновременно целостно и дискретно.

Заключение

Изучение словообразовательных процессов сквозь призму психолингвистики и лингвистической метаэтики позволяет рассматривать совокупности производных слов как макроединицы хранения и систематизации ментально-языковой информации, связанной с социально-психологическими установками носителей языка, их поведением и коммуникативной деятельностью. Анализ лексических единиц антропологической направленности, появившихся в результате актов деривации, является одним из способов презентации знаний о языковом сознании представителей русской лингвокультуры.

В результате исследования деривационно-семантического пространства «Лицемерие и притворство» установлено, что его лексические доминанты (слова *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие*, *притворство*), называя нерелевантные, отрицательно оцениваемые обществом стереотипы

поведения, формируют деонтические (морально-этические) нормы и аксиологические понятия. Синонимические и ассоциативные ряды слов расширяют границы исследуемой семантической сферы, детально описывают психологический портрет личности и активно участвуют в построении нормативных и оценочных суждений.

В работе доказано наличие психологического компонента в семантической структуре подобных номинативных единиц. Производная лексика (наименования лиц, действий, отвлеченных понятий, разного рода признаков) как одна из форм отражения этноментальной действительности получает эмоционально-экспрессивную окраску, пейоративную оценку и дополнительные оттенки значения. Экспрессивность всего блока производных связана с образностью их внутренней формы, которая вызывает сопутствующие чувства, эмоции и представления.

Словообразовательная и семантическая детерминация исходного понятия находит отражение в словообразовательных гнездах, благодаря которым можно проследить динамику развития и способы вербализации психологически значимых смыслов. Деривационная структура производных слов отражает их смысловую организацию, а именно указывает, благодаря каким свойствам, признакам и ассоциациям в сознании говорящего объективируется представление о лицемерии и притворстве как разновидности «обманных действий» и «мнимой реальности».

Библиографический список

1. *Ивин А.А.* Аксиология. М. : Высшая школа, 2006.
2. *Постовалова В.И.* Этическая оценка другого и самооценка в православной духовной традиции (на материале эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова) // *Логический анализ языка: Языки этики.* М. : Языки русской культуры, 2000. С. 406–416.
3. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания.* 1995. № 1. С. 37–67. EDN: PVLFBF
4. *Рябцева Н.К.* Этические знания и их «предметное» воплощение // *Логический анализ языка: Языки этики.* М. : Языки русской культуры, 2000. С. 178–183. EDN: WFXDXN
5. *Бачинин В.А.* Этика. Энциклопедический словарь. СПб. : изд-во Михайлова В.А., 2005.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. EDN: YLAWAR
7. *Седов К.Ф.* Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития // *Язык и сознание: психолингвистические аспекты* / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.—Калуга : Эйдос, 2009. С. 41–52.
8. *Ушакова Т.И.* Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты* / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Барнаул : изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6–17.
9. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 3–12.
10. *Вендина Т.И.* Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопросы языкознания.* 2002. № 4. С. 4–72. EDN: RYRHAT

11. Устинова Т.В. Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 74–86. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-5> EDN: THECSV
12. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69. EDN: WJAAOB
13. Красных В.В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
14. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М. : Флинта, 2018. EDN: MSSUOF
15. Вендина Т.И. Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. М.; СПб. : Нестор—История, 2020. <https://doi.org/10.31168/4469-1776-1> EDN: FDHGGG
16. Кустова Г.И. Прилагательные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб. : Нестор—История, 2018. С. 40–107.
17. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2021.
18. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. EDN: UANZFL
19. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008.
20. Камалова А.А. Чувства, эмоции, ощущения? О репрезентативности психических состояний в русском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология. Педагогика. Психология. 2017. № 4. С. 5–11. EDN: XNTSZR
21. Шаховский В.И. Коннотации и ассоциации: аспект их взаимосвязи и отношения к лексическому значению слова (психолингвистический подход) // Язык и сознание: Психолингвистические аспекты / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М. —Калуга : Эйдос, 2009. С. 30–316.

References

1. Ivin, A.A. (2006). *Axiology*. Moscow: Vysshaja shkola publ. (In Russ.).
2. Postovalova, V.I. (2000). Ethical assessment of the Other and self-assessment in the Orthodox Spiritual Tradition (based on the epistolary legacy of St. Ignatius Bryanchaninov). In: *Logical analysis of language: Languages of ethics* (pp. 406–416). Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
3. Apresyan, Ju.D. (1995). The image of a person according to language data: an attempt at a systematic description. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Linguistics)*, (1), 37–67. (In Russ.). EDN: PVLFBF
4. Riabtseva, N.K. (2000). Ethical knowledge and its “objective” embodiment. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics* (pp. 178–183). Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: WFXDXN
5. Bachinin, V.A. (2005). *Ethics. An encyclopedic dictionary*. Saint Petersburg: Izd-vo Mihailova V.A. (In Russ.).
6. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: YLAWAR
7. Sedov, K.F. (2009). Russian psycholinguistics: structure and prospects of development. In: *Language and consciousness: psycholinguistic aspects*. N.V. Ufimtseva, T.N. Ushakova (eds.). (pp. 41–52). Moscow; Kaluga: Ejdos. (In Russ.).
8. Ushakova, T.I. (2004). The concept of linguistic consciousness and the structure of the speech-thought-language system. In: *Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects: collection of articles*. N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 6–17). Moscow; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta publ. (In Russ.).
9. Leont'ev, A.A. (1977). General information about associations and associative norms. In: *Dictionary of associative norms of the Russian language* (pp. 3–12). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta publ. (In Russ.).

10. Vendina, T.I. (2002). Word formation as a source of reconstruction of linguistic consciousness. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Linguistics)*, (4), 42–72. (In Russ.). EDN: RYRHAT
11. Ustinova, T.V. (2023). The Inner Form of the Word and Meaning Construction in the Poetic Speech (Based on the Russian and English Languages). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 74–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-5> EDN: THECSV
12. Boldyrev, N.N. (2021). The Phenomenon of Derivation in Culture and Language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 57–69. (In Russ.). EDN: WJAAOB
13. Krasnyh, V.V. (2023). Psychological Structure of Meaning and Problems of Text Perception. *RUDN Journal of Language. Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1306–1320. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
14. Katermina, V.V. (2018). *Human nominations: national and cultural aspect (based on the material of Russian and English languages)*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.). EDN: MSSUOF
15. Vendina, T.I. (2020). *Anthropology of the dialect word*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor — Istorija. (In Russ.).
16. Kustova, G.I. (2018). Adjectives. In: *Materials for the corpus grammar of the Russian language. Vol. III. Parts of speech and lexico-grammatical classes* (pp. 40–107). Saint Petersburg: Nestor—Istorija. (In Russ.). <https://doi.org/10.31168/4469-1776-1> EDN: FDHGGG
17. Izard, K.E. (2021). *Psychology of emotions*. Saint Petersburg: Piter.
18. Il'in, E.P. (2001). *Emotions and feelings*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.). EDN: UANZFL
19. Shahovsky, V.I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
20. Kamalova, A.A. (2017). Feelings, Emotions, Sensations: on the Representativeness of Mental States in the Russian Language. *Vestnik Ikbfu. Philology, Pedagogy, and Psychology*, (4), 5–11. (In Russ.). EDN: XNTSZR
21. Shahovsky, V.I. (2009). Connotations and associations: an aspect of their interrelation and relation to the lexical meaning of a word (a psycholinguistic approach). In: *Language and consciousness: Psycholinguistic aspects*, N.V. Ufimceva, T.N. Ushakova (eds.) (pp. 306–316). Moscow—Kaluga: Eidos. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *научные интересы*: словообразование, семантика; *e-mail*: favenera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3252-8526, SPIN-код: 8876-5564, AuthorID: 493112, Scopus ID: 56242842900, ResearcherID: E-1437-2015

Information about the author:

Venera G. Fatkhutdinova, Dr.Ds. (Philology), Professor, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18 Kremlyovskaya st., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: word formation, semantics; *e-mail*: favenera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3252-8526, SPIN-code: 8876-5564, AuthorID: 493112, SCOPUS ID: 56242842900, ResearcherID: E-1437-2015.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-427-440

EDN: HENKLG

УДК 811.161.1'221.1'23

Научная статья / Research article

Эмоциональная выразительность в русском жестовом языке: психолингвистический анализ

Э.Ф. Файзуллина , Т.Е. Ильичева , Ю.В. Лайкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

 efkf@mail.ru

Аннотация. Вопрос эмоциональной выразительности в русском жестовом языке (РЖЯ) возможно рассмотреть через призму психолингвистического анализа, который помогает понять, как глухие люди используют невербальные средства для более точного выражения своих эмоций и восприятия эмоций партнера по общению. С этой целью приведен краткий обзор теоретических основ исследования эмоциональной выразительности в жестовых языках, определены основные средства выражения эмоций в РЖЯ, выполнен анализ собранных данных о жестах, выражающих эмоции, дано сравнение их с аналогичными проявлениями в звуковом языке. Представлены результаты экспериментов, проведенных зарубежными учеными, направленных на изучение восприятия эмоциональных сигналов глухими людьми посредством жестов и визуальных образов. Данные исследования подтвердили, что носители жестовых языков воспринимают эмоциональные сигналы посредством зрительных каналов и используют эти сигналы для воспроизведения эмоциональных связей в межличностном общении. Один из центральных аспектов исследования касается адаптации глухими людьми коммуникативных стратегий в зависимости от эмоционального контекста. Установлено, что глухие люди обладают повышенной чувствительностью к невербальным сигналам, что позволяет им компенсировать отсутствие звуковой информации. Кроме того, рассмотрен вопрос о различии в восприятии эмоциональных сигналов глухими и слышащими людьми. Выявлено, что у глухих людей повышается чувствительность к невербальным эмоциональным сигналам, таким как мимика и жесты, что помогает им эффективно компенсировать отсутствие звукового сопровождения. Результаты исследования имеют большое значение для теории жестовых языков, практики обучения и перевода, а также разработки технологий, направленных на улучшение коммуникаций глухих и доступности информации для них. Изучение эмоциональной выразительности — одна из актуальных проблем русского жестового языка, требующая системного подхода, так как эмоционально насыщенное общение способствует когнитивному развитию глухих и лучшему усвоению ими как жестового, так и словесного языка.

Ключевые слова: невербальные средства, визуальный канал

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.11.2024; дата приема в печать: 15.02.2025.

© Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е., Лайкова Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е., Лайкова Ю.В.* Эмоциональная выразительность в русском жестовом языке: психолингвистический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 427–440. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-427-440>

Emotional Expressiveness in Russian Sign Language: Psycholinguistic Analysis

Elmira F. Fayzullina , Tatyana E. Ilyicheva , Yuliya V. Laykova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

 efkf@mail.ru

Abstract. The issue of emotional expressiveness in Russian Sign Language (RSL) can be considered through psycholinguistic analysis, which helps to understand how deaf people use non-verbal means to express their emotions more accurately and perceive the emotions of their communication partner. For this purpose, a brief overview of the theoretical foundations of the emotional expressiveness study in sign languages is given, the main means of expressing emotions in RSL are defined, an analysis of the collected data on gestures expressing emotions is performed, and a comparison of them with similar manifestations in a spoken language is given. The study presents the results of experiments conducted by foreign scientists who studied the perception of emotional signals by deaf people through gestures and visual images. These studies confirmed that sign language speakers perceive emotional signals through visual channels and use them to reproduce emotional connections in interpersonal communication. One of the central aspects of the study concerns the adaptation of communication strategies by deaf people depending on the emotional context. It was proven that deaf people have increased sensitivity to non-verbal signals, which allows them to compensate for the lack of auditory information. In addition, the issue of differences in the perception of emotional signals by deaf and hearing people is considered. It has been found that deaf people have increased sensitivity to non-verbal emotional signals, such as facial expressions and gestures, which helps them effectively compensate for the lack of sound. The results of the study have important implications for sign language theory, teaching and translation practice, and the development of technologies aimed at improving communication and availability of information for the deaf. The study of emotional expressiveness is one of the important problems of RSL, requiring a systematic approach, since emotionally charged communication contributes to the cognitive development of deaf people and their better acquisition of sign and verbal language.

Keywords: non-verbal means, visual channel, emotional expressiveness

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.11.2024; accepted: 15.02.2025.

For citation: Fayzullina, E.F., Ilyicheva, T.E., & Laykova, Yu.V. (2025). Emotional Expressiveness in Russian Sign Language: Psycholinguistic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 427–440. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-427-440>

Введение

Эмоциональная выразительность играет ключевую роль в межличностной коммуникации. В звуковых языках эмоции часто передаются с помощью интонации, громкости голоса, пауз и темпа речи. Однако в жестовых языках

эмоциональная выразительность достигается через другие каналы (мимика, телодвижения, специфика самих жестов), безусловно, требующие изучения, ведь знание о том, как эмоции выражаются и воспринимаются людьми с нарушениями слуха, важно не только для теории языка, но и для практики межкультурной коммуникации, для лучшего понимания механизмов невербального взаимодействия и разработки методов более эффективного обучения и перевода.

Визуальная природа жестовых языков позволяет использовать широкий спектр невербальных средств для выражения эмоций, дает возможность глухим людям более точно и полно передавать свое эмоциональное состояние, а значит, способствует лучшему взаимопониманию и установлению межличностных отношений. В то же время изучение данной темы имеет важное значение и для профессиональных переводчиков, так как понимание тонкостей передачи эмоций обеспечит более точный и адекватный перевод с русского языка на русский жестовый язык (РЖЯ) и обратно. Это особенно важно в ситуациях, требующих высокого уровня эмоциональной вовлеченности, таких как судебные разбирательства, медицинские консультации, психотерапевтические сеансы.

Изучение эмоциональной выразительности необходимо и для педагогов, владеющих жестовым языком, так как эмоционально насыщенное общение способствует когнитивному развитию глухих детей и лучшему освоению ими как жестового, так и словесного языка. Кроме того, учет эмоциональных компонентов при разработке таких технологий, как автоматическое распознавание жестов и расшифровка звучащих текстов, повысит доступность информации и услуг для глухих людей. Отметим, что изучение эмоциональной выразительности в жестовых языках является многогранной задачей, способствующей улучшению качества жизни глухих людей.

Исследование эмоционального компонента в жестовых языках

Тема эмоциональной выразительности в жестовых языках, включая РЖЯ, изучена недостаточно глубоко, особенно в контексте психолингвистического анализа. Существующие исследования часто сосредоточены на общих аспектах жестовых языков или на специфических лингвистических характеристиках, таких как лексика, синтаксис и морфология [1–4]. Тем не менее некоторые ученые как в России, так и за рубежом предприняли попытки изучения эмоциональной выразительности в жестовых языках [5–10].

Пионером в области исследования жестовых языков, впервые выделившим их структурные элементы, включая мимику и движения тела, является Уильям Стоуки, американский лингвист, сыгравший ключевую роль в признании американского жестового языка (ASL) как полноценного и самостоятельного языка. В работе «Sign Language Structure» (1960) [11] он предложил анализ структуры жестового языка на основе таких же принципов, как и в звуковых языках, выделив при этом три основных элемента: форму руки (Handshape), место артикуляции (Location) и движение (Movement). Эти

элементы У. Стоуки сравнил с фонемами в звуковых языках, что позволило доказать наличие фонологической системы в жестовом языке. Позже он добавил четвертый параметр — ориентацию ладони (Palm Orientation), описывающую положение руки относительно пространства.

У. Стоуки признавал важность мимики и движения тела в жестовом языке, которые в его анализе не относились к фонемам (базовым структурным элементам жеста), но являлись важными компонентами в грамматике жестового языка. По его мнению, мимика функционирует как маркер синтаксических структур и эмоций, добавляя контекст и дополнительную информацию к жестам, в то время как движение тела может менять значение или интонацию сообщения.

Значительный вклад в изучение эмоциональной выразительности в русском жестовом языке внесла Рахиль Боскис, которая доказала, что мимическая речь развивается как средство своеобразной компенсации отсутствующей словесной речи [12. С. 93]. «В общении слышащих мимические и жестикультурные движения, сопровождая устную речь, лишь придают ей большую выразительность. Они позволяют подчеркнуть некоторые эмоциональные моменты, выраженные в словах, усилить впечатление от устной речи. Такие жесты и мимика, сопутствующие устной речи, играют лишь вспомогательную роль в общении. Наличие их не обязательно для понимания устного сообщения. Совершенно иную роль играют те жесты и мимические движения, которые составляют мимическую речь глухих. Этими мимическими знаками выражаются определенные значения, и в мимической речи они являются для глухих детей, еще не владеющих словесной речью, основным, а не вспомогательным средством общения. Различная роль мимики и жестов в устном общении слышащих и мимическом общении глухих создает различие и в характере жестов. Жесты глухих составляют некоторую своеобразную речевую систему, носят более или менее постоянный характер, значительно богаче и разнообразнее» [12. С. 95].

В исследованиях, посвященных изучению эмоциональных жестов, было проведено несколько значимых экспериментов, позволяющих понять, как носители жестовых языков, коими являются глухие люди, воспринимают эмоциональные сигналы посредством жестов и как это происходит при восприятии взглядом. Отметим некоторые из них.

Карен Эмморей, исследователь в области нейролингвистики и психоллингвистики жестовых языков, проводила эксперименты с носителями американского жестового языка (ASL/амслен), которые с детства использовали жестовый язык. В ходе эксперимента было изучено восприятие глухими людьми эмоций, передающихся посредством жестов. К. Эмморей и ее команда использовали нейровизуализацию, в частности, функциональную магнитно-резонансную томографию, чтобы понять, какие области мозга активируются у носителей жестовых языков при восприятии эмоциональных жестов. Один из выводов по итогам эксперимента заключался в том, что эмоциональные

жесты активизируют не только моторные области мозга, которые обычно активируются движениями, но и центр обработки эмоций (амигдалу) [13].

Исследования показали, что восприятие эмоций с помощью жестов глухими людьми схоже с механизмами при воспроизведении звуковых сигналов у людей слышащих, что обосновывается повышенной активизацией зоны мозга, отвечающей за обработку эмоциональных сигналов. Таким образом, К. Эмморей подтверждает гипотезу о том, что жесты передают не только лексическое значение слова, но и эмоциональную составляющую [14; 15].

Серию экспериментов с носителями жестовых языков в целях изучения их реакции на эмоциональные жесты провел нейролингвист и когнитивный нейрочеловек Дэвид Корина [16]. Носители жестового языка, участники эксперимента, должны были идентифицировать эмоции, передаваемые посредством видеозаписи с различными эмоциональными жестами, выразившими радость, гнев, страх и удивление.

Один из ключевых результатов исследования — активация как зрительных, так и эмоциональных зон мозга у носителей жестового языка. Кроме того, было выявлено, что жесты с эмоциональным выражением, такие как жесты гнева или страха, активируют в большей степени префронтальную кору, что указывает на необходимость более тщательной когнитивной обработки [17].

Урсула Белуджи, известная своими работами в области изучения когнитивных и лингвистических процессов у глухих детей, также проводит исследования, связанные с эмоциональными жестами [18–20]. Одним из центральных исследовательских вопросов был вопрос о том, как носители жестовых языков обрабатывают лингвистическую и эмоциональную информацию посредством жестов. В ходе экспериментов она приходит к выводу, что дети, использующие жестовый язык с раннего возраста, лучше распознают и понимают эмоциональные сигналы с помощью жестов, что носители жестовых языков не только воспринимают жесты как лингвистические факторы, но и реагируют на них как на важные эмоциональные сигналы [21]. Исследования У. Белуджи подтвердили, что жестовый язык — это не просто способ передачи информации, но и основной способ выражения и восприятия эмоций, формирующий социальные и когнитивные способности глухих людей [22].

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что каждый человек обладает свойственной только ему эмоциональной выразительностью речи, способствуют этому дополнительные средства: мимика и пластика (тела), выражающие определенные состояния и отношения (доказано, что при спокойном выражении лица теряется примерно 10–15 % информации).

Эмоциональная выразительность в русском жестовом языке

В жестовых языках, отличающихся аморфностью (отсутствием грамматических категорий, таких как время, род и число), выражение лица и движение тела фактически выполняют грамматические функции. Эмоциональная

выразительность играет ключевую роль в структуре предложений РЖЯ. Например, выражение слов КРАСИВЫЙ, ЗЛОЙ или ПРОТИВНЫЙ сопровождается специфической мимикой и движениями тела, которые усиливают эмоциональное воздействие и уточняют смысл высказывания. Самыми «легкими» с точки зрения эмоциональной выразительности являются слова, имеющие качественные характеристики: ЗЛОЙ, КРАСИВЫЙ, ПРОТИВНЫЙ, ПЛОХОЙ. Жест КРАСИВЫЙ — более мягкий, при его исполнении тело расслаблено и немного движется вперед. Злость вызывает негативные эмоции, поэтому мимика лица более жесткая, брови сведены и насулены, глаза прищурены, тело каменеет, плечи слегка поднимаются, движения руки становятся резкими. При этом чем сильнее передается ЗЛОСТЬ, тем больше амплитуда движения руки. При передаче значения ПРОТИВНЫЙ и глухой, и слышащий невольно морщатся, а к жесту добавляется мимика: лицо приобретает презрительное выражение, тело ведет себя так же — достаточно резко отклоняется назад (рис. 1, 2).

Рис. 1. Жесты ЗЛОЙ, КРАСИВЫЙ, ПЛОХОЙ

Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой.

Fig. 1. Gestures EVIL, BEAUTIFUL, BAD

Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

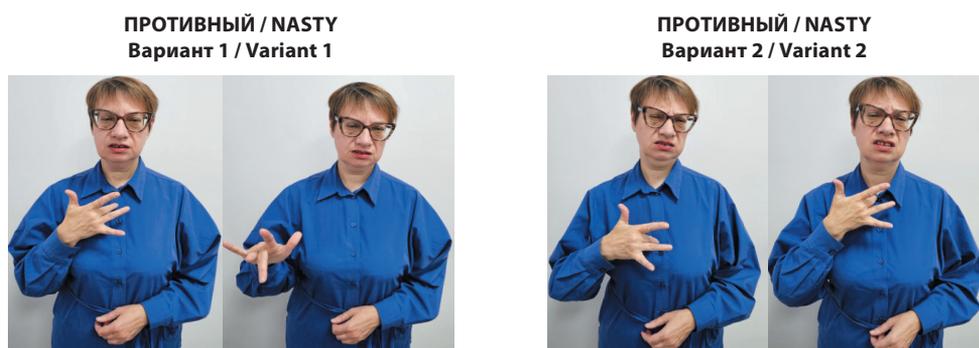

Рис. 2. Жест ПРОТИВНЫЙ (2 варианта)

Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой.

Fig. 2. Gesture NASTY (2 variants)

Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

Если в словесном языке при передаче эмоциональной составляющей мы ориентируемся на интонацию, то в жестовом языке без дополнительной подсказки порой невозможно распознать, выражается радость или отчаянье в момент восклицания, поскольку описание данных жестов практически совпадает/идентично (рис. 3).

Рис. 3. Жесты РАДОСТЬ, ОТЧАЯНИЕ

Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой.

Fig. 3. Gestures JOY, DESPAIR

Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

Немануальные компоненты в жестовых языках, такие как мимика, артикуляция и движения тела, играют ключевую роль в передаче смыслов и грамматических функций, не охваченных мануальными знаками. В отдельных исследованиях (например, в трудах Г.Л. Зайцевой, А.А. Комаровой) подчеркивается, что немануальные элементы и артикуляция работают как единое целое, обеспечивая эмоциональное выражение и уточнение значений жестов. Эти компоненты важны для понимания вопросительных предложений и эмоциональных оттенков, таких как восторг или отчаяние. Немануальные элементы делают коммуникацию более точной и насыщенной.

Немануальный компонент позволяет не только различать оттенки лексических смыслов, но и является неотъемлемой частью многих грамматических явлений. Немануальный компонент в описании восклицания УРА имеет такую форму: «Эмоциональная мимика лица выражает восторг, брови подняты, немануальный компонент — маусинг слова УРА, рука в конфигурации «А» стремится вверх». Восклицание, содержащее в себе отчаянье или страх, имеет другое описание: «Артикуляция буквы «А», глаза зажмурены, голова опущена, плечи сжаты, руки в конфигурации буквы «А» прижаты к груди». Немануальный компонент важен при использовании вопросительных предложений. В соответствии с грамматикой жестовых языков вопросительное слово всегда должно стоять в конце предложения. И если немануальный компонент будет спокойным, то глухой человек вопроса не «увидит». Например, именно немануальный компонент помогает различать слова РАНО и ЯЙЦО (один из вариантов жеста), ЕЩЁ.НЕТ — РАНО (смысловая нагрузка «действие, которое и не начиналось»). Если при показе первого слова немануальный компонент более спокойный, при этом артикулируется буква «Р», то в слове яйцо артикуляция

соответствует звуку «ЯА», а немануальный компонент полностью отсутствует. В жесте ЕЩЁ РАНО немануальный компонент очень ярко выражает желание ничего не делать, артикуляция У (считается нейтральной), брови сведены к переносице, тело немного отклоняется назад. Именно немануальный компонент зачастую играет решающую роль в понимании смысловой нагрузки жеста. От четкости, эмоциональной выразительности и исполнения зависят тонкие оттенки смыслов и правильность перевода (рис. 4).

Рис. 4. Жесты РАНО, ЯЙЦО, ЕЩЕ.НЕТ — РАНО

Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой.

Fig. 4. Gestures EARLY, EGG, NOT YET — TOO EARLY

Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

Изменения в выражении лица играют ключевую роль в передаче эмоций. Важно отметить, что в жестовых языках мимика часто сопровождает мануальные жесты, придавая им дополнительные значения. Не столько руки, сколько мимика (игра мышц лица, прищуривание, раскрытие глаз) выполняет своего рода грамматические функции. Без нее трудно отличить вопрос от повеления, условное наклонение от утверждения. Мимика — своеобразный аналог интонационной стороны речи. Лицо обладает такими же богатыми коммуникативными возможностями, что и оттенки голоса. Некоторые выражения лица имеют те же функции, что и наречие, междометия в устной речи.

Для восполнения и уточнения жестов используется мимика, которая не только выражает чувства, состояния, но и изменяет значение жеста. Так, один и тот же жест может означать и утверждение, и вопрос, и одобрение — в зависимости от выражения лица (его мимики). Яркий пример этому слово ДА (рис. 5).

На восприятие эмоционального содержания жеста могут влиять артикуляция губ, языка и дыхание, или маусинг, который особенно проявляется в жестах безэквивалентной лексики (данное понятие ввела Г.Л. Зайцева, первый российский исследователь РЖЯ). Указанные жесты характеризуются тем, что не поддаются прямому переводу, не имеют точных слов-эквивалентов, а их перевод может содержать как словосочетания, так и несколько предложений. Чаще всего безэквивалентной лексикой выражаются какие-либо отношения, но не обозначаются предметы или явления окружающего мира. Причем перевод данных жестов зачастую соответствует жаргонизмам в словесном языке («клёво», «класс», «сто пудов»).

Рис. 5. Жесты ДА / УТВЕРЖДЕНИЕ, ДА / ВОПРОС, ДА / ОДОБРЕНИЕ
 Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой.

Fig. 5. Gestures YES / POSITIVE STATEMENT, YES / QUESTION, YES / APPROVAL
 Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

Многие глухие испытывают трудности с устной речью, так как не могут контролировать голос, не слыша его. Несмотря на это, с детства их учат говорить, начиная с постановки звуков. Именно эти звуки часто используются при произнесении безэквивалентной лексики, характерной для общения глухих. Примером может служить слово «ГАП», которое не существует в русском языке, но среди глухих обозначает «Да, конечно! Полностью согласен!» или «Уверен на 100%», подчеркивая полное согласие». Сам жест можно описать следующим образом: «Одна рука, конфигурация буквы «В», жест находится в пространстве около груди, рука резко движется вниз, немануальный компонент спокойный». Жест всегда сопровождается звуком *ГАП*. Если к этому жесту подставить вторую пассивную руку (у «правшей» это левая, а у «левшей», соответственно, правая) в конфигурации «В», то мы получим привычный жест со смысловой нагрузкой // У.МЕНЯ.ЕСТЬ //. Сами глухие обычно объясняют появление этого жеста тем, что когда мы обещаем или соглашаемся, то для подтверждения или закрепления договора, жмем друг другу руки. Но если изменить маусинг на сочетание звуков *АФ*, то мы получим совершенно другое слово с иной смысловой нагрузкой. Данное слово-жест также относится к безэквивалентной лексике и переводится «Обязательно сделаю или выполню на отлично!». Эти два слова активно используются глухими на письме. «В кино пойдет кто?» — «Я ГАП!». Еще один пример — слово-жест //ВЫП//. Жест также относится к группе безэквивалентной лексики и обязательно сопровождается звуком *ВЫП*. Полагаем, что данный жест можно описать следующим образом: «Активный немануальный компонент, выражающий презрение, брови сведены к переносице, нос сморщен, маусинг *ВЫП*, дактиль». Переводится этот жест «Сделал быстро, но не качественно («на отвали» — жаргонизм). Схалтурил, чтобы от меня отстали». Проще говоря, «Быстро ВЫПолнить». Этот жест показывает нам, как среднестатистический глухой сильно подвержен аграмматизму. Т.е., если глухой человек читает слово, но не видит его образ вокруг себя (как мы знаем, любой жестовый язык — это визуально-пространственная система), он начинает подбирать слово-жест, содержащее похожие буквы, но зачастую имеющее совершенно другой смысл [23]. «Жест показывается более жестко,

тем самым выражает отношение глухого человека к данному действию, ситуации или делу. Причем в РЖЯ есть устойчивые жесты //ХАЛТУРА//, //АБСУРД// или //НАОБУМ//, которые стали редко использоваться среди молодых глухих. А пожилое поколение, те, кому за 55, редко применяют //ВЫП//, хотя интересуются новыми жестами. У жеста //АБСУРД// или //НАОБУМ// в последнее время появился маусинг *ПБ*. А вот значение этих жестов медленно уходит из лексики молодых глухих. Интересен еще один пример: жест //РАДОСТЬ// в смысловой нагрузке «в груди всё трепещет и бурлит». Глухая молодежь использует маусинг «ЖЖЖЖЖ» при показе этого жеста, переводится как «Супер здорово! Пищу от восторга!» Описание данного жеста имеет следующую форму: «Двуручный жест, конфигурация «Ж», жест находится в пространстве у груди, артикуляция «ЖЖЖЖ», активный немануальный компонент, выражающий восторг». Переводчикам РЖЯ очень часто приходят сообщения в такой форме «Я ЖЖЖЖ платье!», что означает «Я в восторге от этого платья!». Но если у жеста убрать маусинг «ЖЖЖ», то мы получим слово //ЖИРНЫЙ// (еда или предмет). Поэтому маусинг имеет огромное значение для понятия и перевода РЖЯ (видео 1).

Наклоны головы, повороты корпуса и другие движения тела играют важную роль в передаче эмоциональных аспектов жестов у глухих. В психологии жестов и мимики этому уделяется особое внимание, поскольку такие движения помогают понять человека без слов. Однако у глухих людей телодвижения не связаны с психологическими характеристиками, как у слышащих. В их общении движения тела и головы способствуют точной передаче значения жеста вместо выражения эмоциональных состояний или настроений, что отличает жестовый язык от невербального общения слышащих. Например, у слова //ДУМАТЬ// в русском языке есть однокоренные слова РАЗДУМЫВАТЬ, ЗАДУМАТЬСЯ, смысл которых, безусловно, разный. В русском жестовом языке различие между словами, такими как «раздумывать» и «задуматься», передается не только через сам жест, но и через движение тела. Хотя сами жесты могут быть одинаковыми, телодвижения помогают уточнить смысл. Например, при «раздумывании» глухой человек может слегка покачиваться, передавая сомнение, в то время как «задуматься» сопровождается только одним движением тела. Это подчеркивает, что тело в жестовом языке не только уточняет смысл, но и добавляет эмоциональные оттенки к жестам (видео 2).

Голова в жестовом языке постоянно движется и координируется с движениями рук, выполняя важные функции в передаче смысла жестов. В русской жестовой речи движения головы следуют определенным схемам, как, например, наклон головы вперед при жесте «УПАСТЬ» или отклонение назад при жесте «БРОСИТЬ». Движения тела и головы особенно значимы в вопросительных предложениях: если отсутствует движение вперед или неверно показано направление, глухой человек может не понять, к кому обращен вопрос или его суть (видео 3).

Видео 1. Жесты «Я ЖЖЖЖ
платье!» «ЖИРНАЯ ЕДА»

Video 1. Gestures "I'm ZZZZ dress!"
"FATTY FOOD"

Видео 2. Жесты ДУМАТЬ,
РАЗДУМЫВАТЬ, ЗАДУМАТЬСЯ

Video 2. Gestures THINK,
CONSIDER, PONDER

Видео 3. Жесты УПАСТЬ,
БРОСИТЬ

Video 3. Gestures FALL, THROW

Источник: архив Э.Ф. Файзуллиной, Т.Е. Ильичевой, Ю.В. Лайковой / Source: archive of Elmira F. Fayzullina, Tatyana E. Ilyicheva, Yuliya V. Laykova.

В жестовых языках мануальные компоненты характеризуются пятью основными параметрами: конфигурацией кисти, ее ориентацией, местом исполнения жеста, характером и направлением движения. Например, различие в конфигурации кисти легко продемонстрировать на примере чисел: для чисел 600 и 900 используются разные жесты — у 600 это конфигурация, похожая на жест //1// или //ХОРОШО//, а у 900 — конфигурация //4//. В то же время жесты с движением не могут различаться только по конфигурации, так как любое изменение одного из пяти компонентов жеста меняет его значение. Например, жесты //Я К ТЕБЕ ПРИДУ// и //ТЫ КО МНЕ ПРИДЁШЬ// отличаются ориентацией кисти: в первом случае кисть направлена от говорящего, а во втором — к говорящему, что позволяет различать субъект и объект.

Направление движения также помогает разграничивать значения, например, СМОТРЕТЬ — СМОТРЕТЬ НА МЕНЯ — НАБЛЮДАТЬ — ОСМАТРИВАТЬ — СМОТРЕТЬ ДРУГ НА ДРУГА. Разные направления движения дают возможность дифференцировать роли субъекта и объекта: движение от себя — движение к себе, к абстрактному объекту и т.д.; движение жеста от себя совпадает с его начальной формой, при выражении значения множественности изменяется направление движения, положение конфигурации, движение, либо направление движения — к себе; либо две руки движутся навстречу друг другу; либо совершают круговое движение слева направо или движение сверху вниз. Сюда можно отнести и такие жесты: ПОМОГАТЬ МНЕ — ПОМОГАТЬ ЕМУ — ВЗАИМОПОМОЩЬ, РАССКАЗЫВАТЬ — РАССКАЗЫВАТЬ МНЕ — РАССКАЗЫВАТЬ ВСЕМ; Я ПОДСКАЖУ — ПОДСКАЖИ МНЕ — ПОДСКАЗЫВАТЬ КОМУ-ТО; ЗАСТАВЛЯТЬ — МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ — ЗАСТАВЛЯТЬ ИХ. Таким образом, распределяются роли субъектов и объектов при исполнении многих жестов.

В указательных жестах место исполнения варьируется: для слов ГЛАЗА и НОС используется одинаковая конфигурация жеста, однако выполняются они в разных точках лица. Хорошими примерами направления движения могут

служить жесты БАБУШКА и СТАРЫЙ: оба жеста выполняются в одной и той же точке щеки, но при этом характер движения различен. В жесте БАБУШКА выполняются круговые движения, а в жесте СТАРЫЙ — движение вниз.

В жестовых языках важным аспектом является характер движения, который может изменить значение жеста. Например, жесты //МОРКОВЬ// и //БЫСТРО// имеют одинаковую конфигурацию и направление движения, но различаются характером выполнения: для жеста //МОРКОВЬ// движение более повторяющееся и с малой амплитудой, тогда как для //БЫСТРО// оно резкое и широкое. Таким образом, разница в движении может изменить смысл жеста.

Заключение

Эмоциональная выразительность и немануальные компоненты являются неотъемлемой частью коммуникации в жестовых языках, значительно обогащая их грамматическую и смысловую структуру.

Немануальные компоненты (мимика, движения головы и корпуса) не только передают эмоции, но и выполняют грамматические функции: мимика часто выступает аналогом интонации в звучащих языках, а движения тела помогают уточнять значение жестов, позволяют различать такие аспекты, как вопросительные и восклицательные конструкции, условное наклонение. Например, изменение направления движения головы или наклоны тела помогают дифференцировать субъект и объект действия. Важно учитывать, что **жесты, сопровождающиеся эмоциональной мимикой**, могут менять свое значение. Например, одинаковые жесты с разной мимикой могут передавать утверждение, вопрос или одобрение.

Библиографический список / References

1. Boudreault, P., & Mayberry, R.I. (2006). Grammatical processing in American Sign Language: Age of first-language acquisition effects in relation to syntactic structure. *Language and cognitive processes*, (21), 608–635. <https://doi.org/10.1080/01690960500139363>
2. Goldin-Meadow, S., & Brentari, D. (2017). Gesture, sign, and language: The coming of age of sign language and gesture studies. *Behavioral and brain sciences*, (40), e46. <https://doi.org/10.1017/S0140525X15001247>
3. Sandler, W. (2012). The phonological organization of sign languages. *Language and linguistics compass*, 21(3), 162–182. <https://doi.org/10.1002/lnc3.326>
4. Padden, C.A., Meir, I., Hwang, S.O., Lopic, R., Seegers, S., & Sampson, T. (2013). Patterned iconicity in sign language lexicons. *Gesture*, 13(3), 287–308. <https://doi.org/10.1075/gest.13.3.03pad>
5. Hosie, J.A., Gray, C.D., Russell, P.A., Scott, C., & Hunter, N. (1998). The matching of facial expressions by deaf and hearing children and their production and comprehension of emotion labels. *Motivation and Emotion*, (22), 293–313. <https://doi.org/10.1023/A:1021352323157> EDN: BCCMDJ
6. Kolod, E. (2004). How does learning sign language affect perception. *Intel Science Talent Search*, 1–20.
7. Letourneau, S.M., & Mitchell, T.V. (2011). Gaze patterns during identity and emotion judgments in hearing adults and deaf users of American Sign Language. *Perception*, 40(5), 563–575. <https://doi.org/10.1068/p6858>

8. Elliott, E.A., & Jacobs, A.M. (2013). Facial expressions, emotions, and sign languages. *Frontiers in psychology*, (4), 1–4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00115>
9. Gadelshina, T.G., & Eremina, Y.A. (2013). The specificity of recognition of emotions in children with impaired hearing. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (6), 103–107. (In Russ.).
Гадельшина Т.Г., Еремина Ю.А. Специфика распознавания эмоций детьми с нарушением слуха // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6(134). С. 103–107.
10. Podrugina, V.V. (2014). Impaired hearing children's emotions recognition. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, (16), 138–150. (In Russ.). EDN: TEBSIT
Подругина В.В. Представления об эмоциях у детей с нарушением слуха // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2014. № 16(702). С. 138–150. EDN: TEBSIT
11. Stokoe, Jr.W.C. (2005). Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf. *Journal of deaf studies and deaf education*, 10(1), 3–37.
12. Boskis, R.M. (2004). Deaf and hard-of-hearing children. In: *Sovetsky Sport*, (pp. 287–302). Moscow. (In Russ.). EDN: QTYGEP
Боскис Р.М. Глухие и слабослышащие дети // Советский спорт. М., 2004. С. 287–302. EDN: QTYGEP
13. McCullough, S., Emmorey, K., & Sereno, M. (2005). Neural organization for recognition of grammatical and emotional facial expressions in deaf ASL signers and hearing nonsigners. *Cognitive Brain Research*, 22(2), 193–203. <https://doi.org/10.1016/j.cogbrainres.2004.08.012>
14. McCullough, S., & Emmorey, K. (2009). Categorical perception of affective and linguistic facial expressions. *Cognition*, 110(2), 208–221. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.11.007>
15. Emmorey, K. (2021). New perspectives on the neurobiology of sign languages. *Frontiers in communication*, (6), 748430. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.748430>
16. Corina, D.P. (1989). Recognition of affective and noncanonical linguistic facial expressions in hearing and deaf subjects. *Brain and Cognition*, 9(2), 227–237. [https://doi.org/10.1016/0278-2626\(89\)90032-8](https://doi.org/10.1016/0278-2626(89)90032-8)
17. Corina, D.P., Bellugi, U., & Reilly, J. (1999). Neuropsychological studies of linguistic and affective facial expressions in deaf signers. *Language and Speech*, 42 (2–3), 307–331. <https://doi.org/10.1177/00238309990420020801>
18. Bellugi U., & Klima, E.S. (1978). Structural properties of American sign language. In: *Deaf children: developmental perspectives* (pp. 3–68).
19. Reilly, J.S., McIntire, M.L., & Bellugi, U. (1990). Faces: The relationship between language and affect. In: *From gesture to language in hearing and deaf children* (pp. 128–141.). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
20. Bettger, J.G., Emmorey, K., McCullough, S.H., & Bellugi, U. (1997). Enhanced facial discrimination: Effects of experience with American Sign Language. *Journal of deaf studies and deaf education*, 223–233. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.deafed.a014328>
21. Reilly, J.S., & Bellugi, U. (1996). Competition on the face: Affect and language in ASL motherese. *Journal of child language*, 23(1), 219–239. <https://doi.org/10.1017/S0305000900010163>
22. Klima, E., & Bellugi, U. (1979). *The Signs of Language*. Harvard University Press.
23. Faizullina, E.F., & Ilyicheva, T.E. (2020). Features of teaching people with hearing impairments the Russian verbal language. In: *Collection of materials of the scientific and practical conference VII Forum of teachers of Muslim educational organizations* (pp. 300–303). Kazan. (In Russ.). EDN: BMOVJX
Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е. Особенности обучения людей с нарушением функции слуха русскому словесному языку // Сб. материалов научно-практической конференции VII Форум преподавателей мусульманских образовательных организаций. Казань, 2020. С. 300–303. EDN: BMOVJX

Сведения об авторах:

Файзуллина Эльмира Фоатовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации Высшей школы русской филологии и культуры им. Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *научные интересы*: жестовый язык: теория и практика перевода; *e-mail*: efkf@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8208-0977, SPIN-код: 9130–8950, AuthorID: 878406.

Ильичева Татьяна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации Высшей школы русской филологии и культуры им. Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская д. 18); *научные интересы*: жестовый язык: теория и практика перевода; *e-mail*: itae@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-2218-3103, SPIN-код: 6255–6176, AuthorID: 1113789.

Лайкова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации Высшей школы русской филологии и культуры им. Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *научные интересы*: жестовый язык: теория и практика перевода; *e-mail*: julaikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0909-9353, SPIN-код: 3767–9750, AuthorID: 1037660.

Information about the authors:

Elmira F. Fayzullina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication of the L. Tolstoy Higher School of Russian Philology and Culture, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: sign language: theory and practice of translation; *e-mail*: efkf@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8208-0977, SPIN-code: 9130–8950, AuthorID: 878406.

Tatyana E. Ilyicheva, Senior Lecturer of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication of the L. Tolstoy Higher School of Russian Philology and Culture, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya Str, Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: sign language: theory and practice of translation; *e-mail*: itae@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-2218-3103, SPIN-code: 6255–6176, AuthorID: 1113789.

Yuliya V. Laykova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication of the L. Tolstoy Higher School of Russian Philology and Culture Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: sign language: theory and practice of translation; *e-mail*: julaikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0909-9353, SPIN-code: 3767–9750, AuthorID: 1037660.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-441-455

EDN: EHDQFI

УДК [811.161.1:811.581]’23’37

Научная статья / Research article

Семантический гештальт ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ носителей русской и китайской лингвокультуры по данным свободного ассоциативного эксперимента

И.И. Митрофанова¹ , И. Ван¹ , С.А. Баров² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация mitrofanova_ii@rudn.ru

Аннотация. Построение семантического гештальта ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ (大地 dàdì) носителей русского и китайского языков с помощью результатов ассоциативного эксперимента является актуальной проблемой. Концепт ЗЕМЛЯ в качестве ключевой культурной константы оказывает значительное влияние на сознание носителей русской и китайской лингвокультуры. Цель данного исследования заключается в выявлении ассоциативного содержания слова-стимула «земля» и этнокультурных особенностей народов России и Китая. Материалом исследования являются слова-реакции на слово-стимул «земля», полученные в свободном ассоциативном эксперименте. Авторами были использованы метод лингвокультурологического анализа, метод свободного ассоциативного эксперимента и метод семантического гештальта, предложенный Ю.Н. Карауловым. На основе проведенного исследования была выявлена структура ассоциативного поля концепта «земля» и построен семантический гештальт данного концепта у русского и китайского народов. Сделан вывод, что концепт «земля» имеет коннотативное номинативное поле, что свидетельствует о важности и уникальности данной лексемы в русской и китайской языковых картинах мира и в языковом сознании современной молодежи двух стран. Концепт ЗЕМЛЯ характеризуется как относительно стабильной концептуальной структурой, так и определенной динамичностью. В языковом сознании русского и китайского народов парадигматические ассоциаты занимают доминирующую роль: «земля» ассоциируется с «домом», «Родиной», «матерью», и в первую очередь вызывает положительные эмоции и оценки. Данное исследование открывает возможности лучшего понимания первичных, базисных основ языкового сознания носителей русского и китайского языков.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.12.2024; дата приема в печать: 15.02.2025.

© Митрофанова И.И., Ван И., Баров С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Митрофанова И.И., Ван И., Баров С.А. Семантический гештальт ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ носителей русской и китайской лингвокультур по данным свободного ассоциативного эксперимента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 441–455. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-441-455>

Semantic Gestalt of the Associative Field of the Concept LAND of Speakers of Russian and Chinese Linguocultures Based on the Data of Free Associative Experiment

Irina I. Mitrofanova¹ , Yi Wang¹ , Sergey A. Barov²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² State University of Management, Moscow, Russian Federation

 mitrofanova_ii@rudn.ru

Abstract. The construction of the semantic gestalt of the associative field of the concept LAND in Russian and Chinese speakers using the results of the associative experiment is an actual problem. The concept LAND as a key cultural constant has a significant impact on the consciousness of speakers of two linguocultures. The purpose of this study is to identify the associative content of the word-stimulus ‘land’ and the ethno-cultural peculiarities of the peoples of Russia and China. The material of the study is word-reactions to the word-stimulus ‘land’ obtained in a free associative experiment conducted with 100 students of 5 Chinese universities and 100 students of 5 Russian universities. This study uses the method of free associative experiment and the method of semantic gestalt proposed by Yu.N. Karaulov. According to the results of the study, the structure of the associative field of the concept EARTH is modelled and the semantic gestalt of this concept is constructed in speakers of two languages, 6 semantic zones (object, subject, action, evaluation and emotion, locus and others) are singled out. It can be concluded that the concept LAND has a connotative nominative field, which indicates the importance and uniqueness of this lexeme in the Russian and Chinese linguistic picture of the world and in the linguistic consciousness of modern youth of the two countries. The concept ‘land’ is characterised by both a relatively stable conceptual structure and a certain dynamism. In the linguistic consciousness of Russian and Chinese people paradigmatic associations occupy a dominant role, the land is perceived as home, motherland, mother, and first of all causes positive emotions and evaluations. This study allows us to create a more objective model of the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers.

Keywords: linguoculturology, linguistic picture of the world

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.02.2025.

For citation: Mitrofanova, I.I., Wang, Yi, & Barov, S.A. (2025). Semantic Gestalt of the Associative Field of the Concept LAND of Speakers of Russian and Chinese Linguocultures Based on the Data of Free Associative Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 441–455. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-441-455>

Введение

Язык в нашей жизни является инструментом общения, но одновременно и ценностью, развивающей наше сознание. Многие филологи придерживаются мнения, что одной из главнейших задач в обучении языку является не столько усвоение лексических единиц, сколько изучение понятий и значений, вкладываемых носителями языка в данные лексемы [1. С. 77], что «открывает путь» к пониманию концептуального мышления человека, выстраиванию им концептуально-понятийного образа мира в своем сознании. Концепт же представляет собой «упорядоченные выражения значения мыслительных единиц, замещающие явления действительности на базе жизненного опыта» [2. С. 284]. Концептуальное понимание лексем помогает не только лучше улавливать их смысл, но и, в целом, упорядоченно выстраивать мыслительные процессы.

Концепт является важным объектом исследования в современной лингвистике, причем изучение концепта носит междисциплинарный характер, фокусируясь в основном на когнитивных и культурных аспектах. С точки зрения лингвокультурологии, концепт — это сгусток культуры в человеческом сознании, по сути, инструмент, позволяющий культуре войти в ментальный мир человека [3. С. 43]. Культурная информация, сохраняющаяся в концепте, значительно влияет как на мировоззрение нации, в целом, так и на сознание каждого отдельного взятого индивида, к ней относящегося. Концепт априори определяется как ««культурный концепт», под которым подразумевает некий вербализованный смысл, отображающий лингвоменталитет определенного этноса» [4. С. 10].

Для изучения структуры лингвокультурного концепта, интерпретации и значения его лексемы-репрезентанта используются разные методы, одним из самых эффективных методов выявления образных характеристик концептов является ассоциативный эксперимент [1. С. 77]. Использование свободного ассоциативного эксперимента позволяет не только экстернализовать языковое сознание, но и составить словарь ассоциативных полей, с помощью которого можно понять фонологические, семантические и грамматические правила, вербальную память языковой личности и выявить законы языкового сознания, объективно существующие в подсознании носителей языка. Анализ ассоциативного поля представляет собой эффективный способ для создания номинативного поля концепта, в связи с тем, что ассоциативное поле относится к совокупности ассоциаций к слову-стимулу, которое позволяет выявить вербально-ассоциативные сети ключевого слова концепта [5. С. 191].

«Семантический гештальт», предложенный Ю.Н. Карауловым, как структура, позволяющая упорядочить состав ассоциативного поля [5. С. 107–108], в определенной степени восстанавливает фрагменты наивно-языковой картины мира. Семантический гештальт основывается на естественной семантической категоризации ассоциатов, представленных в поле, и состоит из ряда семантических зон, обладающих некоторыми существенными признаками. Понятие

«гештальт» получило широкое распространение сначала в психологии, а затем стало широко использоваться в филологии. В современном толковом словаре русского языка представлено следующее определение понятия «гештальта» (его дефиниция): это целостный образ, который формируется в сознании человека при восприятии объектов или при представлении о них¹. Гештальт представляет собой закреплённый в одном слове целостный образ, объединяющий рациональные и чувственные компоненты и совмещающий статические и динамические аспекты отражаемого объекта или явления [6. С. 57].

Семантический гештальт позволяет отобразить внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля, а также описать ассоциативное поле в качестве единиц знания о мире, являясь связующим звеном между структурой ассоциативного поля и структурой реальности, отражённой в ассоциативном поле [5. С. 194]. Кроме того, многообразные ассоциации также представляют нам возможность выявить как можно больше когнитивных признаков определённого концепта, так как в них сохраняются яркие особенности менталитета носителей языка.

ЗЕМЛЯ как фундаментальный концепт является культурной константой, сохраняющейся в ядре человеческого сознания и отражающей этнокультурную особенность носителей языка. Концепт ЗЕМЛЯ способен показать некоторые общие знания человечества, и в то же время он является основой уникальной национальной культуры. В последние годы были опубликованы ряд исследований, в которых рассматривался концепт ЗЕМЛЯ, в частности, концепт РОДНАЯ ЗЕМЛЯ был исследован Ю.С. Степановым [3], С.А. Борисова описала метафорические поля концептов НЕБО и ЗЕМЛЯ и их концептуализацию в германских языках [7], концепт ЗЕМЛЯ в русской фразеологии и лексикологии был исследован А.Е. Семеновым [8], Чжао Сюэцин анализировал в сопоставительном аспекте семантические поля концептов НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира [9], Ли Чан [10] исследовал концепт ЗЕМЛЯ на материале русского языка с использованием методологии Ю.С. Степанова, Чжан Тинтин провела комплексное концептуальное описание концепта ЗЕМЛЯ на материале текста романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» [11]. При этом следует отметить, что до сих пор существует относительно мало работ, изучивших данный концепт в русской и китайской лингвокультурах исходя из данных, полученных в результате ассоциативных экспериментов.

Цель данного исследования и заключается в определении ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ носителями русского и китайского языков с помощью классификации и анализа полученных словесных реакций и, в целом, в выявлении этнокультурной специфики языкового сознания двух народов применительно к данному понятию/слову.

¹ *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 томах. М. : АСТ: Астрель, Харвест, Lingua, 2006.

Методы и материалы исследования

В работе применены описательный и статистический методы, метод концептуального анализа, метод ассоциативного эксперимента и метод «семантического гештальта».

Значительное количество ассоциаций образует ассоциативное поле стимулов, которое можно представить в виде определенной структуры, состоящей из ядра, ближней, крайней и дальней периферий. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «ассоциативное поле максимально приближено к отражению некоторых мыслительных образов и структур» [12. С. 17]. Концептуальное содержание внутренне структурировано по принципу поля. Принадлежность к той или иной зоне концептуального содержания зависит в значительной степени от яркости признака в сознании носителя данного концепта [13. С. 80].

Семантический гештальт основан на семиологической категоризации реакций в ассоциативном поле, в составе которого представлены смысловые области, совмещающие типичные признаки объектов или понятий, связывающихся со словом-стимулом. Выделены Ю.Н. Карауловым следующие семантические зоны: *кто, что, это, какой, каков, делать, когда и где* [5. С. 191–206].

Материалом данного исследования являются результаты свободного ассоциативного эксперимента, который был проведен в октябре 2023 г. путем анкетирования 100 носителей русского языка и 100 носителей китайского языка, учащихся 5 российских и 5 китайских вузов. Все испытуемые находились в возрасте 17–25 лет, так как этот возраст является оптимальным для респондентов ассоциативного эксперимента [14. С. 129]. Каждый респондент по инструкции должен был написать 5 первых пришедших в голову слов, вызванных в сознании слова-стимула «земля» (китайский аналог — «大地») в течение 3-х минут.

Обсуждение и результаты исследования

По результатам проведенного ассоциативного эксперимента у российских испытуемых получено 490 словесных реакций (198 разных словесных реакций и 142 единичных реакций), 10 отказов. Выделим структуру концепта ЗЕМЛЯ, которая состоит из ядра, ближней, дальней и крайней периферий. В центральной части ассоциативного поля концепта ЗЕМЛЯ находятся *планета, жизнь, дом, люди*. Респонденты из числа русскоязычных студентов впервые ассоциировали землю с местом жизни и деятельности человека. Земля в определенной степени наделяется носителями русского языка образом дома. Образ не обязательно является частью ядра структуры концепта, но конкретный образ, несомненно, входит в ядро концептуальной структуры в сознании индивида, так как он представляет собой кодировку концепта для данного носителя языка [13. С. 114].

По мере удаления от ядра доминантные признаки ослабевают, появляются факультативные признаки [15. С. 52]. С целью создания ассоциативного

поля концепта ЗЕМЛЯ носителей русского языка уделим внимание факультативным признакам данного концепта. В дальней и крайней перифериях ассоциативного поля «земля» представлены слова-реакции, относящиеся к объектам природы и объектам во Вселенной, и даже к небесным телам.

По результатам ассоциативного эксперимента у китайских респондентов получено 485 словесных реакций (229 разных словесных реакций и 157 единичных реакций), 15 отказов. Представлена структура ассоциативного поля концепта 大地 ‘земля’ носителями китайского языка. Ядром является словесная реакция 母亲 ‘мать’. В традиционной китайской культуре земля считается символом матери, имеет глубокие культурные корни: земля питает живое существо и обеспечивает основные условия для выживания человека. Люди испытывают глубокое уважение к земле, и в китайских литературных произведениях часто встречается выражение «Мать-Земля». В центре ассоциативного поля данного концепта находятся 泥土 ‘глина’, 土地 ‘земля’, 草 ‘трава’, 植物 ‘растение’, 河流 ‘река’, 生命 ‘жизнь’, 树木 ‘дерево’. Китайские испытуемые впервые ассоциируют землю с его синонимичными словами и составляющими природы, с жизнью. Дальнюю и крайнюю периферию ассоциативного поля «земля» составляют реакции, которые тесно связаны с природой, живым существом, общественной жизнью человека, и даже с географическими понятиями. Далее мы акцентируем внимание на моделировании семантического гештальта ассоциативного поля «земля» носителей русской и китайской лингвокультур.

Семантический гештальт ассоциативного поля «земля» носителей русской лингвокультуры

На взгляд носителей русского языка, «земля» тесно связана с природой и космосом, поскольку данное слово является многозначным. По словарным дефинициям представлены следующие значения «земля»: ‘определенное место проживания человека’; ‘суша’; ‘планета’; ‘почва’; ‘страна, государство (родина)’ и ‘территория с угодьями’² [16. С. 210].

Используя метод построения семантического гештальта, предложенного Ю.Н. Карауловым, мы выделили 6 семантических зон (представлено в табл. 1), описывающих следующие когнитивные признаки: *объект, субъект, действие, оценка и эмоция, локус* и пр.

Очевидно, что зона «объект», составляющая 67,1 % от общего количества слов-реакций, считается самой типичной семантической зоной. Тем самым мы видим, что среди слов-реакций носителей русского народа на слово-стимул «земля» чаще всего встречены парадигматические ассоциации, которые являются ассоциациями именного типа. Синтагматические ассоциации представлены в виде адъективного и глагольного типов: *круглая, зелёная, плодородная, большая, красивая, изучение, освоение, беречь* и т. д.

² Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 229.

Таблица 1 / Table 1

**Семантический гештальт ассоциативного поля «земля» носителей русского языка /
Semantic gestalt of the associative field 'land' of native speakers of the Russian language**

Зона / Zone	Слово-реакция / Word-Reaction	Количество реакций / number of reactions	
		ед. / Unit	%
Объект / object		329	
космонавтика	планета (51); космос (9); солнце (5); Земля, небо, луна (4); Вселенная, орбита, спутники (2); галактика, комета, метеорит, Солнечная система, третья (1)	88	18,0
живое существо	жизнь (27); зелень, растения, трава (4); дерево (3); деревья, животные, леса, насекомые, цветы, червяк (2); грибы, динозавры, животный мир, крот, полезные ископаемые, растительность, росток, фауна, флора, червячок (1)	64	13,0
составляющие и свойства Земли	атмосфера (6); кислород, ядро (4); воздух (3); поверхность, ресурсы (2); вещество, водные просторы, кардиограмма, магма, нефть, платина, сила тяготения, слой, экватор, энергия (1)	31	6,3
природа	вода (15); почва (12); океаны, природа (7); континенты, океан, растения, суша, трава (4); горы, грунт, дерево, материка (3); деревья, море, чернозём (2); берег, золото, камни, лед, материк, моря, облако, острова, серебро, чернозем. (1)	89	18,2
общественная жизнь	мир (16); живой огурец (3); еда, страны, экология (2); Аватар, В иллюминаторе, горшок, деньги, дружба, иллюминатор, культура, Люли, наука, общество, открытия, простите, сила земли, собственность, стихия, столбняк, убить Билла, фармацевция, цивилизация, шум (1)	45	9,2
сходный предмет	шар (8); эллипсоид (1)	9	1,8
время	Ледниковый период, лето, сегодня (1)	3	0,6
Субъект	люди (24); человечество (6); человек (2); богиня, земляне, мать, роженица (1)	36	7,3
Действие	беречь, вращение, гибнет, закрыта, изучение, истощение, лежать, освоение, помощь, прогресс, рост, труд (1)	12	2,4
Оценка и эмоция / Assessment and emotion		66	13,5
положительная	любовь (3); плодородие, плодородная (2); безопасность, большая, большой, красивая, красота, необходимость, обитаемость, огромная, опора, плиты, плодородность, разнообразие, родная, родной, свежесть, свобода, стабильность, теплая, тепло, уверенность, устойчивость, уют (1)	25	5,1
отрицательная	грязь (2) беспорядок, война, гроб, грязная, далеко, деление, живая катастрофа, могила, печальное, смерть, страшно, темно, упадок (1)	15	3,1
нейтральная	круглая (5); зеленая (4) зелёный, коричневый, голубая, голубой, зелёный цвет, крепкость, многолюдно, не изучено, недостижаемо, неизвестность, одна, плоский, синий, твёрдое, цветное, черный (1)	26	5,3
Локус	дом (26); родина (4); Россия (1)	31	6,3
Прочие	эволюция, глобальное потепление, засоренная орбита, землетрясение, история, источник, материализм, начало, низ, перенаселение, перерождение, система, трещина, участок, шанс, экологическая катастрофа (1)	16	3,3

Источник: составлено И.И. Митрофановой, И. Ван, С.А. Барвым / Source: compiled by Irina I. Mitrofanova, Yi Wang, & Sergey A. Barov.

Объект. В данной семантической зоне «космонавтика» и «природа» занимают ведущее место. Это в полной мере подтверждает упомянутое выше, что «земля» воспринимается как собственно планета и как место проживания человека, причем данные значения глубоко запечатлены в языковом сознании носителей русского языка. Кроме того, в субзоне «природа» встречаются несколько синонимичных существительных: *почва, грунт, чернозём, континент, суша, материки, берег*. Небольшая часть слов-реакций у носителей русского языка относится к субзоне «живое существо», составляющие 13% от общего числа ассоциаций. Земля служит источником жизни и основой для роста всего живого существа.

Интересно, что российские респонденты упоминали немало ассоциаций, связанных с музыкальными произведениями и фильмами: «*Аватар*», «*Земля в иллюминаторе*» и *пр.* Появление данных названий наглядно демонстрирует, что в современную эпоху с развитием технологий и Интернета земля как ключевой концепт также используется в качестве важной темы в развлекательных мероприятиях.

Субъект. Российские респонденты впервые назвали такие слова, как *люди, человечество, человек*. Земля в узком смысле является одним из основных ресурсов для выживания людей, фундамент экономического и социального развития. Для российской молодежи образ земли также ассоциируется с *матерью, богиней, роженицей*. В русской лингвокультуре сохраняется устойчивый образ древней богини «Матери-земли», потому что «Земля-мать» и «Земля-мать-богиня» — самые продуктивные метафорические макромодели для носителей русского языка [18].

Действие. Слова-реакции с глагольным типом, упомянутые в данной зоне, можно разделить на две основные категории. Одна связана с движением самой Земли как планеты: *вращение, гибнет, закрыта, рост*; а другая — с деятельностью людей по отношению к земле: *беречь, изучение, истощение, лежать, освоение, помощь, прогресс, труд*.

Оценка и эмоция. Среди ассоциаций с нейтральной оценкой, названных российскими респондентами, оказался ряд слов, связанных с цветом. Например: *зеленая, коричневый, голубая, синий, цветное, черный*. Одновременно, представлены слова о состоянии и характеристике земли: *крепкость, многолюдно, твёрдое, плоский*. С положительной оценкой выделяются следующие слова-реакции: *любовь, плодородие, плодородная, безопасность, большой, красивая, красота, необходимость, обитаемость, огромная, опора, плиты, плодородность, разнообразие, родная, родной, свежесть, свобода, стабильность, теплая, тепло, уверенность, устойчивость, уют* (25 ассоциатов). С отрицательной оценкой выделяются следующие слова-реакции: *грязь, беспорядок, война, гроб, грязная, далеко, деление, живая катастрофа, могила, печальное, смерть, страшно, темно, упадок* (15 ассоциатов). Земля, как и следовало ожидать, вызывает больше позитивных эмоций у русскоязычных респондентов.

Локус. К этой зоне относятся слова-реакции: *дом, родина, Россия*, свидетельствующие как представлена интерпретация земли в толковом словаре

(дом, родина человечества), которая также подтверждается в языковом сознании носителей русского языка.

Прочие. Российские испытуемые назвали ассоциации, связанные с угрозами и проблемами, с которыми сталкивается наша планета: *глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, засоренная орбита, перенаселение, экологическая катастрофа*. Кроме того, в данной зоне выделены слова-реакции: *эволюция, землетрясение, история, источник, система, начало, низ, трещина, участок, шанс*.

Семантический гештальт ассоциативного поля «земля» носителей китайской лингвокультуры

Для определения этнокультурных особенностей в языковом сознании китайцев рассмотрена дефиниция «земля» в «Большом современном словаре китайского языка»³ и «Большом китайско-русском словаре»⁴: 1) 地球 *планета, 地壳 земная кора*; 2) 陆地 *суша, континент, материк как часть Земли*; 3) 土地, 田地 *территория, пашня*; 4) 地区, 地方, 地点 *район, местоположение/место, пункт*; 5) 地位 *положение, место*; 6) 人的见地、心地 *точка зрения, взгляды, воззрение, мысль*. С помощью метода семантического гештальта выделены следующие семантические зоны (таблица 2).

Объект. В данной зоне доминируют субзоны «живое существо» и «природа», составляющие 43.5 % от общего количества ассоциаций. Земля представляет собой колыбель жизни, и она неотделима от всей природы. Стоит отметить, что ассоциативные слова, связанные с космонавтикой, также оказались в данной зоне, но мало упоминались китайскими респондентами. В субзоне «общественная жизнь» представлено небольшое количество ассоциаций, относящихся к пропитанию человечества: 粮食 *продовольствие, 农田 пахотная земля, 庄稼 посеvy*. Китайские респонденты также указывали ассоциации, которые связываются с видами рельефа земной поверхности нашей Земли.

Субъект. Китайские испытуемые впервые ассоциируют землю с матерью, находящейся в ядре ассоциативного поля концепта «大地» *земля*. Далее в данной зоне представлены ассоциация 人 *человек, 人类 человечество*. Кроме того, ими был упомянут известный китайский поэт 艾青 *Ай Цин*, написавший много произведений на тему «земли». Интересно, что носители китайского языка также указали реакции 女娲 *Нюйва* и 盘古 *Паньгу*, являющимися известными персонажами древнекитайских мифов. Легенда гласит, что эти герои неразрывно связаны с первоначальным формированием неба и земли, а мифы о них хорошо знакомы каждому китайцу.

³ Люй Шусян. Большой современный словарь китайского языка. Пекин : Изд-во коммерческого прессы, 2016.

⁴ Мудрова Б.Г. Большой китайско-русский словарь. М. : Рус. яз., 2001. С. 428.

Таблица 2 / Table 2

Семантический гештальт ассоциативного поля «大地» земля носителей китайского языка / Semantic gestalt of the associative field '大地' land of native Chinese speakers

Зона / Zone	Слово-реакция / Word-Reaction	Количество реакций / number of reactions	
		ед. / Unit	%
1	2	3	4
Объект / object		258	53,2
космонавтика	地球 Земля, 太阳 солнце, 天空 небо (2); 飞船 космическая корабль, 其他生物 другие живые существа, 星星 звезда, 宇宙 вселенная/ космос, 陨石 метеорит (1)	11	2,3
живое существо	草 трава, 植物 растение (12); 树木 дерево (9); 花 цветы, 树 дерево (8); 草地 луг, 动物, животное (7); 花朵 цветок, 小草 мелкотравье (3); 花草 цветы и травы, 老虎 тигр, 小麦 пшеница, 玉米 кукуруза, 植被 растительный покров (2); 苞谷 кукуруза, 壁虎 геккон/ домашняя ящерица, 草木 трава и деревья, 草坪 луг, 虫 насекомые, 高粱 гаолян, 根系 корневая система, 枯树 высохшее дерево, 昆虫 насекомые, 绿植 зелёные растения, 马 лошадь, 玫瑰 роза, 棉花 хлопок, 牛 бык, 苹果 яблоко, 蛇 змея, 生物 живое существо, 水稻 поливной рис, 兔子 заяц, 蜥蜴 ящерица, 熊 медведь, 羊 баран, 野草 дикая трава, 野花 дикие цветы, 叶子 лист, 幼苗 сеянец/ саженец, 走兽 звери (1)	106	21,9
рельеф земной поверхности	地理 география, 地貌 рельеф земной поверхности, 地形变化 изменение рельефа местности, 地质 геология, 盆地 впадина, 平原 равнина (1)	6	1,2
природа	泥土 глина, 土地 земля (15); 河流 река (9); 土 земля, 土壤 грунт (7); 山川 горы и реки (5); 沙漠 пустыня (4); 草原 степь, 黑土 чернозём, 森林 лес, 山脉 горная цепь, 水 вода, 岩石 скала (3); 大海 море, 海洋 океан, 河 река, 黄土 лёсс, 山 гора (2); 石头 камень, 种子 семена, 海 море, 海边 берег моря, 黑土地 чернозём, 黄河 Х уанхэ, 黄土地 лёсс/желтозём, 景观 ландшафт, 泥巴 комок глины, 沙子 песок, 水坑 лужа, 水源 источник водоснабжения, 田野 поле, 物质 материя, 岩土 скальный грунт (1)	105	21,6
общественная жизнь	粮食 провиант (6); 房子 здание (4), 路 дорога, 麦田 пшеничное поле, 农作物 сельскохозяйственные культуры (2); 菜园 огород, 城市 город, 道路 дорога, 公园 парк, 科技 наука и техника, 楼房 многоэтажный дом, 农田 пахотная земля, 生态 экология, 食物 продукты, 烟花 фейерверк, 烟袋 облако дыма, 院子 двор, 庄稼 посевы (1)	29	6,0
время	春意 весна (1)	1	0,2
Субъект	母亲 мать (33); 人 человек (6); 艾青 Ай Цин, 人类 человечество (3); 盖亚 Г ая, 大地之母 мать З емли (2); 妈妈 мама, 牛顿 Ньютон, 女娲 Нюйва, 盘古 Паньгу 婴儿 младенец (1)	54	11,1
Действие	哺育 выкармливать, 发芽 прорасти (2); 哺乳 кормить грудью, 耕种 заниматься земледелием, 种植 сеять, 播种 выращивать/растить, 更迭 сменяться, 浇水 поливать, 居住 жить, 气息 вдыхать, 生存 выживать, 生养 родить и воспитать, 生长 расти, 收获 собрать урожай, 躺下 лечь, 跳跃 прыгать, 遐想 грезить, 孕育 зародиться, 种地 заниматься земледелием (1)	21	4,3
Оценка и эмоция / Assessment and emotion		109	22,5
положительная	广阔 широкий, 辽阔 необъятный (8); 踏实 спокойный (5); 广袤 широкий и протяжённый, 坚实 крепкий (4); 大 большой, 厚实 плотный, 宽广 широкий, 美丽 красивый, 生机盎然 жизнерадостный, 无边无际 бескрайний, 无私 бескорыстный (2); 安稳 спокойный и надёжный, 安心 спокойствие, 盎然 насыщенный, 博大 обширный, 沉稳 спокойный, 成熟 зрелый, 淳朴 искренний и простой, 肥沃 плодородный, 丰收 богатый урожай, 广博 обширный, 广阔天地 широкий, 广袤无垠 бескрайний, 浩瀚 безбрежный, 浑厚 безыскусственный, 坚固 прочный, 坚韧 крепкий, 靠谱 надежный, 可靠 достоверный, 宽广 пространный, 辽阔 необъятный, 立足之地 точка опоры, 努力 старания, 平静 спокойствие, 朴实 простой, 朴素 скромный, 谦虚 скромный, 轻松 лёгкий, 万木丛生 густые лесные, 温和 умеренный, 温暖 тёплый, 稳固 прочный, 稳重 степенный, 无际 безграничный, 无垠 необъятный, 银装素裹 в серебряном наряде, 自由 свобода (1)	79	16,3

Окончание таблицы 2 / Ending of the Table 2

1	2	3	4
отрицательная	干旱 засуха (2); 干枯 засыхать, 孤独 одинокий, 黑暗 тёмный, 缥缈 туманный, 缺水 нехватка воды, 塌陷 обвал, 硬 твёрдый, 硬化 затвердение, 淤浊 грязь (1)	11	2,3
нейтральная	绿色 зелёный (6), 厚重 солидный (3); 褐色 бурный (2); 冰天雪地 заснеженная земля, 大地色 землистый цвет, 地广人稀 земли обширные, 黑色 чёрный, 红色 красный, 黄色 жёлтый, 平面 плоскость, 土色 землистый цвет (1)	19	3,9
Локус	家 дом, 家园 родина (2); 神州大地 чудесная земля, 位置 расположение (1)	6	1,2
Прочие	生命 жизнь (9); 生机 жизненность, 希望 надежда (3); 地震 землетрясение, 厚德载物 добродетельный муж способен на великие свершения (пожелание успехов в учебе), 环境 среда (2); 光度 яркость, 厚土 земля, 脚印 след ноги, 民以食为天 народ считает пищу своим небом (еда для людей является первой необходимостью), 人类起源 антропогенез, 人生 жизнь человека, 湿度 степень влажности, 万物 все существа, 万有引力 тяготение, 现实 реальность, 养分 питательные вещества, 元素周期表 периодическая таблица элементов, 源泉 родник, 大地之力 сила земли, 资源 ресурсы (1)	37	7,6

Источник: составлено И.И. Митрофановой, И. Ван, С.А. Барвым / Source: compiled by Irina I. Mitrofanova, Yi Wang, & Sergey A. Barov.

Действие. В данной зоне представлены глаголы, которые относятся к различным процессам земледелия. Уделим особое внимание словам-реакциям с глагольным типом: 哺育 *выкармливать*, 哺乳 *кормить грудью*, 生养 *родить и воспитать*, 孕育 *зародиться*. Очевидно, что образ земли как матери глубоко укоренился в языковом сознании китайцев.

Оценка и эмоция. Словесных реакций с положительной оценкой (79 ассоциатов) было зафиксировано гораздо больше, чем с отрицательной (11 ассоциатов). На взгляд китайских опрошенных, земля наделена позитивным образом. Она является источником жизни, дает начало всему сущему, обеспечивает пищей и другими ресурсами, необходимыми для выживания человека, несет людям жизнь и надежду.

Локус. В эту зону вошли ассоциации 家 дом, 家园 *родной край / родной двор*, 神州大地 *чудесная земля*, 位置 *расположение*. В языковом сознании носителей китайского языка земля символизирует дом и родину. Кроме того, стоит обратить внимание на словосочетание 神州大地 *чудесная земля*, которое долго использовалось как синоним Китая.

Прочие. В данной зоне представлены ассоциации: 生命 *жизнь*, 生机 *жизненные силы / начало жизни*, 希望 *надежда*, 源泉 *родник*, — свидетельствующие, что земля вызывает у китайцев положительные эмоции. Важно отметить, что китайские респонденты также назвали два фразеологизма, связанные с землей: 厚德载物 *добродетельный муж способен на великие свершения (пожелание успехов в учебе)* и 民以食为天 *народ считает пищу своим небом (еда для людей является первой необходимостью)*. Данные выражения отражают важность земли для человечества как в духовном, так и в материальном

плане, демонстрируя таким образом первостепенное положение этого понятия в языковом сознании носителей китайского языка.

Результаты исследования ассоциативного поля концепта «земля» («大地») с помощью метода семантического гештальта являются свидетельством уникальности данной лексемы как в русской, так и в китайской языковых картинах мира, и одновременно показывают своеобразие когнитивных признаков носителей двух языков. Можно утверждать, что в русской и китайской лингвокультурах «земля» является базовым концептом и характеризуется следующими этнокультурными особенностями.

Во-первых, в ядро и ближнюю периферию ассоциативного поля концепта «земля» русской лингвокультуры входят понятия *планеты, жизни, дома, людей*. Для русской лингвокультуры «земля» в качестве общего дома рождения человечества неразрывно связана с «людьми» ее населяющими. В дальней и крайней перифериях существует множество слов-реакций, обозначающих объекты в природе и во Вселенной, в том числе небесные тела. В центральной части ассоциативного поля концепта «大地» *земля* в китайской лингвокультуре находится словесная реакция «*мать*» *мать*. Китайские испытуемые часто ассоциируют землю с синонимичными словами, в особенности, совпадающими по иероглифам, и являющимися составными частями природы, а также, в целом, с жизнью. В дальней и крайней перифериях ассоциативного поля «大地» *земля* представлены реакции, связанные с природой, живыми существами, жизнью человека и даже с географическими понятиями.

Во-вторых, не только в языковом сознании русского народа, но и в языковом сознании китайского народа парадигматические ассоциаты занимают доминирующую роль. Интересно, что в ассоциативном поле концепта «大地» *земля* у носителей китайского языка встречаются больше синтаксических ассоциаций в виде адъективного и глагольного типов, чем в ассоциативном поле концепта «земля» у носителей русского языка.

В-третьих, в русском языковом сознании образ земли в значительной мере ассоциируется с *домом* и *Родиной*, а также с *матерью* и *богиней*. В русской лингвокультуре сохраняется устойчивый образ древней богини «Матери-земли». В китайском языковом сознании образ земли также соотносится с *домом* и *Родиной*, включая персонажи древнекитайских мифов 女媧 *Нюйва* и 盘古 *Паньгу*. Кроме того, земля воспринимается в качестве места жизни и деятельности человека, опоры его существования, и в неразрывной связи с природой.

В-четвертых, в языковом сознании русской и китайской молодежи земля постоянно вызывает различные эмоции и оценки, в основном положительные, особенно у китайских испытуемых, что во многом связано с более поздним, чем в России, процессом урбанизации, фактом того, что многие жители китайских городов являются горожанами в первом поколении и еще не утратили тесной психологической связи с сельской местностью, где у них до сих пор проживает немало родственников и знакомых. И хотя китайцы чаще

ассоциируют землю с позитивными словами, тем не менее, было зафиксировано и небольшое количество ассоциатов с отрицательной оценкой, вероятно, психологически связанной с процессом переезда для жизни в город и, соответственно, с определенным отрицанием сельского жизненного уклада.

Заключение

Таким образом, концепт ЗЕМЛЯ в русской и китайской культурах имеет схожие ассоциации, но его интерпретация и значение различаются в зависимости от культурных контекстов. Русская лингвокультура акцентирует внимание на эмоциональной связи человека с землей как с родиной, тогда как китайская культура подчеркивает философски ориентированную, гармоничную связь человека с природой. Эти различия и сходства открывают новые перспективы для дальнейшего изучения взаимодействия языковых и культурных моделей в контексте происходящих в современном мире процессов глобализации и межкультурной коммуникации.

Исследование концепта ЗЕМЛЯ, являющейся одним из главных концептов как в русской лингвокультуре, так и в китайской, способствует построению парадигмы языкового сознания двух народов, выявлению их национальной личности и культурных коннотаций.

Библиографический список

1. Василенко С.С. Ассоциативный эксперимент как способ исследования концепта в лингводидактических целях // Язык и культура. 2019. № 48. С. 76–86. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/5EDN: YUOHVZ>
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М. : Academia, 1997. С. 280–287.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Воркачев С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. М. : Макс, 2003. С. 6–15. EDN: UBCOTD
5. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 191–206. EDN: SIJQLH
6. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 66–67. EDN: VPJEVJ
7. Борисова С.А. Метафоры «небо» и «земля» в германских языках (на индоевропейском фоне) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
8. Семёнов А.Е. Вербализация концепта «земля» средствами русской фразеологии и лексикологии : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
9. Чжао Сюцин. НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
10. Ли Чан. Исследование концепта земля в русском языке лингвокультуры. Чанчунь : Северо-Восточный педагогический университет, 2016. китайский вариант
11. Чжан Тинтин. Анализ концепта «земля» в романе «Тихий Дон» в лингвокультурной аспекте. Харбин : Харбинский политехнический университет, 2023.
12. Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Russian Journal of Linguistics. 1994. № 1. С. 15–26.

13. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007.
14. Белянин В.П. Психолингвистика. М. : Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004.
15. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л. : Наука, 1988.
16. Чжан Ин. Концепт «земля» в китайской и русской картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3(53). С. 209–212. EDN: UMMKFP
17. Шэнь Пин. Исследование сознания земли — когнитивная перспектива, основанная на мысли о Матери-Земле. Ханчжоу : Чжэцзянский университет, 2015.
18. Мошина Е.А. Гендерные и теоморфные признаки мифологемы Земля-мать в русской лингвокультуре // СибСкрипт. 2020. № 1(81). С. 251–257. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257> EDN: PARMFF
19. Чжао Сюцин. НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

References

1. Vasilenko, S.S. (2019). Associative Experiment as a Way to Research a Concept for the Foreign Language Teaching Purposes. *Language and Culture*, (48), 76–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/48/5> EDN: YYOHVZ
2. Likhachev, D.S. (1997). Concept sphere of the Russian language. In: *Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text* (pp. 280–287). Moscow: Academia. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.).
4. Vorkachev, S.G. (2003). Standard in comparative semantics. In: *Language, consciousness, communication* (pp. 6–15). Moscow: Max. (In Russ.). EDN: UBCOTD
5. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of National Mentality in the Associative-Verbal Chain. In: *Language Consciousness and Image of the World. Collection of Articles*, N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 191–206). Moscow. (In Russ.). EDN: SIJQLH
6. Sternin, I.A., & Bykova, G.V. (1998). Concepts and Gaps. In: *Language Consciousness: Formation and Functioning*, N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 66–67.). Moscow. (In Russ.). EDN: VPJEVJ
7. Borisova, S.A. (2006). *Metaphors “Heaven” and “Earth” in Germanic Languages (against the Indo-European Background)* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
8. Semenov, A.E. (2009). *Verbalization of the concept “earth” by means of Russian phraseology and lexicology* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
9. Zhao, Xiuqing (2010). *SKY and EARTH in the Russian linguistic picture of the world* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
10. Li, Chang (2016). *Study of the concept land in the Russian language under the threshold of linguoculture*. Changchun: Northeast Normal University. (In Russ.).
11. Zhang, Tingting (2023). *Analysis of the concept “land” in the novel “Quiet Flows the Don” in the linguocultural aspect*. Harbin: Harbin Polytechnic University. (In Russ.).
12. Karaulov, Yu.N. (1994). From the structure of the associative dictionary to the structure of linguistic ability. *Russian Journal of Linguistics*, (1), 15–26. (In Russ.).
13. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
14. Belyanin, V.P. (2004). *Psycholinguistics*. Moscow: Flinta: Moscow Psychological and Social Institute publ. (In Russ.).
15. Admoni, V.G. (1988). *Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar*. Leningrad: Nauka publ. (In Russ.).
16. Chzhan, Ing (2015). The Concept “Earth” in the Chinese and Russian Pictures of the World. *Philology. Theory & Practice*, 11–3(53), 209–212. (In Russ.). EDN: UMMKFP

17. Shen, Ping (2015). *The Study of Earth Consciousness — A Cognitive Perspective Based on the Thought of Mother Earth*. Hangzhou: Zhejiang University publ. (In Russ.).
18. Moshina, E.A. (2020). Gender and Theomorphic Signs of the «Earth-Mother» Mythologeme in Russian Linguistic Culture. *SibScript*, (1), 251–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-251-257> EDN: PAPMFF
19. Zhao, Xiuqing (2010). *SKY and EARTH in the Russian Linguistic Picture of the World* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Митрофанова Ирина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, концептология, русский язык как иностранный; *e-mail*: mitrofanova_ii@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0532-8841.

Ван И, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, концептология, русский язык как иностранный; *e-mail*: yi.wang@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8071-1352.

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, Государственный университет управления (109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр., д. 99); *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: barov1986@mail.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549. SPIN-код: 2325-8802, AuthorID: 620017.

Information about the authors:

Irina I. Mitrofanova, PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: linguacultural studies, conceptology, Russian as a foreign language; *e-mail*: mitrofanova_ii@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0532-8841.

Yi Wang, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: linguacultural studies, conceptology, Russian as a foreign language; *e-mail*: yi.wang@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8071-1352.

Sergey A. Barov, PhD in Political Science, Associate Professor of the Departments of World Economy and International Economic Relations, University of Management (99 Ryazansky Ave., Moscow, Russian Federation, 109542); *Research interests*: contrastive linguistics, linguocultural studies; *e-mail*: barov1986@mail.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549, SPIN-code: 2325-8802, AuthorID: 620017.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-456-473

EDN: GQQHAV

UDC 81'23'246.2-053.5:372.41

Review article / Обзорная статья

Eye Movements During Reading in Bilingual Primary School Children: a Scoping Review

Elena Yu. Semenova¹ , Marina V. Norkina¹ ,
Ruzalina I. Shaikhutdinova²

¹ Sirius University of Science and Technology, *Sirius, Russian Federation*

² Kazan Federal University, *Kazan, Russian Federation*

 esem7enova@gmail.com

Abstract. There is a growing interest in the reading development of bilingual children. Surprisingly, however, little research has been conducted on bilingual children's reading acquisition and development. This scoping review synthesized the findings of existing studies on bilingual primary school children's eye movements during reading and outlined future research directions. In the review, we mapped the differences between monolingual and bilingual children's eye movements during reading, as well as the differences in bilingual children's eye movements during reading in their first (L1) and second (L2) languages. Additionally, we summarized the factors shown to influence monolingual and bilingual children's eye movements during reading. These factors fell into two categories: linguistic and language-related factors, and factors related to individual differences. The results of the review revealed that differences — or the absence thereof — in the eye movements of bilingual and monolingual readers, as well as the variations in bilingual children's reading in L1 and L2, are influenced by a variety of individual and language-related factors. However, due to the scarcity of existing studies, no definitive conclusions can be drawn at this time. Further eye-movement research is needed to shed light on the reading development of bilingual children.

Keywords: eye-tracking, reading development, primary school students, L1 reading, L2 reading

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Financing: the research is supported by grant no. 24-28-20419 from Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20419/>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 10.07.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Semenova, E. Yu., Norkina, M. V., & Shaikhutdinova, R. I. (2025). Eye Movements During Reading in Bilingual Primary School Children: a Scoping Review. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 456–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-456-473>

© Semenova E. Yu., Norkina M. V., Shaikhutdinova R. I., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Движения глаз во время чтения у детей-билингвов, обучающихся в начальной школе: обзор предметного поля

Е.Ю. Семенова¹ , М.В. Норкина¹ , Р.И. Шайхутдинова²

¹Научно-технологический университет «Сириус», *Сириус, Российская Федерация*

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*

 esem7enova@gmail.com

Аннотация. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к развитию навыков чтения у детей-билингвов, работ, посвященных изучению этого феномена, достаточно мало. В данном обзоре обобщены результаты существующих исследований движений глаз во время чтения у детей-билингвов, обучающихся в начальной школе. В обзоре описаны различия в движениях глаз во время чтения монолингвальных и билингвальных детей, а также различия в движениях глаз у детей-билингвов во время чтения на первом и втором языках. Кроме того, в обзоре систематизированы факторы, влияющие на движения глаз детей во время чтения. Такие факторы подразделяются на две категории: лингвистические факторы (в том числе кросс-лингвистические) и факторы, связанные с индивидуальными различиями. Результаты обзора показали, что на различия или их отсутствие в движениях глаз во время чтения у детей-билингвов и детей-монолингвов, а также на различия в чтении у детей-билингвов на первом и втором языках, оказывает влияние ряд индивидуальных и лингвистических факторов. Среди индивидуальных факторов были рассмотрены такие, как показатели беглости чтения, объем словарного запаса и уровень развития синтаксических навыков. Влияние лингвистических факторов на стратегии чтения осуществляется на различных языковых уровнях, которые включали лексический, словообразовательный, синтаксический и формальный орфографический уровни языка. Кроме того, была рассмотрена роль межъязыковых факторов в формировании паттернов движения глаз. Однако из-за малого количества существующих исследований на данный момент нельзя сделать более систематизированные выводы. Для этого необходимы дальнейшие исследования движения глаз во время чтения у детей-билингвов.

Ключевые слова: айтрекинг, навыки чтения, чтение на первом языке, чтение на втором языке

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 24-28-20419, <https://rscf.ru/project/24-28-20419/>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: *Semenova E.Yu., Norkina M.V., Shaikhutdinova R.I. Eye Movements During Reading in Bilingual Primary School Children: a Scoping Review // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 456–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-456-473>*

Introduction

Reading is a fundamental process that plays an important role in communication, education, and personal development. It is a crucial cognitive skill taught during the preschool and primary school years. Reading is arguably one of the most essential neurocognitive skills that children acquire. In fact, it is closely associated with their academic achievements [1; 2] and further well-being in life [3]. An extensive body of research has examined reading in children, focusing on various

questions such as reading-related skills, reading comprehension [4–6], reading difficulties [7; 8]. However, extant research on reading has mostly investigated reading in monolinguals. Meanwhile, a large portion of the global population are bilinguals or multilinguals, with many individuals learning to read in two or more languages simultaneously [9; 10].

When acquiring reading skills, bilingual children can exhibit different reading profiles. According to Shakory and colleagues [11], bilingual children can fall into one of the following profiles: typical readers who progress well in both languages; readers who experience difficulties in both languages; readers who have difficulties in their first language (L1); and readers who have difficulties in their second language (L2). For the successful development of reading skills in both languages, it is important to understand the underlying processes and factors that influence them. Understanding the specific characteristics of bilingual reading will enable the identification and addressing of difficulties that may arise during the development of reading skills in bilingual children at early stages.

Studies on the reading processes of both monolingual and bilingual children have mostly been conducted using behavioral methods [12]. Behavioral methods provide information on reading-related skills such as phonological awareness, decoding, grapheme-phoneme correspondences, reading speed, vocabulary size, and reading comprehension, as well as insights into whether readers experience reading-related difficulties. However, these methods do not capture the more specific details underlying the reading process. Such detailed information can be captured using advanced methods, among which eye-tracking is one of the most widely used.

Eye-tracking, as an online method, provides enhanced precision and accuracy in data collection, encompassing a range of metrics. During reading, the eyes engage in fixations and saccades as they progress through the text. As one of the fundamental components of eye movement, a fixation occurs when the eyes remain relatively stable, allowing the visual system to process information from a specific locus in the visual field. Conversely, a saccade represents a rapid ocular movement that shifts focus from one point to another [13]. In the context of reading research, eye movements can be categorized into local and global measures, corresponding to the word and text levels, respectively. Furthermore, eye movements can delineate and segment cognitive processes during reading into distinct stages, which can be investigated using local-level measures: early (e.g., first fixation duration) and late (e.g., regressions).

There is a substantial body of eye-tracking research on reading in monolingual children. This research reveals how children process information at different developmental stages and how eye movements differ from adult reading [14–16]. For example, it has been established that children's reading is characterized by long fixations and short saccades, while adults make more regression saccades but have shorter fixations and faster reading speeds. Differences in reading between adults and children, however, decrease as children's reading skills improve with age, reaching adult-like reading patterns

at approximately 11 or 12 years [15–18]. However, research on eye movements during reading in bilingual primary school children remains significantly underexplored. This leaves the question of differences in eye movements between monolingual and bilingual children unresolved [12]. Consequently, this review aims to synthesize existing studies on eye movements in bilingual children during reading, with a focus on elucidating the distinctions between monolinguals and bilinguals, between bilinguals' L1 and L2, as well as the factors that may influence these differences.

Methods

Methodological framework

The scoping review followed the methodological framework proposed by Arksey and O'Malley [19] and was structured using the PRISMA-ScR guidelines (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses Extension for Scoping Reviews) [20]. The Nested Knowledge AutoLit semi-automated systematic review platform [21] was employed for duplicate removal and double screening of Abstracts.

Identifying the research question

The main research question of this scoping review was: “What evidence exists regarding the differences in eye-movements between monolingual and bilingual primary school children during reading?” Three specific research questions were:

1. What are the differences between monolingual and bilingual children's eye movements during reading?
2. What are the differences between bilingual children's eye movements during reading in their L1 and L2?
3. What factors underlie the identified differences in eye movements of bilingual and monolingual readers, as well as the eye movements of bilinguals when reading in L1 and L2?

Search strategy

Published studies were systematically identified through searches in three electronic databases: PubMed; Scopus, and Web of Science. The search strategy was built around four key concepts: (1) *eye-movements* (eye movements, eye-movement measures, eye-tracking, eye-tracker), (2) *primary school children* (children, schoolchildren, primary school, elementary school), (3) *reading*, and (4) *bilingualism* (bilingual, second language, multilingual, heritage).

Selection of studies

Inclusion criteria. Studies meeting the following inclusion criteria were selected for this review: (1) Studies examine primary school children. School grades may vary depending on the educational systems of the countries where the research was conducted; (2) Studies investigate reading processes; (3) Studies employ the eye-tracking technique and investigate eye-movement measurements.

Exclusion criteria. Studies meeting the following criteria were excluded from the review: (1) Studies focus on clinical populations, such as children with developmental language disorders, dyslexia, reading impairments, autism, or ADHD. However, if the sample included a normotypical control group, the study was included; (2) Studies examine non-primary school children; (3) Studies address irrelevant topics (e.g., writing, oral comprehension, and etc.).

Screening strategy

All extracted articles were imported into the Nested Knowledge AutoLit platform to automatically remove duplicates. Two independent reviewers conducted a double screening of the titles and Abstracts of potentially relevant articles according to the inclusion and exclusion criteria on the same platform. The inter-rater reliability agreement between the reviewers during the Abstract screening was 69%. Disagreements were further discussed until the reviewers reached a consensus. Full-text copies of the articles were then obtained and double-screened based on the eligibility criteria. The inter-rater reliability agreement at the full-text screening stage was 82%. Any disagreements regarding article eligibility were resolved through discussion. A PRISMA flow diagram (Figure 1) summarizes the selection process, showing the number of records identified, included, and excluded along with the reasons for exclusions.

Data extraction

To chart the data and maintain records of the extracted studies, a customized digital spreadsheet-based table was developed to meet the needs of this review. A pilot data extraction was conducted prior to its full implementation. Data charting was carried out by three independent reviewers, who discussed any disagreements to reach a final decision. The extracted data includes information on: (1) bibliography including authors, titles, year of publication, and journal; (2) study aim, hypotheses and/or research question (s); (3) participants' information including sample size, average age, grade, sex, languages spoken, L1 and L2 age of acquisition, country of residence; (4) study design including battery of measures, eye-movement measures, stimuli type, and equipment used; (5) study results including methods used for data analysis, brief results and key findings' description; (6) study limitations and future directions. The full table of extracted data is accessible on the project's page on the OSF platform.¹

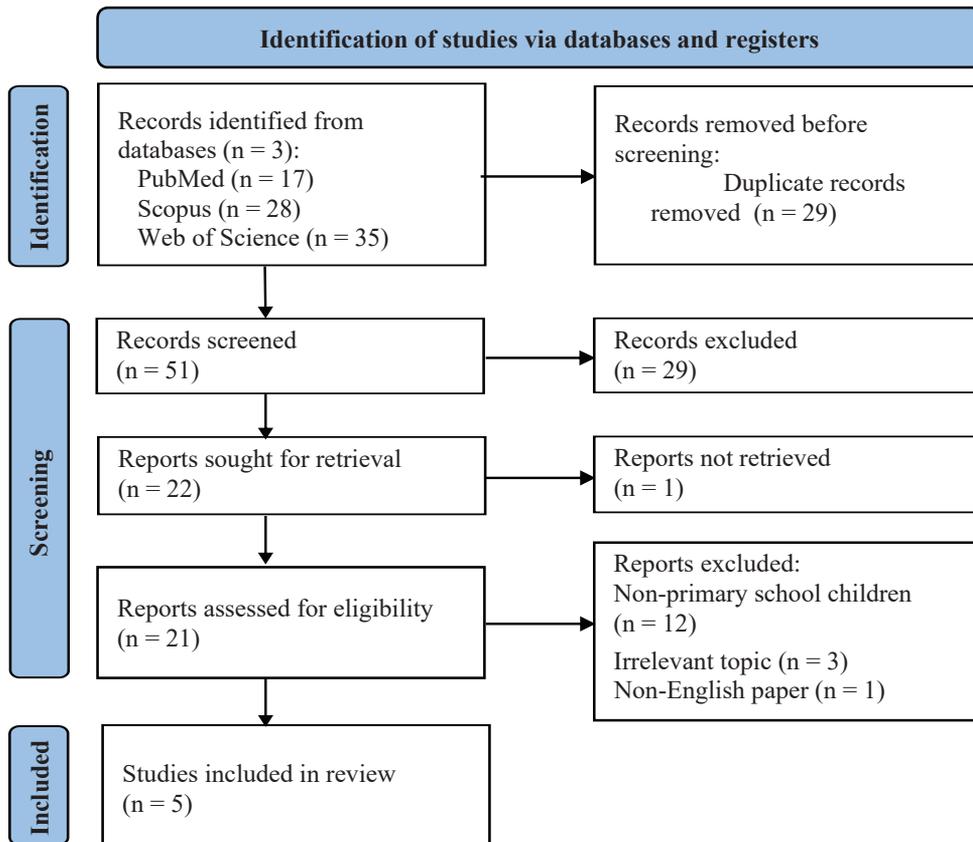
Results

Papers selected

A total of 80 publications were retrieved. After duplicate removal, the titles and Abstracts of 51 articles were screened. From these, 22 articles were selected for full-text screening. One full-text article could not be retrieved, and 15 articles

¹ Retrieved July 12, 2024, from https://osf.io/cztna/?view_only=be113cc1a5414be28a9adef4867e9371

were excluded based on the eligibility criteria. Ultimately, five articles were selected for data synthesis. The results of the search and selection process are summarized in Figure.

PRISMA Flow Diagram for the Search on September 05, 2024

General characteristics

The five studies included a total sample of 280 participants (145 bilinguals, 135 monolinguals), with sample sizes ranging from 37 to 67 participants per study. The participants' ages spanned from 7 to 12 years, with a combined mean age of 10.97 years. Children in the selected studies attended grades 3 through 5. The participants resided in various countries at the time of the study: Canada (n = 2), the Netherlands (n = 2), and the UK (n = 1). Bilingual participants spoke different language pairs: English — French [12], [22], Turkish — Dutch [23], Frisian — Dutch [13]. In Hessel and colleagues [24], bilinguals had different L1s (e.g., Arabic, Kiswahili, French, and others) and English as their L2. Participant-related information of the included studies is presented in Table 1. All five studies employed natural reading tasks with alphabetic orthographies, non-alphabetic orthographies were not represented.

Table 1

Participant-related information from the included studies

Author (s), year	Groups, sample size	Age range, Mean (SD)	Grade	Sex Female/Male	Language (s)	Country of residence
Bosma & Nota, 2020	Bilingual children: 37	[8.5–12.11], 10.5 (1.2)	NA	23/14	Frisian–Dutch	Netherlands
Whitford & Joannis, 2021	1) Monolingual children: n = 34 2) Bilingual children: n = 33	1) [7–12], 9.82 (1.10) 2) [7–12], 10.02 (1.32)	4 (elementary school)	1) 20/14 2) 20/13	English-French	Canada
Whitford & Joannis, 2018	1) Monolingual children: n = 34 2) Bilingual children: n = 33	1) [7–12], 9.82 (1.10) 2) [7–12], 10.02 (1.32)	4 (elementary school)	1) 20/14 2) 20/13	English-French	Canada
Hessel et al., 2021	1) Monolingual children: n = 40 2) Bilingual children: 23	[9–10]	5 (primary school)	1) 22/18 2) 11/12	Arabic/Italian, Japanese, Malay, Malayalam, Filipino, Serbian, Shona, German, Urdu, Welsh, Zulu, and Hawaiian pidgin-English	UK
van den Bosch et al., 2018	1) Monolingual children: n = 27 2) Bilingual children: 19	1) 8.11 (0.6) 2) 9.0 (0.6)	3 (primary school)	1) 14/13 2) 10/9	Dutch Turkish-Dutch	Netherlands

Source: compiled by Elena Yu. Semenova, Marina V. Norkina, Ruzalina I. Shaikhutdinova.

Data charting

To synthesize the results of the five reviewed studies, we grouped them based on their specific research focus (Table 2). The studies examined various factors influencing differences in monolingual and bilingual children’s eye movements during reading. Two groups of factors were identified. The first group encompassed linguistic factors, which were explored in four studies [12; 22–25]. The second group comprised factors related to readers’ individual differences, analyzed in two studies [23; 24]. In the following paragraphs, we summarized the findings according to this classification, with the focus on: a) differences between monolingual and bilingual children’s eye movements during reading; and b) differences in bilingual children’s eye movements when reading in their L1 and L2. For each study, we detailed the following: sample, languages, tasks and stimuli, eye-movement measures, and results.

The range of eye-movement measures were analyzed across the reviewed studies. Eye-movement measures can be categorized into early- and late-stage measures. Early-stage measures reflect lexical access and include: (1) first fixation duration (FFD) — the duration of the first fixation on the target word if that fixation is progressive; (2) gaze duration (GD) — the total duration of all fixations

on a target word during the first pass; (3) first-pass duration (FPD) — the total time a reader spends looking at a specific area of interest during the initial gaze; (4) skipping rate (SR) — the probability of fixating on a word during the first pass. Late-stage measures reflect post-lexical integration and include: (1) go-past time (GPT) — the total duration of all fixations on a target word until the eyes fixate on a different word that is progressive to the target word provided that the first fixation is progressive; (2) regressions out (RO) — the number of times a viewer returns to an area of interest after initially leaving it; (3) total reading time (TRT) — the total duration of all fixations on a target word; (4) second pass duration (SPD) — the total time a viewer spends fixating on an area of interest during a subsequent visit after initially viewing it [13; 26].

Table 2

Eye-movement measures in the reviewed studies

Article	Research focus	Eye-movement measures
Whitford & Joannis, 2018	Word frequency	Global measures: reading rate, average fixation duration, total number of saccades (both progressive and regressive), total number of words fixated, total reading time Local measures: first fixation duration, gaze duration, skipping rate, regressions out, total reading time
Whitford & Joannis, 2021	Orthographic neighborhood density	Early measures: gaze duration Late measures: total reading time
Bosma & Nota, 2020	Cognate facilitation	Early measures: first fixation duration, gaze duration, skipping rate Late measures: go-past time, total reading time
Hessel et al., 2021	Comprehension monitoring, reading fluency, vocabulary size	Early measures: gaze duration Late measures: go-past duration, egression out probability, rereading probability, regression in probability, rereading time
Van den Bosch et al., 2018	Coherence marking, linear order of clauses, syntactic knowledge	Global measures: total fixation duration

Note: The classification of eye-movement measures for each study was retained as presented in the original articles.
Source: compiled by Elena Yu. Semenova, Marina V. Norkina, Ruzalina I. Shaikhutdinova.

Linguistic factors

The analyses of the reviewed studies revealed that linguistic factors influenced reading strategies, as reflected in eye-movement behavior, across various linguistic levels, including lexical [12; 24], formal orthographic [22], word formation [25], and syntactic [23] levels. Furthermore, the role of cross-linguistic factors in shaping eye-movement patterns was examined in two studies [23; 25] by van den Bosch et al. and Bosma & Nota.

The first study in this group was the study by Whitford and Joannis [22] who examined the influence of the formal orthographic feature, namely orthographic

neighborhood, on reading behavior. Orthographic neighbors are words differing by a single grapheme at intralingual and interlingual levels. The authors compared eye movements across monolinguals and bilinguals, and between bilinguals' L1 and L2 reading. The study included 34 English monolingual children and 33 English-French bilingual children, all aged 7–12 years. The sample also included mono- and bilingual adults. However, for the purpose of this scoping review, we focused only on the results pertinent to children. Participants read four paragraphs consisting of English and French versions of fiction and nonfiction texts. Two eye-movement measures were analyzed: gaze duration and total reading time. The findings indicated that the activation of multiple visually similar word forms facilitated target word recognition during L1 reading. Both groups of children exhibited facilitatory neighborhood density effects, but the magnitude of these effects was most evidenced in bilingual children. Notably, bilinguals faced greater difficulty processing words with few within-language neighbors compared to monolinguals, as evidenced by longer total reading times. Furthermore, unlike in L1 reading, no neighborhood density effect was observed in bilingual children during L2 reading.

Furthermore, regarding the cross-language neighborhood density effect, facilitatory total cross-language (L2) orthographic neighborhood density effects were reported across both early- and late-stage measures. Words with many cross-language orthographic neighbors were characterized by shorter gaze durations and total reading times than those with fewer neighbors. However, these findings did not distinguish between monolingual and bilingual children. Finally, for bilingual children, a facilitatory effect of total cross-language (L1) orthographic neighborhood density was observed, reflected in shorter gaze durations. Words with many within-language neighbors were easier to process than those with fewer neighbors.

The second study also examined orthographic neighborhood effects [25]. However, the authors used the terms “interlingual homographs” (also referred to as “false friends”) to describe this phenomenon. Interlingual homographs/orthographic neighbors were examined with identical and non-identical cognates in Dutch and Frisian. These languages are closely related, with Frisian being a minority language in the province of Friesland in the Netherlands. Eye movements were compared as bilinguals read in both their L1 and L2. Monolinguals were not included in the study. The participants in their study were 37 Frisian–Dutch bilingual children aged 8–13 years. The stimuli for the cognate reading task included 42 Frisian–Dutch translation equivalents: 14 identical cognates, 14 non-identical cognates, and 14 non-cognates. Five reading measures were analyzed: first fixation duration, gaze duration, skipping, go-past time, and total reading time. The results showed a cognate facilitation effect in Frisian but not in Dutch. In Frisian, the effect was non-gradual: first fixation duration, gaze duration, go-past time, and total reading time for identical cognates were significantly faster than for non-identical cognates and non-cognates. but there was no significant difference between non-identical cognates and non-cognates. No cognate facilitation effect was observed

for skipping in either Frisian or Dutch. However, there was a significant main effect of language, with more skipping in Dutch than in Frisian. Thus, the results suggest that bilingual children used the knowledge of their dominant language (Dutch) when reading in their non-dominant language (Frisian).

The third study focused specifically on lexical accessibility, indexed by word frequency effects [12]. The sample and stimuli were the same as those used in [22]. The authors compared eye movements both between monolinguals and bilinguals, and between bilinguals' L1 and L2 reading. The following eye-movement measures were analyzed: average fixation duration, total number of saccades (both progressive and regressive), total number of words fixated, first fixation duration, gaze duration, skipping rate, and regressions out. The results revealed that bilingual children exhibited reduced global (text-level) and local (word-level) L1 reading performance compared to monolingual children, including larger L1 word frequency effects. In terms of global measures, monolingual children demonstrated faster reading rates, fewer saccades, shorter total reading times, and fixated on fewer words than bilingual children during L1 reading. For local measures, monolingual children had shorter first fixation durations, gaze durations, and total reading times than bilingual children during L1 reading. Furthermore, bilingual children exhibited reduced global and local L2 reading performance compared to their L1, including larger L2 word frequency effects. In terms of global measures, bilingual children had more saccades, longer total reading times, and fixated on more words during L2 reading compared to L1 reading. For local measures, a statistically significant effect of language was found for regressions out and total reading time, with bilingual children showing more regressions out and longer total reading times during L2 reading than during L1 reading.

The fourth study, conducted by Hessel and colleagues [24], investigated comprehension monitoring in bilingual children. The authors defined comprehension monitoring as the process of checking and regulating one's understanding when reading sentences containing semantic inconsistencies. Sixty-three 9–10-year old children read texts containing lexical inconsistency. Bilingual children in their study began learning English as an additional language upon arrival in the UK, with a mean age of L2 acquisition of 1.01 years ($SD = 1.06$). In their experiment, children read two-sentence stories. The following eye-movement measures were examined: early (gaze duration), and late (go-past duration, regression out probability, rereading probability, regression-in probability, rereading time, and both early and late (total time) measures). The results showed that there were no interactions between any of the eye-movement measures and language groups. Monolingual and bilingual children did not differ in their online monitoring of inconsistent target words.

The final study in this group investigated the influence of syntactic features on eye-movement patterns in bilingual children [23]. The authors used an online sentence reading task that included 16 two-clause Dutch sentences with a causal

relationship. The task aimed to investigate two textual factors related to syntactic structure, namely coherence marking and linear order of clauses. Specifically, the study examined the effects of subordinating conjunctions in complex sentences and the impact of linear versus non-linear clause order on eye-movement patterns. The sample consisted of two groups of 8–10-year old readers: Dutch monolingual children and Turkish-Dutch bilingual children, with Dutch as their L2. The bilingual children were born in the Netherlands and were exposed to both Turkish and Dutch from birth. The following eye-movement measures were analyzed: the average processing time per word and total fixation duration. The results showed that bilingual children with less developed syntactic skills (for more details, see “Individual Differences”) had longer processing times for sentences without a connective than for sentences with a connective. This suggests that the presence of connectives helps bilingual readers with weaker syntactic skills process causal relations more efficiently. At the same time, monolingual readers did not show significant differences in processing times based on the presence or absence of connectives. Specifically, reversing the order of the clauses did not influence children’s online processing time, and no facilitative effect was observed for the bilingual readers.

Individual differences

Among the selected studies, two investigated the role of children’s individual differences in their reading behaviors. In [24], individual differences included reading fluency, and vocabulary size. Van den Bosch and colleagues [23] examined individual differences in syntactic knowledge.

The study by Hessel and colleagues [24] investigated the relationship between online indicators of comprehension monitoring and individual differences in vocabulary size and reading fluency among monolingual and bilingual 9–10-year-old children. The study focused on whether individual differences influenced the detection of semantic inconsistencies. Details of the sample, stimuli, and examined eye-movement measures are provided in the “Linguistic factors” section. The results showed that individual differences in vocabulary size and reading fluency predicted variations in children’s online reading performance, regardless of their language group (monolinguals or bilinguals). Both vocabulary and fluency were associated with overall faster reading. Children with larger vocabularies were significantly better at detecting and responding to inconsistencies in the text, demonstrating stronger comprehension monitoring. Specifically, larger vocabulary size was linked to shorter gaze durations, although this effect was not observed across other reading time measures. Additionally, children with larger vocabularies were more likely to make direct regressions to inconsistent target words and to spend more time rereading them. This pattern was consistent for both monolingual and bilingual children. However, bilingual children with smaller vocabularies exhibited longer gaze durations when reading inconsistent words compared to consistent ones. This

effect persisted when bilingualism was measured as a continuous variable, affecting both gaze duration and total reading time. Furthermore, higher reading fluency was associated with shorter gaze durations, rereading, and total times irrespective of the language group. Based on the findings, the authors concluded that vocabulary knowledge plays a critical role in successful comprehension monitoring, more so than fluency or language group.

Van den Bosch and colleagues [23] examined to what extent online processing times of sentences with causal relations were influenced by individual differences in syntactic knowledge, as well as coherence marking and linear order of clauses. Details regarding the sample, stimuli, and eye-movement measures are provided in the “Linguistic factors” section. The authors hypothesized that bilinguals, compared to monolinguals, would exhibit lower syntactic knowledge in Dutch. Additionally, they posited that the depth of syntactic knowledge would influence how young readers processed sentences with and without connectives (e.g., “because”) and sentences with linear and non-linear clause order. The results confirmed that bilingual readers demonstrated lower syntactic knowledge than their monolingual peers. Furthermore, the level of syntactic knowledge interacted with the processing of sentences with or without connectives as reflected by the eye-movement measures (bilingual readers with lower syntactic knowledge had longer processing times). The details are described in the section above.

Discussion

This scoping review explored existing studies on eye movements during reading in monolingual and bilingual primary school children. With only five studies included, each focusing on varied research areas, it is not possible to draw definitive conclusions. Instead, the findings provide a foundation for tentative assumptions. Overall, the synthesis of research findings demonstrated that bilingual children exhibited reduced eye-movement reading performance compared to monolingual readers [12; 22–24]. However, this trend was influenced by specific factors associated with either language-related aspects, or individual differences. Additionally, bilingual children’s reading in their L1 and L2 showed distinct eye-movement patterns [25], with these patterns also shaped by individual differences. The following sections discuss these findings in greater detail.

Reading in L1 in bilingual and monolingual children

Eye-movement measures in the reviewed studies revealed several patterns in bilingual children’s reading performance compared to monolinguals. Bilingual children faced greater difficulty reading words with fewer within-language neighbors [22] and showed more reduced reading performance when encountering less frequent words [12]. However, bilinguals and monolinguals did not differ in their eye-movement measures related to the presence or absence of connectives, the linear or non-linear order of clauses [23], or the online monitoring of inconsistent target

words [24]. Furthermore, words with many cross-language orthographic neighbors were read similarly by both groups [22]. Finally, for both monolingual and bilingual children, larger vocabularies and higher reading fluency were associated with overall faster reading [24].

Such mixed findings can be situated within existing theoretical frameworks explaining bilingual language comprehension. This way, the findings that bilingual children demonstrated more reduced eye-movement measures compared to their monolingual peers in relation to lexical factors can be explained by the weaker link hypothesis [27; 28]. The hypothesis posits that a significant consequence of bilingual children learning to read in two reading systems at once is that they inevitably have less exposure and practice with each reading system compared to monolingual children. Therefore, such divided experience may lead to differences in processing individual words and connected texts that can be captured by local and global eye-movement measures. For example, Whitford and Joanisse demonstrated that monolingual children had shorter first fixation durations, gaze durations, and total reading times than bilingual children during L1 reading, including larger word frequency effects [22]. These are local early eye-movement measures that suggest that bilingual children tend to access words from memory slower than monolinguals. This can also suggest that early information integration might be more effective in monolinguals than bilinguals. In addition, monolingual children had faster reading rates, shorter total reading times, made fewer saccades, and fixated on fewer words than bilingual children during L1 reading, also including larger word frequency effects [12]. These local late measures indicate that bilingual children's post-lexical integration tends to occur with less ease than that of monolinguals.

Although there are differences in their eye movements, children from the two language groups have been reported to exhibit comparable levels of reading comprehension in L1 [12]. This suggests that bilingual children may employ adaptive strategies during L1 reading to compensate for their divided language experience. These strategies could include, for instance, spending more time on each fixation. As a result, the observed differences in eye movements may reflect not deficiencies, but rather distinct reading strategies that ultimately support effective comprehension.

While the absence of differences in eye movements between bilingual and monolingual children, in relation to linguistic factors such as syntax, formal orthography, and word formation, can be attributed to various explanations, it should be interpreted with caution given the limited number of studies reviewed. One possible explanation for the discrepancy is the age-related characteristics of reading development. The reviewed studies largely based their assumptions on existing research with adults [12; 22; 24]. However, the effects observed in bilingual and monolingual adults may not necessarily apply to children. Unlike adults, children's relatively limited reading experience may prevent them from forming anticipations about upcoming words and syntactic structures.

The authors also acknowledge that the research designs could have limited the detection of expected effects [23; 24]. Therefore, there is a compelling need for new, well-designed studies to address these gaps.

Reading in L1 and L2 in bilingual children

Reduced reading performance in bilingual children in L2 compared to L1 was observed in both global and local eye-movement measures. This was evident in larger L2 word frequency effects [12], and the absence of the neighborhood density effect on L2 reading [22]. However, bilingual children demonstrated more efficient reading in their L2 when it was their dominant language, as shown by the cognate facilitation effect [25]. Additionally, reading performance in both L1 and L2 was found to be influenced by individual differences in syntactic knowledge. For example, L2 readers with lower syntactic knowledge exhibited longer processing times when reading sentences with or without connectives [23]. Similarly, bilingual children with smaller vocabularies showed longer gaze durations when reading inconsistent compared to consistent words [24].

These findings can be explained by the varied language experiences of bilinguals. Reduced performance in either L1 or L2 may result from the more restricted linguistic environments in which bilinguals encounter their languages (e.g., home, work, community). Limited access to oral or written texts in either language hinders the development of semantic diversity and word-related knowledge. For example, the study by Bosma and Nota [25], which demonstrated more skipping in L2 than L1 in Frisian-Dutch bilinguals, illustrates that bilinguals are often exposed to their dominant L2 more than to their non-dominant L1. This aligns with the assumptions of the lexical legacy hypothesis [29], according to which engaging with languages in a variety of contexts is essential for the development and maintenance of reading skills. On the other hand, Whitford and Joanisse reported reduced performance in bilinguals' L2 compared to their L1 in relation to the word frequency effect, as evidenced by both local and global measures [22]. While the authors did not provide data on the bilinguals' dominant language, it can be inferred that, being from a highly bilingual Canadian region, the bilinguals in their study likely use both languages equally often. Therefore, their findings might not align with the lexical legacy hypothesis. Instead, they could be corroborated by the work of Cop and colleagues [30], and Whitford and Titone [31; 32], who proposed that bilinguals' ability to access and integrate word-related information in L2 tends to be reduced throughout life. Similarly, Van den Bosch and colleagues highlighted that syntactic knowledge is related to children's proficiency in L2 in general, which tends to be limited for bilinguals [12]. In this context, the findings by Hessel and colleagues, showing that bilingual children with smaller vocabularies had slower lexical access, as reflected in their eye movements, further emphasize the critical role of L2 proficiency [14].

Future directions

Unlike eye movement research with bilingual adults, studies focusing on bilingual children remain significantly limited. Therefore, to better understand the developmental characteristics of bilingual readers, future research should prioritize gathering more data on children's individual differences, language-related factors, and their interaction. Individual differences, in particular, play a crucial role in children's reading development [33]. For bilinguals, these differences also encompass bilingualism-specific factors. Such factors include proficiency in L1 and L2, degree of bilingualism, age of L2 acquisition, exposure to L1 and L2, and contexts of language use [34]. For instance, it has been suggested that comparable levels of L1 proficiency, and levels of L1 exposure, can lead to similar eye movement patterns between language groups [12]. Furthermore, it is argued that reading patterns could vary according to the languages spoken and cross-language influence [35]. Cross-linguistic research on eye movements in reading has primarily focused on European Roman script-based [36; 37], Slavic Cyrillic script-based [35], and Asian logographic [38] languages. However, such studies are relatively scarce, especially when considering the world's approximately 80 writing systems. The lack of diversity constitutes a significant gap in the field of reading research [39].

Conclusions

Eye-tracking, as an online method, adds value to behavioral studies of reading, which often cannot capture the detailed dynamics of this complex process. Eye-movement research provides insights into how lexical information is accessed and integrated in both languages of bilingual readers. This knowledge is particularly important for studying reading development in bilingual children. The results of this scoping review demonstrate that differences — or the lack thereof — in the eye movements of bilingual and monolingual readers are influenced by various individual and language-related factors. However, given the limited number of existing studies, no definitive conclusions can be drawn at this time. Future research will help shed more light on bilingual children's reading development as evidenced through their eye movements.

References

1. Bastug, M. (2014). The Structural Relationship of Reading Attitude, Reading Comprehension and Academic Achievement. *International J. Soc. Sci. & Education*, 4(4), 931–936.
2. Quito, B., & Pluck, G. (2018). Lexical reading ability predicts academic achievement at university level. *Cogn. Brain Behav. Interdiscip. Journal*, 22(3), 175–196. <https://doi.org/10.24193/cbb.2018.22.12>
3. Vaknin-Nusbaum, V., & Tuckwiller, E.D. (2023). Reading motivation, well-being and reading achievement in second grade students. *Journal Res. Read*, 46(1), 64–85. <https://doi.org/10.1111/1467-9817.12414>
4. Hulme, C., & Snowling, M.J. (2011). Children's Reading Comprehension Difficulties: Nature, Causes, and Treatments. *Curr. Dir. Psychol. Sci.*, 20(3), 139–142. <https://doi.org/10.1177/0963721411408673>

5. Stevens, E.A., Walker, M.A., & Vaughn, S. (2017). The Effects of Reading Fluency Interventions on the Reading Fluency and Reading Comprehension Performance of Elementary Students with Learning Disabilities: A Synthesis of the Research from 2001 to 2014. *J. Learn. Disabil.*, 50(5), 576–590. <https://doi.org/10.1177/0022219416638028>
6. Dong, Y. et al. (2020). The Effects of Home Literacy Environment on Children’s Reading Comprehension Development: A Meta-analysis. *Educ. Sci. Theory Pract.*, 20(2), 63–82. <https://doi.org/10.12738/jestp.2020.2.005>
7. Snowling, M.J., & Hulme, C. (2013). Children’s reading impairments: From theory to practice. *Jpn. Psychol. Res.*, 55(2), 186–202. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5884.2012.00541.x>
8. McCandliss, B.D., & Noble, K.G. (2003). The development of reading impairment: A cognitive neuroscience model. *Ment. Retard. Dev. Disabil. Res. Rev.*, 9(3), 196–205. <https://doi.org/10.1002/mrdd.10080>
9. Cummins, J., & Swain, M. (2016). *Bilingualism in education: aspects of theory, research and practice*. London New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
10. Francis, N. (2022). The Mysteries of Bilingualism: Unresolved Issues by François Grosjean. *Issues Appl. Linguist.*, 23(1). <https://doi.org/10.5070/L423159336>
11. Shakory, S. et al. (2023). A 3-year longitudinal investigation of the overlap and stability of English and French word reading difficulties in French immersion children. *Ann. Dyslexia*, 73(1), 53–72. <https://doi.org/10.1007/s11881-022-00265-1>
12. Whitford, V., & Joannis, M.F. (2018). Do eye movements reveal differences between monolingual and bilingual children’s first-language and second-language reading? A focus on word frequency effects. *J. Exp. Child Psychol.*, 173, 318–337. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2018.03.014>
13. Clifton, C., Staub, A., & Rayner, K. (2007). Eye movements in reading words and sentences. In: *Eye Movements* (pp. 341–371). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-008044980-7/50017-3>
14. Eden, G.F. et al. (1994). Differences in eye movements and reading problems in dyslexic and normal children. *Vision Res.*, 34(10), 1345–1358. [https://doi.org/10.1016/0042-6989\(94\)90209-7](https://doi.org/10.1016/0042-6989(94)90209-7)
15. Blythe, H.I., & Joseph, H.S.S.L. (2011). *Children’s eye movements during reading*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199539789.013.0036>
16. Kaakinen, J.K., Lehtola, A., & Paattilammi, S. (2015). The influence of a reading task on children’s eye movements during reading. *J. Cogn. Psychol.*, 27(5), 640–656. <https://doi.org/10.1080/20445911.2015.1005623>
17. Rayner, K. (1986). Eye movements and the perceptual span in beginning and skilled readers. *J. Exp. Child Psychol.*, 41(2), 211–236. [https://doi.org/10.1016/0022-0965\(86\)90037-8](https://doi.org/10.1016/0022-0965(86)90037-8)
18. Reichle, E.D. et al. (2013). Using E-Z Reader to examine the concurrent development of eye-movement control and reading skill. *Dev. Rev.*, 33(2), 110–149. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2013.03.001>
19. Arksey, H., & O’Malley, L. (2005). Scoping studies: towards a methodological framework. *Int. J. Soc. Res. Methodol.*, 8(1), 19–32. <https://doi.org/10.1080/1364557032000119616>
20. Tricco, A.C. et al. (2018). PRISMA Extension for Scoping Reviews (PRISMA-ScR): Checklist and Explanation. *Ann. Intern. Med.*, 169(7), 467–473. <https://doi.org/10.7326/M18-0850>
21. Adusumilli, G. et al. (2021). Mechanical Thrombectomy With and Without Intravenous Tissue Plasminogen Activator for Acute Ischemic Stroke: A Systematic Review and Meta-Analysis Using Nested Knowledge. *Front. Neurol.*, 12, 759759. <https://doi.org/10.3389/fneur.2021.759759>
22. Whitford, V., & Joannis, M.F. (2021). Eye Movement Measures of Within-Language and Cross-Language Activation During Reading in Monolingual and Bilingual Children and Adults: A Focus on Neighborhood Density Effects. *Front. Psychol.*, 12, 674007. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.674007>
23. Van Den Bosch, L.J., Segers, E., & Verhoeven, L. (2018). Online processing of causal relations in beginning first and second language readers. *Learn. Individ. Differ.*, 61, 59–67. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2017.11.007>

24. Hessel, A.K., Nation, K., & Murphy, V.A. (2021). Comprehension Monitoring during Reading: An Eye-tracking Study with Children Learning English as an Additional Language. *Sci. Stud. Read.*, 25(2), 159–178. <https://doi.org/10.1080/10888438.2020.1740227>
25. Bosma, E., & Nota, N. (2020). Cognate facilitation in Frisian–Dutch bilingual children’s sentence reading: An eye-tracking study. *J. Exp. Child Psychol.*, 189, 104699. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2019.104699>
26. Boston, M.F. et al. (2008). Parsing costs as predictors of reading difficulty: An evaluation using the Potsdam Sentence Corpus. *J. Eye Mov. Res.*, 2(1). <https://doi.org/10.16910/jemr.2.1.1>
27. Gollan, T.H. et al. (2008). More use almost always means a smaller frequency effect: Aging, bilingualism, and the weaker links hypothesis☆. *J. Mem. Lang.*, 58(3), 787–814. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2007.07.001>
28. Gollan, T.H., Slattery, T.J., Goldenberg, D., Van Assche, E., Duyck, W., & Rayner, K. (2011). Frequency Drives Lexical Access in Reading but Not in Speaking: The Frequency-Lag Hypothesis. *Journal of Experimental Psychology: General*, 140(2), 186–209. <https://doi.org/10.1037/a0022256>
29. Nation, K. (2017). Nurturing a lexical legacy: reading experience is critical for the development of word reading skill. *Npj Sci. Learn.*, 2(1), 3. <https://doi.org/10.1038/s41539-017-0004-7>
30. Cop, U., Drieghe, D., & Duyck, W. (2015). Eye Movement Patterns in Natural Reading: A Comparison of Monolingual and Bilingual Reading of a Novel. *PLOS ONE*, 10(8), e0134008. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0134008>
31. Whitford, V., & Titone, D. (2015). Second-language experience modulates eye movements during first- and second-language sentence reading: Evidence from a gaze-contingent moving window paradigm. *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.*, 41(4), 1118–1129. <https://doi.org/10.1037/xlm0000093>
32. Whitford, V., & Titone, D. (2016). Eye movements and the perceptual span during first- and second-language sentence reading in bilingual older adults. *Psychol. Aging.*, 31(1), 58–70. <https://doi.org/10.1037/a0039971>
33. Pfost, M. et al. (2014). Individual Differences in Reading Development: A Review of 25 Years of Empirical Research on Matthew Effects in Reading. *Rev. Educ. Res.*, 84(2), 203–244. <https://doi.org/10.3102/0034654313509492>
34. De Bruin, A. (2019). Not All Bilinguals Are the Same: A Call for More Detailed Assessments and Descriptions of Bilingual Experiences. *Behav. Sci.*, 9(3), 33. <https://doi.org/10.3390/bs9030033>
35. Siegelman, N. et al. (2022). Expanding horizons of cross-linguistic research on reading: The Multilingual Eye-movement Corpus (MECO). *Behav. Res. Methods.*, 54(6), 2843–2863. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01772-6>
36. Cop, U. et al. (2017). Presenting GECCO: An eyetracking corpus of monolingual and bilingual sentence reading. *Behav. Res. Methods.*, 49(2), 602–615. <https://doi.org/10.3758/s13428-016-0734-0>
37. Whitford, V., & Titone, D. (2012). Second-language experience modulates first- and second-language word frequency effects: Evidence from eye movement measures of natural paragraph reading. *Psychon. Bull. Rev.*, 19(1), 73–80. <https://doi.org/10.3758/s13423-011-0179-5>
38. Liversedge, S.P. et al. (2016). Universality in eye movements and reading: A trilingual investigation. *Cognition*, 147, 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2015.10.013>
39. Share, D.L. (2008). On the Anglocentricities of current reading research and practice: The perils of overreliance on an “outlier” orthography. *Psychol. Bull.*, 134(4), 584–615. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.584>

Information about the authors:

Elena Yu. Semenova, Junior Researcher, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology (1 Olimpiyskiy avenue, Sirius, Krasnodar Region, Russian Federation, 354340); e-mail: esem7enova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0252-6295; Scopus ID: 57207260188; SPIN-code: 4283-0755.

Marina V. Norkina, Junior Researcher, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology (1 Olimpiyskiy avenue, Sirius, Krasnodar Region, Russian Federation, 354340); *e-mail*: norkina.marina.v@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0359-9453; Scopus ID: 58991002200; SPIN-code: 5415-6470.

Ruzalina I. Shajhutdinova, PhD in Philology, Senior Researcher at the Neurocognitive Research Laboratory, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Speech Therapist at the Center for Speech Pathology, Kazan Federal University (18 Kremlyovskaya st., Kazan, Russian Federation, 420008); *e-mail*: ruzalinkaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1684-7188; Scopus ID: 57204615746; SPIN-code: 2913 5145.

Сведения об авторах:

Семенова Елена Юрьевна, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус» (354340, Российская Федерация, Краснодарский край, пгт. Сириус, Олимпийский пр., д. 1); *e-mail*: esem7enova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0252-6295; Scopus ID: 57207260188; SPIN-code: 4283-0755

Норкина Марина Владимировна, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус» (354340, Российская Федерация, Краснодарский край, пгт. Сириус, Олимпийский пр., д. 1); *e-mail*: norkina.marina.v@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0359-9453; Scopus ID: 58991002200; SPIN-code: 5415-6470

Шайхутдинова Рузалина Ильясовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *e-mail*: ruzalinkaa@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1684-7188; Scopus ID: 57204615746; SPIN-код: 2913-5145.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА THEORY OF LANGUAGE

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-474-486

EDN: FZJFFM

УДК 81'36(091):811.411.16

Научная статья / Research article

«Белое пятно» в истории лингвистических учений: еврейская грамматическая традиция

Г.Т. Хухуни¹ , Ю.Д. Будман^{2,3} ¹ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация² Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Российская Федерация³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация budman-yud@rguk.ru

Аннотация. История еврейской грамматической традиции представлена в российской языковедческой историографии крайне скудно. Отчасти это объясняется тем, что в силу объективных причин многие источники, а также публикации зарубежных коллег по данной тематике были недоступны советским и российским ученым. Исследование содержит попытку отчасти восполнить указанный пробел и обосновать причины, по которым названная традиция заслуживает гораздо большего внимания, чем это имело место до настоящего времени. Материалом исследования послужили научные и учебные издания на русском языке, посвященные истории лингвистических учений. Впервые показано, что еврейская грамматическая традиция является самостоятельной и представляет интерес для исследователя, а также поднимается проблема недостаточного ее освещения в русскоязычной научной и учебной литературе. Применен метод сопоставительного изучения русскоязычных изданий по истории лингвистических учений и соотнесения полученных данных с материалом зарубежных работ и с античными и средневековыми еврейскими источниками. Основные выводы: 1) большая часть (76%) существующей сегодня русскоязычной литературы по истории лингвистических учений не содержит информации о еврейской грамматической традиции, а та, которая содержит, основана на неполных и/или неточных данных; 2) в российской языковедческой историографии еврейская грамматическая традиция помещается во временном промежутке между расцветом арабской филологической мысли и возникновением христианской гебраистики: первая якобы дала ей жизнь, а вторая — произошла от нее и быстро ее затмила; как следствие, возникает впечатление, что еврейская

© Хухуни Г.Т., Будман Ю.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

грамматическая традиция не имеет ценности для науки сама по себе, что в корне неверно; 3) еврейскую грамматическую традицию целесообразно рассматривать в качестве самостоятельной страницы истории лингвистической мысли, не растворяя ее в арабской.

Ключевые слова: история языкознания, еврейская филологическая мысль, гебраистика, научные публикации, учебная литература для высшей школы, язык иврит

Вклад авторов: Хухуни Г.Т. — концепция исследования, дизайн исследования, анализ полученных данных, написание части текста; Будман Ю.Д. — сбор и обработка материала, анализ полученных данных, написание части текста.

Финансирование: Будман Ю.Д. — исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>, Санкт-Петербургский государственный университет.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 05.10.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Хухуни Г.Т., Будман Ю.Д. «Белое пятно» в истории лингвистических учений: еврейская грамматическая традиция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 474–486. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-474-486>

A “White Spot” in History of Linguistic Thought: the Jewish Grammatical Tradition

Georgy T. Khukhuni¹ , Yulia D. Budman^{2,3}

¹ Federal State University of Education, *Moscow, Russian Federation*

² The Kosygin State University of Russia, *Moscow, Russian Federation*

³ St. Petersburg University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

 budman-yud@rguk.ru

Abstract. The history of the Jewish grammatical tradition is represented very scantily in Russian linguistic historiography, because, due to objective causes, many Jewish linguistic sources, as well as publications by foreign colleagues on the topic, were inaccessible to Soviet and Russian scholars. The aim of the study is to fill this gap and justify the reasons why this tradition deserves much more attention from researchers than it has received so far. The material for the research consists of Russian academic publications and coursebooks on the history of linguistic thought. The study proves that the Jewish linguistic thought is an independent tradition, which is of interest to researchers. The authors also raise the issue of its insufficient coverage in Russian academic literature. The study uses the method of comparative study of various Russian academic publications on the history of linguistic thought correlating the obtained data with material from foreign works and with ancient and medieval Jewish sources. General results: 1) today about three quarters of the existing Russian academic literature on the topic do not even mention the Jewish grammatical tradition, and those works and coursebooks that do are based on incomplete and/or inaccurate data; 2) the Jewish linguistic thought is always presented in Russian linguistic historiography as depended on two other traditions: the Arabic one and the Christian Hebraistics. As a result, there could be made an incorrect assumption that the Jewish grammatical tradition per se is not relevant for study; 3) the Jewish grammatical tradition should be considered an independent page in the history of linguistic thought, without dissolving it into the Arabic tradition.

Keywords: Jewish Linguistic Thought, Hebraistics, Academic publications, Educational Literature for Higher School, The Hebrew Language

Authors' contribution: Khukhuni G.T. — the concept of the study, design of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text; Budman Yu.D. — collection and processing of material, analysis of the data obtained, writing part of the text.

Financing: Yulia D. Budman — this study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479/>, Saint Petersburg State University.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 05.10.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Khukhuni, G.T., & Budman, Yu.D. (2025). A “White Spot” in History of Linguistic Thought: the Jewish Grammatical Tradition. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 474–486. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-474-486>

Введение

Курс истории лингвистических учений наряду с курсами введения в языкознание и общего языкознания достаточно давно входит в систему общелингвистической подготовки студентов-филологов, хотя переход во многих вузах на четырехлетнюю бакалаврскую программу и связанное с ним сокращение на этом уровне сроков обучения сказались на нем не всегда лучшим образом. По существу, сохранился он там в большинстве случаев только на отделениях, готовящих будущих специалистов в области теоретической лингвистики. Однако приходится заметить, что если необходимость второго и третьего из названных выше учебных предметов представляется очевидной, то первый порой воспринимается как своего рода «довесок» к ним, имеющий мало отношения к современности (справедливости ради заметим, что о своей «нелюбви к истории науки» говорили и некоторые ее корифеи — достаточно вспомнить известное письмо Н.С. Трубецкого В. Дорошеву) [1. Р. 229]. С другой стороны, само преподавание этой дисциплины носит несколько односторонний характер: Древний мир и Средневековье представлены обычно индийской, античной и арабской традициями (в известном учебнике В.М. Алпатов к ним добавлены также китайская и японская) [2. С. 10–12], а дальнейшее изложение посвящается почти исключительно Европе и — ближе к нашему времени — США. Остальные в лучшем случае упоминаются как недостаточно изученные и требующие дальнейших исследований; к их числу относят и еврейскую, рассматриваемую как отпочковавшуюся от арабской.

Отметим, что указанная ситуация отчасти объясняется тем, что еврейской грамматической традиции не слишком много внимания уделялось и в научных трудах по истории языкознания (см. ниже их краткий обзор). Предлагаемая статья содержит попытку отчасти восполнить указанный пробел и обосновать причины, по которым названная традиция заслуживает гораздо большего внимания исследователей, чем это имело место до настоящего времени.

Исследование еврейской грамматической традиции на русском языке

История еврейской грамматической традиции представлена в отечественной языковедческой историографии крайне скудно. На протяжении XX в. к ее изучению обращались только три исследователя: академик Санкт-Петербургской Академии наук Павел Константинович Коковцов (1861–1942), историк и семитолог-гебраист Меир Натанович Зислин (1916–2003), а также лингвист и семитолог Александра Юрьевна Айхенвальд. Однако никем из них не была предпринята попытка проследить развитие еврейской филологической мысли от ее зарождения и до современного состояния. Отчасти это объясняется тем, что в силу объективных причин многие источники, а также публикации зарубежных коллег по данной тематике были (и до сих пор остаются) недоступными советским и российским ученым. Исследование М.Н. Зислина было посвящено, в основном, караимским грамматикам¹ и в гораздо меньшей степени — филологическим взглядам раббанитов (иудеев, признающих авторитет Талмуда). П.К. Коковцов и А.Ю. Айхенвальд рассматривали труды раббанитов IX–XII вв.² [3. С. 43] — периода расцвета еврейских филологических школ на территории Аль-Андалуса (мусульманской Испании), когда грамматика у евреев впервые (в начале X в.) стала отдельной областью знаний, обособившись от экзегезы и религиозной философии. За рамками их работ практически полностью остался период поздней Античности и раннего Средневековья в истории еврейской лингвистической традиции, подготовивший почву для становления грамматики как самостоятельной дисциплины, а также последующие этапы ее развития. Впрочем, необходимо отметить, что долгое время даже в зарубежной семитологии и иудаике господствовала точка зрения, согласно которой с появлением христианской гебраистики собственно еврейская наука о языке фактически остановилась в развитии, и иудеи-грамматики эпохи Возрождения и Нового времени не внесли значимого вклада в описание и изучение иврита. И лишь относительно недавно, с конца 1970-х гг., среди гебраистов возник интерес к еврейским филологическим трудам, написанным после XV–XVI вв. [4. Р. 144; 5]. Среди работ, изданных в последние годы по этой тематике, можно назвать, например, исследования ашкеназской³ грамматической традиции периода раннего Нового времени профессора Амстердамского

¹ Подробнее см. *Якерсон С.М.* Меир Натанович Зислин: краткая биография и список публикаций. Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=262 (дата обращения: 28.12.2024).

² О работах П.К. Коковцова подробнее см. *Шагинян А.К., Сидорчук И.В.* Коковцов Павел Константинович (1861–1942). Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/537-kokovtsov-pavel-konstantinovich.html> (дата обращения: 28.12.2024).

³ Ашкеназы — евреи, ведущие свое происхождение от немецкоязычной средневековой еврейской общины, первоначально проживавшей в долине Рейна. Подробнее см. соответствующую статью Электронной еврейской энциклопедии. Режим доступа: <https://eleven.co.il/diaspora/ethno-linguistic-groups/10358/> (дата обращения: 30.12.2024).

университета Ирены Звип (Irene Zwiер) [6], доцента Университета имени Бар-Илана, Тель-Авив, Майи Фрухтман (Maya Fruchtman) [7] и доктора Йехонатана Вормсера (Yehonatan Wormser) из колледжа «Эфрата», Иерусалим [8].

Насколько нам известно, с конца 1980-х гг. в России не публиковались оригинальные работы по истории еврейской грамматической традиции (за исключением уже упомянутого краткого доклада А.Ю. Айхенвальд, а также восьми статей одного из авторов настоящего исследования, написанных в 2016–2024 гг.⁴) и не издавались переводные монографии. И как будет показано далее, учебная литература по дисциплине «История лингвистических учений» часто не отражает в полной мере даже результаты тех немногих исследований, которые доступны на русском языке.

Обзор отечественной научной и учебной литературы

В качестве материала для исследования нами было отобрано семнадцать изданий, предлагающихся студентам-филологам в рамках курса истории лингвистических учений или истории языкознания: два учебника (Алпатов, 2024 [2], Нелюбин, Хухуни, 2022 [9]), девять учебных пособий (Алефиренко, 2013 [10], Амирова, 2005 [11], Боронникова, Левицкий, 2013 [12], Будейко, 2006 [13], Ермакова, 2021 [14], Кондрашов, 1979 [15], Лыкова, 2021 [16], Сусов, 2006 [17], Шулежкова, 2022 [18]), материалы к курсу лекций (Лоя, 1968 [19]) и пять монографий (1 — Ф.М. Березин⁵, 4 — А.В. Десницкая⁶). Критериями отбора стали, с одной стороны, известность публикации и ее включение в учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплин «История лингвистических учений», «История языкознания» в высшей школе, а с другой стороны — год издания или переиздания (преимущество отдавалось публикациям последних пяти лет), поэтому в данном списке советская научная и учебная литература соседствует с современной российской.

Приведенные выше источники можно разделить на те, в которых еврейская грамматическая традиция не упоминается вовсе, и те, в которых она описывается (кратко или более подробно). К первой группе относится тринадцать изданий, то есть 76 % рассматриваемой нами учебной и научной литературы, включая серию монографий под редакцией Агнии Васильевны Десницкой. Развитию еврейской филологической мысли уделяется внимание только в четырех публикациях (24 %), одна из которых относится

⁴ Подробнее см. Будман Ю.Д. Список публикаций. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=849070&show_refs=1&show_option=1 (дата обращения: 28.12.2024).

⁵ Березин Ф.М. История лингвистических учений. М. : Высшая школа, 1984.

⁶ Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Древний мир. Л. : Наука, 1980; Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л. : Наука, 1981; Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. : Наука, 1985; Десницкая А.В. История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб. : Наука, 1991.

к советскому периоду, а три другие были изданы за последние двадцать лет. Это материалы к курсу лекций Яна Вилюмовича Лоя (ЛГУ, МГПИ, 1968), учебные пособия Валерия Эдуардовича Будейко (Челябинский государственный университет, 2006), Наталии Владимировны Боронниковой и Юрия Анатольевича Левицкого (Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013) и учебник Владимира Михайловича Алпатова (5-е издание, переработанное и дополненное, 2024).

Я.В. Лоя не рассматривает еврейскую грамматическую традицию как таковую (в отличие от христианской гебраистики) и упоминает лишь одного еврейского языковеда, Иону ибн Ганнаха,⁷ жившего в Европе и выделившего «корень [слова] только в середине XI в. н.э.» [19. С. 9–10]. Отметим, что приведенная информация содержит фактологическую ошибку: зачатки представления о корневой и служебных морфемах возникают у евреев не позднее конца IX в. [20. Р. 85; 21. Р. 63–64], а, возможно, уже в талмудической экзегезе III–IV вв.⁸ Так, в трактате Йевамот 6:5:3 Иерусалимского Талмуда [22. Р. 268–269] разбирается отрывок из Быт 4:19 —

(1) *wayyiqqah lô lemek šatê nāšîm. ‘ādāh. šehāyātāh miṭ‘addēn baḡūpāh. šillāh. šehāyātāh yōšebet bašillān šel bānîm.*

И взял себе Лемех двух жен: Аду, которая холила свое тело; Циллу, которая сидела в тени сыновей (существует также другое прочтение: Аду, телом которой он [Лемех] наслаждался; Циллу, в тени которой — [в кругу] сыновей — он сидел) [22. Р. 269; 23. Р. 70].

Здесь мы видим пример народной этимологии, характерной для еврейской экзегетической традиции: подобные толкования встречаются уже в библейском тексте, например, в Быт 11:9, где толкуется топоним Вавилон. В приведенной цитате экзегет (вероятно, Рабби Симон бен Пази) трактует имя жены Лемеха (Ламеха в Синодальном переводе Библии), Ада, как родственное глаголу *hiṭ‘addēn* (холить, наслаждаться) и, возможно, возводит обе эти лексемы к биконсонантному корню √ʕd (подобный подход широко встречается в трудах еврейских грамматиков X в. [21. Р. 61–63]). Таким же образом имя Цилла связывается со словом *šēl* (тень).

Но даже если рассматривать современное представление о корне в иврите как о последовательности не менее трех согласных, то данная модель была введена Иехудой Хаюджем в начале XI в., по образцу, заимствованному из арабских грамматиков [21. Р. 61], поэтому Иону Ибн Джанаха, упоминаемого Я.В. Лоя,

⁷ Сегодня принята иная передача имени этого грамматика на русском языке: Ибн Джанах, подробнее см. статью «Ибн Джанах, Иона» Электронной еврейской энциклопедии. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jewish-languages/hebrew/11662/> (дата обращения: 30.12.2024).

⁸ О датировке Иерусалимского и Вавилонского Талмуда подробнее см. статью «Талмуд» Электронной еврейской энциклопедии. Режим доступа: <https://eleven.co.il/talmud-rabbinics/overview/14021/> (дата обращения: 29.12.2024).

⁹ Вопрос о том, какое из этих прочтений представляется наиболее точным, выходит за рамки данного исследования, поэтому не рассматривается в нашей статье.

правильнее было бы назвать последователем Хаюджа в данном вопросе, как сделано в учебном пособии Н.В. Боронниковой и Ю.А. Левицкого [12. С. 79].

В.М. Алпатов также не описывает еврейскую грамматическую традицию, указывая только, что она «отделилась от арабской с X в.» и «получила ряд совершенно особых черт» [2. С. 12]. Это утверждение не вполне правильно: как мы показали выше, зарождение еврейской грамматической традиции относится к поздней Античности и раннему Средневековью, к эпохе до возникновения ислама, формирования арабской метаэтнической общности и появления первых арабских словарей и грамматик. Античный период в истории развития еврейской филологической мысли впервые описал Вильгельм Бахер в своем труде «Истоки еврейской грамматики» («Die Anfänge der hebräischen Grammatik») [24]. К этому времени относится зарождение грамматической терминологии на иврите [24. Р. 338], фонологии и морфологии [20; 25. Р. 341–372]. Начало X в., когда появляется первый толковый словарь древнееврейского и библейского арамейского языка, «На’Егрон», авторства Саадии Гаона [24. Р. 373], можно считать датой рождения еврейской грамматики как самостоятельной науки. Однако, опять же, выделяется она не из арабской лингвистической традиции, а из собственно еврейской экзегезы и философии. В это время еврейская филологическая мысль уже испытывает значительное влияние арабской, однако все еще существенно от нее отличается (подробнее см. [25]). И, напротив, в начале XI в., как уже указывалось выше, Андалусская грамматическая школа перенимает арабскую методику, как минимум, в вопросах глагольной морфологии.

Более подробно еврейская грамматическая описывается в учебных пособиях В.Э. Будейко и Н.В. Боронниковой и Ю.А. Левицкого. В первом ей уделяется четыре страницы [13. С. 92–95], во втором — полторы [12. С. 19, 79–80]. В обоих изданиях, как и в учебнике В.М. Алпатова, она непосредственно связывается с арабской филологической мыслью. В пособии Боронниковой и Левицкого еврейская грамматическая традиция приводится как не имевшая большого значения и влияния по сравнению с другими — во-первых, из-за интенсивного развития арабской науки о языке, а, во-вторых, из-за того, что «большинство еврейских авторов писало свои труды на арабском языке» [12. С. 79]. Это утверждение справедливо, но, в первую очередь, для грамматиков мусульманской Испании, на территории которой и бытовой, и научный дискурс велся на арабском. Но, например, уроженец Туделы, экзегет, философ и грамматик Авраам Ибн Эзра (1089/1092–1164/1167), писал на иврите, очевидно, адресуя свои книги евреям христианской Европы, не владевшим арабским.¹⁰ Впрочем, далее авторы учебного пособия отмечают, что еврейские грамматики Франции и Италии также создавали свои сочинения на иврите [12. С. 80]. Помимо упоминания о существовании

¹⁰ Подробнее об Ибн Эзре см. соответствующую статью Электронной еврейской энциклопедии. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jewish-philosophy/medieval/11669/> (дата обращения: 29.12.2024).

еврейской науки о языке и за пределами Пиренейского полуострова, к плюсам данного пособия следует отнести также наличие информации о развитии сопоставительного языкознания (сравнения иврита, арамейского и арабского) у евреев [12. С. 80] и отсутствие явных фактологических ошибок. А к минусам, конечно, крайне сжатый формат изложения: приводятся имена только девяти грамматиков, и их труды подробно не обсуждаются.

Дискуссия

При анализе научной и учебной литературы по дисциплинам «История лингвистических учений» и «История языкознания» нами был выявлен ряд проблем: большая часть существующих сегодня изданий (76 %) не содержит информации о еврейской грамматической традиции, а те, которые содержат, основаны на неполных и/или неточных данных, так как в последние годы проводилось очень мало отечественных исследований по истории развития еврейской филологической мысли и их результаты пока не отражены в учебной литературе для высшей школы. На работы зарубежных коллег, занимающихся данной темой, авторы рассмотренных нами учебников и учебных пособий не ссылаются, в то время как в Западной Европе исследования еврейской грамматической традиции ведутся, фактически не прерываясь, со второй четверти XIX в., и в англоязычной и ивритоязычной науке накоплен богатый опыт, который стоило бы использовать отечественным лингвистам. Среди изданий последних лет необходимо назвать труд израильского лингвиста Аарона Мамана (Aharon Maman) по истории еврейской лексикографии [26] и главу, посвященную истории еврейской лингвистической традиции в «Кембриджской истории лингвистики» (“The Cambridge History of Linguistics”) [27], обе книги вышли в 2023 г.

Помимо этого, в отечественных изданиях не приводится периодизация развития еврейской филологической мысли. История еврейской грамматической традиции, на самом деле охватывает огромный временной отрезок, как минимум с III—IV вв. н.э. до настоящего дня, включая период возрождения иврита и деятельности Академии языка иврит в современном государстве Израиль. Если мы возьмем за образец известнейшую серию монографий по истории лингвистических учений под редакцией А.В. Десницкой, то главам по еврейской грамматической традиции нашлось бы место в каждом ее томе. Однако в выпуске, посвященном Древнему миру, упомянуты почти все соседи древних евреев (египтяне, вавилоняне, хетты, финикияне)¹¹, за исключением их самих. Конечно, нам неизвестны ученические упражнения на древнееврейском, подобные египетским или аккадским, однако примеры этимологического переосмысления имен собственных в Библии отмечаются.

¹¹ Подробнее об Ибн Эзре см. соответствующую статью Электронной еврейской энциклопедии. Режим доступа: <https://eleven.co.il/jewish-philosophy/medieval/11669/> (дата обращения: 29.12.2024).

А в поздней Античности можно говорить непосредственно о зачатках науки о языке у евреев. На русском языке об этом периоде, кратко писали П.К. Коковцов, М.Н. Зислин и А.Ю. Айхенвальд [3. С. 44–45].

Однако история формирования еврейской грамматики до X в. не рассматривается ни в одном русскоязычном научном труде и учебном пособии. Недостаточно анализируются глобальные различия между арабским и еврейским подходом к морфологии, существовавшие в мусульманской Испании до появления книг Иехуды Ибн Хаюджа в начале XI в. и сохранявшиеся у еврейских грамматиков других европейских стран и после этого (подробнее см. [29]). Не описывается развитие еврейской филологической мысли после возникновения христианской гебраистики.

В результате может сложиться ошибочное представление, что:

- 1) еврейская грамматическая традиция возникла лишь в X в. н.э. под влиянием достижений арабских грамматиков;
- 2) не являлась самостоятельной;
- 3) не внесла значимого вклада в развитие языкознания, за исключением того, что дала толчок к формированию христианской гебраистики [12. С. 79];
- 4) перестала развиваться с появлением трудов Иоганна Рейхлина.

В отечественной научной и учебной литературе еврейская грамматическая традиция оказалась словно «зажатой» во временном промежутке между расцветом арабской филологической мысли и возникновением христианской гебраистики: первая якобы дала ей жизнь, а вторая — произошла от нее и быстро ее затмила. Как следствие, возникает впечатление, что еврейская грамматическая традиция не имеет ценности для науки сама по себе и не представляет интереса для исследователя, что в корне неверно.

Заключение

Интерес к исследованию и описанию древнееврейского языка возник еще в III–IV вв. н.э., т.е. до появления арабской традиции. Последняя, разумеется, оказала на последующие труды еврейских ученых несомненное влияние и способствовала (опосредованно — чрез переводы на арабский и сочинения арабских ученых — это можно отнести и к греческой традиции) формированию собственно грамматического подхода к языку; но думается, что положения о наличии оригинальных истоков лингвистической мысли указанное обстоятельство не отменяет.

В отличие от других восточных лингвистических традиций (арабской, персидской, китайской, японской и т.д.) еврейская создавалась в условиях отсутствия своего государства, рассеяния по разным территориям, нередко в неблагоприятных условиях, когда именно язык (причем давно вышедший из живого употребления) и исповедовавшаяся на нем религия являлись, по существу, единственными факторами, противодействующими ассимиляции. В этом смысле можно сказать, что внимание к описанию языка было

в определенном смысле одним из важнейших условий сохранения этнической идентичности.

Указанное обстоятельство налагало определенный отпечаток и на те моменты, которые представляются общими с другими традициями: необходимость филологического толкования «темных мест» древних текстов, защита от влияния окружающих языков и т.п. В отличие от эллинистических государств или арабского халифата, где подобная деятельность могла рассчитывать на государственную поддержку, иудейские общины таковой не имели.

То обстоятельство, что использовавшиеся в качестве обычного средства коммуникации арамейские диалекты были не только родственны ивриту, но и нашли отражение в некоторых библейских книгах, должно было обострить внимание к сопоставительному изучению родственных ему идиомов — ср. рассуждения Саадии Гаона об известных нам [автору и читателям] языках и его стремление показать общие и различные черты древнееврейского с арамейским и арабским. Разумеется, названный автор, живший в конце IX — первой половине X в., был знаком с уже сложившейся к тому времени арабской традицией и во многом на нее опирался; однако в данном вопросе ее влияние вряд ли могло сыграть значительную роль, так как сопоставительный аспект в деятельности арабских ученых (поскольку речь шла не о внутрдиалектном сравнении, а о сопоставлении с другими языками) особого развития не получил.

Начиная с эпохи Возрождения и Реформации филологическая мысль уделяла особое внимание изучению наряду с греческим и древнееврейского языка, без чего активно развившаяся в этот период библеистика была бы невозможна — а это требовало учета того, что к тому времени было накоплено еврейской традицией.

Одним из наиболее заметных теоретических трудов по лингвистике, созданных в XVII столетии, стала «Еврейская грамматика» Бенедикта Спинозы. Во многом она была противопоставлена трудам, созданным в рамках еврейской традиции; но вряд ли можно сколь-нибудь глубоко анализировать ее содержание, не учитывая последнюю.

По указанным причинам мы бы считали целесообразным рассматривать еврейскую традицию в качестве самостоятельной страницы истории лингвистической мысли, не растворяя ее в арабской, и уделить ей соответствующее место в курсе истории лингвистических учений. На настоящий момент даже за рубежом не была предпринята попытка написать подробную историю развития еврейской филологической мысли от Античности до наших дней, поэтому данная тема все еще представляет поле для исследования.

Библиографический список

1. *Trubeckoj N.S.* N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Berlin; New York; Amsterdam : Mouton, 1985. <https://doi.org/10.1515/9783110888010>
2. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М. : Издательство Юрайт, 2024.

3. *Айхенвальд А.Ю.* Проблемы фонологии и морфологии в представлении еврейских грамматиков (на материале источников IX–XII вв. // *Лингвистические традиции в странах Востока*. М. : Наука, 1988. С. 43–47.
4. *Klijnsmit A.* Amsterdam Sephardim and Hebrew Grammar in the Seventeenth Century // *Studia Rosenthaliana*. 1988. Vol. 22. Iss. 2. P. 144–164.
5. *Reif S.* Sabbethai Sofer and His Prayer-Book. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.
6. *Zwier I.* Linguistic Knowledge: Grammar and Literacy in Early Modern Ashkenaz // *Simon Dubnow Institute Yearbook*. 2009. Vol. 8. P. 279–298.
7. *Fruchtman M.* Unique Grammatical Approach in Medieval Commentary of Piyyutim. Linguistic Studies in “Sefer Arugath Ha-Bosem” by Rabbi Abraham Ben Azriel. Beer Sheva : Ben Gurion University, 1999.
8. *Wormser Y.* Hebrew Grammar in Ashkenaz in Early Modern Times: The Linguistic Theory of Rabbi Zalman Hena (Hanau). Jerusalem : The Bialik Institute, 2021.
9. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* История науки о языке. М. : Флинта, 2022.
10. *Алефиренко Н.Ф.* История лингвистических учений. Белгород : Белгород, 2013.
11. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. М. : Академия, 2005. EDN: QRXMND
12. *Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А.* История лингвистических учений. М. : Директ-Медиа, 2013. <https://doi.org/10.23681/210685> EDN: SULTQZ
13. *Будейко В.Э.* История лингвистических учений. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006.
14. *Ермакова Л.А.* История лингвистических учений. Кострома : КГУ, 2021. EDN: YRSSZG
15. *Кондрашов Н.А.* История лингвистических учений. М. : Просвещение, 1979.
16. *Лыкова Н.Н.* История языкознания в текстах и лицах. М. : Флинта, 2021.
17. *Сусов И.П.* История языкознания. М. : Восток — Запад, 2006.
18. *Шулежкова С.Г.* История лингвистических учений. М. : Флинта, 2022.
19. *Лоя Я.В.* История лингвистических учений. М. : Высшая школа, 1968.
20. *Baer S., Strack H.* Die Dikduke Ha-Teamim des Ahron ben Moscheh ben Ascher. Leipzig : Verlag von L. Fernau, 1879.
21. *Dotan A.* The Awakening of Word Lore. From the Masora to the Beginning of Hebrew Lexicography. Jerusalem : The Academy of the Hebrew Language, 2005.
22. *Guggenheimer H.* The Jerusalem Talmud. Third Order: Našim. Tractate Yebamot. Berlin : Walter de Gruyter, 2004.
23. *Epstein B.* Torah Temimah. Vol. 1. Vilnius : Romm publishing house, 1904.
24. *Bacher W.* Die Anfänge der hebräischen Grammatik // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1895. Vol. 49. Iss. 1. P. 335–392. <https://doi.org/10.1075/sihols.4.05bac>
25. *Будман Ю.Д.* К вопросу о формировании представления о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях (VII—X вв.) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 108–116. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-3-108-116> EDN: ZAESMZ
26. *Maman A.* Hebrew Lexicography: Dictionaries and Words. Jerusalem : The Bialik Institute, 2023.
27. *Martinez Delgado J.* The Hebrew Linguistic Tradition // *The Cambridge History of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 183–194. <https://doi.org/10.1017/9780511842788.012>
28. *Dotan A.* The dawn of Hebrew linguistics: The Book of Elegance of the Language of the Hebrews by Saadia Gaon. Vol. 2. Jerusalem: The World Union of Jewish Studies, 1997.
29. *Будман Ю.Д.* Христианская гебраистика с еврейскими корнями: Филипп д’Акен и его словарь // *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2022. № 4(40). С. 8–22. EDN: GYOQAO

References

1. Trubeckoj, N.S. (1985). *N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110888010>
2. Alpatov, V.M. (2024). *History of Linguistic Thought*. Moscow: Jurajt publ. (In Russ.).
3. Ajhental'd, A.Ju. (1988). Problems of Phonology and Morphology in the Conceptions of Jewish Grammarians (On the Material of the Sources from the 9th–12th centuries). In: *Linguistic Traditions in the Lands of the East* (pp. 43–47). Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
4. Klijnsmit, A. (1988). Amsterdam Sephardim and Hebrew Grammar in the Seventeenth Century. *Studia Rosenthaliana*, 22(2), 144–164.
5. Reif, S. (1979). *Sabbethai Sofer and His Prayer-Book*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Zwiep, I. (2009). Linguistic Knowledge: Grammar and Literacy in Early Modern Ashkenaz *Simon Dubnow Institute Yearbook*, 8, 279–298.
7. Fruchtman, M. (1999). *Unique Grammatical Approach in Medieval Commentary of Piyyutim. Linguistic Studies in "Sefer Arugath Ha-Bosem" by Rabbi Abraham Ben Azriel*. Beer Sheva: Ben Gurion University. (In Heb.).
8. Wormser, Y. (2021). *Hebrew Grammar in Ashkenaz in Early Modern Times: The Linguistic Theory of Rabbi Zalman Hena (Hanau)*. Jerusalem: The Bialik Institute. (In Heb.).
9. Neljubin, L.L., & Khukhuni, G.T. (2022). *History of Language Science*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.).
10. Alefirenko, N.F. (2013). *History of Linguistic Thought*. Belgorod: Belgorod publ. (In Russ.).
11. Amirova, T.A., Ol'hovikov, B.A., & Rozhdestvenskij, Yu.V. (2005). *History of Linguistics*. Moscow: Akademija publ. (In Russ.). EDN: QRXMND
12. Boronnikova, N.V., & Levickij, Ju.A. (2013). *History of Linguistic Thought*. Moscow: Direct-Media publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.23681/210685> EDN: SULTQZ
13. Budejko, V.Je. (2006). *History of Linguistic Thought*. Chelyabinsk: Poligraf-Master publ. (In Russ.).
14. Ermakova, L.A. (2021). *History of Linguistic Thought*. Kostroma: KGU publ. (In Russ.). EDN: YRSSZG
15. Kondrashov, N.A. (1979). *History of Linguistic Thought*. Moscow: Prosveshhenie publ. (In Russ.).
16. Lykova, N.N. (2021). *History of Linguistics. Texts and Personalia*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.).
17. Susov, I.P. (2006). *History of Linguistics*. Moscow: Vostok — Zapad publ. (In Russ.).
18. Shulezhkova, S.G. (2022). *History of Linguistic Thought*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.).
19. Loja, Ja.V. (1968). *History of Linguistic Thought*. Moscow: Vysshaja shkola publ. (In Russ.).
20. Baer, S., & Strack, H. (1879). *Die Dikduke Ha-Teamim des Ahron ben Moscheh ben Ascher*. Leipzig: Verlag von L. Fernau. (In Heb.).
21. Dotan, A. (2005). *The Awakening of Word Lore. From the Masora to the Beginning of Hebrew Lexicography*. Jerusalem: The Academy of the Hebrew Language. (In Heb.).
22. Guggenheimer, H. (2004). *The Jerusalem Talmud. Third Order: Našim. Tractate Yebamot*. Berlin: Walter de Gruyter. (In Heb.).
23. Epstein, B. (1904). *Torah Temimah*. Vol. 1. Vilnius: Romm publishing house. (In Heb.).
24. Bacher, W. (1895). Die Anfänge der hebräischen Grammatik. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 49(1), 335–392. <https://doi.org/10.1075/sihols.4.05bac>
25. Budman, Yu.D. (2017). The Semitic Root: Process of the Concept Development (VIIth–Xth Cent). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 108–116. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-3-108-116> EDN: ZAESMZ
26. Maman, A. (2023). *Hebrew Lexicography: Dictionaries and Words*. Jerusalem: The Bialik Institute. (In Heb.).

27. Martinez Delgado, J. (2023). The Hebrew Linguistic Tradition In: *The Cambridge History of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9780511842788.012>
28. Dotan, A. (1997). *The dawn of Hebrew linguistics: The Book of Elegance of the Language of the Hebrews by Saadia Gaon*. Vol. 2. Jerusalem: The World Union of Jewish Studies.
29. Budman, Yu. (2022). Christian Hebraistics with Jewish Roots: Philippe D'aquin and His Dictionary. *Uchenye Zapiski Natsional'nogo Obshchestva Prikladnoi Lingvistiki*, 4(40), 8–22. EDN: GYOQAO

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения (105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2); *сфера научных интересов*: теория и история перевода, история языкознания, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khukhuni@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7423-5393; Scopus Author ID: 57204197917; ResearcherId: AAG-6340-2021; SPIN-код: 3656-9529, AuthorID: 732032

Будман Юлия Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и лингвокультурологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1); старший научный сотрудник кафедры иудейской теологии и еврейской культуры Института теологии, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *сфера научных интересов*: современный иврит, древнееврейский язык, история языкознания, еврейская и современная израильская литература; *e-mail*: budman-yud@rguk.ru
ORCID: 0000-0002-9015-530X; Scopus Author ID: 57862990200; ResearcherId: CAF-1586-2022; SPIN-код: 1567-1390, AuthorID: 849070

Information about the authors:

Georgy T. Khukhuni, D.Sc. (Philology), Full Professor, Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, Federal State University of Education (10A/2 Radio st, Moscow, Russian Federation, 105005); *Research interests*: Theory and History of Translation, History of Linguistics, Theory of Language. Comparative Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics; *e-mail*: khukhuni@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7423-5393; Scopus Author ID: 57204197917; ResearcherId: AAG-6340-2021; SPIN-code: 3656-9529, AuthorID: 732032

Yulia D. Budman, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology and Linguocultural Studies of The Kosygin State University of Russia (Technologies. Design. Art) (33/1 Sadovnicheskaya St., Moscow, Russian Federation, 115035); Senior Research Fellow of the Department of Jewish Theology and Jewish Culture, St Petersburg University (7–9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Modern Hebrew, Biblical Hebrew, History of Linguistics, Jewish and Modern Israeli Literature; *e-mail*: budman-yud@rguk.ru
ORCID: 0000-0002-9015-530X; Scopus Author ID: 57862990200; ResearcherId: CAF-1586-2022; SPIN-code: 1567-1390, AuthorID: 849070.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501

EDN: FQOCCJ

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

«Семантическое расширение»: объем и содержание понятияТ.М. Шкапенко Балтийский федеральный университет им. И. Канта, *Калининград, Российская Федерация*✉ tshkapenko@kantiana.ru

Аннотация. Необходимость внесения ясности в понимание термина «семантическое расширение» как особого типа изменений, происходящих в значениях слов в ходе исторической эволюции языка и общества, связана с частыми случаями его некорректного использования в статьях современных российских лингвистов, описывающих процесс увеличения количества значений слова. Актуальность исследования обусловлена активизацией данных семантических процессов в современной языковой ситуации. В качестве материала использовались фундаментальные лингвистические и лексикографические труды по проблемам семантики, содержащие каноническое представление о смысле, вкладываемом учеными в данный термин. В результате применения методов анализа и синтеза, а также дефиниционного и контекстуального анализа был выявлен основной критерий, позволяющий разграничить процесс семантического расширения от других видов семантических преобразований. Обосновано, что специфика генерализации значения лексической единицы базируется на классификационных родовидовых связях. Показано, что в использовании уже существующего языкового знака, соотносящегося с одним денотатом, в качестве общего родового имени решающую роль играют экстралингвистические факторы. Диверсификация области обозначаемых объектов приводит к развитию у слова родового значения, что и квалифицируется в академических источниках как «семантическое расширение». Стремительные изменения, происходящие с начала XXI в. в окружающей действительности, увеличивающееся разнообразие артефактов, появление параллельной, виртуальной формы существования человека — все это создает объективную основу для активизации процессов семантического расширения в лексике современного русского языка. В изучении данных процессов особое место должен занять функционально-семантический анализ инновационных контекстов употребления лексических единиц в соответствии с их первичной областью референции.

Ключевые слова: генерализация, сужение значения, специализация, семантическая структура

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 12.12.2024; дата приема в печать: 10.02.2025.

Для цитирования: Шкапенко Т.М. «Семантическое расширение»: объем и содержание понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 487–501 (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501>

© Шкапенко Т.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Semantic Extension”: Volume and Content of the Term

Tatiana M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, *Kaliningrad, Russian Federation*

✉ tshkapenko@kantiana.ru

Abstract. The need to clarify the understanding of the term “semantic expansion” as a special type of change occurring in the meanings of words during the historical evolution of language and society is associated with frequent cases of its incorrect use in articles by modern Russian linguists describing the process of increasing the number of meanings of a word. The relevance of the study is determined by the intensification of these semantic processes in the modern linguistic situation. The fundamental linguistic and lexicographic works on the problems of semantics, which contain the canonical representation of the sense invested by scientists into this term, were used as material. As a result of applying the methods of analysis and synthesis, as well as definitional and contextual analysis, the main criterion was identified that makes it possible to distinguish the process of semantic expansion from other types of semantic transformations. It is proved that the specificity of generalization of the meaning is based on the classification generic relations. It is shown that extralinguistic factors play a crucial role in the use of an existing linguistic sign that corresponds to one denotation as a common generic name. The diversification of the field of designated objects leads to the development of a generic meaning of the word, which is qualified in academic sources as a “semantic extension”. The rapid changes taking place in the surrounding reality since the beginning of the 21st century, the increasing variety of artefacts, the emergence of a parallel, virtual form of human existence — all this creates an objective basis for activating the processes of semantic extension in the vocabulary of the modern Russian language. In the study of these processes a special place should be taken by functional-semantic analysis of innovative contexts of the use of lexical units in relation to their primary area of reference.

Keywords: widening of meaning, generalization, narrowing of meaning, specialization

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 12.12.2024; accepted: 10.02.2025.

For citation: Shkapenko, T.M., (2025). «Semantic Extension»: Volume and Content of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 487–501. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-487-501>

Введение

Ознакомление со множеством лингвистических работ последнего времени, посвященных анализу семантических преобразований в лексике современного русского языка, выявляет значительные расхождения в употреблении термина «расширение значения». Произвольное, не соответствующее классическим определениям в работах Г. Пауля, К. Яберга, С. Ульмана, Д.Н. Шмелева, А.Ф. Журавлева и других ученых использование термина вызывает все больше вопросов теоретико-методологического характера. Термин «расширение» используется в современных статьях в различном контекстуальном окружении: «расширение семантической структуры слова; расширение семантики слова; метонимическое расширение; метафорическое

расширение» [1–3] и др., чаще всего употребляясь в общем смысле для обозначения развития у слова многозначности или появления новых лексико-семантических вариантов. Наше «подозрение» в нетерминологичности употребления вышеприведенных вариантов находит свое эксплицитное подтверждение в работе Е.М. Кацман, констатирующей на материале анализа существительных, что «здесь имело место <...> расширение семантики (увеличение количества ЛСВ)» [4. С. 54]. Многие другие авторы также приравнивают «расширение» значения к увеличению у слова количества значений, что входит в противоречие с классическими представлениями о расширении/сужении значения слов как об особом, специфическом лингвокогнитивном процессе. Можно предположить, что сама весьма относительная терминологичность слова «расширение» провоцирует исследователей как на его узкое, собственно терминологическое употребление (все реже), так и на его использование в общем, вышеуказанном смысле. Опасность смешения двух способов употребления термина «семантическое расширение» видится нам в размывании его первоначального смысла и в интерпретации гетерогенных семантических процессов как расширения значения слова. Необходимость уточнения объема вышеуказанного понятия обусловливается тем, что с начала текущего столетия данный процесс чрезвычайно активизировался и многими специалистами в области лексической семантики причисляется к основным тенденциям развития лексики русского языка новейшего периода [5; 6].

В цели нашего исследования входит уточнение содержания термина «семантическое расширение» (далее СР) на основе выявления лежащих в его основе специфических экстралингвистических и собственно лингвистических признаков. Комплексное описание специфики СР способно послужить теоретико-методологической основой для квалификации определенных случаев семантической деривации как результата расширения значения слова и отграничить данное явление от других процессов развития семантики слова.

Материалы и методы

Поставленная цель исследования и его теоретический характер предопределили использование в работе общенаучных методов исследования, таких как анализ, синтез, классификация и обобщение, а также методов функционально-семантического, словарно-дефиниционного и контекстологического анализа. Основным материалом для исследования послужили классические труды в области лексической семантики, истории языка и языковой номинации (Г. Пауль, С. Ульман, К. Яберг, Д.Н. Шмелев, Ф.А. Журавлев и др.). Терминологическая направленность работы обусловила необходимость привлечения в качестве материала лексикографических источников научного профиля — энциклопедий и словарей лингвистических терминов (Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова; Т.В. Жеребило; Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев и др.). Сравнительно-сопоставительный анализ особенностей современного

употребления термина СР осуществлялся на основе статей российских лингвистов, опубликованных в течение двух последних десятилетий (Е.М. Кацман; Л.А. Беловольская; С.Н. Шевченко и др.).

Результаты

История выделения основных типов семантических преобразований берет свое начало с вышедшей в 1880 году (первое издание) работы выдающегося представителя младограмматического направления Г. Пауля «Принципы истории языка» [7]. К основным типам семантических изменений Г. Пауль относил: «специализацию значения вследствие сужения объема и обогащения содержания» [7. С. 106] и «диаметрально противоположную первой разновидность смысловых изменений, обеднение содержания представления, связанное с расширением объема» [7. С. 110]. В качестве примеров расширения значения ученый приводит немецкое слово *fertig* «готовый», которое, под данным этимологических словарей, означало некогда «готовый к поездке, собравшийся в путь-дорогу», а впоследствии стало обозначать «завершение подготовки любого дела». Другой пример. Глагол *gehen* первоначально означал только «ходить», а затем стал использоваться для обозначения различных типов передвижения. Заметим, что каждый из приводимых Г. Паулем примеров: «das Schiff geht «судно плывет [собств. идет]», das Muhlrاد geht «мельничное колесо вертится [собств. идет]», die Uhr geht «часы идут» [Там же] является собой, с одной стороны, свидетельство развития технического прогресса, а, с другой стороны, склонность языкового мышления к приписыванию уже вербализованной характеристики движения новым именуемым объектам. Все примеры использования глагола, относящегося ранее только к передвижению по суше живых объектов, ведут в конечном счете к расширению объема значения и одновременно к обеднению его содержания вследствие утраты иконичности, свойственной первичной форме номинации.

Обосновывая то, что в данных примерах следует вести речь именно о СР, лингвист прибегает к диахроническим фактам, подтверждающим функционирование анализируемых слов в более узком значении. В качестве достоверных источников используются этимологические сведения и примеры из различных территориальных разновидностей немецкого языка. С лингвокогнитивной точки зрения Г. Пауль делает весьма любопытное наблюдение, позволяющее разграничить процессы сужения (специализации) /расширения от случаев метафорического переноса. Комментируя различные примеры, ученый замечает: «В рассмотренных до сих пор случаях речь идет о процессах, осуществляющихся постепенно без участия сознания» [7. С. 113]. Безусловно, полностью исключить участие сознания из процесса «естественного» именованного нового денотата «старым» словом не представляется возможным, однако мысль ученого абсолютно прозрачна: в отличие от преднамеренного акта номинации в случаях метафорического переноса семантическое расширение

подразумевает относительно осознанное употребление слова для обозначения нового денотата, вписывающегося в единую «наивную» классификацию внеязыковых феноменов. Еще одно существенное замечание Г. Пауля состоит в том, что в случаях сужения значения слова могут функционировать как в первичном (широком), так и во вторичном (специализированном) значении, а затем получают статус слов с суженной семантикой. Данное замечание вполне логичным образом можно применить и к анализу процессов развития у слова расширенного значения.

Немаловажным уточнением предложенной Г. Паулем классификации явились взгляды Р. Томаса, указывающего, что термины «сужение» и «расширение» значения следует использовать только по отношению к лексическим единицам, изменившим свое значение в рамках *одного понятийного поля*, в то время как сдвиги, выводящие значение из одного понятийного поля в другое, характерны для метафоры или метонимии [8]. Его последователь, К. Яберг, вносит некоторые изменения в строгую конструкцию разделения процессов семантических изменений на основе типа парадигматических связей между первичным и вторичным значением. Случаи семантических преобразований, по его мнению, можно разделить на те, в которых новое значение «вырастает» из первоначального значения (*Bedeutungswechsel*)¹ и те, в которых новое значение как бы накладывается на первоначальное и заменяет его (*Bedeutungsuberragung*). В первую группу входят сужение и расширение, во вторую — метафора и метонимия [9].

С. Ульман, анализируя процессы семантической трансформации, указывает, что «в процессе изменения слов действуют две противоположные тенденции: одни слова стремятся расширить свое значение, другие — сузить его» [10. С. 281]. К наиболее частотным моделям расширения в английском языке ученый относит такие, как, к примеру, использование наименования молодого животного или молодого растения для обозначения всего соответствующего рода. В частности, англ. *bird* ‘птица’ происходит от др. англ. *brid* ‘птенец’, а англ. *plant* ‘растение’ от лат. *planta* ‘побег растения’. Принципиально важным для нашего анализа представляется дополнительный комментарий С. Ульмана о том, что в терминах логики «экстенционал слова увеличился, а интенционал уменьшился: оно стало приложимо к *большему числу вещей*, но говорит нам о них меньше, чем раньше» [10. С. 281].

В определенном смысле разъяснения С. Ульмана совпадают с попытками Г. Пауля выразить свою мысль о том, что более широкое значение имеет менее богатое содержательное наполнение. Действительно, когда слово вместо одного конкретного денотата начинает использоваться в качестве общего обозначения для всей онтологически единой категории денотатов, область его

¹ Вспомним приведенную выше цитату из Г. Пауля: «В рассмотренных до сих пор случаях речь идет о процессах, осуществляющихся постепенно без участия сознания» [7. С. 113].

денотации (экстенционал) разрастается, однако само обозначаемое утрачивает богатство черт конкретного денотата. Вбирая в себя абстрактные черты представителей одного класса, родовое понятие лишается присущих каждому из представителей категории семантических конкретизаторов. Обратный процесс наблюдается в том случае, когда слово лишается гиперонимического статуса и начинает обозначать только один из гипонимов в рамках единой родовидовой категории. В качестве примера сужения значения С. Ульман приводит заимствованное из французского языка английское существительное *voyage*, которое первоначально обозначало любое путешествие (*a journey*), а впоследствии стало обозначать морское путешествие (*journey by sea or water*) [11. С. 231].

Во многом схожее истолкование термина «расширение значения» предлагается в справочнике по этимологии и исторической лексикологии, истолковывающей данный процесс как «переход от видового значения к родовому, сопряженный с утратой смысловых элементов [палец ‘большой палец’ → ‘всякий палец’; товар ‘домашний скот’ → ‘скот как меновое имущество’ → ‘имущество, добро; любой меновой продукт’]. Иначе «обобщение», «обеднение значения», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»².

Приводимые примеры в полной степени согласуются с предложенным истолкованием термина, а также демонстрируют, что более широкое значение вытесняет более узкое, в связи с чем идентификация процесса расширения значения в определенных лексических единицах под силу только специалисту в области исторического языкознания. Обыденное языковое сознание воспринимает языковой знак в его синхронном состоянии, не отдавая себе отчета в том, что слово *товар* или *палец* претерпело достаточно сложный и длительный процесс семантического преобразования.

На историчность процессов СР указывает в своем определении и словарь лингвистических терминов под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой: «Расширение значения: увеличение семантического объема слова в процессе исторического развития»³. К термину «экстенционал», использованному С. Ульманом, приравнивается термин лексической семантики — «семантический объем». Здесь же отмечается, что чаще всего в основе процесса расширения лежит «перенос названия по функции, выполняемой двумя предметами», например: «Перо (гусиное) — перо (орудие для письма чернилами). Дворник (человек, убирающий двор) — дворник (стеклоочиститель у автомобиля). Стрелять (выпускать стрелы из лука) — стрелять (производить выстрелы).

² Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. Режим доступа: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

³ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985.

ср. также: белье (изделия из ткани белого цвета) — белье розовое, голубое и т.д. (т.е. вообще изделия из ткани для нижней одежды и хозяйственных надобностей). Чернила (жидкость для писания черного цвета) — чернила синие, красные и т.д. (т.е. вообще красящая жидкость, предназначенная для писания)».

В двух последних примерах (*белье* и *чернила*) исторический процесс диверсификации именуемых референтов (от белого или черного цвета к любым другим цветам) естественным образом коррелирует с процессом утраты словом его внутренней формы. То же самое относится и к глаголу *стрелять*, функционирование которого вписывается в процесс развития области его денотации от первоначальной, иконической формы «выпускать стрелы» до обозначения действий, производимых из все новых видов оружия. Как следует из данных примеров, процесс расширения значения лексем коррелирует с утратой ими внутренней формы, ведет к когнитивному диссонансу между современными денотатами и его прототипом.

Не все примеры, однако, полностью вписываются в предлагаемое словарем определение и сопровождающий его комментарий о функциональных переносах как наиболее регулярной основы расширения значения слова. Так, *перо* как ‘прибор для письма’ обладает иной функцией, нежели *перо* как ‘часть оперения птицы’. Очевидно, что до момента использования птичьих перьев в качестве инструментов для письма их функции сводились исключительно к биологическим — сохранению тепла и обеспечению летных возможностей отряда пернатых. Использование слова *перо* для обозначения писчего прибора, в сущности, являлось прямой номинацией, и только референтная удаленность «пишущих» перьев от их «сырьевого» источника — оперения птиц, способствовала развитию исторической «забывчивости» о первоисточнике номинации — перьях гусиных. Еще большей утрате связи с прототипом способствовало появление стальных перьев, словарное описание которых фиксирует окончательный распад семантической связи и определяет их статус как омонимов:

«ПЕРО 1, а, мн. перья, ьев, ср. 1. Роговое образование кожи у птиц <...>. 2. До появления стальных перьев: орудие для писания чернилами, расщеплённое и отточенное гусиное перо.

ПЕРО 2, а, мн. перья, ьев, ср. 1. Маленькая выгнутая стальная пластинка с расщеплённым концом для писания чернилами, тушью <...>. Шариковые и перьевые ручки»⁴.

В свете вышесказанного более корректной представляется квалификация хода исторического развития семантики слова «перо» как расширения значения слова только в рамках парадигмы: *перо (гусиное)* → *перо стальное* → *различные виды автоматических ручек*, в то время как первые номинации пера для письма с помощью того же слова «перо птицы» следует отнести к специализации значения, вырастающей из утилитарной функции

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Аз, 1996.

приспособленного человеком для своих интеллектуальных и коммуникативных нужд биологического сырья.

При таком подходе сохраняется единый функционал существительного *перо*, а также «вписываемость» развившихся значений в рамки единого концептуального поля. Именно в этом смысле лексема *перо* как результат расширения значения приводится А.В. Журавлевым, подчеркивающим, что «случаи так называемого функционального переноса <...> вполне адекватно описываются в терминах последовательного расширения и сужения значений, ср. перо — инструмент для письма, изготовленный из гусиного пера → перо — инструмент для письма, изготовленный из металла и закрепляемый на стержне» [12. С. 59].

Не менее противоречивым представляется пример, приведенный в словаре под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой: «дворник (человек, убирающий двор) → дворник (стеклоочиститель у автомобиля)». В этом случае перенос значения, вне всякого сомнения, осуществляется на основе функционального сходства, однако не вписывается в границы единого понятийного поля и не способствует развитию у существительного *дворник* общего родового значения, как это имело место в случае со словами *белье* или *чернила*. С высокой долей вероятности можно предположить, что антропоморфная метафора, в основе которой лежит перенос с человека на предмет, уже сама по себе является когнитивным препятствием для возникновения значений, способных выступать в роли родового понятия. В случае «дворник 1 → дворник 2» не происходит и констатируемого большинством лингвистов обеднения значения, характерного для СР. Напротив, существительное *дворник* (прибор) представляется более богатым по своим денотативным признакам, нежели его семантическое производящее, именуемое лицо по его профессиональной принадлежности.

В словаре Т.В. Жеребило «семантическое расширение» рассматривается как «увеличение объема обозначаемого понятия, т.е. количества называемых предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова»⁵. Отметим, что это, пожалуй, единственное определение СР, в котором разъясняется, что следует понимать под объемом обозначаемого понятия. Однако далеко не все ученые соглашались с такой трактовкой и предлагают различные интерпретации понятия «семантического объема».

Так, Л.А. Беловольская, апеллируя к репрезентации семантической структуры языкового знака, включающей в себя, согласно И.М. Кобозевой «по меньшей мере четыре типа сущностей: категории действительного мира; мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; прагматические факторы, то есть то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности; отношения между знаками — единицами языковой системы» [13. С. 43] делает вполне обоснованный вывод

⁵ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. С. 300.

о том, что «семантический объем любого слова, функционирующего в языке, определяется соотношением названных типов информации» [14. С. 84]. Другие лингвисты приравнивают «семантический объем» к количеству сем в значении слова [15] или к количеству выявленных значений [16].

Предложенное в словаре Т.В. Жеребило описание «увеличение объема обозначаемого понятия» как увеличения «количества называемых предметов и явлений» вполне соответствует определениям классической лингвистики и приводимым выше примерам в других словарях (чернила — от черных «чернил» до чернил любого цвета, перо — от гусиного до стального и т.п.). В то же время собственная словарная иллюстрация данного процесса с помощью глагола *плени́ть*: «Глагол плени́ти — «взять в плен» (др.- рус.); плени́ть — 1) «взять в плен» и 2) «очаровать» (совр. рус. яз.)» вряд ли в полной мере отвечает предложенному определению. Переносное значение «любви неволи» не вписывается в рамки единого концептуального поля со значением плена физического. Кроме того, глагол «плени́ть/плени́ть» снабжается в современных словарях пометой «устаревшее»:

«1. *устар.* Брать в плен // Покорять, завоевывать (какие-л. земли, страны). <...>3. *перен.* Подчинять чьи-л. чувства, мысли и т. п. своей власти, своему влиянию // Привлекать к себе, восхищать, очаровывать»⁶.

Более четкую, лишенную разночтений, как это имеет место в случае использования термина «семантический объем», концепцию теоретического описания СР предлагает А.Ф. Журавлев, выделяющий вслед за Д.Н. Шмелевым [17] в рамках семантической деривации парадигматически и синтагматически обусловленные изменения. Приведем целостный фрагмент из работы ученого, поскольку в нем не только изложены основы парадигматико-синтагматического подхода к описанию лексико-семантических процессов, но и приведены все терминологемы, используемые в качестве синонимических к грешащим недостаточной терминологичностью определениям «расширение» и «сужение». «Парадигматически обусловленные изменения значений слов базируются на двоякого рода связях — существующих как, во-первых, между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы, так и, во-вторых, между членами разных парадигм. Первый из этих типов изменений включает в себя расширение значения («обеднение», «обобщение», «генерализация значения», «увеличение семантического объема»), сужение значения («обогащение», «специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объема») и семантический сдвиг («смещение»), второй — метафорой.

Взаимно противоположно направленные процессы расширения и сужения значений слов опираются на подчинительные, «вертикальные» связи в системе семантических отношений «род — вид», а сдвиг <...> строится

⁶ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз.

на соподчинительных, «горизонтальных» связях, т.е. на отношениях «вид — вид» в пределах одного родового понятия» [12. С. 55–56]. Ученый разрабатывает основанные на компонентном анализе модели расширения и сужения значения в виде следующих формул:

«Парадигматически обусловленные изменения значений:

- сужение значения: $N 'A' \rightarrow N 'Ab'$
- расширение значения: $N 'Ab' \rightarrow N 'A'$
- метафора: $N 'Ac' \rightarrow N 'Bc'$ [12. С. 68],

где N — лексема, A, B — архисема или цельное значение; a, b, c — дифференциальная или коннотативная сема.

Предложенные схематические изображения наглядным образом иллюстрируют справедливость тезиса об обогащении значения в случае его сужения за счет прибавления дифференциальных сем и о его обеднении в случае расширения значения за счет элиминации дифференциальных сем. Заметим, что слово, становящееся в процессе эволюции родовым обозначением, получает весьма точную характеристику как «беспризнакового значения», или «беспризнакового члена парадигматического ряда» [17. С. 111].

В качестве примеров СР, кроме уже цитируемых выше *палец* и *товар*, в работе А.Ф. Журавлева приводятся глагол «идти ‘передвигаться с помощью ног’ → ‘передвигаться вообще’ (поезд идет, лед идет)», а также существительное «локомотив ‘паровоз’ → ‘машина любого вида тяги — паровоз, электровоз, тепловоз и т.п.». Как видим, во всех приведенных выше примерах расширение значения происходило в результате последовательного употребления одного и того же языкового знака по отношению ко все большему количеству однородных денотатов. Экстралингвистическим условием для протекания процесса расширения значения слова в большинстве случаев становилось появление разновидностей одного и того же феномена, уже получившего ранее свое языковое обозначение. Как справедливо указывает С.В. Кезина, «расширение семантического объема слова осуществлялось, в частности, в результате дифференциации мира и соответствующих его фрагментов и предметов. Выделенные в процессе дифференциации семы связывались с предшествующими классификационными связями» [19. С. 39].

Новое значение, действительно, словно выросло в соответствии с метафорой, использованной ранее К. Ябергом, из предыдущего, подобно библейскому Мафусаилу, древнему главе рода, заключающему в свои объятия младое поколение. В данных случаях нельзя говорить о наличии преднамеренных усилий номинаторов: техника использования наименования для обозначения нового денотата основывалась на спонтанном использовании уже существующего языкового знака по принципу его включения в денотативную линейку однородных объектов, его вербальной «прописки» в уже обозначенной ранее словом общей логико-понятийной категории. Межпарадигматические переносы, имеющие место в случае метафорических употреблений, предполагают

обязательное когнитивное усилие номинатора, субъективным образом использующего языковой знак, именуемый денотат в рамках одного концептуального поля, для номинации денотата, принадлежащего иному концептуальному полю. Именно по этим причинам обыденный носитель языка практически не замечает происходящих семантических сдвигов в направлении генерализации обозначаемого понятия. «Все эти значения, — как подчеркивает В.В. Макаров, — не выводимы одно из другого, они в равной мере могут быть объяснены как параллельные результаты специализации одного и того же гиперонимического единства» [20. С. 379].

Обращает на себя внимание, что в качестве примеров, иллюстрирующих процесс СР, всеми авторами чаще всего приводятся существительные и реже глаголы, причем у Г. Пауля и у А.Ф. Журавлева — только глаголы движения. В случае существительных механизм расширения основывается на увеличении количества денотатов, входящих (вписываемых языковым сознанием) в единую онтологическую категорию со словом, имеющим первоначально лишь один конкретный денотат. В случае глаголов речь идет либо об увеличении числа актантов, как это имеет место в развитии значения глагола *стрелять*, либо о диверсификации субъектов совершаемого действия, как это имеет место в случае глагола *ходить* (о часах, корабле, поезде и т.п.). Примечательно, что ни один источник не иллюстрирует процесс СР с помощью имен прилагательных, что можно объяснить их неденотативным характером. Как указывает М.В. Сандакова, «прилагательное не имеет собственной области предметной отнесенности, т.е. не имеет ни денотации, ни конкретной референции. Сферу их применения образует весь круг денотатов, обладающих соответствующим (обозначенным через прилагательное) признаком» [21. С. 205]. То есть, с одной стороны, употребление прилагательных подчинено онтологическому диктату обозначаемых предметов, с другой стороны, их субъективному видению человеком мира во множестве ассоциативных связей, выводящих обозначаемое за пределы единого концептуального поля, что не соответствует основополагающему критерию СР. Таким образом, отсутствие примеров прилагательных в качестве иллюстраций СР есть не что иное как свидетельство «неосознанного осознания» неприменимости термина к данной части речи.

В целом, анализ примеров, иллюстрирующих явление СР, производит впечатление некой завершенности данного процесса, когда только на основе этимологических сведений или других исторических свидетельств ученые выявляют факты перехода слова из видового обозначения в родовое понятие. Однако с конца 90-х гг. многие лингвисты, изучающие семантические преобразования в русском языке новейшего периода, указывают на активизацию данного процесса. Данные наблюдения в полной мере соотносятся с выявленной нами решающей ролью экстралингвистических факторов в процессе расширения значения слов. Характерная для современной эпохи стремительная диверсификация форм существования человека, производимых им продуктов

и артефактов естественным образом провоцируют «бум» семантического расширения. Наибольшее воздействие на процесс генерализации значений за счет онтологического расщепления ранее, казалось бы, неделимых понятий и феноменов оказывает, безусловно, развитие цифровых технологий, так называемое «удвоение мира» [22]. В результате «реальность» получает форму «виртуальной», «дополненной», и, наконец, «реальной реальности»; интеллект все больше тяготеет к обозначению технических средств, отнимающих у человека право на исключительное пользование разумом, вследствие чего наблюдается онтологически обусловленное расширение значения прилагательных *умный/смарт* [23], то есть признаковая лексика оказывается также вовлеченной в процессы семантического расширения. Сама жизнь, получив альтернативную форму существования в виртуальной реальности, потребовала номинативного уточнения в целях ее дифференциации от недавно развившейся и вступившей в острую конкуренцию с ней он-лайн формы бытия [24].

Интенсивное протекание процессов мультипликации и диверсификации форм существования современного человека и производимых им продуктов находит свое отражение в процессе расширения значения все большего количества слов. Диагностирование примеров СР уже не требует от лингвиста этимологических изысканий, выдвигая на первое место метод лингвистического наблюдения и функционально-семантического анализа «инновационных контекстов употребления слов» [25]. На ускорение процесса приобретения словом родового значения влияет также технологическое расширение медиапространства и интенсификация обмена информацией, в результате чего множество окказиональных употреблений слова дает мгновенный эффект его узуализации.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что СР — это особый процесс изменения значения слова, не равный развитию у него многозначности или появлению новых лексико-семантических вариантов. Напротив, в конечной точке своей эволюции лексемы, подвергшиеся СР, в большинстве своем остаются однозначными, именуемыми ряд однородных денотатов. С лингвокогнитивной точки зрения процесс расширения значения представляет собой результат неосознанных классификационных операций по использованию уже существующего языкового знака для обозначения новых реалий на основе их естественной принадлежности к единой онтологической категории. Основным критерием, позволяющим дифференцировать СР от других видов семантических преобразований, в первую очередь от метафорических переносов, является установление парадигматических границ семантического деривата. Последовательные изменения в рамках единой концептуальной парадигмы, от видового значения к родовому, являет собой свидетельство СР, в то время как выход слова из одного концептуального поля в другое — свидетельство метафорического или метонимического переноса. Значимость выполненного исследования видится

нам в возможности использования его результатов с целью более точного, осознанного и корректного употребления данного термина в работах современных лингвистов. Изучение протекающих на наших глазах процессов расширения значения лексических единиц в русском языке новейшего периода способно выявить специфику данного процесса в сопоставлении с более ранними историческими периодами развития у слова родового значения.

Библиографический список

1. Москалева М.В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33. С. 180–184. EDN: KWTFSS
2. Шевченко С.Н. Метонимическое расширение семантики лексем полезных ископаемых в русском и английском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 16(755). С. 93–104. EDN: UQEUGS
3. Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 2. С. 22–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090203> EDN: PHQWVV
4. Кацман Е.М. О семантических трансформациях русских существительных в языке коммерции и рекламы // Научный диалог. 2017. № 2. С. 44–56. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56> EDN: XYGEEN
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003.
6. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 32–67.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960.
8. Thomas R. Über die Möglichkeiten des Bedeutungswechsels I und II // Blätter für das Gymnasialschulwesen. Fortsetz, 1894. Bd. XXX. P. 705–732; 1896. Bd. XXXII. P. 1–27.
9. Jaberg K. Pejorative Bedeutungsentwicklung im Französischen // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1901. XXV. P. 561–601.
10. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1970. Вып. V. С. 250–299.
11. Ullman St. Semantics. An introduction to the science of meaning. Oxford : Blackwell, 1977.
12. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М. : Наука, 1982. С. 45–109.
13. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Едиториал УРСС, 2000.
14. Беловольская Л.А. Семантический объем лексем страх — страшно в пространстве русского языка // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 83–85. EDN: HQLNKR
15. Амелина Л.В. Семантический объем лексических значений орнитонимов в русском и немецком языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 120–123. EDN: MUERQF
16. Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Семантический объем прилагательного friendly в современном английском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 134–152. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/7> EDN: QORBQI
17. Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. М., 2008. С. 64–81. EDN: MWMQDJ
18. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973.

19. Кезина С.В. Принципы развития и организации семантической структуры слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 5(11). С. 37–43. EDN: KVRQJB
20. Макаров В.В. О роли гиперонимии в лексико-семантических изменениях // Язык и действительность : сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 37–382.
21. Сандакова М.В. Прилагательное в атрибутивном словосочетании // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. (Гуманитарные науки). № 4. С. 202–207. EDN: MWEXHN
22. Маринова Е.В. Реальность как технология, или онтологическая лексика в современных процессах номинации // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 226–244. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244> EDN: BNETWP
23. Козловская Н.В., Павлова А.С. Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1(6). С. 8–21. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-8-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21) EDN: ATBUYU
24. Шкапенко Т.М., Милявская Н.Б. Есть ли жизнь офлайн, или о проблемах номинации неvirtуальной действительности // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 3–8. <https://doi.org/10.20339/PhS.3-22.003> EDN: RYQSYI
25. Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 6. С. 158–169. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14> EDN: WZWVON

References

1. Moskaleva, M.V. (2007). Extension of Word Meaning as one of the Main Semantic Processes (on the Example of Nouns). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 12(33), 180–184. (In Russ.). EDN: KWTFSS
2. Shevchenko, S.N. (2016). Metonymic Extension of Natural Resources Terms in the Russian and English Languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, (16), 93–105. (In Russ.).
3. Murashkina, O.V., Dedova, O.M., & Kornev, V.A. (2022). Metaphorical Epithets and their Stylistic Functions. *Language and Text*, 9(2), 22–35. <https://doi.org/10.17759/langt.2022090203> (In Russ.). EDN: PHQWVV
4. Katsman, E.M. (2017). On Semantic Transformations of Russian Nouns in Language of Commerce and Advertising. *Nauchnyi dialog*, (2), 44–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-44-56>
5. Valgina, N.S. (2003). *Active Processes in the Modern Russian language*. Moscow: Logos. (In Russ.).
6. Ermakova, O.P. (2000). Semantic Processes in the Lexicon. In: *The Russian language of the late XX century (1985–1995)*. (pp. 32–67). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
7. Paul, G. (1960). *Principles of Language History*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.).
8. Thomas R. (1894; 1896). Über die Möglichkeiten des Bedeutungswechsels I und II. *Blätter für das Gymnasialschulwesen*. Fortsetzg, 1894. Bd. XXX. С. 705–732; 1896. Bd. XXXII. С. 1–27.
9. Jaberg K. (1901). Pejorative Bedeutungsentwicklung im Französischen. *Zeitschrift für Romanische Philologie*. 1901, XXV, 561–601.
10. Ullman, St. (1970). Semantic universals. In: *New in foreign linguistics* (pp. 250–299). Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Ullman, St. (1977). *Semantics. An introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell.
12. Zhuravlev, A.F. (1982). Technical possibilities of the Russian language in the field of subject nomination. In: *Ways of nomination in the modern Russian language* (pp. 45–109). Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Kobozeva, I.M. (2000). *Linguistic Semantics*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

14. Belovol'skaya, L.A. (2005). Semantic Volume of Lexemes “Starch-Strashno” in the Space of the Russian Language. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, (1), 83–85. (In Russ.). EDN: HQLNKR
15. Amelina, L.V. (2010). Semantic Scope of Ornithonyms in Russian and German Languages. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 120–123. (In Russ.). EDN: MUERQF
16. Ryzhkova, T.S., & Zaikova, I.V. (2021). The Semantic Scope of the Adjective *Friendly* in Modern English. *Tomsk State University Journal of Philology*, (72), 134–152. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/7> (In Russ.). EDN: QORBQI
17. Belyaevskaya, E.G. (2006). Semantics in the Three Paradigms of Linguistic Knowledge (Criteria for the Choice of Method). In: *Paradigms Of Scientific Knowledge in Modern Linguistics: Collection of Scientific Papers RAN INION* (pp. 67–85). Moscow. (In Russ.). EDN: MWMQDJ
18. Shmelev, D.N. (1973). *Problems of Semantic Analysis of Lexicon (on the Material of Russian Language)*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
19. Kezina, S.V. (2005). Principles of the Development and Organization of the Word Semantic Structure. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 5(11), 37–43. (In Russ.). EDN: KVRQJB
20. Makarov, V.V. (2007). On the Role of Hyperonymy in Lexico-Semantic Changes. In: *Language and Reality : a Collection of Scientific Papers in Memory of V.G. Gak* (pp. 376–382). Moscow: LENAND. (In Russ.).
21. Sandakova, M.V. (2010). Adjective in an Attributive Word Combination. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (4), 202–207. (In Russ.). EDN: MWEXHN
22. Marinova, E.V. (2024). Reality as Technology, or Ontological Lexicon in Modern Processes Nomination. *Nauchnyi dialog*, 13(2), 226–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-226-244> EDN: BNETWP
23. Kozlovskaya, N.V., & Pavlova, A.S. (2023). The Compound Constituent *Smart-* vs the New Sense of the Adjective *Umnyj* in the Modern Russian Language Observed as Elements of Text and Dictionary. *Verba. Northwest Linguistic Journal*, 1(6), 8–21. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-8-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-8-21) EDN: ATBUY Y
24. Shkapenko, T.M., & Milyavskaya, N.B. (2022). Is There Any Life Offline, or on the Problems of Nomination Non-Virtual Reality. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, (3), 3–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.3-22.003> EDN: RYQSYI
25. Shkapenko, T.M., & Vaulina, S.S. (2021). The Role of Context in the Process of Semantic Transformations of a Lexical Unit. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(6), 158–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.14> EDN: WZWOVN

Сведения об авторе:

Шкапенко Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236001, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Невского, д. 14); сфера научных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, ономастика; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru ORCID: 0000-0002-6892-4205, SPIN-код: 2831-5268, AuthorID: 482464.

Information about the author:

Tatiana M. Shkapenko, Dr.Sc., Associate Professor, Professor of the Institute for the Humanities, I. Kant Baltic Federal University (14 Nevsky st., Kaliningrad, Russian Federation, 236041); Research interests: linguistics of globalization, lexical semantics, onomastics; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru ORCID: 0000-0002-6892-4205, SPIN-code: 2831-5268, AuthorID: 482464.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-502-513

EDN: DYFWWX

UDC 81'37'42

Research article / Научная статья

Meaning as a Mechanism for Senses Transformation and Discourse Sense Space Structuring

Victoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Abstract. Meaning is described as an evolving (dynamic) system; which determines the novelty of the study. The study gives a holistic analysis of significant language issue: meaning and sense. Formation of sense is a complex multifaceted process based on meanings transformation. The object is meanings of different types; as the main ones, the author distinguishes semantic, semantic-syntactic, logical-semantic and pragmatic meanings. The objective is to describe core features of the types and specify their role in senses creation and structuring the coherent discourse sense space. The principal research methods are pragmasemantic and discourse analyses; they promote revealing the mechanisms of formation of discursive meanings and senses, establishing the correlation between multilevel meanings and the created pragmatic effect, unveiling the potential of linguistic means used to form meanings and senses. This determines the relevance of the study, since the meanings system is presented from the functional perspective for constructing the discourse sense space. The main results of the study are as follows. Semantics sets the initial parameters of meanings, which in the process of contextual actualization are supplemented by syntactic and logical parameters. We see formation of semantic-syntactic meaning and its transformation into the logical-semantic one. Further, under the influence of contextual and extralinguistic factors, it increments additional pragmatic meanings which convert to discursive senses. The certain pragmasemantic effect is created. The author draws the conclusions that complex hierarchical transformation of multilevel meanings leads to senses hybridization, complication of discourse relations and links, and structuring its integral sense space.

Keywords: types of meaning, semantic, logical and pragmatic components, pragmasemantic and discourse analyses

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Malakhova, V.L. (2025). Meaning as a Mechanism for Senses Transformation and Discourse Sense Space Structuring. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-502-513>

© Malakhova V.L., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Значение как механизм трансформации смыслов и структурирования смыслового пространства дискурса

В.Л. Малахова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Формирование смысла — сложный, многогранный процесс, в основе которого лежит трансформация значений разных типов. Предложен целостный анализ одной из важнейших языковых проблематик: значения и смысла. С учетом этого автор описывает значения как развивающуюся (динамичную) систему, что обуславливает новизну исследования. Объектом выступают значения разных типов; в качестве основных автор выделяет семантическое, семантико-синтаксическое, логико-семантическое и прагматическое значения. Целью исследования является определение специфики каждого типа значений и степень их участия в формировании смыслов и структурировании когерентного смыслового пространства дискурса. Основные методы исследования — прагма-семантический анализ и дискурс-анализ, применение которых позволяет раскрыть механизмы формирования значений и смыслов дискурса, установить соотношение между разноуровневыми значениями и создаваемым прагматическим эффектом, выявить потенциал языковых средств конструирования значений и смыслов. Это обуславливает актуальность исследования, поскольку система значений представлена с функциональной точки зрения построения смыслового пространства дискурса. Результатами исследования является следующее. Семантика задает исходные параметры значений, которые в процессе контекстуальной актуализации дополняются синтаксическими и логическими параметрами. Происходит построение семантико-синтаксического значения и его превращение в логико-семантическое. Далее под действием контекстуального и экстралингвистического факторов происходит приращение дополнительных прагматических значений, трансформирующихся в дискурсивные смыслы. Создается определенный прагма-семантический эффект. Автор приходит к заключению о том, что сложная иерархическая трансформация многоуровневых значений приводит к гибридизации смыслов, усложнению отношений и связей дискурса, структурированию его целостного смыслового пространства.

Ключевые слова: виды значений, смысловая, логическая и прагматическая составляющие, прагма-семантический анализ, дискурс-анализ

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: Malakhova V.L. Meaning as a Mechanism for Senses Transformation and Discourse Sense Space Structuring // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-502-513>

Introduction

Discourse sense space is a complex hierarchical system based on various senses which in turn comprises two main types of meaning: semantic and pragmatic. Semantic meaning is a core component of sense; it primarily characterizes what is encoded in the language, regardless of the communication situation, communicants' features, and the context. In the process of discourse development,

semantic meaning increments additional pragmatic meanings under the influence of linguistic (context) and extralinguistic (the consciousness of communicants and the specific communication situation) factors. Pragmatic meaning conveys first of all the specificity of an utterance in the particular context: what is implied, the shades and subtleties of meanings, the correspondence between statements and their referents (objects, events, etc.). Due to pragmatic meaning, the sense system converts to more sophisticated structure. This, on the one hand, complicates discourse sense space filling it with hidden, indirect or implied meanings; but, on the other hand, this largely eliminates possible polysemy and even uncertainty of semantic meanings. However, there is no absolute difference between the two types of meaning. They are closely interconnected and interdependent.

The present study delves on describing transformation of meanings at different levels, which further lay the core of discursive senses. As the main types of meaning, we distinguish semantic, semantic-syntactic, logical-semantic and pragmatic meanings. Meanings formation is a sequential transition from one level to another; it creates some kind of trinity: the semantics of sentences in a general sense (literal meaning), the pragmatics of reference and ambiguity (explicature) and the pragmatics of intentions (implicature). This leads to complication of meanings and their converting to senses.

The **objective** of the study is to determine the specificity of each type of meanings and the extent of their participation in structuring integral discourse sense space.

What makes this issue **relevant** is the pragmasemantic analysis of discourse sense space, which helps to identify the potential of linguistic means of constructing meanings and senses, to establish optimal ways of their verbalization, which contribute to the most accurate expression of the communicative goal of the speaker and the adequate interpretation of the ultimate sense by the listener.

Application of pragmasemantic analysis in the study, as well as discourse analysis, allows unveiling the mechanisms of meanings and senses formation, and establishing the correlation between the basic semantic-syntactic meaning of the expression and the pragmatic effect the speaker wants to produce by using this expression in a certain context (pragmatic meaning). This reveals the **novelty** of the research, since pragmasemantic and discourse analyses contributes to presenting a holistic description of the meanings and senses system from the functional perspective of discourse sense space construction.

Materials and Research Methods

The theoretical basis includes works of modern linguists on issues of meaning and sense creation and discourse sense system structuring. Fiction of contemporary English-speaking authors is applied as illustrative material for analysis.

The core research methods are semantic and pragmatic analysis. There are also applied discourse analysis, content analysis, and contextual interpretation method.

Discussion and Results

Meaning as the framework for sense creation and discourse sense space structuring

The functional nature of discourse is reflected in the dynamics of its components frame; the components, on the one hand, actualize meanings of different levels and, on the other one, combine all the elements into a single structure, creating the general functional sense space [1; 2]. Meaning cannot be obviously represented only through semantic parameters. Since each utterance is unique and is created at the specific time for a certain communicative purpose, just understanding the separate meaning of words and sentences is not enough [3; 4]. What is also needed is an interpretation of a pragmatic meaning implied by a speaker when using these expressions. The specificity of the communicative situation is as essential for understanding the meanings as the semantic knowledge itself; it determines not only the appropriate combination of linguistic units for revealing the content but also comprehension of the linguistic representation in relation to the exact context [3; 5]. In other words, meaning can be analyzed only if the semantic and pragmatic principles are brought together.

Formation and comprehension of meaning much depend on the adequacy of linguistic units used — on the correspondence of the meaning of distinct linguistic units to the context, on the appropriateness and correctness of their usage [5; 6]. This promotes communication and contributes to its main goal achievement — information exchange and mutual understanding. The choice of linguistic means is determined by the initial intention of a speaker. Nevertheless, they can be replaced by other means due to the needed feedback, down to the specific communicative situation, the characteristics of the communicants, etc. The selection of a linguistic means for representing a particular meaning is provided by its inner (signified) and external (signifier) aspects. Meaning cannot be fixed and stay unambiguous: in each case, the form must be adequate to the essence, that is the linguistic unit must directly correlate with the meaning and then the sense it forms. Conveying a certain meaning, the linguistic unit also reveals information about the sense relations, which, in turn, complements and characterizes the content aspect of the language means [7; 8]. Therefore, linguistic units are directly impact dynamics of meanings formed and motivate discourse sense relations.

The complexity of the correct selection of means to express the designated meaning in the nominative form is that linguistic units relate in various ways to elements (fragments) of the conceptual system and can display objects of reality differently. Linguistic units, together with syntactic constructions, reflect fragments of reality revealing their properties, features and characteristics, and describe states, processes, actions. Let us analyze some examples.

“How are you?” “Fine. You?” (N. Hornby “High Fidelity”).

“You’re okay? Really okay?” “In the pink.” (S. King “Hearts in Atlantis”).

In the extracts, we observe formation of the meaning *the physical/emotional state of one of the communication participants*. Nevertheless, the idiomatically represented concept *in the pink* in the second example determines a greater stylistic nuance, depth, emotionality, while in the first example the meaning formed by the adjective *fine* is much more neutral.

The same we see in the following fragment, in which the metaphorical use of linguistic means contributes to the strengthening of the conveyed meaning:

*I suddenly hated Arthur, again. I was their **last pawn**, and to save what little face they had left, they wanted all the **blood they could squeeze** (J. Grisham “The Street Lawyer”).*

If in this case the metaphors are replaced by neutral means of expression, for instance, *they did not have any other chance except me* and *they wanted to use the possibility to full extent*, the meaning is not altered but the pragmatics of the discourse sounds completely different.

Comprehension of a meaning is as complicated as its formation. Interpretation, or a choice of meaning adequate to the context, can be described in terms of T. van Dijk’s theory of focalization. Applied to our object of research, focalization can be presented as special processing of meanings, when, perceiving the information, the recipient places the certain meaning in focus (that is stands it out from many others); the meaning thus gets a more privileged status in relation to other meanings which acquire peripheral nature [9]. In other words, focalization performs a function of selecting a meaning from a number of possible ones; it is conditioned by the ability to process information, by knowledge, by aiming at the result of the communicative act, by interests, etc. of communicants and by implementation in meanings of all represented objects. For example:

(1) *He recalled a letter that **had come** a week or so ago, full of puzzling possibilities (S. Hunter “The 47th Samurai”).*

(2) *He tried to give his wife pleasure in little ways, because he **had come** to realize, after nearly two decades together, how often he disappointed her in the big things. It was never intentional (J.K. Rowling “The Casual Vacancy”).*

(3) *It was a well-known syndrome — he **had come** across it before (M. Bond “Monsieur Pamplemousse Hits the Headlines”).*

In the given fragments, the contextual factor (*a letter, a week or so ago* in (1); *he, to realize* in (2); *syndrome, he, across, before* in (3)) focalizes (activates) different meanings of the verb *come*: the central meaning *to come, to arrive* in (1); *to succeed, to manage* — as emphasis of the principal verb *realize* in (2); *to face, to experience, to deal with* in (3).

Thus, meanings reflect the communicative orientation, impact expression of the integral sense and structuring discourse sense plane. Creation of the discourse space is regulated to a large extent by linguistics means, by the peculiarities of their syntactic structuring, by their ambiguity and the possibilities of variation and rethinking. It is the synergy of meanings, not their simple summing, that provides

the integrity, univocality of perception and comprehension of the sense, discourse and communicative act.

Since for us relevant is the study of contribution of semantic, logical and pragmatic components to the integral functional system of discourse sense formation, it seems appropriate to consider the specificity of the corresponding types of meanings.

Types of meanings and their peculiarities

Sense formation is a complex hierarchical process. As sense is a combination of meanings created by the speaker and interpreted by the listener, depending on their background knowledge and world perception, the importance of each meaning aspect in constructing the integral discursive sense is obvious.

Meaning is formed due to the interaction of components; they are embedded in the objective reality and consciousness of the speaker and listener and in the process of communication determine the selection of linguistic means. Therefore, meaning applies to the world, language, and cognition [10; 11]. Thus, meaning is a fragment of reality, isolated and processed by human consciousness and transformed into the semantic structure of a sentence/utterance/discourse. Transferring meaning from reality to language, some linguists consider it as a complex semantic unit expressed by a sentence, and talk about overlapping of meaning on the continuum of objective phenomena [8; 12; 13].

It is semantic meaning that reflects real (or imagined) situations, objects of real (or constructed) world, and the relationships between these objects in space and time. Typically, semantic meaning is considered context-free; on the other hand, it is determined not only by the meaning of lexical units and linguistic forms, but also by semantic-syntactic rules and logical relations between these units. In other words, semantic interpretation must also advert to logical and cognitive systems. This is confirmed by some researchers who assert that an intrinsic condition for a linguistic description is the presence of logical structures that are added by a generative component; and the meanings of linguistic signs occupy a place between logical representation and a transformational component [14].

Semantic meaning makes a multilevel structure consisting of presuppositions and explicit and implicit components. Presuppositions form the core for an explicit semantic component; their interaction, in turn, is the basis for the implicit semantic component.

In a statement abstracted from a specific communicative situation, various semantic structures and meanings can arise. The restrictive function, the function of selecting the meanings which are relevant and central for the certain statement from a number of possible ones, is performed by the context. Actualization of the semantic meaning in speech, which is under the influence of the context, leads to changes in the semantic structure, due to which the meaning becomes more complex and acquires new shades. This is also influenced by the logical-informational

structure of the statement, illocutionary force and perlocutionary effect. Semantic meaning is evidently a primary parameter fixed in deep representations and then modified according to the pragmatic context.

Semantic meaning analysis allows specifying the conditions for the statements validity through their components: meanings and the means the meanings are represented by; the ways of combining components are largely determined by the syntactic component [15]. This helps structure the discourse sense singling out the proper meanings from an infinite range of possible ones due to the conditions of the communication. Thus, under the influence of syntactic factor and logical compatibility, semantic meaning converts to semantic-syntactic one.

Semantic-syntactic meaning is a sustainable meaning of a linguistic unit, an autonomous nominative function of a word of context-free nature, meaning outside the communicative act. This is the concept volume of a lexical unit in the so-called “zero context”, which solely depends on the properties inherent in the nomination itself. Formation of semantic-syntactic meaning implies a linear development of the sense based on possible refinements. This process actualizes the semantics of linguistic units, builds up the syntactic interaction, and distributes the functional power.

Semantic-syntactic meaning is promoted by a variety of factors, among which the links between linguistic units are rather critical. Undoubtedly, all these parameters do not always act in the same way and unidirectionally in construction of different semantic meanings; a different combination of these factors also creates various relation between them.

- (1) *Where's your radio? You **used to** carry your radio all the time* (D. DeLillo “Underworld”).
- (2) *A gun was different; you grew **used to** it, and it became a tool* (S. Hunter “The 47th Samurai”).
- (3) *Although these styles have been described in terms of capital market theory, it should be pointed out that other procedures could be **used to** implement them* (W.F. Sharpe, J.W. Bailey, G.J. Alexander “Investments”).

In the given examples, the syntactic parameters — (1) *carry*; (2) *grew*; (3) *procedures, could be, implement* — activate different semantic meanings of the expression *used to*: (1) *a usual action or habit of doing something in the past*; (2) *to adapt to or hone something*; (3) *to be applied for some purpose*.

Conveying relations and links of the real (or imagined) world through semantic-syntactic structures is based on the logical content and cognitive processes of their reflection [3; 16]. The logical meaning is an objective category and is formed, on the one hand, by referring to the external world and, on the other, to the inner world of the speaker — his/her knowledge, thoughts, feelings and intentions. Thus, one could see transformation of the meanings: logic laws and pragmatic factors translate the semantic-syntactic meaning into the logical-semantic one.

- “So, who d’you reckon wrote that **stuff** about Dad?” he asked her recklessly.
She turned a face of fury upon him.
“I don’t know ... but whoever they are, it was a despicable, cowardly thing to do. Everyone’s got something they’d like to hide.”* (J.K. Rowling “The Casual Vacancy”).

In the fragment, pragmatic factors (*a face of fury; a despicable, cowardly thing; they'd like to hide*) build up a logical chain which contributes to comprehension of a negative character of what was written (*stuff*) about one of the participants in the situation (*Dad*) — something unexpected, unpleasant, offensive for him. This constructs the logical meaning of the fragment.

As a context-sensitive relation, logical-semantic meaning can be interpreted in each situation (context) through an unlimited number of factors: where, when, referring to what the statement is constructed; who utters this statement, what he/she thinks, feels, and so on. Thus, there could be distinguished three core aspects of comprehension of this type of meaning: the choice of the linguistic means for utterance construction, the communicative situation of using the utterance, and the implicitly assumed by the speaker links that characterize the objects with which he/she relates the applied linguistic means.

Logical-semantic meaning is a kind of mechanism for extracting meaning from linguistic expressions. Words perform certain functions in a situation described in discourse, forming the main, stable, meaning and secondary meaning and structuring fields of meanings, which, in turn, create a wider field — area of pragmatics. Logical-semantic meaning is determined by the semantics of lexical units, the relations between the units, the grammatical structures, and the interpretation of these units and structures. It is a resource that communicants use to shape and interpret the discourse sense.

Logical-semantic meaning can be compared with nominations related to the global, and even ideal, designation of a situation, fact, event, etc. Being an internal form, mental content, in a specific discourse it acquires additional pragmatic components of a cognitive, emotional, subjective nature; this allows enriching the meaning with new shades or even convert it to a new one. This will ultimately be decisive in understanding the entire discursive space.

Interpretation of the entire sense of statements requires evolving of the logical-semantic meaning under the influence of contextual and extralinguistic factors into the pragmatic one, which is the meaning beyond the meaning of words. Pragmatics plays an important role in discourse. It refers to strategies (the use of general knowledge, assumptions about communicative intention, etc.), with the help of which communicants associate the lexical/grammatical meaning of statements with their communicative value in the context. Pragmatic meaning, as a rule, reflects the communicative functions that are related to the interpersonal exchange of information expressed by certain grammatical and lexical means of a certain language.

*The director of the CIA ... showed the President of the United States pictures of **dead ducks** and sick children, apparently from Salisbury, to persuade him to take extreme action* (R. Slane “NYT claims Haspel’s CIA showed Trump (fake) pictures of dead ducks, sick kids to get firm response to Skripal poisoning”).

*Anything that means spending money around here is **a dead duck** before it starts* (A. Hailey “The final Diagnosis”).

One of the components forming the sense of the two abstracts is the expression *dead duck*. However, we observe the significant role of the pragmatic factor here. In the first example, the literal meaning of the expression is actualized — *birds that died*, while in the second extract the pragmatic connotation is obvious — *something that is very unlikely to be successful, doomed to failure*, since the combination in this case is a phraseologically represented concept.

If syntactically and semantically a message can be referred to as a set of signs representing objects, situations, events of the real (or imagined) world, the pragmatic aspect of meaning depends on the addressee: this is the so-called “addressee factor”. Pragmatic meaning is determined by the worldview and life and linguistic experience of the author of the discourse and the recipient, their cultural background and social status, their emotional state at the moment of communication and the circumstances of the communicative situation [17–19]. These and other factors affect the ability of communicants to convey and interpret correctly the pragmatic meaning and attain the interaction goal.

To understand the differences between the semantic and pragmatic aspects of meaning, we can again turn to T. van Dijk’s focalization theory. The scientist considers a pragmatic focus as an act of choice, the criterion of which is the success and effectiveness of communication and interaction [9. P. 319]. It determines the operation of selection, or focalization, when the most adequate for communication meanings is singled out. A semantic focus, on the other hand, is context-free and is defined in terms of relations existing between facts or objects, which is on a purely ontological level of semantics [9. P. 319]. This suggests that meaning as a component of sense is less important in comparison with the integral sense, for the sense has broader consequences than its components separately. Transformation of semantic meaning into pragmatic one is a process of change (alternation) of focus (T. van Dijk’s term).

Another distinguishing factor between semantic and pragmatic focuses is that the former one represents perceiving of facts, objects, situations, etc. of the real (or constructed) world, while the latter is defined in terms of communication and communicants. Thus, semantic focus reflects the sequence of ideas, facts, events, etc. (given by the possible world) in the context/discourse, and pragmatic focus expresses the sequence of speech acts within a communicative situation. In the process of forming and transforming meanings, pragmatic focus may shift. This can happen due to a possible change in meanings creation because of alterations in the goals and intentions of the speaker, in the conditions and circumstances of the communicative situation. Therefore, those objects/ideas/facts/events are precisely pragmatically focused that correspond both to the context of the communicative situation and to a specific speech act at the certain time.

Pragmatic (context-sensitive) meaning promotes the sense of an utterance/text/discourse based on semantic components revealing their meanings

in immediate text environment. Nevertheless, the formation of successful, accomplished meanings depends not only on linguistic information but also on extralinguistic factors.

The foregoing allows conclude that pragmatic meaning is formed on the basis of semantic one, and since semantic meaning is connected with syntactic one, thus pragmatic meaning is also based on syntax. This can be presented as follows: first, semantics (context-free meaning) is complicated with syntax (form), then pragmatics (context-sensitive meaning) is incremented; in result, we see the formation of a synergetic hierarchical sense system: *context-free meaning* > *form* > *context-sensitive meaning*. Structuring of discourse sense space can be carried out in the directions *syntax* → *semantics* → *pragmatics*, *pragmatics* → *semantics* and *semantics* → *syntax* and even sometimes *pragmatics* → *syntax*.

The study reveals distinct transition from semantics to logic and further to pragmatics. This interaction reflects some kind of correlation between the processes. Semantic meaning, syntactic compatibility and logical form are linguistic coding; together they represent the semantics of a sign. Pragmatic meaning decodes logical-semantic meaning via the discourse sense plane. We see that sense is a multilayered construction; depending on context and experience of communicants, it can increment additional meanings in different ways. This once again confirms the openness and nonlinearity of discourse as a dynamic system — the core features of discourse emphasized by many linguists [1; 2; 20].

Conclusions

The presented analysis shows that communicative interaction is conditioned by different levels of meaning formation. The basic, semantic, level is a level of linguistic means which, entering into syntactic relations, make up a text. Semantics focuses on meanings and truth conditions with minimal regard to context and communication. The next level is logical. Logic explains the origin of organic correlation of thoughts and concepts. Principles of creating chains of meanings are determined by cognitive properties. The final level is a level of pragmatics, at which decoding of the meaning of utterances and discourse in general takes place. Pragmatics aims not so much at meanings as at senses creation, perspectives, and at interpretation. It takes into account contextual sociocultural interaction of communicants. Thus, pragmatic analysis focuses on discourse sense space rather than on the meaning of words or sentences. Close interweaving, interaction and interdependence of all levels can lead to certain difficulties in interpreting the communicative picture of linguistic behavior in specific situations. This also complicates a clear distinction between meaning types, since they are all in a complex correlation and are determined by the intention, communicative and pragmatic needs of communicants.

References / Библиографический список

1. Chesnokova, O.S., Khranchenko, D.S., & Kupriyanova, M.E. (2020). Professional discourse: Functional-linguistic perspective (Based on academic discourse). In: Malyuga E. (Ed.) *Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics* (pp. 21–57). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-32-9103-4_2 EDN: VOSSSG
2. Cherkunova, M., Ponomarenko, E., & Kharkovskaya, A. (2023). Dynamic and systems features of fiction abstracts discourse from the functional linguosynergetics perspective. In: D. Bylieva & A. Nordmann (Eds.) *Technologies in a Multilingual Environment. PCSF 2022. Lecture Notes in Networks and Systems* (pp. 90–103). Springer, Cham (Switzerland). https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3_10 EDN: PYOHPD
3. Myaksheva, O.V. (2023). Linguistic Analysis of a literary text as the key to its comprehension: Cognitive and discursive aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 704–718. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718> EDN: RIUGZG
Мякишева О.В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 704–718. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718> EDN: RIUGZG
4. Pradhan, R.Ch. (2019). *Mind, meaning and world: A transcendental perspective*. Springer.
5. Kozlovskaya, E., Kobylko, J., & Medvedev, Y. (2019). Sense-forming function of context in publicistic texts. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 165–184 <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184>. EDN: YZCRVB
6. Böttger, H., & Költzsch, D. (2021). Walk'n'Talk: Effects of a communicative strategy. *Training, Language and Culture*, 5(4), 9–21. <https://doi.org/10.1515/cilt-2022-0082> EDN: NIMBRT
7. Burton-Roberts, N. (2013). Meaning, semantics and semiotics. In: A. Capone, F.L. Piparo, & M. Carapezza (Eds.) *Perspectives on Linguistic Pragmatics. Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology* (pp. 1–22). Springer: Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-01014-4_1
8. Kirov, E.F. (2019). The meaning of the word in the model of understanding. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 761–774. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774>. EDN: ZQGPMN
Киров Е.Ф. Значение слова в модели понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 761–774. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774> EDN: ZQGPMN
9. Dijk, T.A. van. (1978). Issues of text pragmatics. In: *Novoe v Zarubezhnoi Lingvistike* (Vol. 8. pp. 259–336). Moscow. (In Russ.).
Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста [Перевод с англ. Т.Д. Корельской] // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 259–336.
10. Alefirenko, N.F. (2013). Sense as linguistic philosophic phenomenon. *Tomsk State University Journal of Philology*, (1), 5–14. (In Russ.). EDN: TCTBZD
Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1(21). С. 5–14. EDN: TCTBZD
11. Gak, V.G. (2009). *Language transformations: some aspects of linguistic science at the end of the 20th century: from situation to statement*. Moscow: URSS. (In Russ.).
Гак В.Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века: от ситуации к высказыванию. М. : URSS, 2009.
12. Chomsky, N. (2000). Language and interpretation. In: N. Chomsky & N.V. Smith (Eds.), *New Horizons in the Study of Language and Mind* (pp. 46–74). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Potebnya, A.A. (2007). *Thought and language*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
Потебня А.А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 2007.
14. Deleuze, G. (2011). *The logic of meaning*, Y.I. Svirsky. (Trans.). Moscow: Akademicheskii Proekt: (In Russ.). EDN: QXABFT
Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М. : Академический Проект, 2011. EDN: QXABFT

15. Maienborn, C., Heusinger, K. von, & Portner, P.H. (2011). Meaning in linguistics. In: C. Maienborn, K. von Heusinger & P.H. Portner (Eds.) *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Volume 1. Handbooks of Linguistics and Communication Science* (pp. 1–10). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110226614.1>
16. Kamp, H., & Reyle, U. (1993). *From discourse to logic: an introduction to modeltheoretic semantics, formal logic and discourse representation theory*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
17. Alba-Juez, L., & Larina, T. (2018). Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 9–37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37> EDN: YVIKJS
18. Amaral, P. (2018). Expressive meaning. In: F. Liedtke & A. Tuchen (Eds.) *Handbuch Pragmatik* (pp. 325–333). Stuttgart: J.B. Metzler. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_32
19. Shakhovskiy, V.I. (2018). Cognitive matrix of emotional and communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 54–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79> EDN: YVIKKK
Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 1. С. 54–79.
20. Ponomarenko, E.V., Magirovskaya, O.V., & Orlova, S.N. (2020). Introduction: Professional discourse in the focus of functional linguistics. In: E. Malyuga (Ed.) *Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics* (pp. 1–20). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-32-9103-4_1

Information about the author:

Victoria L. Malakhova, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the English Language Department № 5, MGIMO University (76B Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: functional linguosynergetics, theory of discourse and intercultural communication, discourse analysis, functional relations, pragmatics and semantics; *e-mail*: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0261-5493, ResearchID: E-6261-2016; Scopus Author ID: 57221927976, SPIN-code: 3106-6946, AuthorID: 549734.

Сведения об авторе:

Малахова Виктория Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 5, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76В); *научные интересы*: функциональная лингвосинергетика, теория дискурса и межкультурной коммуникации, дискурс-анализ, функциональные отношения, семантика и прагматика; *e-mail*: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-0261-5493, ResearchID: E-6261-2016; Scopus Author ID: 57221927976, SPIN-код: 3106-6946, AuthorID: 549734.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-514-527

EDN: DUWXFL

УДК 811.161.1:811.612.91:811.113.4:811.511.111:124.5

Научная статья / Research article

Ценность как базовый концепт кросс-культурных исследований

А.Г. Ратникова , В.В. Богуславская Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская
Федерация porijoki@nextmail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в определении характеристик концепта «ценность» как ключевого в кросс-культурных научных исследованиях. Указанная цель достигается авторами в два этапа. На первом этапе представлен сравнительный анализ данных словарей национальных языков — русского, вьетнамского, датского и финского. Задача анализа — поиск и осмысление основных компонентов концепта «ценность», с которых начинается формирование языковой концептуализации русского слова «ценность», вьетнамского “giá trị”, датского “værdi” и финского “arvo”. На втором этапе анализируются речевые высказывания. Материалом послужили речевые высказывания носителей сопоставляемых лингвокультур, взятые с сайтов сети Интернет, на которых публикуются интернет-отзывы и/или комментарии. Основным методом на этом этапе был выбран интерпретационный анализ, предполагающий поиск, восприятие, осмысление и описание лингвокультурологических фактов с позиций задач исследования. Новизна и актуальность представляемого исследования связана с особенностью подхода к объекту рассмотрения: кросс-культурные исследования ценностей являются распространенным и устоявшимся способом познания для таких научных дисциплин, как в первую очередь лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лингвоаксиология, в нашем же случае кросс-культурный анализ направлен на осмысление самого концепта «ценность», на поиск тех характеристик данного концепта, которые объясняют его ключевую роль в задаче изучения триединства языка, культуры и сознания. Авторы приходят к выводу о существовании особых параметров, характеризующих концепт «ценность»: 1) это над-концепт, который включает в образную составляющую все концепты; 2) это антиномичный концепт; 3) он обладает над-ценностным планом выражения, реализуемым через понятие бесценного. Кроме того, в исследовании было обнаружено наличие в содержании концепта «ценность» триединства категорий «не ценно» — «ценно» — «бесценно», которое подразумевает строгую иерархичность структуры, восходящую по вертикали от материального «нет стоимости/цены» к идеальному «то, что нельзя оценить/оценивать».

Ключевые слова: русский язык, вьетнамский язык, датский язык, финский язык, языковое сознание

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Ратникова А.Г., Богуславская В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: Ратникова А.Г., Богуславская В.В.. Ценность как базовый концепт кросс-культурных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 514–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-514-527>

Value as a Basic Concept of Cross-Cultural Researches

Albertina G. Ratnikova , Vera V. Boguslavskaya

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

 porijoki@nextmail.ru

Abstract. The goal of the study is to determine the characteristics of the concept “value” as a key concept in cross-cultural scientific research. This goal is achieved by the authors in two stages. At the first stage, a comparative analysis of data from dictionaries of national languages — Russian, Vietnamese, Danish and Finnish — is presented. The task of the analysis is to search for and understand the main components of the concept “value”, with which the formation of the linguistic conceptualization of the Russian word “value”, Vietnamese “giá trị”, Danish “værdi” and Finnish “arvo” begins. At the second stage, speech utterances are analyzed. The material was speech utterances of native speakers of the compared linguacultures. The material was taken from Internet sites where online reviews and / or comments are published. The main method at this stage was interpretive analysis, which involves searching, perceiving, understanding and describing linguacultural facts from the standpoint of the research objectives. The novelty and relevance of the research presented in this article is connected with the peculiarity of the approach to the object of consideration: cross-cultural studies of values are a widespread and established method of cognition for such scientific disciplines as, first of all, linguacultural studies, intercultural communication, linguaxiology, but the goal of the presented cross-cultural study is to understand the concept of “value” itself, to find those characteristics of this concept that explain its key role in the task of studying the trinity of language, culture and consciousness. The authors come to the conclusion about the existence of special parameters in the description of the concept “value”: 1) it is a super-concept, which includes all concepts in its image component; 2) it is an antinomic concept; 3) it has a super-value plan of expression, realized through the concept of the priceless. Moreover, the study found the presence in the content of the concept “value” of the trinity in the categories “not valuable” — “valuable” — “priceless”, which implies a strict hierarchy of the structure, ascending vertically from the material “no value/price” to the ideal “that which cannot be assessed/evaluated”.

Keywords: Russian language, Vietnamese language, Danish language, Finnish language, linguistic consciousness

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Ratnikova, A.G., & Boguslavskaya, V.V. (2025). Value as a Basic Concept of Cross-Cultural Researches. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 514–527. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-514-527>

Введение

Когда речь заходит о кросс-культурных (межкультурных) лингвистических исследованиях, возникают первостепенные вопросы, связанные с сопоставлением ценностного содержания картин мира изучаемых лингвокультур. Ценностная картина мира неотделима от языковой, именно она определяет и структурирует языковое сознание как отдельной личности — представителя той или иной культуры и нации в целом. Ценностная картина мира представляет собой «сформированную когнитивным сознанием народа упорядоченную совокупность знаний о ценностной значимости для этноса различных объектов и явлений действительности, так же как совокупность стереотипных представлений о явлениях внешнего мира, получивших наиболее позитивную оценку представителей общества» [1. С. 8]. Данное определение ценностной картины мира выявляет ее важные характеризующие черты, но требует, на наш взгляд, некоторых уточнений. Так, говоря об «упорядоченной совокупности» знаний, автор затрагивает вопрос структуры ценностной картины мира. На наш взгляд, можно определять ценностную картину мира как иерархическую структуру, то есть упорядоченность в данном случае — это иерархия. Второй момент касается указания в определении, приведенном выше, на наличие в содержании ценностной картины мира представлений с «наиболее позитивной оценкой». А позитивная оценка предполагает наличие и негативной, равно как и нейтральной оценки.

Об объединении в понятии ценности таких категорий, как собственно ценность (объект познания) и оценка (способ и результат познания), пишет, например, В.А. Маслова: «Понятие ценности отражает и сам факт возникновения ценностного отношения между предметом и потребностью в нем человека, и качество этого отношения, которое и фиксируется в языковом сознании в виде суждения об этом качестве — оценки» [2. С. 24].

Изучение понятия «ценность», ключевого в аксиологической лингвистике, тесно связано как с изучением языкового сознания, так и языка как сложного системно-структурного образования, в том числе на уровне лексики [3. С. 102], и предполагает решение следующих задач: 1) определение понятия «ценность», 2) установление характеристик лингвокультурного подхода к изучению ценностей, 3) построение классификации ценностей, 4) выявление способов фиксации ценностей в языковом сознании и коммуникативной практике [4. С. 6; 5].

В настоящем кросс-культурном лингвистическом исследовании представлено сопоставление русской, вьетнамской, датской и финской лингвокультур. Этот выбор неслучаен и обусловлен несхожестью этих лингвокультур как относящихся к различным культурным типам (о классификации культур см., например: [6–9]). Так, согласно идее Ю.А. Сорокина, вьетнамская лингвокультура может быть отнесена к ориентальному типу, противопоставленному

европейскому, средиземноморскому [7]; датская лингвокультура, равно как и финская, являются представителями западного, скандинавского типа, типа «я-культуры» [10]. В свою очередь русская культура, культура России синтезировала в себе черты восточного и западного типов. Кроме того, определяющую роль играет и разница в правилах и особенностях типа мышления, а также когнитивных привычек, характерных для разных народов [11], разница в ценностных картинах мира.

По мнению финского ученого Клауса Хелкама, именно ценности являются частью самовосприятия народа [12]. Национальная культура является определенной системой ценностей: духовных, материальных, социальных и т.д. Культура — это «система представлений о мире, ценностях, нормах и правилах поведения, общих для людей, связанных определенным образом жизни, и служащих упорядочению опыта и социальному регулированию в рамках всего общества или социальной группы» [13. С. 116]. Одним из методов познания, исследования культуры как системы ценностей через призму языкового сознания является анализ лингвокультурных концептов. Ю.С. Степанов так определяет концепт: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека» [14. С. 42].

Триединство языка, культуры и сознания объединяется понятием «ценность», которое одновременно является смыслоформирующим концептом, задающим ориентир становлению и развитию культуры, определяющим языковой план выражения смыслов и наполняющим этими смыслами сознание в определенной иерархии.

В Большом толковом словаре по культурологии [15] понятие «ценность» определяется через понятие «значимость» как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений», и в то же время это «критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях». Ввиду того, что под «ценностью» в равной степени понимается как «положительная», так и «отрицательная» значимость объектов окружающего мира, можно говорить о сосуществовании ценностей и антиценностей, а также сделать вывод об антиномичном характере данного понятия.

Для предпринятого нами исследования существенна мысль, высказанная В.А. Масловой по отношению к феномену странничества: «...разнопорядковые сущности ценность, концепт, образ могут быть приложимы к одному и тому же объекту... т.е. они описывают единую сущность, но рассматриваемую с позиций разных наук (ценность — в аксиологии, концепт — в лингвоконцептологии, а образ — в поэтике). Единая сущность, попадая в русло разных наук, обретает дополнительные смыслы, а сами термины, включенные

в разные терминологические системы и имеющие разную значимость, становятся взаимозаменяемыми, по сути, становятся единым феноменом» [2. С. 29].

В задачи проводимого нами исследования входит рассмотрение феномена ценности как системы образов сознания. Сама по себе оболочка, слово, обозначаемое как «ценность» в русском языке, “*giá trı̄*” — во вьетнамском, “*værdi*” — в датском и “*arvo*” — в финском, занимает определенное место в потоке лингвокультурного сознания, указывая на существующую иерархию понятий, идей, образов и т.д. По мнению Е.В. Федяевой: «Реконструкция образов сознания как единиц опыта, связанных с представлением о различных аспектах бытия, на основе языковых данных способствует проникновению в так называемый ‘ненаблюдаемый мир ментального’, способствуя осознанию тесных взаимных связей между значением языкового знака и всей системой знаний человека о мире» [16. С. 77].

Новизна и актуальность исследования связана с особенностью подхода к объекту рассмотрения: кросс-культурные исследования ценностей являются распространенным и устоявшимся способом познания для таких научных дисциплин, как в первую очередь лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лингвоаксиология, в нашем же случае кросс-культурный анализ направлен на осмысление не тех или иных концептов-ценностей, например, ценность «труд», ценность «семья», ценность «смелость» и другие, но на осмысление самого концепта «ценность», на поиск тех характеристик данного концепта, которые объясняют его ключевую роль в задаче изучения триединства языка, культуры и сознания.

Методы и материалы

Исследование включает два этапа. На первом, предварительном этапе осуществляется анализ дефиниций. Для лингвокультурологического осмысления понятия «ценность» существенна информация, зафиксированная в толковых словарях национальных языков. Цель сопоставительного анализа дефиниций заключается не столько в обнаружении сходств и различий в семантическом содержании понятия «ценность», характерных для сопоставляемых лингвокультурных общностей, в данном случае — русской, вьетнамской, датской и финской, но в поиске и осмыслении основных компонентов этого понятия, с которых начинается формирование языковой концептуализации тех смыслов, которые заключены в русском слове «ценность», вьетнамском “*giá trı̄*”, датском “*værdi*” и финском “*arvo*”. Посредством анализа дефиниций выявляются основные компоненты понятия «ценность», существующего в усредненном национальном сознании представителей сопоставляемых лингвокультур. Словарное описание лексической единицы дает общее знание об объекте действительности, позволяет выявить его актуальные черты и обеспечить его наиболее целостное осмысление, поэтому информация,

данная в толковых словарях, может быть интерпретирована как эталонная для первичного понимания когнитивного содержания языкового знака [17. С. 169].

Для проведения сопоставительного анализа были использованы данные следующих словарей: «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова¹, «Вьетнамский словарь»², «Датский словарь. Современный датский язык»³, «Словарь финского языка»⁴.

На втором, основном этапе анализируются речевые высказывания. Материалом исследования послужили речевые высказывания носителей сопоставляемых лингвокультур, взятые с сайтов сети Интернет, на которых публикуются интернет-отзывы и/или комментарии. Отзыв — это ценностное высказывание, в котором отражена авторская оценка описываемого им предмета, места, события и т.д. Комментарий также является ценностно-ориентированным высказыванием, так как написание комментария, равно как и отзыва, предполагает наличие эмоционального отклика автора на оцениваемый/комментируемый стимул (публикация, событие, место посещения и т.д.)⁵.

Основным методом на этом этапе является интерпретационный анализ (см.: [18; 19]), предполагающий поиск, восприятие, осмысление и описание лингвокультурологических фактов с позиций задач исследования и в соответствии с аксиологическим подходом к исследованию языкового сознания.

По нашему мнению, именно аксиологический подход к исследованию языкового сознания, заключающийся в анализе материала исследования как части ценностной языковой картины мира, позволяет в полной мере обеспечить понимание существующих различий в смыслонаполнении языковых знаков (внешняя сторона вопроса) и мировосприятию в целом (внутренняя сторона вопроса) разных лингвокультурных общностей.

¹ Кузнецов С.А. Новый большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.

² Từ điển Tiếng Việt. Режим доступа: <https://vtudien.com/viet-viet> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Den danske ordbog. Modern dansk sprog. Режим доступа: <http://www.ordnet.dk/dd> (дата обращения: 12.01.2025).

⁴ Suomen kielen sanakirja. Режим доступа: <https://www.suomisanakirja.fi> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Речевые высказывания были взяты со следующих сайтов: <https://vnexpress.net/> (VnExpress) — сайт популярной во Вьетнаме электронной газеты, на котором публикуются отзывы и мнения читателей; <https://www.tripadvisor.ru/>; <https://www.tripadvisor.dk/> (Tripadvisor) — крупнейшая в мире платформа, на которой публикуются отзывы о путешествиях, доступная в 49 регионах мира на 28 языках, включая русский, вьетнамский, датский и финский языки; <https://dk.trustpilot.com/>; <https://fi.trustpilot.com/> (Trustpilot) — онлайн-платформа, на которой размещены отзывы на услуги в различных сферах, например, туризма, купли/продажи, медицины и т.д.; <https://otzyv.ru/> (ОТЗЫВ.RU) — русскоязычный интернет-ресурс, на котором размещены отзывы по двум тематическим категориям: туризм и кино.

Обсуждение

Первый этап исследования

В «Большом толковом словаре русского языка» за словом «ценность» закреплено пять значений:

1. **Соотношение по курсу (о деньгах, ценных бумагах); достоинство.** Например: ценность рубля по отношению к доллару.
2. **Стоимость пересылаемых товаров, вещей.**
3. (с пометкой «только множественное число») **То, что имеет известную стоимость, цену в процессе человеческой деятельности (земля, постройки, техническое оснащение и т.п.); блага.** Например: материальные, производственные ценности.
4. (с пометкой «только множественное число») **Предметы и явления культуры, морали, нравственности и т.п.** Например: художественные ценности; духовные ценности; исторические ценности.
5. **Важность, значимость чего (о ценном для кого-л. предмете).** Например: ценность дружбы, любви, участия; ценность искусства, музыки; ценность хорошего климата для здоровья.

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных⁶ наиболее близким к слову «ценность» является слово «цена» — 1) «покупная (продажная) **стоимость** товара в денежных единицах»; 2) перен. «**важность, значимость** чего-л.». Переносное значение слова «цена» со временем стало одним из прямых для слова «ценность».

Вьетнамское слово “*giá trị*” имеет следующие значения.

1. **Cái mà người ta dùng làm cơ sở để xét xem một vật có lợi ích** tới mức nào đối với con người (То, что используется в качестве **основы для оценки того, насколько что-либо полезно** для человека). Например: *giá trị của một tác phẩm văn học* (ценность литературного произведения);
2. **Cái mà người ta dựa vào để xét xem một người** đáng quý đến mức nào về mặt đạo đức, trí tuệ, nghề nghiệp, tài năng (То, на что опираются люди, **оценивая человека** с точки зрения нравственности, интеллекта, карьеры и таланта). Например: *giá trị của người lao động là năng suất lao động* (ценность работника — это производительность труда);
3. **Những quan niệm và thực tại về cái đẹp, sự thật, điều thiện của một xã hội** (общественные концепции и реалии **красоты, истины и добра**). Например: *ta vẫn duy trì những giá trị đạo đức của con người qua các thời đại* (мы по-прежнему сохраняем моральные ценности людей на протяжении веков);
4. **Tính chất qui ra được thành tiền của một vật** trong quan hệ mua bán, đổi chác (свойство объекта, конвертируемого **в деньги** в отношениях

⁶ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 2: А Панцирь – Ящур.

купли-продажи и бартера). Например: *cái xe đã dùng hai năm, chỉ còn bảy chục phần trăm giá trị ban đầu* (автомобиль использовался в течение двух лет и имеет только семьдесят процентов своей первоначальной стоимости);

5. *Độ lớn của một đại lượng, một lượng biến thiên* (величина, значение). Например: *giá trị dương; giá trị âm* (положительное значение; отрицательное значение).

В Словаре современного датского языка — «Den danske ordbog. Modern dansk sprog» — зафиксированы следующие значения слова “værdi”.

1. Det som noget **beløber sig til i penge** eller et andet betalingsmiddel (то, что **выражается в деньгах** или другом средстве платежа). Например: *samlet værdi* (общая стоимость); *pålydende/nominel værdi* (номинальная стоимость); 1.a *genstand eller materielt gode der vurderes højt, som regel fordi det kan indbringe mange penge ved salg* (предмет или материальный товар, который **высоко ценится**, обычно потому, что при продаже он может принести **много денег**);
2. **Grad af betydning, vigtighed**, nytte eller virkning som tillægges noget eller nogen (**степень значимости, важности**, полезности или эффекта, приписываемого чему-то или кому-то). Например: *kunstnerisk værdi* (художественная ценность); 2.a *kvalitet eller ideal som vurderes højt* (качество или идеал, который высоко ценится), например: *åndelige værdier* (духовные ценности).

Словарь финского языка “Suomen kielen sanakirja” дает следующее определение слову “arvo”: *asioiden, esineiden tai ihmisten merkitys tai tärkeyste* (**значение или степень важности** вещей, предметов или людей). Например: *Kulttuurinen arvo ei aina ole rahassa mitattavissa* (Культурная ценность не всегда измеряется деньгами).

Сопоставление позволяет сделать следующие выводы. Практически все приведенные данные словарей национальных языков, за исключением финского, напрямую указывают на наличие в понятии «ценность» таких концептуальных признаков, как «стоимость», «цена товара», «деньги», то есть речь идет о соотношении с материальным, предметным. Это первые три значения в словаре русского языка, четвертое — во Вьетнамском словаре, первое — в словаре датского языка. В словаре финского языка представлено наиболее обобщенное определение: «ценность» как значение и степень важности чего-либо. Тем не менее, слово “arvo”, а также производные от него, например, *arvoinen*, *arvokas* используются в финском языке как обозначение стоимости, цены.

Концептуализация понятия происходит от материального к идеальному: четвертое и пятое значения в Словаре русского языка, второе и третье значения — во Вьетнамском словаре, второе — в Словаре датского языка, определение, данное в Словаре финского языка: ценность представлена как значимость/важность.

Второй этап исследования

Для того, чтобы достичь цели представляемого исследования — определения характеристик концепта «ценность» как ключевого в кросс-культурном анализе — была поставлена задача поиска образов сознания, реализующих данный концепт в смыслах, вкладываемых в тот или иной контекст его языкового и речевого воплощения. Такие образы сознания, на наш взгляд, могут быть обнаружены в ценностных речевых высказываниях.

На первом этапе исследования, благодаря сопоставлению данных толковых словарей, было выяснено, что во всех лингвокультурах в понятии ценности содержатся такие смысловые компоненты, как «стоимость» (материальное, предметное значение) и «значимость/важность» (идеальное, абстрактное значение). Эти смысловые компоненты можно обозначить как материальный образ (овеществленный) и идеальный образ (реализуемый в абстрактных категориях).

Сравним два финских речевых высказывания:

(1) *Tietenkin isolle perheelle iso investointi, mutta koen, että se oli jokaisen sentin arvoinen* (Конечно, это крупная инвестиция для большой семьи, но я считаю, что она **стоила каждого цента**). (*Paras matka ikinä!*; 07.08.2024; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>)

(2) *Mutta jos ajattelee vain yhden hengen kustannuksia, niin minusta tämä kokemus on erittäin maltillisen hintainen*. (Но если рассматривать только **стоимость** на человека, то я думаю, что эта поездка **стоит** очень разумно). (*Paras matka ikinä!*; 07.08.2024; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>)

В первом примере используется прилагательное *arvoinen*, образованное от *arvo*. В высказывании употребляется устойчивое словосочетание. Оценивается вся состоявшаяся поездка, все событие в целом, но несмотря на то, что оценка осуществляется в денежных категориях (слова *инвестиция*, *центы*), материальный образ размывается, уступая общему впечатлению от успешно реализованного дела. Во втором примере, продолжающем первое высказывание, автор использует другие слова для более конкретного объяснения именно денежного аспекта положительной оценки события.

Еще один похожий пример:

(3) *...reissu oli todellakin joka euron arvoinen* (...поездка действительно **стоила** каждого потраченного евро) (*Seikkailu, jolle lähtisimme uudestaan!*; 09.03.2024; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>). В данном случае также оценивается поездка вообще, дается общая оценка поездке по соотношению «цена/качество».

Сравним также:

(4) *Kokonaisuus on 5 tähden arvoinen — laadun ja asenteen suhteen ei ole huomauttamista ja suosittelen Aasiamatkoja mielelläni muille*. (В целом все **заслуживает** 5 звезд — никаких нареканий по качеству и отношению нет, и я бы с удовольствием порекомендовал Aasiamatkoja другим). (*Vietnam 4.-15.2019, Saigon ja Phan Thiet*; 26.04.2019; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>). И в данном примере можно увидеть именно общую оценку.

В датском языковом материале было обнаружено такое высказывание:

(5) *En fantastisk rejse med Stjernegaard. Veltilrettelagt — høj kvalitet — værdi for alle pengene.* Фантастическое путешествие со Стьернегором. Продуманный дизайн — высокое качество — **выгодное соотношение цены и качества** (= стоит каждой копейки) (*En fantastisk rejse med Stjernegaard; 01.11.2024; <https://dk.trustpilot.com/review/www.stjernegaard-rejser.dk>*). Это устойчивое словосочетание по смыслу идентично рассмотренному ранее финноязычному примеру. Также обращает на себя внимание общий характер оценки, данной в высказывании.

В рассмотренных примерах понятие ценности реализовывалось как категория общей оценки (стоящего/нестоящего; достойного/недостойного).

Пример негативной оценки:

(6) *Tälläkin viikolla toiminta oli valitettavan ala-arvoista matkatoimistolta.* (На этой неделе работа туристического агентства также оказалась, к сожалению, **неудовлетворительной**). (*Afrikkasafari ei kannu vastuuta koronaviruksen aikana!; 22.03.2024; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>*). Работа оценивается буквально как *нестоящая, недостойная*.

В следующих примерах понятие ценности реализуется через определенные образы материального мира.

(7) *Начиталась отзывов, что почти во всех отелях из номеров воруют ценности, даже вскрывают сейфы...* (*КРАЖА ценностей В ОТЕЛЯХ; 04.07.08; <https://flour.otzyv.ru/tema/65106/>*) В данном высказывании под ценностями подразумеваются предметы материального мира, имеющие определенную, обычно высокую, денежную стоимость.

(8) *...«увели» далеко не ценность, а маленькую, копеечную, цветную пилочку для ногтей с тумбочки на «память» забрали* (*КРАЖА ценностей В ОТЕЛЯХ; 15.07.08; <https://flour.otzyv.ru/tema/65106/>*) Понятие ценность выражается через антинормию «неценность» и реализуется в образе материального мира через описание конкретного предмета (маленькая, копеечная, цветная пилочка для ногтей).

(9) *Costa Rica on todella upea matkakohde luontoa arvostaville!* Коста-Рика — поистине замечательное место отдыха для тех, кто **ценит** природу! (*Unohtumaton matka kauniiseen Costa Ricaan; 10.01.2024; <https://fi.trustpilot.com/review/tourcompass.fi>*) В данном высказывании выведены объект (природа) и субъект оценивания (тот, кто ценит природу). Декларируется ценность природы (природа как то, что можно ценить).

(10) *...я уже понимала, что на самом деле есть Италия, понимала ее ценность во всех смыслах, и мечта посетить страну своей детской мечты лежала на отведенной ей полочке и ждала...* (*Греко-Римский вояж. Часть 1. Вечные ценности Вечногорода. Рим, Тиволи, Ватикан; 19.09.2015; <https://otzyv.ru/review/183263/>*) Декларируется ценность страны с богатой историей и культурой.

(11) *Jeres feedback vedrørende ønsket om mere tid i Halongbugten og på landet er meget værdifuld for os.* Ваши отзывы о желании провести больше времени в бухте Халонг и сельской местности очень **ценны** для нас. (*Besvarelse fra Stjernegaard Rejser; 15.04.2024; <https://dk.trustpilot.com/review/www.stjernegaard-rejser.dk>*). Декларируется ценность отзывов.

(12) *Louvre là nơi lưu giữ những tác phẩm nghệ thuật có giá trị lớn.* Лувр является местом хранения **ценных** произведений искусства. (*Bảo tàng Louvre (Музей Лувр); 28.01.2018; https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g187147-d188757-Reviews-Louvre_Museum-Paris_Ile_de_France.html*) Декларируется ценность произведений искусства.

(13) *Chắc mấy ông này không biết lọ keo họ dùng, phân hoá chất lấy từ dầu ra, bản thân họ vẫn dùng mà lại kêu gọi không dùng, còn đi phá hoại những tác phẩm vô giá của nhân loại.* Неужели эти ребята не знают, что клей, который они используют, химикаты извлекаются из нефти, сами они все равно используют его, но призывают не использовать его и даже идут на уничтожение **бесценных** творений человечества. (*Nhà hoạt động đổ keo vào bức tranh vô giá; 28.10.2022.; <https://vnexpress.net/nha-hoat-dong-do-keo-vao-buc-tranh-vo-gia-4529284.html>*). В данном примере речь также идет о произведениях искусства, но употреблено иное выражение понятия ценности — бесценное, то, что не имеет цены, то, что не может быть оценено, то, что невозможно измерять в обычных доступных категориях оценки.

Феномен бесценности (бесценного) является отдельным важным звеном в познании концепта «ценность». Можно говорить о существовании триединства понятийного ряда «не ценно» — «ценно» — «бесценно», и именно в этом триединстве раскрывается, на наш взгляд, сущностная значимость феномена «ценность», которое подразумевает строгую иерархичность структуры, восходящую по вертикали от материального «нет стоимости/цены» к идеальному «то, что нельзя оценить/оценивать». Часто именно в этом выражении (бесценное) происходит реализация понятия ценности через определенные образы нематериального мира.

(14) *...сидеть в кресле, с чашкой крепкого турецкого кахве (без сахара — sade), в нескольких метрах от линии прибора, никуда не торопясь, любясь чайками и проплывающими кораблями... Это бесценно!* (Питание в кафешках, реальные цены; 19.02.2014; <https://four.otzuv.ru/tema/224365/#4912635>). Бесценным в высказывании является ощущение, которое может почувствовать тот, кто очутится в описываемых автором условиях.

(15) *Огромное Вам спасибо! Друзья, благодаря Вам сегодня побежали и купили тур! Девушки! Ваша помощь всем нам бесценна! Вы нас просто спасаете! Еще раз СПАСИБО!* (Отдых с детьми в Турции, сезон 2014, часть 7; 02.05.2004; <https://four.otzuv.ru/tema/227123/1040/#5105839>).

Заключение

Итак рассмотрим обнаруженные характеристики концепта «ценность».

Согласно традиционной методике анализа лингвокультурных концептов, концепт может быть описан через его информационно-понятийную, образную и ценностную составляющие. Концепт «ценность» также включает в себя информационно-понятийную (была рассмотрена на первом этапе исследования через анализ дефиниций), образную (реализуется через образы материального и нематериального мира) и ценностную (реализуется в категории оценки: денежной и/или значимостной) составляющие. Однако в отличие от многих других концептов, в том числе концептов-ценностей, концепт «ценность» обладает дополнительными параметрами: 1) он является над-концептом, так как фактически включает в свою образную составляющую все существующие концепты (каждый концепт содержит в себе ценностный компонент, а значит, является частью образной составляющей концепта «ценность»); 2) он является антиномичным концептом, предполагающим его рассмотрение в связке с концептом-антиномией «антиценность» / «не-ценность»;

3) он обладает над-ценностным планом выражения, реализуемым через понятие бесценного.

Можно говорить о существовании триединства категорий «не ценно» — «ценно» — «бесценно», которое подразумевает строгую иерархичность структуры, восходящую по вертикали от материального «нет стоимости/цены» к идеальному «то, что нельзя оценить/оценивать». Именно в этом триединстве понятий раскрывается, на наш взгляд, сущностная значимость феномена «ценность».

Указанные характеристики концепта «ценность» позволяют рассматривать его как ключевой концепт, обращение к которому необходимо для задач кросс-культурных исследований.

Библиографический список

1. Еременко А.В. Языковая объективация ценностного компонента концепта Marriage в афоризмах американских и британских авторов: сравнительно-сопоставительный аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Владивосток, 2012. EDN: ZOLYPZ
2. Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 3. С. 23–31. EDN: UIKAVP
3. Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Будник Е.А., Ратникова А.Г., Чинь Тхи Ким Нгок. Аксиологическая лингвистика и национально ориентированная лексикография: опыт взаимодействия (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 101–113. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8> EDN: RBTGLL
4. Карасик В.И. Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. EDN: YWRPNB
5. Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Экология человека. 1997. Вып. 2. № 2. С. 156–158.
6. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М. : Дело, 2001.
7. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара : Русский лицей, 1994.
8. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills : Sage, 1980.
9. Маркелова Т.В., Петрунина М.В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М. : ИСИ, 2019. EDN: AVNCEU
10. Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. С. 57–68.
11. Чжан Кэ, Денисенко В.Н. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 841–855 <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855> EDN: HXKQXQ
12. Helkama K. Suomalaisten arvot: Mikä meille on oikeasti tärkeää? Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2015.
13. Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. М. : Знание, 1996.
14. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Академический проект, 2004.
15. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече: АСТ, 2003. EDN: QOCFON
16. Федяева Е.В. Образы сознания как форма познания действительности // Вестник ТГПУ. 2016. № 3(168). С. 73–77. EDN: VNWJOP

17. Богуславская В.В., Хуонг Тхи Тху Чанг, Ратникова А.Г. Лингвокультурологические характеристики экономического дискурса о семье российских, вьетнамских и датских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 4. С. 167–179. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.13> EDN: HUCYLC
18. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13. EDN: SIJPOP
19. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М. : Изд-во МГУ, 1994. EDN: RXTBVX

References

1. Eremenko, A.V. (2012). *Linguistic objectification of the value component of the Marriage concept in aphorisms of American and British authors: a comparative aspect* [PhD thesis]. Vladivostok. (In Russ.). EDN: ZOLYPZ
2. Maslova, V.A. (2015). The Wanderer in Russian Language and Culture: Value, Concept, Image. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 23–31 (In Russ.). EDN: UIKAVP
3. Mamontov, A.S., Boguslavskaya, V.V., Budnik, E.A., Ratnikova, A.G., Trinh Thi Kim Ngoc. (2021). Axiological Linguistics and Nationally Oriented Lexicography: Experience of Interaction (on the Material of Russian-Vietnamese Comparisons). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(1), 101–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8> EDN: RBTGLL
4. Karasik, V.I. (2019). *Language bridges of understanding*. Moscow: Discourse. (In Russ.).
5. Karasik, V.I. (1997). Language concepts as dimensions of culture (subcategory cluster of temporality). *Concepts. Human ecology*, 2(2), 156–158. (In Russ.).
6. L'yuis, R.D. (2001). *Business Cultures in International Business. From collision to mutual understanding*. Moscow: Delo. (In Russ.).
7. Sorokin, Yu.A. (1994). *Ethnic conflictology (Theoretical and experimental fragments)*. Samara: Russkiy litsey. (In Russ.).
8. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage.
9. Markelova, T.V., & Petrushina, M.V. (2019). Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language. Moscow: IMA. (In Russ.). EDN: ABNCEU
10. Larina, T.V., & Ozumenko, V.I. (2016). Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*, 12, 57–68. (In Russ.).
11. Zhang, Ke, & Denisenko, V.N. (2024). Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 841–855. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855> EDN: HXKOXQ
12. Helkama, K. (2015). *Suomalaisten arvot: Mikä meille on oikeasti tärkeää?* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
13. Tadevosyan, Zhe.V. (1996). *Dictionary and reference book on sociology and political science*. Moscow: Znanie. (In Russ.).
14. Stepanov, Ju.S. (2004). *Constants: a dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russ.).
15. Kononenko, B.I. (2003). *Big explanatory dictionary of cultural studies*. Moscow: Veche: AST. (In Russ.). EDN: QOCFON
16. Fedyaeva, E.V. (2016). Mind Images as a Form of Reality Cognition. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (3), 73–77. (In Russ.). EDN: VNWJOP
17. Boguslavskaya, V.V., Khuong Thi Thu Trang, & Ratnikova, A.G. (2023). Linguoculturological Characteristics of Economic Discourse about the Family in Russian, Vietnamese and Danish Media. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(4), 167–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.13> EDN: HUCYLC

18. Dem'yankov, V.Z. (1999). Interpretation as a tool and object of linguistics. *Voprosy filologii*, 2, 5–13. (In Russ.). EDN: SIJPOP
19. Dem'yankov, V.Z. (1994). *Morphological interpretation of the text and its modeling*. Moscow. Moscow State University Publ. (In Russ.). EDN: RXTBVX

Сведения об авторах:

Ратникова Альбертина Германовна, кандидат педагогических наук, специалист лаборатории типологической и теоретической лингвистики, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6); *научные интересы*: РКИ, искусственный интеллект, лингвокультурология и межкультурная коммуникация, аксиологическая лингвистика; *e-mail*: porijoki@nextmail.ru
ORCID: 0000-0003-3480-4798, SPIN-код: 8712-3304; AuthorID: 384261

Богуславская Вера Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6), член Российского профессорского собрания; *научные интересы*: лингвосоциокультурное моделирование текстов медиа, язык СМИ, лингвокультурология, лингвострановедение, РКИ, теория журналистики; *e-mail*: boguslavskaya@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4118-382X; SPIN-код: 6582-6230, AuthorID: 572525

Information about the authors:

Albertina G. Ratnikova, PhD in Pedagogical Sciences, specialist at the Laboratory of typological and theoretical linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (6 Academician Volgin st., Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: linguacultural studies and intercultural communication, axiological linguistics, Russian as a foreign language, scientific technologies and artificial intelligence; *e-mail*: porijoki@nextmail.ru
ORCID: 0000-0003-3480-4798, SPIN-code: 8712-3304; AuthorID: 384261.

Vera V. Boguslavskaya, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute (6 Academician Volgin st., Moscow, Russian Federation, 117485), Member of the Russian Professorial Assembly; *Research interests*: discourse analysis, language of mass-media, linguosociocultural modeling of media texts, Russian as a foreign language, cultural, socio-psychological, linguistic problems of the contemporary Russian language, theory of journalism; *e-mail*: boguslavskaya@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4118-382X; SPIN-code: 6582-6230, AuthorID: 572525.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-528-542

EDN: DTXOAP

УДК 81'246.3:821

Научная статья / Research article

«Кочующие в мирах» Б. Каирбекова: роль автоматетекста в интерпретации транслингвального произведения

К.Е. Нурмаганбет¹ , В.П. Синячкин² , А.О. Азизова³ , А.С. Демченко¹ ¹ Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация³ Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан word@list.ru

Аннотация. Транслингвальный художественный текст в силу своей неоднородной природы вызывает определенные сложности для исследования. Будучи созданным автором на языке, который не является для него этнически первичным, он содержит в себе как экзофонные элементы, маркирующие свое инокультурное происхождение, так и семиотически «нейтральные» компоненты, дешифровка которых требует от исследователя определенных интерпретационных усилий. Цель настоящего исследования — обращение к автоматетекстовому комплексу как герменевтическому полю продуцирования смыслов, содержательно эксплицирующих произведения писателя/поэта. Под автоматетекстом понимается авторский текст о тексте, комментирующий и раскрывающий другие произведения того же автора. Так, семиотически нейтральные для русского языка лексемы «небо», «гость», «старшие» в лирике казахстанского поэта Бахыта Каирбекова обретают сакральную символику, так как апеллируют к альтернативному денотативному пространству, расширяющему исходное поле смыслов. Материалом исследования послужила книга Бахыта Каирбекова «Кочующие в мирах» и отдельные стихотворения поэта. Методы исследования — дескриптивный; метод герменевтического комментария; метод автоматетекстовой интерпретации. Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что обращение к автоматетексту сообщает интерпретации лирических произведений поэта большую достоверность и многомерность: в текстах произведений, написанных на русском языке, начинают звучать мотивы исходной казахской культуры, такие, как номадический уклад жизни, вера в верховное божество Тенгри, почитание аруахов и другие. Полученные данные могут быть применены в практике интерпретации транслингвального художественного текста исследователями, занимающимися сходной проблематикой.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальная художественная литература, автоматетекст, казахстанская лирика, номадизм

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP23488969 «Обретение исторической субъектности и преодоление культурных травм в исторических нарративах творческой интеллигенции Казахстана (1951–1991 гг.)»

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.12.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

© Нурмаганбет К.Е., Синячкин В.П., Азизова А.О., Демченко А.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Нурмаганбет К.Е., Синячкин В.П., Азизова А.О., Демченко А.С. «Кочующие в мирах» Б. Кайрбекова: роль автометатекста в интерпретации транслингвального произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 528–542. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-528-542>

“Wandering in the Worlds” by B. Kairbekov: the Role of Autometatext in the Interpretation of a Translingual Work

Karlygash E. Nurmaganbet¹ , Vladimir P. Sinyachkin² ,
Ainur O. Azizova³ , Alyona S. Demchenko¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, Republic of Kazakhstan*

² RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

³ International University of Tourism and Hospitality, *Turkestan, Republic of Kazakhstan*

 word@list.ru

Abstract. Due to its heterogeneous nature, a translingual literary text causes certain difficulties for research. Being created by the author in a language that is not ethnically primary for him, it contains both exophonic elements marking its foreign cultural origin and semiotically “neutral” components, the decipherment of which requires certain interpretative efforts from the researcher. The purpose of this study is to appeal to the autometatextual complex as a hermeneutic field for producing meanings that meaningfully explicate the works of a writer/poet. Autometatext is understood as an author’s text about a text, commenting on and revealing other works of the same author. Thus, the lexemes “sky”, “guest”, “elders”, which are semiotically neutral for the Russian language, acquire sacred symbolism in the lyrics of the Kazakh poet Bakhyt Kairbekov, since they appeal to an alternative denotative space that expands the original field of meanings. The material for the study was the book by Bakhyt Kairbekov “Nomads in the Worlds” and individual poems of the poet. The methods of the study are descriptive; the method of hermeneutic commentary; the method of autometatextual interpretation. The results of the analysis allow us to conclude that turning to the autometatext gives the interpretation of the poet’s lyrical works greater reliability and multidimensionality: in the texts of works written in Russian, motives of the original Kazakh culture begin to sound, such as the nomadic way of life, faith in the supreme deity Tengri, veneration of aruakhs and others. The data obtained can be applied in the practice of interpreting translingual literary text by researchers studying similar issues.

Keywords: translingualism, translingual fiction, autometatext, Kazakhstani lyrics, nomadism

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: The article was prepared within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan IRN: AP23488969 “Acquiring historical subjectivity and overcoming cultural traumas in the historical narratives of the creative intelligentsia of Kazakhstan (1951–1991)”.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Nurmaganbet, K.E., Sinyachkin, V.P., Azizova, A.O., & Demchenko, A.S. (2025). “Wandering in the Worlds” by B. Kairbekov: the Role of Autometatext in the Interpretation of a Translingual Work. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 528–542. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-528-542>

Введение

В мире колоссального языкового и культурного многообразия закономерно действие процессов взаимовлияния лингво- и культурных систем; природа этого соприкосновения может носить различный характер, сопряжение

сфер — иметь различную степень интенсивности, однако одно стоит отметить особо. Транскультурация, которую мы сейчас очертили, всегда приводит к зарождению феноменов нового типа, когда речь идет о языке. Одним из продуктов транскультурации становится транслингвальный художественный текст — или текст, созданный автором-билингвом на языке, который не является для него «первичным» (*primary one*).

В процессе создания транслингвального художественного текста автор по-особому кодирует реальность. Мы помним, что материей такого текста выступает язык усвоенный; зачастую — язык, наделенный в коммуникативном аспекте большими функционально-прагматическими полномочиями. Однако мы учитываем, что сквозь структурные и системно-типологические параметры этого языка сквозят и ретранслируются образы культуры исходной. Мы говорили уже о том, что в семиотической системе транслингвального текста существуют особые элементы, восходящие к архетипическому субстрату этноса. Мы называем их онтическими [1]. Но если онтический элемент — это уровень реконструированного изотипического, то еще более глубинный элемент природы транслингвального текста — национальный образ мира [2]. Через национальные образы мира известный ученый Д.Г. Гачев стремится постичь «национальный космос» — самый «строй мира, миропорядок», и национальный «Логос» — миропонимание этноса. Как отмечают В.Р. Аминева и А.З. Хабибуллина, ученый не раз подчеркивает в своих работах значимость понимания мира природы, быта, одежды и даже традиционной для того или иного народа пищи [3]. Сам Гачев пишет: «...как из них источаются, словно бы сами собой наружу просятся определенные мирозерцательные мысли...». Связь национального Логоса с природой как широким контекстом бытования и вживания в вещественную действительность раскрывает варианты бытия мира как целого [2. С. 10].

Транслингвизм — это практика взаимообогащения лингвокультур. Гетерогенные по своей природе семиотические элементы циркулируют в широком пространстве смыслов, что благотворно влияет как на исходную, так и на усвоенную культуру. Ряд современных исследователей полагает, что практика художественного транслингвизма сигнализирует о новом витке развития общества, которое функционирует вне монолингвальной парадигмы [7]. Чтение транслингвального текста, по мнению Р. Уилсон, есть приобщение к транскультурному опыту: реципиент примеряет на себя новые для него идентичности и осуществляет перемещение между неизведанными географическими локалами.

Как адекватно интерпретировать транслингвальный текст? Согласно подходу конструктивной герменевтики, для которой не столь значима фигура автора, исследователю достаточно отталкиваться от собственно текстовой доминанты. Так, в русскоязычном транслингвальном тексте присутствуют особого рода маркеры, указывающие на его «культурное происхождение». Ими могут выступать как экзофонные элементы, так и изофонные онтические единицы, которые денотативно апеллируют к иному культурному полю. Однако с точки

зрения иного подхода, когда личность автора остается значимой в процессе интерпретации художественного целого, закономерно учитывать роль автотекстовой информации, которая может служить ключом к интерпретации произведения. Под автотекстом мы понимаем не просто «текст о тексте», но текст, созданный автором для смысловой экспликации собственных произведений. К таким автотекстовым комплексам относится книга выдающегося казахстанского поэта Бахыта Каирбекова «Кочующие в мирах».

«Поэзия кочевья, обряды и верования — мир, продолжающий жить в сознании казахов и других тюркоязычных народов как непреходящая ностальгия по той свободе, которую воплощала собой бескрайняя степь и столь же беспредельное над головой небо — бездонный колодец будущего. Поэзия, которую пытались все века рассказать мигающие в ночи звезды», — пишет Б. Каирбеков [10]. «Кочующие в мирах» — книга-путешествие вглубь Мифа, содержащая исчерпывающую информацию о верованиях великого степного народа. Несмотря на то, что она построена по тематическим блокам, чтение ее может быть ризоматическим: читатель вправе двигаться «горизонтально», начинать с любого интересующего места, возвращаться к уже прочитанному, так как сама ее организация децентрирована. Показательно, что названия тематических разделов даны на русском («ПОД ВЕЧНЫМ ОКОМ ТЕНГРИ», «ПО ЛАДОНИ СТЕПИ», «ВСЛЕД ЗА ТРАВой», «СТРАНА ВЕЛИКИХ ТРАВ», «СВЯЩЕННЫЙ ЛЕС», «БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ» и т.д.), в то время как «главы» их обозначены на казахском.

В своем масштабном поэтическом исследовании Б. Каирбеков не только рисует панораму степи: он воссоздает мир, актуальный для современного человека, мир, отголоски которого по сей день слышатся в пульсации времени. Вот почему собственные стихотворения поэта «помещены» внутрь этого масштабного текста и предваряют определенные главы: их взаимообусловленность не вызывает исследовательских сомнений. Каирбеков, всю жизнь мечтающий «обогреться у очага родной культуры», продолжает свой путь к постижению исконно-родного (к настоящему времени уже вышли книги «Национальные традиции и обычаи казахов», «Мир кочевья. Казахский этикет», «Наследие веков», «Тюркская Вселенная»).

«Сейчас я могу рассказать моим коллегам, пишущим на казахском языке, немало интересного из нашего прошлого, о чем они могут не знать, и удивить их своими изысканиями о традициях нашего народа, уходящих в глубокую древность. Я выравниваю весы общения с ними, но пока не нашел-таки достойного собеседника. И теперь уже не ищу. Просто строю гипотезы, в надежде и уверенности, что они, будучи не раз сверенными, т.е. по-настоящему ценными в плане культурной информации, подвигнут следующих любопытных и настойчивых развить и углубить эти поиски, а значит, смогут очистить от сора еще живые источники народной поэзии, как когда-то наши предки по весне открывали очи родников, дабы чистая вода пробилась на свет божий и питала все живое вокруг»¹.

¹ Каирбеков Б.Г. Кочующие в мирах. М. : РУДН, 2023. С. 75.

Бахыт Гафуович Каирбеков родился 23 февраля 1953 г. в Алма-Ате. По собственным воспоминаниям, в Литературный институт им. А.М. Горького поступил по протекции отца, великого казахского поэта Гафу Каирбекова. Обучался у Льва Озерова. После блестящей защиты диплома получил специальность литературного работника. Исследователь языковой биографии Б. Каирбекова У.М. Бахтикиреева отмечает, что трудовая деятельность поэта была и остается крайне насыщенной: он работал редактором поэзии, корреспондентом военной газеты, главным редактором информационного бюллетеня, начальником информационно-издательского центра, художественным руководителем студии, президентом киностудии, преподавателем, режиссером и переводчиком. По У.М. Бахтикиреевой, становление языковой биографии Каирбекова начинается в особый языковой период строительства СССР, когда русский язык стал единящим началом для народов огромного государства. Для успешной реализации личности в социуме овладение русским языком должно было осуществляться на высоком уровне. В случае с Каирбековым русский стал не только языком узувальной коммуникации, но средством творческого самовыражения, креативной репрезентации окружающей действительности и мировоззрения [10].

Перемещения Каирбекова между двумя своими идентичностями — этнической и языковой — исследователи называют «внутренней миграцией» [11]. «Хотя русскоязычное творчество включает в себя большое число произведений, посвященных родине и своему народу, в 40 лет он безжалостно «карает» себя, выражает почти тотальную смысловую девальвацию себя как казаха». Каирбеков создает Космо-Психо-Логос великой степи в русской языковой оболочке [10].

Результаты и обсуждение

Лирика Бахыта Каирбекова — своего рода метанарратив: она напоминает однажды начавшийся разговор с невидимым Другом, беседу, которая принципиально не знает завершения. Отсюда ее адресность, интимность повествования, тональность философского размышления о жизни и Бытии. Многие стихотворения отличаются «кинематографической» подачей, представляя собой череду застывших «кадров», — сказывается режиссерский опыт поэта и сама особенность восприятия человека, соприкасающегося с агглютинативным строем родного языка. Агглютинативные языки, в отличие от флективных, отличаются качественно-признаковой детерминантой (Г.П. Мельников); им свойственна фиксация определенных внешних явлений, сосредоточенность на их внешней и внутренней природе, в отличие от языков «событийных» (таких, как русский), для которых важна сюжетность, динамичность происходящего.

Среди обширного корпуса текстов особое место в творчестве Каирбекова занимают произведения, посвященные раскрытию сущности двух значимых для него концептов — СТЕПЬ и КОЧЕВЬЕ. Они тесным образом связаны

с этнической самоидентификацией автора. В стихотворениях, написанных на русском языке, кроются сакральные коды казахской культуры, расшифровать которые и помогает автоматотекст. Так, стихотворение

Так выходит кочевник в дорогу	Так сбиваются в час перелета
Мир познать, о котором забыл,	Птицы в стаю, галдя, гомоня...
Поднабраться душевного прока,	Пусть же вновь окрылит нас свобода,
Раззадорить пригасший свой пыл!	Испытаем дорогой себя!

предваряет размышления поэта об истинной природе кочевого духа. По мысли Каирбекова, самые настоящие путешественники — те, кто кочуют во все времена, во всех измерениях. К ним поэт причисляет славных батыров, зорких мергенов, кузнецов и ювелиров, акынов, жырау, күйши, сал, сери, баксы. Это все те, кто готов выйти на поединок с жизнью (*жекпе жек*, один на один), потому что любое дело есть великая схватка, знаменующая переход к высокому мастерству. Дорога, по Каирбекову, — это вечный Зов. В отличие от земледельца, чей архетипический Дом статичен, кочевник несет Дом с собой, поэтому он дома всюду, где бы ни находился. Герой стихотворения — наш современник; отголоски кочевого духа все еще живы в нем. Мотив позабытого мира здесь не случаен: современный человек, оторванный от своих корней, угасает в урбанистической «клетке», а потому должен бросить себе вызов и вновь отправиться в путь, чтобы поднабраться «душевного прока». И он не одинок в своем странствии: как птицы сбиваются в стаю в час перелета, так и современные путешественники, объединенные духом странствия, решаются на испытание дорогой. Мотив прапамяти и возвращения к своим истокам очень важен для Каирбекова. Симптоматично, что он эксплицируется через оппозиционный ему мотив забвения, который проходит сквозь разные стихотворения поэта:

Как забыли мы неба уроки	Забываем о силе душевной
И каникулы рек и озер,	И скупимся на чувства свои,
И росу, и лучи на востоке,	И в пустой суете ежедневной
И манящий полет гордо рдеющих гор?	Зря живем — без надежды и сил.
Тело наше — всего оболочка	Так верните нам память о крыльях,
Искры божьей — крылатой души,	Равновесие гор и цветка!
Может, самая малая точка,	Опадет придорожною пылью
Но пучок ее — лазер в ночи.	Беспричинная грусть и тоска.

Присмотримся к содержанию первой строфы. «Мы» — современное человечество — позабыли уроки неба. Небо представляется кочевнику всевидящим оком. От него нельзя скрыть ни поступков, ни помыслов: все деяния человека либо поощряются, либо караются великим богом Тенгри. Людям ведома лишь видимая половина Неба — Кок Тенгри, но он беспределен, как Космос. Разумом его не осознать; по Каирбекову, соприкоснуться с Тенгри можно лишь душой. Неслучайно тюрки называли себя Кок тюрк — небесные тюрки.

Казахская культура как культура кочевого порядка выработала уникальное философское мировоззрение, самобытное и самодостаточное. Номадическая цивилизация, для которой характерно мобильное перемещение коллектива в пространстве, в плане познания некатегориальна; основные ее черты — гармоничные взаимоотношения с миром, доверие к Космосу, принятие Другого.

Особенность мировоззрения тюркских народов заключается в поклонении Природе. Философия господства над природой ему чужда; напротив, происходит обожествление универсума как источника всего сущего. Для номада особо священными являются Солнце, Луна, звезды, животные и растения и первоначала: вода, земля, огонь и воздух. Вера в Тенгри, вечносинее небо, предполагала не просто наличие Творца над миром: его присутствие ощущалось во всем, в том числе и в самом человеке. Источником жизни почиталась природа. Номады поклонялись душам предков-аруахов и верили в бессмертие души.

«Лучи на востоке» — словосочетание, также несущее в себе сакральный смысл. Тюрки воспринимали солнечный луч как благодатное оплодотворяющее начало, божественного прародителя. О счастливом человеке казахи по сей день говорят: *Басынан кун, аягынан ай туды!* («Над головой солнце взошло, из-под ног луна взошла»). «Каникулы рек и озер» как образ связаны не только с мотивом отдохновения на лоне природы, но и с символом реки как границы между мирами — срединным и нижним. В начале была Вода, Мировой Океан. Это место зарождения жизни, из которой восстала земля — огромный остров. Позже возникает и место умирания жизни — еще один остров, который разделен с миром жизни пограничной чертой — Рекой; именно по ней умершие достигают пространства упокоения. Только тогда уясняется Нижний мир — по Каирбекову, опора всего сущего.

«Река стала олицетворением времени, его бесконечности и текучести, границей между мирами... Тем же Древом, соединяющим миры, Дорогой, по которой, словно по мосту, переходили из одного мира в другой люди и боги. Герои и шаманы поднимались в незримые верха, а боги, приняв облик земных существ, спускались на землю, дабы передать нам, людям, какие-то знания, опыт сотворения ремесел, добывания огня, одомашнивания животных, обработки металла и создания все более совершенных орудий труда»².

Из воды является мать всего сущего — Ак-Ене, незримо участвующая в сотворении мира. Отношение тюрков к воде было двойственным. Как первоэлемент мира, родственной Хаосу, она соотносилась с чужим, враждебным пространством. Вода — владение духов и вход в иной мир. Неслучайно умыться лицом водой из реки ритуально приравнивалось к смерти и перерождению. Вот почему «каникулы рек и озер» — это еще и мотив обновления человека, вошедшего в сакральное взаимодействие с древними силами.

² Каирбеков Б.Г. Кочующие в мирах. М. : РУДН, 2023. С. 46.

Душа человека, как и само мироздание, трехчастна. В мировосприятии казахского народа она делится на *рух-жан*, *ет-жан*, *шыбын-жан*. После смерти человека рух-жан не только пребывает в доме умершего, но и навечно остается в памяти потомков. Ет-жан уходит в землю. Крылатая шыбын-жан (душа-муха) отправляется в космическую бесконечность. Представления казахов о крылатости души уходят в глубокую древность. Каирбеков призывает своего адресата не забывать о том, что тело — всего оболочка. И пусть душа — всего лишь малая точка (здесь уместно будет сравнение с космической мухой), она способна прорезать тьму, как концентрированный луч, животворящая сила, данная каждому.

О законах кочевания — стихотворение-напутствие «Мы — кочевники в Космосе мироздания».

Мы — кочевники в Космосе мироздания.
Мы выходим на планетарное мышление, придя к идее Земли —
Как общего дома,
Но мы готовы покинуть ее и пуститься в новый путь.
Наша одиссея должна продлиться в космосе.

Границы мирового кочевья раздвигаются; общий для человечества Дом — Земля — воспринимается Каирбековым как единыящее начало: нет разделенных территорий, есть пространство, общее для всех народов, пространство, которое может стать отправной точкой для великой космической одиссеи в поисках новой истины. Но это планетарное мышление — следствие смены формата сознания. Поэтому следует помнить законы кочевания:

Сегодня мы осознаем себя Путешественниками, Вечными гостями во Вселенной, Но прежде, чем выйти на новую орбиту кочевания, Мы должны вспомнить законы кочевания. А они просты: Гость не враг, и нет врагов, Если мы все гости по отношению друг к другу; Единый пастырь наш — Великое Небо; Почитай старших,	И они станут твоими покровителями и в ином мире; Бери от мира столько, сколько можешь проглотить; В жизненном пути своем приучись обхо- диться малым, Потому как всякая лишняя вещь в пути — это обуза. Осознав это, можно выходить в Путь-Дорогу, Которой нет и не будет конца.
--	--

«Гость не враг, и нет врагов» — особый скрипт для казахской культуры. «Гостеприимство не столько прихоть хозяина, сколько образ миропонимания — уклад, унаследованный им от отцов и дедов, для которых он был этическим законом выживания в условиях кочевой жизни» (С. 200). В лице Гостя кочевник видел Посланника вести о мире, посланника божьей воли, Странника — то есть отражение самого себя. Оказать уважение Гостю означало принять себя в качестве будущего Гостя. Не уважать Гостя значило обречь себя на участь изгоя, изгнанника из круга родства. Это было равносильно

смерти в голодной пустыне. Без крова, воды и пищи, которыми одаряет хозяин своего Гостя, он бы погиб в бескрайних просторах Великой Степи.

Гости, как отмечает Каирбеков, делятся на случайных (кудай конак, «божий посланник»), и почетных (арнайы конак). Случайными гостями зачастую становились чабаны в поисках отбившегося стада и забредшие в аул, или путники, заблудившиеся в непогоду. Закон гостеприимства в степи неукоснительно соблюдался всеми и стал нормой жизни. «Единый пастырь наш — великое Небо», — продолжает свои размышления Каирбеков, возвращая нас к мысли о всевидящем оке Тенгри, верховного божества тюркского пантеона. Вечносинее небо справедливо и благостно к сынам человеческим, но требует почитания законов, которые были даны им свыше. Один из них — поклонение старшим (аруахам).

Почитание предков как проявление верности своему роду запечатлено в одном из древнейших эпосов — «Книге моего деда Коркыта». Коркыт, по преданиям казахов, был одним из прародителей степного народа. В тенгрианстве считалось, что аруахи — души-покровители — есть у всего живого, в том числе у гор, рек, озер, деревьев. Все деяния человека отражаются на его бессмертной душе. Запятнать ее недобрым делом — значит оскорбить память предков.

По представлению казахов, аруахи сопровождают человека, наставляя и поддерживая его на жизненном пути. Исследователи³ отмечают, что на судьбу достойного человека они влияют благоприятно; недостойного же поддержать они не в силах. Осознав эти простые правила, можно отправляться в Путь-Дорогу (отметим здесь появления исконно русского концепта, маркирующего транскультурную природу текста) [12].

Особый концепт в творчестве Б. Каирбекова — степь, неразрывно связанная с безэквивалентным для русского языка понятием «Эль», вмещающим такие значения, как «родина», «государство», «народ». Неслучайно тогда еще молодой поэт пишет пророческие строки: *Когда в степи моей / Умолкнут кузнечики, / Я умру.*

Исследователи [13] задаются вопросом: могут ли умолкнуть кузнечики в пространстве, в котором чередуются циклы времен года. Наступает осень, вслед за ней приходит зима; кузнечики умолкают (заметим, не замолкают совсем, безвозвратно), и вместе с пробуждающимся миром кузнечики вновь начинают «звучать»: так чередуются этапы жизни — смерти — жизни в круговом вращении Вечности. Кузнечик — комплекативный образ. Он не только раскрывает «звуковую» (Г.Д. Гачев) природу степной культуры, но и коррелирует с темой поэта и поэзии (подробнее об этом см. [13]).

Степь — особый для Каирбекова топос [14], это пространство тут-бытия поэта вне зависимости от того, где он вещественно пребывает.

³ Бегалинова К.К., Кокумбаева Б.Д. Духовное учение Великой Степи и современность. Астана, 2010; Турсынов Е. Возникновение баксы, акынов, сери и жырау. Астана : ИКФ Фолиант, 1999.

Степь

Мне вольность гордая твоя
И жгучих трав родная горечь
Вновь перехватывает горло —
Петь об одной тебе веля.

Забуду я покой и грусть,
Столицы щедрые посулы,
И вновь кочующих аулов
На спину мне навьючен груз.

В крови кумыс взиграет вновь
Той самой гордой кобылицы,
Что по степи промчалась птицей,
Познав неожиданную любовь.

Во мне твой голос победит,
Строкой звенящей отзовется, —
Я буду петь:
Пусть в горле бьётся
Полынный ветер, —
Сердце рвётся
В простор разбуженной степи!

Примечательно, что в стихотворении раскрывается концепт «вольность» — маркер русской языковой картины мира, вновь сигнализирующий о транскультурной природе поэтических текстов Каирбекова. «Жгучих трав родная горечь» — не просто образ; Каирбеков, называющий в своем автоматотекстовом произведении «Кочующие в мирах» степь бескрайней природной «аптекой», закладывает в жгучие травы конкретные мотивы: жусана (степной полыни), адыраспана (руты), куймесгуля (ясенца), кушалы (аконита). Так, полынная тема очень важна для казахской культуры; она встречается в широком корпусе текстов и символизирует простор, память о родине, связь с исконной землей. Запах полыни — это запах Родины.

Во второй строфе реализован мотив возвращения лирического героя к первоначальному Дому. Возникает оппозиция тут-бытия и там-бытия (М. Хайдеггер). Там-бытие — урбанистическое пространство, обещающее человеку неизменные материальные блага, но не способное наполнить его сердце витальной энергией. Напротив, тут-бытие степи пробуждает героя ото сна. Груз кочующих аулов, навьюченных на спину лирического героя, не только порождает его закономерное сравнение с лошастью/ верблюдом — сакральными символами казахской культуры, но и актуализирует мотив прапамяти. Многие и многие поколения предков с их кочевническим укладом жизни, способами бытования в уникальной природно-климатической зоне, верой в вечное Небо хранит эта память, становясь грузом для современного человека, «забывшего Неба уроки». Но груз этот не обременителен, желанен для лирического героя, стремящегося вернуться к своим корням.

Когда «в крови кумыс взиграет вновь» (кумыс — напиток из кобыльего молока, обладающий легкими хмельными свойствами), лирический герой преисполнится силы и задора; неслучайно гордая кобылица, питающая поэта своим молоком, сравнивается здесь с птицей: изначально конь почитался как существо крылатое, приближенное к Солнцу,

а значит, выступал божественным солярным символом. Таким образом, сила, дарованная герою, — это сила небесная, сила оплодотворяющего солнечного начала. Вот почему голос степи, победивший все иное, отзывается в поэте *звнящей строкой*: он вновь преисполнен вдохновения, вновь становится демиургом нового мира. Он готов петь, как пели великие акыны прошлого: в его горле бьется полынный ветер, и сердце рвется в простор разбуженной степи. Образ разбуженной степи мы можем интерпретировать не только как пространство, в котором наступает ранее утро со своими звуками и шевелениями, но и как метафору пробуждения живого существа, которому довелось откликнуться на зов, к нему обращенный. Степь, таким образом, нуждается в поэте так же, как он в ней. Они неразделимы.

Степь — многотравный простор,
Горизонты походов травы.
Степь — ствол необъятный дыхания земли.

Степь — песен гортань,
Столба позвоночного выход.
Свирели земное отверстие звучное.

Как же мне славить тебя, мой космический
Век?

Что мне игрушки твои — если я позабыл
Своё знание травы, и степей, и небесного
древа?

Многотравный простор, степное многоцветье коррелирует с эпитетом *ала* ‘пестрый’. В казахской культуре такое сочетание цветов считалось благословенным. Таким образом, степь — священный топос, хранимый самими небесами. Примечательно, что поэт использует сочетание «походов травы» (а не ожидаемого в семантическом комплексе «восходов»). Трава сравнивается с неисчислимым степным войском. В прежние времена войско кочевников, движущееся как единый организм, отправлялось в походы на завоевание новых земель ради расширения границ своих владений. В данной метафоре запечатлена память о предках. Степь — ствол необъятный дыхания земли; здесь актуализирована идея о великом мировом древе Байтерек, которое соединяет три мира — верхний, срединный и нижний. Так и степь объединяет миры — человеческий и небесный — в едином круге жизни. Неслучайно столб человеческого позвоночника также сравнен с деревом — человек как микрокосм соотнесен с мировым деревом как макрокосмом. Степь — песен гортань; именно с песни в казахской культуре начинается зарождение мира — это акт первотворения, связанный с образом легендарного Коркыта, сумевшего победить смерть силой своей музыки. Неслучайно лирический герой задается вопросом, как славить ему космический век с его игрушками (благами современной цивилизации), если он позабыл исконное знание — знание степи, которая является для него Домом.

И эта даль бескрайняя в степях,
Вся эта ширь и высь — и есть мой дом.
Высоких не поставит мне дверей.
Чтоб каждый мог уверенно входить,
Храня в себе степенность, стать свою,
Степного неба помня высоту,

Чтоб в доме этом петь, как здесь поют
Караторгаи, слава чистоту
Воздушных струй и даль степных дорог,
Домбры сказанья, пену кумыса
Всё это — мне дарованное впрок
И есть земля моя, мой дом, мой сад.

Пространство степи бесконечно; древние номады осмысливали его как великий круг, над которым простирается вековечное небо — Кок Тенгри. Каждый в степи может войти в юрту, полог которой поднят для гостя, который обладал священным статусом. Ведь каждый гость, «помнящий высоту степного неба», является посланником самого Тенгри. В этом доме поют так, как поют караторгаи (скворцы), слава ветер и степные дороги. Сказанья домбры — это песни о прошлом и настоящем, песни памяти и песни творения: нередко от мастерства акына зависели решения (в том числе и политические) степных правителей (достаточно вспомнить знаменитую трилогию И. Есенберлина «Кочевники», подробно описывающую айтысы — песенные состязания). И пена кумыса, живительного напитка степняка, и песни под пологом юрты, и вольность степи — все это становится для поэта «дарованным впрок», Домом, священным местом, в котором прошлое и настоящее встречаются.

Заключение

Итак, транслингвальный художественный текст — место встречи языков и культур — представляет собой синергетическое семиотическое пространство, гетерогенные элементы которого циркулируют в едином континууме, продуцируя новые образы мира. Наряду с экзофонными единицами в нем присутствуют единицы изофонные — звучащие в усвоенном языке как нейтральные, «свои». Тем не менее внешняя сторона таких знаков (сигнификат) апеллирует к денотативному пространству исходной для поэта культуры. Так, за словами «небо», «солнце», «трава» в лирике Б. Каирбекова угадываются священные образы родной культуры, которые могут оставаться «невидимыми» для читателя без должного герменевтического комментария.

Одним из способов прочтения транслингвального текста является обращение к автотексту — авторскому тексту о тексте, содержащему развернутые сведения об образной системе собственных произведений. Одним из таких автотекстовых комплексов является книга Б. Каирбекова «Кочующие в мирах». Отдельные главы данного произведения семантически эксплицируют помещенные в книгу стихотворения поэта, становясь стимулом к их интерпретации. Благодаря автотекстуальным характеристикам произведения поэта выходят за рамки монолингвальной парадигмы и обретают семиотическую многомерность. Так, в них отчетливо прослеживаются мотивы номадизма, тенгрианства, поклонения аруахам; скрипты казахской

культуры; темы степи и кочевья; заветы предков, переданные потомкам. Обращение к автоматическому тексту, таким образом, расширяет исследовательский инструментарий и позволяет добиться более адекватных результатов в прочтении транслингвального художественного текста.

Библиографический список

1. *Валикова О.А., Синячкин В.П., Кулиева Ш.А.* Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 4. С. 171–184. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12> EDN: WKGXLE
2. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия — комос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК 1999. EDN: XBXDGX
3. *Аминева В.Р., Хабибуллина А.З.* Описание как прием исследования «национальных образов мира» // *Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики : материалы Всероссийского научно-практического семинара / сост.: Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимов, 2024.*
4. *Pu R.Q., Li H.F.* The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings // *Interdisciplinary Studies of Literature*. 2018. № 3(2). P. 257–271.
5. *Sorvari M.* Altering language, transforming literature: Translingualism and literary selftranslation in Zinaida Linden’s fiction // *Translation Studies*. 2018. № 11(2). P. 158–171. <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820>
6. *De Donno F.* Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // *Journal of World Literature*. 2021. № 6(1). P. 103–122. <https://doi.org/10.1163/24056480-20201005> EDN: PDCJSU
7. *Alvorado L.Y.* Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” And Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles” // *Centro Journal*. 2010. № 22(2). P. 50–73.
8. *Kellman S.G.* Switching languages: translingual authors reflect on their craft. Lincoln and London : University of Nebraska Press, 2003.
9. *Wilson R.* Cultural mediation through translingual narrative. Web. Target Online. Режим доступа: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil> (дата обращения: 09.01.2025).
10. *Бахтиркуеева У.М., Шагимгереева Б.Е.* Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2020. Т. 17. № 1. С. 83–89. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-1-83-89> EDN: KNINDS
11. *Trivedi M.* World Englishes and World Englishes Literature: A critical study // *Cognitive Discourses. International Multidisciplinary Journal*. 2013. Vol. 1. № 3. Режим доступа: http://cdimj.naspublishers.com/vol_1Issue_3.html (дата обращения: 4.01.2025).
12. *Аюнов Н.Г.* Тенгрианство как открытое мировоззрение. Алматы : КазНПУ им. Абая: КИЕ, 2012.
13. *Валикова О.А., Шагимгереева Б.Е., Кулиева Ш.А.* Космос в логосе: транслингвальная поэзия Э. Мижита и Б. Каирбекова // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 4. С. 230–249. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16> EDN: GMVEOJ
14. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : дисс. ... канд. фил. наук. М., 2010. EDN: QEUWBB

References

1. Valikova, O.A., Sinyachkin, V.P., & Kulieva, Sh.A. (2023). Ontic Elements as Markers of Translinguality in E. Mizhit’s Poems. *New Research of Tuva*, (40), 171–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12> EDN: WKGXLE
2. Gachev, G.D. (1999). *National images of the world. Eurasia as a cosmos of a nomad, a farmer and a highlander*. Moscow: Institute DIDIK publ. (In Russ.). EDN: XBXDGX

3. Amineva, V.R., & Khabibullina, A.Z. (2024). Description as a technique for studying “national images of the world”. In: *National literatures of the Volga and Ural regions: research paradigms and practices: materials of the All-Russian scientific and practical seminar*, L.Sh. Galieva, F.Kh. Minnullina (eds.). Kazan: IYALI of G. Ibragimov publ. (In Russ.).
4. Pu, R.Q., & Li, H.F. (2018). The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings. *Interdisciplinary Studies of Literature*, 3(2), 257–271.
5. Sorvari, M. (2018). Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden’s fiction. *Translation Studies*, 11(2), 158–171. <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820>
6. De Donno, F. (2021). Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada. *Journal of World Literature*, 6(1), 103–122. <https://doi.org/10.1163/24056480-20201005> EDN: PDCJSU
7. Alvorado, L.Y. (2010) Beyond Nation: Caribbean Poetics n Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” And Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles”. *Centro Journal*, 22(2), 50–73.
8. Kellman, S.G. (2003). *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.
9. Wilson, R. *Cultural mediation through translingual narrative*. Web. Target Online. URL: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.23.2.05wil> (accessed: 09.01.2025).
10. Bakhtikireeva, U.M., & Shagimgereeva, B.E. (2020). Linguistic existence of a creative personality: Bakhyt Kairbekov. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 17(1), 83–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2020-17-1-83-89> EDN: KNINDS
11. Trivedi, M. (2023). World Englishes and World Englishes Literature: A critical study. *Cognitive Discourses. International Multidisciplinary Journal*, 1(3). URL: http://cdimj.naspublishers.com/vol_1Issue_3.html (accessed: 4.01.2025).
12. Ayupov, N.G. (2012). *Tengrianism as an Open Worldview*. Almaty: KazNPU named after Abay. (In Russ.).
13. Valikova, O.A., Shagimgereeva, B.E., & Kulieva, Sh.A. (2020). Cosmos in logos: translingual poetry of E. Mizhit and B. Kairbekov. *New Research of Tuva*, (4), 230–249. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16> (In Russ.). EDN: GMVEOJ
14. Kremer, E.N. (2010). *Problems of Russian-foreign bilingualism (linguistic and ethnic identity of a bilingual personality)* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: QEUWBB

Сведения об авторах:

Нурмаганбет Карлыгаши Ертаевна, докторант PhD кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: мировая литература, русская литература, теория номадизма; *e-mail*: inyaz@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9380-7572.

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: билингвизм, русскоязычие, межкультурная коммуникация; *e-mail*: word@list.ru
ORCID: 0000-0002-2098-6298.

Азизова Айнура Орынбасаровна, PhD, и.о. ассоциированного профессора Международного университета туризма и гостеприимства (161200, Республика Казахстан, г. Туркестан, улица Рабиги Султан Бегим 14 “А”); *сфера научных интересов*: мифологический дискурс, авторский дискурс, художественный билингвизм; *e-mail*: ainura_28_87@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1871-7398.

Демченко Алена Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. ль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: мировая литература, русская литература, русскоязычная литература, транскulturация; e-mail: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

Information about the authors:

Karlygash E. Nurmaganbet, PhD candidate, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University (71 I-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: world literature, Russian literature, theory of nomadism; e-mail: inyaz@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9380-7572.

Vladimir P. Sinyachkin, Dr.Dc. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: bilingualism, Russian speaking, intercultural communication; e-mail: word@list.ru
ORCID: 0000-0002-2098-6298.

Ainur O. Azizova, PhD in Philology, Acting Associate Professor of the International University of Tourism and Hospitality (14 “A” Rabigi Sultan Begim St., Turkestan, Republic of Kazakhstan, 161200); *Research interests*: mythological discourse, author’s discourse, artistic bilingualism; e-mail: ainura_28_87@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1871-7398.

Alyona S. Demchenko, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: world literature, Russian literature, Russian language literature, transculturation; e-mail: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА FUNCTIONAL SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-543-555

EDN: FKNRUZ

UDC 811.111'37:372.881.111.1

Research article / Научная статья

A Corpus-Based Study of Vocabulary Distribution in Omani High School English Textbooks

Habibullah Pathan^{1,2} , Oksana I. Aleksandrova² , Urooj F. Alvi³,
Muhammad Khalid³

¹Sohar University, *Sohar, Oman*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

³University of Education, *Lahore, Pakistan*

 Pathan-h@rudn.ru

Abstract. Lexical make-up of the revised *Engage with English* textbooks utilized in Omani high schools for grades 11 and 12 are under examination. The textbooks were examined through a corpus-based methodology, employing the Vocabulary Profiler to classify terms put on the General Service List (GSL), the Academic Word List (AWL), and off-list vocabulary. The results indicate that the textbooks develop foundations in high-frequency vocabulary, they may inadequately prepare students to master Academic English, particularly due to the limited inclusion of AWL terms and the excessive presence of off-list vocabulary. These findings underscore the necessity of employing a balanced vocabulary strategy in textbook design to guarantee that students cultivate both communicative and academic competencies. Our study has some implications for English language teaching in Oman and recommendations for enhancing vocabulary training.

Keywords: corpus linguistics, lexical distribution, lexical makeup, Oman, school textbooks, vocabulary profiling

Authors' contribution: H. Pathan — the concept of the study, research methodology, O. Aleksandrova — writing part of the text, text review, U.F. Alvi — collection and processing of material, writing part of the text; M. Khalid — analysis of the data obtained, collection and processing of material, writing part of the text.

Funding: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Project Grant System Project No. 050740-2-000, “English Teachers’ Motivation for Professionalization in Internationally Oriented Universities”, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation.

© Pathan H., Aleksandrova O.I., Alvi U.F., Khalid M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Pathan, H., Aleksandrova, O.I., Alvi, U.F., & Khalid, M. (2025). A Corpus-Based Study of Vocabulary Distribution in Omani High School English Textbooks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 543–555. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-543-555>

Корпусный анализ лексического разнообразия учебника английского языка для старших классов в Омане

Хабибуллах Патхан¹ , О.И. Александрова² , Уроой Ф. Алви³ ,
Мухаммад Халид³

¹Сухарский университет, *Сухар, Оман*

²Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

³Педагогический университет, *Лахор, Пакистан*

 Pathan-h@rudn.ru

Аннотация. Методом корпусного анализа с помощью инструмента Vocabulary Profiler были классифицированы слова по отнесенности к списку общеупотребительных слов, академических слов и внесписочному словарю. В исследовании проанализирован лексический состав текстов переизданных учебников Engage with English, используемых в средних школах Омана для 11 и 12 классов. Результаты исследования показали, что учебники подходят для формирования лексической базы, включающей высокочастотную лексику, но недостаточно адаптированы для освоения академического английского из-за ограниченного включения академических терминов и переизбытка слов вне указанных списков. Результаты указывают на необходимость использования стратегии балансирования словаря при разработке учебников для развития у учащихся как коммуникативных, так и академических компетенций. Выводы позволили предложить некоторые рекомендации для преподавания английского языка в старших классах в Омане.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лексический состав, школьные учебники, профилирование словарного запаса

Вклад авторов: Х. Патхан — концепция исследования, методология исследований, О.И. Александрова — написание части текста, рецензирование текста, У.Ф. Алви — сбор и обработка материала, написание части текста; М. Халид — анализ полученных данных, сбор и обработка материала, составление части текста.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта No. 050740-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН. “Мотивация преподавателей английского языка к профессионализации в университетах, ориентированных на международный уровень”, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Российская Федерация.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: Pathan H., Aleksandrova O.I., Alvi U.F., Khalid M. A Corpus-Based Study of Vocabulary Distribution in Omani High School English Textbooks // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 543–555. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-543-555>

Introduction

English is becoming acknowledged as a global language, having applications in trade, science, technology, and education. Countries globally have included English into their national curricula, guaranteeing that students possess the linguistic competencies necessary for international engagement. In Oman, English is instructed as a foreign language (EFL) from primary to secondary education, with a significant focus on communicative competencies and academic preparedness.

The Omani Ministry of Education has developed textbooks to facilitate this process with the *Engage with English* series acting as the cornerstone of English education for high school students. The textbooks were updated according to the Omani educational standards for Grades 11 and 12 in order to help students acquire linguistic and academic competencies. However, these textbooks were not tested for balance in terms of vocabulary of high-frequency general use and specialized academic vocabulary.

This study aims to investigate vocabulary content of commonly used textbooks in Omani high school curricula in order to provide insights into how much these materials satisfy the demands of EFL learners. The findings allow develop some practical recommendations for English language instructors and curriculum designers in Omani High School. Using vocabulary profiling tools for textbooks analysis may help for future study in comparable educational situations.

To achieve the study objectives, we posed the following research questions:

1. What percentage of vocabulary in the *Engage with English* textbooks belongs to the General Service List (GSL)? Is it enough to provide the lexical level required for effective everyday communication?
2. What percentage of vocabulary in the *Engage with English* textbooks is on the Academic Word List (AWL)? Is it sufficient to prepare students for higher education?
3. To what extent do textbooks incorporate off-list words, and how may they impact learners' language acquisition? Off-list words can pose difficulties for learners, especially if they are excessively specialized or low-frequency. May the fraction of off-list terms impair language learning?

By answering these questions, the study hopes to provide insights that will help shape future textbook creation and vocabulary instruction in Oman, as well as contribute to broader conversations about the function of vocabulary in English language teaching in EFL settings.

The study underscores the significance of vocabulary in language acquisition, particularly in EFL contexts where learners heavily depend on textbooks for linguistic exposure. High-frequency vocabulary from the GSL is essential for fostering communicative competence, while academic terminology from the AWL is necessary to equip students for advanced education. Off-list terms, though often significant, must be judiciously chosen to prevent inundating learners with specialized or infrequent vocabulary that does not contribute to their general

language acquisition. However, some studies previously observed densification, colloquialization and democratization in speech tags [1].

Numerous studies have shown that a learner's capacity to communicate effectively and comprehend both written and spoken language is significantly related to their vocabulary volume [2; 3]. A diverse vocabulary is required for learners to comprehend texts, engage in conversations, and produce language in a range of circumstances. Researchers frequently distinguish between vocabulary breadth (the amount of words a learner knows) and vocabulary depth (how well those words are known) [4]: vocabulary width has a direct impact on comprehension; knowing the various meanings, collocations, and use of terms are equally important for language proficiency. For English language learners (ELLs), the task is not only to build a vast vocabulary, but also to develop the capacity to apply and understand these words in various circumstances. Analyzing number of large-scale patterns of number use in spoken and written English with frequency of magnitude, roundness, and cultural salience, register represented a mix of numerals and number words [5]. I.S.P. Nation [6] proposed the "threshold hypothesis," which states that learners must acquire a basic threshold of high-frequency vocabulary in order to understand and process most ordinary language. This threshold is widely assumed to be roughly 2,000 high-frequency words from the General Service List (GSL), that gives learners access to over 80% of the terms in typical English texts [7; 8]. When learners achieve this level, they are better prepared to understand more advanced or specialized language, such as academic vocabulary. This concept has influenced many educational programs and textbook designs, particularly in EFL situations such as Oman, where exposure to English outside of the classroom is limited.

Studies on textbook vocabulary content have continuously emphasized the need of having GSL words to ensure that learners succeed in language learning. J. Milton and T. Alexiou [9], for example, argue that many textbooks do not offer a sufficient amount of high-frequency terms, potentially delaying language acquisition for students. Curriculum designers can help students build fundamental communicative skills by ensuring that textbooks have appropriate exposure to GSL terminology. In Oman, where students learn English as a foreign language in a setting with little exposure to the language outside of the classroom, include GSL words in textbooks is critical. However, it is also crucial to recognize that high-frequency vocabulary alone is insufficient to prepare students for academic settings that require more specialized language.

The Academic Word List (AWL), created by A. Coxhead [10], includes 570 word families that often appear in academic writings but are not included in the GSL. This list is intended to assist learners in developing the vocabulary required for academic performance in environments where technical, Abstract, or specialized language is frequently employed. According to A. Coxhead, the AWL covers around 10% of words in academic books, making it a helpful resource for those planning to pursue higher education in English-speaking environments [10]. Students lacking a robust

basis in academic vocabulary may encounter difficulties in comprehending academic texts and cultivating language suitable for scholarly writing and discourse [11]. The research indicates that students deficient in academic language face disadvantages in academic tasks, including reading science specialized literature, composing articles, and delivering presentations [12].

English textbooks usually contain technical, specialized, or culturally specific terms besides GSL and AWL words. Although off-list terms might facilitate discussions on certain themes or disciplines, they may also provide difficulties for those students who have not yet acquired high-frequency or academic vocabulary [13]. Research on the incorporation of off-list vocabulary in textbooks has highlighted concerns regarding their influence on language acquisition. B. Laufer [14] noted that textbooks containing a significant number of low-frequency terms, particularly off-list items, may hinder learners' understanding and impede their advancement. It is essential to acknowledge that off-list phrases can be beneficial in contextualizing language acquisition, particularly when they are culturally pertinent or requisite for comprehending specific subject matter. The challenge lies in achieving an appropriate equilibrium between integrating essential off-list vocabulary and avoiding the inundation of learners with specialized terms that do not contribute significantly to their overall language acquisition.

Lexical content of textbooks can be analyzed by vocabulary profiling tools, including Nation's Vocabulary Profiler and Sketch Engine. These methods categorize words based on their frequency and significance, helping to evaluate a balance of high-frequency words, academic vocabulary, and off-list words. It aids educators in verifying that the contents align with student requirements and curricular objectives. For example, T. Cobb [15] employed the Vocabulary Profiler to assess the sufficiency of GSL and AWL vocabulary exposure in Canadian high school textbooks. His research indicated that numerous textbooks included an excessive quantity of off-list vocabulary, which adversely affected students' overall language proficiency. Examining representational meanings of gender stereotyped in Malaysian English language textbooks, the author found 126 images represented in professional occupations and 81 images represented non-professional occupations. However, occupational images of males were associated to more self-assertive and agentic characteristics while females were portrayed with professional occupations such as nurses and teachers [16] Similarly, T. Kawai [19] discovered that several Japanese high school textbooks under-represented AWL vocabulary, potentially leaving students underprepared for Academic English. In Oman, there has been little research into textbook evaluation using vocabulary profiling tools. This study aims to fill this vacuum by conducting a thorough analysis of the lexical content of the *Engage with English* textbooks, focusing on their alignment with the GSL and AWL, as well as the occurrence of off-list vocabulary.

Methodology and Data Analysis

This study used a corpus-based methodology to analyze the word distribution in two high school English textbooks adopted in Omani schools: the revised *Engage with English* textbooks for Grades 11 (Semester A) and 12 (Semester B). These textbooks were primarily chosen because they enjoy widespread usage in secondary schools throughout Oman, thus offering a significant contribution to the language exposure that students receive during these pivotal educational years. The information from each textbook underwent conversion into a digital format and was subsequently categorized into two distinct corpora, one corresponding to each grade level. The texts were then uploaded to Sketch Engine, a specialized corpus analysis tool that has an influence on various linguistic research capabilities. These include creating word lists, analyzing frequencies, and searching concordances. Still, it's worth keeping in mind that how well these tools work can change (proceeding from the research needs). While they give useful insights, you might need to think about what the data means. This makes learning language in an academic setting even more complex. Corpus analysis facilitates a systematic evaluation of lexical content, providing insights into the frequency, distribution, and coverage of essential vocabulary categories including GSL, AWL, and off-list words. So, the procedure is segmented into three phases:

- 1) corpus building,
- 2) vocabulary profiling with the Vocabulary Profiler,
- 3) subsequent analysis of the findings.

Thus, 1) The corpus was generated by manually digitizing the whole contents of the textbooks into text files. This encompasses all instructional text, reading passages, exercises, dialogues, and supplementary resources from the Grade 11 and Grade 12 textbooks.

The objective was to collect comprehensive lexical information for analysis, emphasizing linguistic elements that could affect learners' vocabulary acquisition.

The created corpus comprised a total of 5,551 words, of which 5,132 were unique. Meticulous attention was devoted to accurately counting words, including the handling of hyphenated terms and contractions, which were recorded as singular entities for uniformity. Numerals and proper nouns were included but analyzed separately, as they are not pertinent to the overarching objectives of vocabulary acquisition.

2) The corpus was analyzed with Nation's Vocabulary Profiler, a popular tool for vocabulary profiling that categorizes terms based on frequency and relevance. The investigation centered on categorizing words into some main following groups:

1. *The General Service List*, separated into two categories:
 - 1.1. GSL 1K: The most commonly used 1,000 words in English.
 - 1.2. GSL 2K: The next 1,000 most common words.
2. *Academic Wordlist*, divided into ten sub-lists depending on their frequency.
3. *Off-list Words*, technical, specialised, or low-frequency vocabulary not included in the GSL or AWL list.

4. *Proper Nouns and Numbers*: These categories were analysed independently as they do not normally contribute to a learner’s overall vocabulary acquisition.

The Vocabulary Profiler provided total and unique word counts for each category (GSL 1K, GSL 2K, AWL, and off-list): the percentage of words in each category compared to the total number of words in the corpus; cumulative percentages illustrating each vocabulary list’s increasing contribution to overall text coverage.

Proper nouns (the names of persons, places, organizations, and so on) and numerals were removed from vocabulary profiling but tracked independently. These items, while significant for contextual understanding, do not normally contribute to the development of general or academic vocabulary, hence they were analyzed for frequency rather than inclusion in the total vocabulary percentage calculations.

The study also concentrated on the repetition of essential language elements. The repetition of high-frequency words is crucial in vocabulary development because exposure to terms in varied contexts improves retention and comprehension (Webb, 2009). The profiling tool revealed which terms appeared the most frequently throughout the textbooks, as well as the amount to which they were repeated.

While this corpus-based approach provides for interesting insights into the lexical content of *the Engage with English* textbooks, it is necessary to recognize a few limitations:

- Manual text conversion may result in small transcription problems. However, thorough proofreading reduced the risk.
- The GSL and AWL are popular tools for vocabulary analysis, however, they are not comprehensive lists of all important vocabulary. Some words that are not on these standard lists may nonetheless be useful in specific learning environments.
- This study examines word frequency and distribution, but not their contextual usage. Understanding how words are employed in various situations (e.g., collocations, grammatical patterns) may provide for some additional insights regarding the textbooks’ efficiency in encouraging vocabulary learning.

The study lacks direct feedback from students or teachers regarding the difficulty of the vocabulary. Such data could provide for a more detailed view of the difficulties students have when reading these textbooks.

3) To analyze the data we used Sketch Engine to create lists of words that include all proper nouns found in the textbooks. Proper nouns were chosen depending on their grammatical category as names of specific individuals, places, or institutions, or historical events. There existed identified proper nouns and these were classified according to human names, such as “Albert Einstein”; geographical names, for example “London”; and organizational names, for instance “UNESCO”. This categorization enhanced comprehension of the thematic focus and cultural representation present in the textbooks.

Proper nouns were analyzed in terms of their frequency and their distribution across diverse sections of the textbooks, providing valuable insights into the themes and subjects addressed at each grade level. Some proper nouns came out as having a high frequency and is seen that this kind of analysis may bring forth some evidence that could be biased.

Findings and Discussion

The analysis of the *Engage with English* textbooks for Grades 11 (Semester A) and 12 (Semester B) in Oman sheds light on the vocabulary content of these resources. The results are presented below, emphasizing the distribution of vocabulary within the General Service List (GSL), Academic Word List (AWL), and off-list terms, alongside an analysis of the impact of this distribution on student learning (Table).

Vocabulary distribution

Vocabulary Level	Total Words	Percentage, %	Cumulative Percentage, %	Unique Words	Unique Percentage, %	Cumulative Unique Percentage, %
GSL 1K	2.088	39.5	39.5	1.907	38.7	38.7
GSL 2K	799	15.1	54.7	784	15.9	54.6
Total GSL	2.887	54.7	54.7	2.691	54.6	54.6
AWL 1	98	1.9	56.5	98	2.0	56.6
AWL 2	96	1.8	58.3	93	1.9	58.5
AWL 3	53	1.0	59.3	52	1.1	59.5
AWL 4	52	1.0	60.3	51	1.0	60.6
AWL 5	52	1.0	61.3	49	1.0	61.6
AWL 6	39	0.7	62.0	39	0.8	62.4
AWL 7	54	1.0	63.1	51	1.0	63.4
AWL 8	28	0.5	63.6	27	0.5	64.0
AWL 9	22	0.4	64.0	19	0.4	64.3
AWL 10	11	0.2	64.2	11	0.2	64.6
Total AWL	505	9.6	64.2	490	9.9	64.6
Proper Nouns	391	7.4	71.6	358	7.3	71.8
Off-list Words	1.499	28.4	100	1.388	28.2	100
Numbers	269	-	-	205	-	-
Totals	5.551	100	-	5.132	100	-

Source: compiled by Habibullah Pathan, Oksana I. Aleksandrova, Urooj F. Alvi, Muhammad Khalid.

The textbooks contain a considerable quantity of GSL vocabulary:

- **GSL 1K:** The top 1,000 English words constitute 39.5% of the total lexicon, with 1,907 unique terms. These terms are proper for everyday communication, exposing students to high-frequency vocabulary.
- **GSL 2K:** The following 1,000 words make up 15.1% of the total word count, adding 799 words. Together, GSL 1K and 2K words account for 54.7% of the overall vocabulary. The significant use of GSL terminology indicates that the textbooks establish a robust basis in high-frequency English, essential for cultivating fundamental communicative abilities.

The inclusion of AWL vocabulary in textbooks is scant.

- The AWL accounts for only 9.6% of overall word count in textbooks. This consists of 505 total words and 490 unique words.
- AWL 1 and AWL 2, which contain the most common academic words, make up only 1.9% and 1.8% of the overall vocabulary, respectively.

The low number of AWL words is concerning since it suggests the textbooks might not contain enough academic vocabulary to fully prepare students for higher education or academic conversation.

Off-list words make up 28.4% of the total word count, with 1,499 total off-list terms and 1,388 unique words. Off-list words might be challenging for learners due to their low frequency, specialization, or technical nature. This may distract students from learning the more common and academically necessary language found in the GSL and AWL.

Proper nouns, which account for 7.4% of total vocabulary, do not contribute as much to vocabulary learning as GSL or AWL words. The analysis included numbers, although they are not useful for assessing general or academic vocabulary learning.

Thus, the textbooks extensively include high-frequency vocabulary, with 54.7% of total words belonging to the GSL. This is critical for students' core language acquisition. The 9.6% representation of AWL words highlights a substantial gap in academic vocabulary, potentially hindering students' readiness for higher education. Textbooks with a large amount of off-list words (28.4%) may not be effective for ordinary communication or academic study, thereby increasing cognitive load and hindering language development.

The conclusion that GSL terms account for 54.7% of total vocabulary is consistent with prior research emphasizing the significance of high-frequency words for language learners. According to M. West [7] and I.S.P. Nation [11], learners who learn GSL terms have access to a considerable amount of ordinary English, allowing them to engage in fundamental communication. The textbooks' extensive use of GSL terminology shows that they are well-suited to improving students' basic communicative competence, which is central to language training in EFL settings. The limited presence of academic vocabulary (9.6% of total words) is concerning. A. Coxhead [10] asserts that Academic Word List (AWL) vocabulary is essential for academic success, and insufficient exposure to these terms may render students ill-equipped for the language requirements of higher education. This finding aligns

with previous research, which has shown that numerous EFL textbooks inadequately reflect academic vocabulary, resulting in learners experiencing significant gaps in their vocabulary knowledge that are challenging to address [18].

A lack of adequate academic vocabulary has numerous consequences for vocabulary acquisition. According to the research, repeated exposure to words in varied situations is critical for vocabulary learning [19; 20]. With only 9.6% of textbook terms falling under the AWL, students may not encounter enough academic words to have a solid comprehension of them. This might limit their capacity to understand academic literature, participate in academic discussions, and generate academic writing. It aims to improve communication skills and cross-cultural understanding.

Furthermore, the high number of off-list items (28.4%) indicates that a large portion of the vocabulary may not be immediately beneficial for students' communicative or academic needs. While some off-list words are undoubtedly useful for teaching context-specific content (e.g., cultural allusions or technical terminology), their great prominence may distract from the more immediate purpose of assisting students in mastering the general and academic vocabulary required for future studies. This confirms B. Laufer's claim that textbooks with a high percentage of low-frequency or specialised vocabulary can impede learners' overall language development [14].

The findings of this study highlight the need for a more targeted approach to vocabulary training in the Omani curriculum. While textbooks provide appropriate exposure to high-frequency words, there are insufficient opportunities for students to practice academic vocabulary. Teachers may need to supplement textbooks with new materials that emphasize AWL vocabulary and provide students more opportunities to see them in meaningful situations. Furthermore, vocabulary teaching tools including word families, collocations, and academic word lists should be incorporated into classroom instruction. These tactics can help students gain a deeper grasp of words beyond their meanings, allowing them to use them more effectively in various circumstances [12]. Given the large amount of off-list terms, teachers must prioritize which words to focus on, ensuring that students learn vocabulary that will be most beneficial in their academic and communicative demands.

Conclusions

The analysis of the revised *Engage with English* textbooks for Grades 11 (Semester A) and 12 (Semester B) used in high schools of Oman have provided for some findings that indicate good representation of high-frequency vocabulary, while also exposing significant gaps in academic vocabulary coverage and an over-reliance on off-list terms.

The textbooks offer substantial exposure to high-frequency vocabulary, comprising of the total items in the General Service List. This is essential for students' foundational language acquisition, guaranteeing they possess the vocabulary necessary for

fundamental communication. The incorporation of GSL 1K phrases, comparing to the overall vocabulary, is crucial for enhancing students' fluency in everyday English.

The most significant finding of the study is the minimal representation of academic vocabulary in the Omani high school English textbooks, the total of terms derived from the Academic Word List. The absence of sufficient academic vocabulary in these texts, intended for high school students potentially pursuing higher education, is concerning. The insufficient focus on AWL vocabulary in textbooks may render students ill-equipped for the linguistic challenges of university education.

A notable finding is the substantial percentage of off-list words in the overall vocabulary in the textbooks. While some off-list words are required for teaching unique cultural or specific themes, their abundance in textbooks may overwhelm students who have yet to master more significant general or academic vocabulary. This may present a barrier for the students who are still establishing their core language skills.

Proper nouns and numbers are useful for contextual comprehension, but they do not immediately contribute to students' vocabulary development. The inclusion of proper nouns and numbers in textbooks has no substantial impact on students' acquisition of general or academic English vocabulary.

The findings of the study have significant pedagogical implications for English language instruction in Oman, notably in terms of textbook design and use:

Teachers could consider introducing additional exercises or reading materials that emphasize the use of academic vocabulary, particularly those from the AWL, to ensure students are ready for the academic challenges they may face in higher education.

Curriculum makers may consider limiting the number of off-list terms in future textbook editions to ensure that the emphasis remains on high-frequency and academic vocabulary, which is more advantageous to students' language development. Teachers can also assist students prioritize which words to study by emphasizing the GSL and AWL throughout classes.

Given the results of this study, future research could cover various areas:

Gathering qualitative data from students and teachers could shed the light on how students perceive the vocabulary material in textbooks, as well as whether learners find the vocabulary challenging or insufficient. This feedback could help guide future textbook modifications.

Comparative studies could look into whether comparable patterns of vocabulary distribution exist in textbooks used in other EFL settings. This would assist evaluate whether the issues raised in this study are unique to Oman or reflect broader trends in EFL textbook design.

References / Библиографический список

1. Baker, P. (2023). A year to remember? Introducing the BE21 corpus and exploring recent part of speech tag change in British English. *International Journal of Corpus Linguistics*, 28(3), 407–429. <https://doi.org/10.1075/ijcl.22007.bak> EDN: TLFOYC
2. Laufer, B., & Nation, P. (1995). Vocabulary size and use: Lexical richness in L2 written production. *Applied Linguistics*, 16(3), 307–322. <https://doi.org/10.1093/applin/16.3.307> EDN: ILBAMH

3. Schmitt, N. (2000). *Vocabulary in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Qian, D.D. (2002). Investigating the relationship between vocabulary knowledge and academic reading performance: An assessment perspective. *Language Learning*, 52(3), 513–536. <https://doi.org/10.1111/1467-9922.00193>
5. Woodin, G., Winter, B., Littlemore, J., Perlman, M. & Grieve, J. (2024). Large-scale patterns of number use in spoken and written English. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 20(1), 123–152. <https://doi.org/10.1515/cllt-2022-0082> <https://doi.org/10.1515/cllt-2022-0082> EDN: YOASAW
6. Nation, I.S.P. (2001). *Learning vocabulary in another language*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524759>
7. West, M. (1953). *A general service list of English words*. London: Longman, Green.
8. Nation, I.S. P., & Waring, R. (1997). Vocabulary size, text coverage and word lists. In: N. Schmitt & M. McCarthy (Eds.), *Vocabulary: Description, acquisition and pedagogy* (pp. 6–19). Cambridge: Cambridge University Press.
9. Milton, J., & Alexiou, T. (2009). Vocabulary size and the Common European Framework of References for Languages. In: B. Richards, H. Daller, D. Malvern, P. Meara, J. Milton, & J. Treffers-Daller (Eds.), *Vocabulary studies in first and second language acquisition: The interface between theory and application* (pp. 194–211). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230242258_12
10. Coxhead, A. (2000). A new academic word list. *TESOL Quarterly*, 34(2), 213–238. <https://doi.org/10.2307/3587951>
11. Nation, I.S.P. (2006). How large a vocabulary is needed for reading and listening? *Canadian Modern Language Review*, 63(1), 59–82. <https://doi.org/10.3138/cmlr.63.1.59>
12. Schmitt, N., & Schmitt, D. (2014). A reassessment of frequency and vocabulary size in vocabulary teaching. *Language Teaching*, 47(4), 484–503. <https://doi.org/10.1017/S0261444812000018>
13. Meara, P. (2005). Lexical frequency profiles: A Monte Carlo analysis. *Applied Linguistics*, 26(1), 32–47. <https://doi.org/10.1093/applin/amh037> EDN: ILAOPV
14. Laufer, B. (1992). How much lexis is necessary for reading comprehension? In: H. Béjoint & P. Arnaud (Eds.), *Vocabulary and applied linguistics* (pp. 126–132). London: Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-12396-4_12
15. Cobb, T. (2007). Computing the vocabulary demands of L2 reading. *Language Learning & Technology*, 11(3), 38–63.
16. Shamsuddin, C.M., & Hamid, B.A. (2017). Representational Meanings of Gender Stereotyped Professional Occupation Images in Selected Malaysian English Language Textbooks. 3L: *Language, Linguistics, Literature® The Southeast Asian Journal*, 23(4), 136–156. <http://doi.org/10.17576/3L-2017-2304-10>
17. Kawai, T. (2014). Vocabulary coverage and its implication for learners of English. *Journal of English Teaching*, 3(1), 58–73.
18. Chen, Q., & Ge, G.C. (2007). A corpus-based lexical study on frequency and distribution of Coxhead's AWL word families in medical research articles (RAs). *English for Specific Purposes*, 26(4), 502–514. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2007.04.003>
19. Schmitt, N. (2008). Review article: Instructed second language vocabulary learning. *Language Teaching Research*, 12(3), 329–363. <https://doi.org/10.1177/1362168808089921> EDN: JOJLAB
20. Webb, S. (2009). The effects of receptive and productive learning of word pairs on vocabulary knowledge. *RELC Journal*, 40(3), 360–376. <https://doi.org/10.1177/0033688209343854>

Information about the authors:

Habibullah Pathan, PhD in Philology, Research Professor of the Faculty of Language Studies, Sohar University (Al Jameah str., Sohar, Al-Batinah, Oman, 3111), senior researcher of the Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Technology Integration in TESOL, Corpus Linguistics, Critical Discourse Analysis; *e-mail*: Hpathan@su.edu.om, Pathan-h@rudn.ru
 ORCID: 0000-0003-3425-3594; Scopus Author ID: 57221613434; Researcher ID: AAV-7602-2020

Oksana I. Aleksandrova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department of the Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse analysis, semantics and semiotics, cognitive linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7246-4109; SPIN-code: 1858-5107, AuthorID: 613532; Scopus Author ID: 57200073938; Researcher ID: Q-7339-2016

Urooj F. Alvi, PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of English of the Division of Arts and Social Sciences, University of Education (Rati Gun Rd, Lower Mall, Data Gunj Buksh Town, Lahore, Punjab, Pakistan, 54000); *Research interests*: Critical Discourse Analysis, Corpus linguistics; *e-mail*: Urooj.alvi@ue.edu.pk ORCID: 0000-0002-8545-0136, SPIN-code: 9799-0555, AuthorID: 394192

Muhammad Khalid, PhD student, teacher at school education department, University of Education, Punjab, Pakistan (Rati Gun Rd, Lower Mall, Data Gunj Buksh Town, Lahore, Punjab, Pakistan, 54000); *Research interests*: Corpus linguistics; *e-mail*: ksdoshi786@gmail.com ORCID: 0009-0004-9402-6582, SPIN-code: 6582-6230, AuthorID: 572525

Сведения об авторах:

Хабибуллах Патхан, кандидат филологических наук, профессор факультета языкознания, Сохарский университет (3111, Оман, г. Сохар, ул. Аль-Джамиа, Сохар, Аль-Батина), старший научный сотрудник филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: интеграция технологий в методику преподавания английского языка как иностранного, корпусная лингвистика, критический дискурс-анализ; *e-mail*: Hpathan@su.edu.om, Pathan-h@rudn.ru ORCID: 0000-0003-3425-3594; Scopus Author ID: 57221613434; Researcher ID: AAV-7602-2020

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) *научные интересы*: дискурс-анализ, семантика и семиотика, когнитивная лингвистика, социолингвистика; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7246-4109; SPIN-код: 1858-5107, AuthorID: 613532; Scopus Author ID: 57200073938; Researcher ID: Q-7339-2016

Уроой Ф. Алви, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета искусств и социальных наук, Университет Образования, Кампус Лоуэр Молл, улица Рати Ган, Лоуэр Молл, район Дата Гандж Бакш, Лахор, Пенджаб, Пакистан, 54000; *научные интересы*: критический дискурс-анализ, корпусная лингвистика; *e-mail*: Urooj.alvi@ue.edu.pk ORCID: 0000-0002-8545-0136; SPIN-код: 9799-0555, AuthorID: 394192

Мухаммад Халид, аспирант, преподаватель кафедры школьного образования Университет Образования, Кампус Лоуэр Молл, улица Рати Ган, Лоуэр Молл, район Дата Гандж Бакш, Лахор, Пенджаб, Пакистан, 54000; *научные интересы*: корпусная лингвистика; *e-mail*: ksdoshi786@gmail.com ORCID: 0009-0004-9402-6582; SPIN-код: 6582-6230, AuthorID: 572525

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-556-565

EDN: FIIDCW

УДК 811.161.1:811.411.21:070:008

Научная статья / Research article

Логоэпистемы в заголовках российской и арабской прессы: лингвокультурологический аспект

В.Ф. Ибрагим¹ , А.С. Мамонтов² ¹Айн-Шамский университет, Каир, Египет, Арабская Республика Египет²Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация wfi1980@yahoo.com

Аннотация. Соотношение языка и культуры рассматривается в качестве одной из предпосылок появления термина «логоэпистема», а также предлагается уточнение причин неуклонного роста числа употреблений логоэпистем в российских и арабских газетах, что отражает тенденцию к использованию таких приемов как пародирование, языковая игра и др., что, в свою очередь, получило название «карнавализация» языка. Исследование посвящено проблеме анализа и экспликации специфики употребления логоэпистем в заголовках современной российской и арабской прессы в сопоставительном аспекте. При этом предлагается анализ тех функций, которые призваны реализовывать логоэпистемы в дискурсах газет. Отдельное место отведено рассмотрению процесса трансформации логоэпистем, выявлению сходства и различий в употреблении исследуемых единиц в русской и арабской прессе. Также рассматриваются различные источники логоэпистем, что предоставляет важную информацию о доминирующих ценностях и наиболее актуальных проблемах русского и арабского социумов и дает ключ к пониманию специфики их этнического сознания. Исследование использования логоэпистем в заголовках российской и арабской прессы показывает, что как русские, так и арабские журналисты прибегают к одним и тем же приемам. Они регулярно используют их в процессе так называемой «языковой игры» с целью вызвать эффект «обманутого ожидания», чтобы привлечь внимание читателя и побудить его ознакомиться с текстом. Употребление логоэпистем связано с поисками наиболее адекватных экспрессивных средств выражения и тенденцией к смешению газетно-публицистического и разговорного стилей, что, по мнению специалистов прессы, способно обеспечить наиболее адекватный эффект воздействия на современную читательскую аудиторию.

Ключевые слова: карнавализация языка, трансформация, языковая игра

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: исследователь Ибрагим В.Ф. финансируется за счет полной стипендии Министерства высшего образования Арабской Республики Египет.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Ибрагим В.Ф., Мамонтов А.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: Ибрагим В.Ф., Мамонтов А.С. Логоэпистемы в заголовках российской и арабской прессы: лингвокультурологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 556–565. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-556-565>

Logoepistemes in the Headlines of the Russian and Arabic Press: a Linguocultural Aspect

Wael F. Ibrahim¹ , Alexander S. Mamontov²

¹ Ain-Shams university, Cairo, Egypt, Arab Republic of Egypt

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

 wfi1980@yahoo.com

Abstract. A discussion is focused on the relationship between language and culture as a prerequisite for the emergence of the term “logoepisteme”, and it is also proposed to consider the reasons for the steady increase in the number of logoepistemes in use in Russian and Arabic newspapers, which reflects the tendency to use such techniques as a parody, a language game, etc., which led to the “carnivalization” of language. The study is devoted to the problem of analysis and explication of the specifics of the use of logoepistemes in the headlines of modern Russian and Arabic press in a comparative aspect. At the same time, the analysis of those functions that are designed to implement logoepistemes in the discourses of newspapers is proposed. A special place in the article is devoted to the consideration of the process of transformation of logoepistemes, identification of similarities and differences in the use of the studied units in the Russian and Arabic press. The study also discusses different sources of logoepistemes, which provides important information about the dominant values and the most urgent issues of the Russian and Arabic national-linguocultural communities and gives the key to understanding their way of thinking. A study of the use of logoepistemes in headlines in the Russian and Arab press shows that both Russian and Arabic journalists resort to the same techniques. They especially use them in the process of the so-called “language game” and with the aim of causing the effect of “misguided expectations” in order to attract the reader’s attention and encourage him to familiarize himself with the text. The use of logoepistemes is associated with the search for the most adequate expressive means of expression and with the tendency to mix newspaper, journalistic and conversational styles, which, according to press experts, can provide the most adequate effect on today’s readership.

Keywords: language carnivalization, transformation, language game

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the Researcher Ibrahim F. Wael is supported by a fully-paid scholarship on behalf of the Egypt Ministry of Higher Education of the Arabic Republic of Egypt.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Wael, I.F., & Mamontov, A.S. (2025). Logoepistemes in the Headlines of the Russian and Arabic Press: a Linguocultural Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 556–565. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-556-565>

Введение

Из года в год наблюдается все более и более возрастающий интерес к проблемам соотношения языка и культуры. В то же время данное соотношение в разных его аспектах до сих пор вызывает дискуссии среди широкой научной общественности, нередко трактуясь по-разному, хотя все едины во мнении, что изучение и преподавание языков не представляется возможным или полезным в изоляции от культуры.

Позволим себе напомнить, что возрастающий интерес к изучению проблемы соотношения языка и культуры привел к возникновению относительно новой научной дисциплины — лингвокультурологии. Она возникла как самостоятельное направление лингвистики в 90-е годы XX в. в работах Н.Д. Арутюновой [1], В.Н. Телия [2], В.А. Масловой [3], Ю.С. Степанова [4], В.В. Воробьева [5], В.И. Карасика [6], Д.Б. Гудкова [7], В.В. Красных [8] и других исследователей и призвана изучать особенности той или иной культуры, которые отражаются и закрепляются в языке.

При этом, на наш взгляд, одним из релевантных аспектов лингвокультурологии является теория логоэпистемы. Как известно, данный термин был введен в научный обиход для обозначения языкового выражения «закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур». Это позволило говорить о логоэпистематике как «очередной парадигме лингвострановедческого (или как чаще сейчас — лингвокультурологического) поиска», поскольку, по мнению авторов, вышеназванная парадигма полностью отвечала идее «сообщения культурного знания через язык и предоставляет много возможностей для решения проблемы соотношения языка и культуры как в аспекте описания русского языка, так и в аспекте преподавания его в качестве иностранного» [9. С. 91].

Таким образом, с точки зрения лингвистики, логоэпистема характеризуется наличием фактического словесного выражения, отнесенностью к конкретному языку, указанием на породивший ее текст или ситуацию, возобновлением и видоизменением. А с точки зрения культурологии логоэпистема связана с неким знанием культурного характера и отличается семиотичностью, герменевтичностью, дидактичностью и символичностью [9. С. 91].

Появление логоэпистем и логоэпистемологии явилось следствием наличия трех факторов. Первый из них «обусловлен новым языковым вкусом эпохи Перестройки» и последующего времени. В этот период развиваются тенденции пародирования, интертекстуальности и языковой игры, что в целом получило название «карнавализации» языка. Второй фактор — это результат того, что «в 80–90-е годы на смену формальной лингвистике пришла когнитивная, антропоцентрическая лингвистика». Третий же фактор тесно связан с «кризисом идеологизированного советского лингвострановедения

и появлением новой научной дисциплины, лингвокультурологии» [10]. Попутно заметим, что, по нашему мнению, последняя сентенция является более чем спорной, но это уже тема отдельной статьи.

Методы и материал исследования

В описанном в данной статье исследовании в основном использованы следующие методы: сопоставительный анализ, описательный анализ, контекстуальный анализ, статистический анализ, метод сплошной выборки. Подобная комбинация методов обусловлена как целью исследования, так и спецификой анализируемого материала.

Материалом исследования послужили заголовки и подзаголовки наиболее популярных авторитетных российских и арабских газет и журналов в период с 2009 по 2021 г. Общий объем выборки составляет 1136 заголовков.

Логоэпистемы в заголовках российской и арабской прессы

В современный период в силу так называемой демократизации языка наблюдаются значительные изменения в языке газет. Одним из самых ярких изменений является увеличение потенциала экспрессивных ресурсов, употребление которых все более расширяется и обновляется, поскольку они способны передавать идеи автора в яркой форме, что способствует усилению воздействия на адресата. Поэтому в наши дни на страницах газет и журналов мы встречаемся с большим количеством логоэпистем, поскольку, как считают исследователи: «Публицистический пафос сменился тотальной иронией, а постмодернизм снабдил публицистику таким количеством приемов языковой игры, что иной текст воспринимается просто как ребус, который нужно не столько читать, сколько разгадывать» [11. С. 53].

Логоэпистемы являются эффективным способом передачи смысла. Они «предполагают соучастие слушающего и говорящего, опирающихся при этом на свои знания, на свое умение возбуждать в сознании широкий круг ассоциаций в соответствии с сигналами в воспринимаемом тексте (...) они позволяют ярко, образно, с опорой на исторический опыт народа и, что немаловажно, одним намеком, свернуто выразить мысль и чувство» [12. С. 27].

Логоэпистемы употребляются в прессе как в неизменном, так и в трансформированном видах. И такого рода трансформации логоэпистемы получили наименование логоэпистемойды. Они служат целям разного рода языковой игры: создают ироническое, саркастическое, гротескное, трагическое или иное звучание, рождают загадку, создают художественный подтекст.

Журналисты прибегают к использованию логоэпистем в заголовках, чтобы сделать заголовок одновременно и информативным, и выразительным, добиться его оптимального эмоционального и эстетического воздействия на читателя, сравните:

На русском языке

- «Блеск и нищета внешней политики Эрдогана» (Заголовок: Независимая газета. 27.09.2021)
«Лучшие гор могут быть только горы Алтая» (Заголовок: Комсомольская правда. 30.07.2009)
«Восточный фронт без перемен» (Подзаголовок: Известия. 01.10.2020)

На арабском языке

- «واذا هُم ماتت لغتهم ماتوا!..!» (عنوان. الأهرام. 21-07-20)
«А если умрет их язык, они умрут..!» (Заголовок. Аль-Ахрам. 20.07.2021) (в оригинале: *Если умрет их мораль, они умрут*)
«خلي بالك من كومنتك» (عنوان. اليوم السابع. 2021-11-27)
«Берегите свой комментарий» (Заголовок. Алюм Альсабаа. 27.11.2021) (в оригинале: *Берегите Зозу*)
«الحصانة كنز لا يفنى» (عنوان. الشروق. 2018-11-28)
«Иммунитет — неистощимое сокровище» (Заголовок. Аль-Шорук. 28.11.2018) (в оригинале: *Довольство малым – неистощимое сокровище*).

Источники логоэпистем в российской и арабской прессе

Теперь переходим к рассмотрению источников логоэпистем в российской и арабской прессе, потому что это определяет круг фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полноценного понимания соответствующих текстов, а также предоставляет важную информацию о превалирующих ценностях и наиболее актуальных проблемах русского и арабского лингвокультурных национальных сообществ, что дает ключ к пониманию их образа мысли, и, следовательно, приводит к выводам о наиболее эффективных механизмах воздействия на сознание их представителей. Но из-за ограниченности объема статьи мы остановились только на самых важных источниках.

В российской прессе логоэпистемы из текстов художественной литературы оказались самыми многочисленными по частоте употребления, они занимают ведущее место в заголовках. Это обусловлено тем, что русский человек регулярно апеллирует к литературным произведениям в разнообразных видах дискурса для оценки и анализа явлений реальной действительности. Специалисты по русской культуре утверждают ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации. Итак, высокая частотность апелляции к логоэпистемам литературного происхождения в российской прессе объясняется литературоцентричностью, особым положением данного вида искусства в российском национальном сознании. Обратимся к примерам:

На русском языке

- «Все смешалось в доме Гуччи» (Заголовок: Коммерсантъ. 06.12.2021)
«Есть еще порох в пороховницах» (Подзаголовок: Независимая газета. 11.10.2021)
«Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» (Подзаголовок: Независимая газета. 15.07.2020)

В арабской же прессе логоэпистемы из художественной литературы занимают пятое место, что, по нашему мнению, объясняется немалым процентом неграмотности в арабском мире. Кроме того, на этапе базового образования не преподают классику арабской литературы. А первое место занимают логоэпистемы религиозного происхождения. В арабских газетах и журналах гораздо чаще встречаются фразы из Корана и хадисов (реже Библии), что является вполне закономерным, поскольку большинство людей в арабском мире верующие мусульмане по природе и убеждению. Сравните:

На арабском языке

- "أو تسريح بإحسان" (عنوان. اليوم السابع. 2021-06-24)
«Или с благодарениями достойно отпустить» (Заголовок. Альюм Альсабаа. 24.06.2021)
- "يا مدبولي.. خذ الكتاب بقوة" (عنوان. المصري اليوم. 2020-06-25)
«О Мадбули, держись Писания сильно!» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм. 25.06.2020)
(в оригинале: *О Яхья, держись писания сильно!*). Мадбули — это фамилия премьер-министра Египта)
- "استوصوا بالنساء خيرا" (عنوان. اليوم السابع. 2019-12-13)
«Обходитесь с женщинами хорошо» (Заголовок. Альюм Альсабаа. 13.12.2019)
- "أبانا الذي في الاتحادية.." (عنوان. المصري اليوم. 2017-06-14)
«Отче наш, Иже еси в Этихадии!» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм. 14.06.2017)
(в оригинале: *Отче наш, Иже еси на небеси!*). Этихадия — это названия резиденции президента в Каире)

Второе место в российской прессе занимают логоэпистемы, относящиеся к кинематографу. И в наши дни кино по-прежнему является самым массовым искусством, представляющим модели поведения для среднего носителя современной культуры. Оно обладает повышенным суггестивным потенциалом в силу использования и зрительного и слухового каналов воздействия на психику массового зрителя. Поэтому именно кинофильмы стали важным источником логоэпистем. В арабской прессе они занимают тоже немаловажное третье место:

На русском языке

- «Царь, очень приятно, царь!» (Заголовок: Комсомольская правда. 10.09.2016)
- «Не виноватая я, он сам пришел» (Заголовок: Аргументы и Факты. 22.12.2021)
- «За державу обидно: отделом ядерной безопасности «Звездочки» руководили мздоимцы» (Заголовок: Московский Комсомолец. 02.11.2021).

На арабском языке

- "أليس كريم في طور سيناء!" (عنوان. المصري اليوم. 2020-30-08)
«Мороженое в Тор-Синае!» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм. 08.03.2020) (в оригинале: *Мороженое в декабре*).
- "سقراط وشهير وبهير!" (عنوان. الأهرام. 2017-06-28)
«Сократ, Шахир и Бахир!» (Заголовок. Аль-Ахрам. 28.06.2017) (в оригинале: *Самир Шахир и Бахир*).
- "الكمامة لا تزال في جيبتي" (عنوان. اليوم السابع. 2020-12-28)
«Маска до сих пор у меня в кармане» (Заголовок. Альюм Альсабаа. 28.12.2020) (в оригинале: *Пуля до сих пор у меня в кармане*).

В арабской прессе второе место занимают фольклорные логоэпистемы. Они включают пословицы и поговорки, народные сказки и легенды, анекдоты, загадки и народные песни. Использование в современной арабской прессе фольклорных текстов является средством образного, эмоционально окрашенного моделирования современной действительности. Они выражают значимые для арабского лингвокультурного сообщества знания и представления и являются яркими маркерами национально обусловленного мировосприятия. Обращение к фольклорным текстам в прессе — один из вариантов интерпретации творчества, вошедшего в бытовую традицию арабского народа. Кроме того, арабский народ все время стремится сохранить свои ценности, традиции и обычаи, которые уже закреплены в его фольклоре. В российской прессе фольклор занимает четвертое место среди источников логоэпистем, например:

На русском языке

- «Сказка про белого бычка» (Подзаголовок: Правда. 26.11.2021)
«Живы курилки» (Заголовок: Российская газета. 17.05.2021)
«Копейка рубль не бережет» (Заголовок: Московский Комсомолец. 22.09.2010).

На арабском языке

- «يموت الزمار وإيده بتلعب!» (عنوان. المصري اليوم. 2020-02-16)
«Умирает волынищик, и его рука играет» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм. 16.02.2020)
«العدد لم يعد فى الليمون» (عنوان. الشروق. 2019. 12.06)
«Не дешево, как лимон» (Заголовок. Аль-Шорук. 06.12.2019) (в оригинале: *Дешево, как лимон*)
«خبي ديلك يا عصفور» (عنوان. المصري اليوم. 2020-05-18)
«Спрячь хвост, птичка» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм. 18.05.2020) (фраза из детской фольклорной игры)

Как источник логоэпистем, песни занимают, соответственно, четвертое место и третье место в арабской и российской прессе, что объясняется тем, что песни являются «неотъемлемой частью культуры и истории того или иного народа, поскольку в ней отражаются менталитет, душа, образ жизни данного народа, образ мышления, чувства и эмоции, судьбы людей, ее легко приручить к конкретной жизненной ситуации» [13. С. 10].

Например:

На русском языке

- «Промолчи — попадешь в первачи» (Заголовок: Известия. 14.07.2016).
«Бери шинель, иди домой» (Подзаголовок: Известия. 30.12.2019).

На арабском языке

- «لو بطلنا «ندعم» نموت!..» (عنوان. الأهرام. 2016-08-10)
«Если мы перестанем «поддерживать», мы погибнем..!» (Заголовок. Аль-Ахрам. 08.10.2016) (в оригинале: *Если мы перестанем мечтать, мы погибнем*).
«قولوا للي أكل أموال الندعم يخاف» (عنوان. اليوم السابع. 2020-08-04)
«Скажите тем, кто взял незаконным путем деньги субсидий, чтобы они боялись» (Заголовок. Альюм Альсабаа. 08.04.2020) (в оригинале: *Скажите тем, кто взял незаконным путем деньги, чтобы они боялись*)

Политические логоэпистемы также составляют немалое количество в предложенном рабочем материале статьи. Высказывания известных выдающихся политических деятелей и политические лозунги и слоганы встречаются чаще в российской и арабской прессе. Это является естественным результатом актуальности темы «политика» в жизни любого народа. Сравните:

На русском языке

«Заплати налоги и спи спокойно» (Подзаголовок: Известия. 25.01.2022)

«Голосуй или проиграешь» (Подзаголовок: Правда. 11.09.2021).

На арабском языке

"الشعب يريد حل البرلمان!" (عنوان. المصري اليوم. 2021-10-05)

«Народ хочет распустить парламент!» (Заголовок. Аль-Масри Аль-Юм, 10.05.2021) (в оригинале: *Народ хочет свергнуть режим!* Это основной лозунг протестующих во время революции 25 января 2011).

"لو لم أكن قطريًا لوددت أن أكون قطريًا!!" (عنوان. المصري اليوم. 2014-09-13)

««Если бы я не был катарцем, я бы хотел быть катарцем..!!» (Заголовок. Аль-Масри аль-Юм. 13.09.2014) (в оригинале: *Если бы я не был египтянином, я бы хотел быть египтянином!* Это фраза известного деятеля национально-освободительного движения Египта Мустафы Камиля).

Таким образом, в лингвокультурной парадигме источники и факторы употребления логоэпистем в современной русской и арабской прессе, в авторитетных изданиях газет и журналов оказываются сходными, но они ранжируются, распределяются по-разному что обусловлено и культурно-историческими традициями, и языковыми средствами выразительности.

Заключение

Итак, исследование использования логоэпистем в заголовках российской и арабской прессы показывает, что как русские, так и арабские журналисты прибегают к одним и тем же приемам и средствам языковой экспрессии. Они регулярно используют их в процессе так называемой «языковой игры» как с целью вызвать эффект «обманутого ожидания», так и для того чтобы воздействовать на читателя, привлечь его внимание и побудить его ознакомиться с текстом. Необходимо подчеркнуть, что использование логоэпистем в заголовках российской и арабской прессы связано с поисками наиболее адекватных экспрессивных средств выражения и с тенденцией к смешению газетно-публицистического и разговорного стилей, что способно, по мнению специалистов прессы, обеспечить наиболее адекватный эффект воздействия на современную читательскую аудиторию. Считаем необходимым подчеркнуть, что проведенный нами анализ эмпирического материала на русском и арабском языках в сопоставительном аспекте позволяет говорить о своего рода, «литературоцентричности» — русской лингвокультуры, и о «религиоцентричности» арабской, что является, на наш взгляд немаловажным звеном в процессе обеспечения диалога двух национальных культур на современном этапе.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. EDN: YLAWAR
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология: прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академия, 2001. EDN: UKCOEJ
4. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. EDN: QOFIUB
5. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : изд-во Российский университет дружбы народов, 1997. EDN: VCELML
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. EDN: UGQAMP
7. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.
8. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения : Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Краснодар, 2002. С. 204–214.
9. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Логосистема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. М. : Информационно-учебный центр Гос.ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2000. С. 88–96.
10. *Жданов В.Н.* Логосистема как знаковая лингвокультурологическая единица русского дискурса // Материалы I Международной научно-практической междисциплинарной Интернет-конференции «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации». Якутск, 2013. Режим доступа: https://philology.s-vfu.ru/?page_id=755 (дата обращения: 25.12.2021). EDN: RTRPFV
11. *Скорородова Е.Ю.* Современное состояние функционально-стилистической системы русского литературного языка // Вопросы филологии. 2007. № 1. С. 50–55. EDN: NITNFV
12. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 23–36. EDN: UKNRSV
13. *Баясгалан Д.* Логосистемы из песен и их функции в русскоязычном коммуникативном пространстве : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

References

1. Arutyunova, N.D. (1999). Language and the World of Man. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: YLAWAR
2. Teliya, V.N. (1996). Russian phraseology: pragmatic and linguacultural aspects. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
3. Maslova, V.A. (2001). Lingvoculturology: A textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Academy. (In Russ.). EDN: UKCOEJ
4. Stepanov, Y.S. (2001). Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Academic Project. (In Russ.). EDN: QOFIUB
5. Vorobyov, V.V. (1997). Lingvoculturology (theory and methods). Monograph. Moscow: Publ. RUDN University. (In Russ.). EDN: VCELML
6. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UGQAMP
7. Gudkov, D.B. (2003). Theory and Practice of Intercultural Communication. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
8. Krasnykh, V.V. (2002). Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies as constituents of a new scientific paradigm. In: *The Sphere of Language and Pragmatics of Speech Communication. International Collection of scientific papers. On the 65th anniversary of the Faculty of RGF of the Kuban State University*. Krasnodar. P. 204–214. (In Russ.).

9. Kostomarov, V.G., & Burvikova, N.D. (2000). Logoepistema as a category of linguoculturological search. In: *Lingvodidactic research at the turn of the century: anniversary collection*. Moscow: Information and training center of the Pushkin State Russian Language Institute. P. 88–96. (In Russ.).
10. Zhdanov, V.N. (2013). Logoepistema as an iconic linguoculturological unit of Russian discourse. In: *Proceedings of the I International Scientific and Practical Interdisciplinary Internet Conference "Humanities and Problems of Modern Communication"*. Yakutsk. URL: https://philology.s-vfu.ru/?page_id=755 (accessed 25.12.2021). (In Russ.). EDN: RTRPFV
11. Skorokhodova, E.Yu. (2007). The current state of the functional-stylistic system of the Russian literary language. *Journal of Philology*, 1, 50–55. (In Russ.). EDN: NITNFV
12. Kostomarov, V.G., & Burvikova, N.D. (2000). Modern Russian language and cultural memory. In: *Ethnocultural specificity of speech activity*. Moscow: INION RAN, 2000, 23–36. (In Russ.). EDN: UKNRSV
13. Bayasgalan, D. (2005). Logoepistems from songs and their functions in the Russian-speaking communicative space: [author. dissertation]. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ибрагим Ваиль Фахим, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков (Аль-Альсун), Айн-Шамский университет (119991, Египет, г. Каир, Эль-Абасейя, Эль-Халифа Эль-Маамун); *научные интересы*: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, семантика; *e-mail*: wfi1980@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-3314-8672, SPIN-код: 3982-8587, AuthorID: 1040074

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6); *научные интересы*: Лингвокультурология, лингвострановедение, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6703-637X; SPIN-код: 2815-4443, AuthorID: 736064

Information about the authors:

Wael F. Ibrahim, PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian language of the Faculty of foreign languages (Al-Alsun), Ain-Shams university (El-Khalifa El-Maamoun, El-Abaseya, Cairo, Egypt, 119991); *Research interests*: cultural linguistics, intercultural communication; *e-mail*: wfi1980@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-3314-8672, SPIN-code: 3982-8587, AuthorID: 1040074

Alexander S. Mamontov, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Intercultural Communication of the Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute (6 Academician Volgina st., Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: cultural linguistics, linguistic and regional studies, ethnopsycholinguistics, intercultural communication, methods of teaching Russian as a foreign language, cultural studies; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6703-637X; SPIN-code: 2815–4443, AuthorID: 736064

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-566-578

EDN: EYTMYP

UDC [811.111:811.512.122]'25

Research article / Научная статья

Translating Onomatopoeic Words: a Comparison of Kazakh and English Languages

Aidana S. Beibitova , Zhanar M. Konyratbaeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

 Aydana_94.18@mail.ru

Abstract. The study presents the problem of translating onomatopoeic words, which occupy an important place in the language and culture of the Kazakh and English peoples. Particular attention was paid to the peculiarities of the translation of onomatopoeic units from one language to another, various methods of translation, such as literal translation and equivalent translation. The discrepancy between the sound and meaning of onomatopoeic words in the Kazakh and English languages, as well as cultural and social content is given. It analyzes how onomatopoeic words influence the perception and thinking of texts in two languages and cultures. The issue of taking into account pragmatic factors by translators, such as cultural appearance and context, when transmitting onomatopoeic units has been studied. It provides useful recommendations for translators and linguists. This study explores the intricate nature of literary translation, focusing on the challenges posed by translating onomatopoeic words. It discusses how these words, which mimic sounds in language, present unique difficulties for translators due to their distinct lexical, grammatical, and phonetic characteristics. By delving into the cultural significance and origins of onomatopoeia, the paper sheds light on the complex interplay between language and sensory experience. It underscores the importance of striking a balance between fidelity to the original text and conveying the nuances of onomatopoeic expressions in literary translation.

Keywords: linguistic aspect, pragmatic character, literary translation, context, communication

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Beibitova, A.S., & Konyratbaeva, Zh.M. (2025). Translating Onomatopoeic Words: a Comparison of Kazakh and English Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 566–578. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-566-578>

© Beibitova A.S., Konyratbaeva Zh.M., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Перевод оноματοпоэтических слов: сравнение казахского и английского языков

А.С. Бейбитова , Ж.М. Конирабаева

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика
Казахстан

 Aydana_94.18@mail.ru

Аннотация. Проблема перевода оноματοпических слов, которые занимают важное место в языке и культуре казахов и англичан, является актуальной. Фокус исследования сосредоточен на особенностях перевода оноματοпоических единиц с одного языка на другой, различными тактиками перевода, таким как буквальный и эквивалентный перевод. Приведены расхождения между звуковым обликом и значением оноματοпических слов на казахском и английском языках, а также культурным и социальным содержанием. Анализируется, как оноματοпические слова влияют на восприятие и осмысление текстов в двух языках и культурах. Изучен вопрос учета прагматических факторов перевода, таких как культурный контекст, при передаче оноματοпических единиц. Обсуждаются сложности, с которыми сталкиваются переводчики при работе с лексическими единицами, которые имитируют звуки, на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях; описывается их культурное значение и происхождение. Проведенное исследование подчеркивает связь между языком и сенсорным опытом и важность достижения баланса между точностью исходного текста и передачей нюансов оноματοпоэтических выражений в литературном переводе. Результаты исследования содержат рекомендации для переводчиков.

Ключевые слова: лингвистический аспект, прагматичный характер, литературный перевод, контекст, коммуникация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: *Beibitova A.S., Konyratbaeva Zh.M. Translating Onomatopoeic Words: a Comparison of Kazakh and English Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 566–578. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-566-578>*

Introduction

The need for translation arises when it is necessary to communicate in conditions of a linguistic-ethnic barrier between communicants. Literary translation is the same act of interlingual and intercultural communication as any other type of translation. It is impossible to imagine a person without a language and a person who has invented a language for himself [1]. Literary translation is a type of literary creativity in which a work written in one language is recreated in another language, as close as possible to the original text, conveying all its nuances. Translation differs from artistic creativity, since the translator is forced to follow the original. It should also be noted that the basis of literary translation is the preservation of the style of a work of fiction and the specificity of the individual author's style, which represents the recurring

features of the language of a given author at all linguistic levels of the text. It is also necessary to make a reservation that there is an opinion, for example, by Koptilov, a Ukrainian translator-theorist, that in literary translation there is a free translation, in which the translator is not obliged to adhere to the original, since the main task is to convey the general meaning and emotionality of the text [2]. Others (Komissarov, Retzker) [3] believe that it is most correct to follow the lexical and grammatical structures used in the original [4]. Levyi believes that the balance between free and accurate translations is important and it is wrong to adhere to one opinion [5].

Difficulties may arise when translating a literary text. For instance, the translation of lexical units such as onomatopoeic words. This research describes the translation of a linguistic category known as “onomatopoeic words (imitation words). These are words that are classified into a specific category based on acoustical assistance rather than linguistic characteristics, utilizing the support of articulatory organs in humans. Onomatopoeic words, or IW (imitation words), are lexically, grammatically, and phonetically distinct from other words in the language when considered from these perspectives. In nature and daily life, they denote numerical distinctions in language through articulation, presenting various forms of vocalization, and illustrating nuances in language related to sound and articulation. Onomatopoeic words, a fascinating linguistic phenomenon, serve as a vivid testament to the dynamic and expressive nature of language. These words, derived from the imitation of sounds associated with the objects or actions they describe, create a unique bridge between language and sensory experience. From the gentle rustling of leaves to the thunderous roar of a waterfall, onomatopoeia captures the essence of auditory sensations, enriching our communication with aural imagery. This exploration delves into the origins, cultural significance, and diverse applications of onomatopoeic words, unraveling the intricate tapestry they weave within the fabric of human expression. The term “onomatopoeia” finds its roots in the Greek language, where “onoma” means name and “poiein” means to make. Essentially, onomatopoeic words are linguistic creations that strive to imitate the sounds they represent, allowing language to emulate the world around us in an auditory symphony. The process involves the mimicry of natural sounds, mechanical noises, or even human activities through the formation of words that echo the associated sound. This inherent connection between sound and meaning not only enhances the communicative power of language but also provides a means for individuals to share experiences through words that evoke sensory responses.

Theoretical Framework

Qusayinov expressed the general assessment of the research level in the field of IW (imitation words) within linguistics as follows: “Overall, based on studies from both earlier and more recent research on sound symbolism, it can be concluded that a substantial body of factual material has been accumulated by the present time. A classification of imitative words has been developed, and through various research methods, the existence of sound symbolism in several languages of the world has

been demonstrated. Regularities in the relationship between onomatopoeic words and their denotations have been identified. The systematic nature of imitative words has been proven, and the exploration of the typology of sound symbolic systems and phonosemantic universals has been initiated” [6].

In the online dictionary of Oxford Learner’s, the definition is given as follows: “Onomatopoeic words are words in which the sound is similar to the noise they describe, used in writing to imitate sounds”¹. Onomatopoeic words are encountered both in everyday language and in literature. Onomatopoeic words represent a literary device commonly used in novels, poems, and comics to create a vivid and immersive atmosphere. Thus, these words contribute to sensory experiences through the recreation of sounds.

XX century from the 1950s–60s onwards, the phenomenon of “onomatopoeic” (imitation words) has been extensively examined, especially in Kazakh, Kyrgyz, Turkmen, Uighur, and other Turkic languages. This phenomenon has found broad application not only in oral language but also in contemporary literature. Interestingly, it has been analyzed in the context of English and other non-Indo-European languages as well. The reason for this lies in the distinctiveness of “imitation words” in Indo-European languages. The place and usage of “imitation words” in the structure of sentences in Indo-European languages differ from those in Turkic languages. For example, in English, “imitation words” can function like tropes, having the ability to perform the role of an entire sentence. In contrast, in Kazakh, “imitation words” can be classified into two types: imitative and descriptive words. In English, “imitative” is more common than “onomatopoeic,” while in Kazakh, both terms are used interchangeably. Due to the nomadic lifestyle of the Kazakh people and their close connection with nature, the development of imitative words in Kazakh is unique and closely tied to natural phenomena. This has resulted in a rich variety of imitative words reflecting the distinctive features of the Kazakh language. However, in English, the prevalence of imitative words is relatively lower, reflecting the cultural and linguistic differences between the two communities. In Baitursynov’s “Til-qural” it is developed the idea of cultural and linguistic differences (“Language is a tool”): “Every nation has its own way of life, its understanding of the surrounding world, and it directly affects its language” [7].

To capture the attention of readers, the author skillfully uses literary devices, especially employing onomatopoeic words, to infuse the novel with vividness and uniqueness. Both English and Kazakh languages contribute to the linguistic palette, reflecting a diverse linguistic spectrum. Consequently, translating the author’s ideas and meanings faithfully from one unique language to another is not a straightforward task. The absence of equivalent onomatopoeic words in the dictionary poses challenges to translators, making their inclusion in the translated text difficult. Haywood

¹ Oxford Learner’s Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 23.07.2024).

acknowledges the distinct acceptance of onomatopoeia or the phonetic form of the word that they represent, and they are crafted through sound imitation [8]. The interplay between the form and meaning of words is closely tied to the “cultural context” and the phonological system of the given language. Additionally, onomatopoeic words are often used more informally in everyday language than in formal discourse. The translation of onomatopoeic words from English to Kazakh involves navigating the intricate linguistic systems and cultures of both languages, making it a complex undertaking.

Pragmatic, the most important field in learning and acquiring targeted language [9]. The pragmatic aspect of onomatopoeic words, which mimic real-world sounds, plays a vital role in enriching communication by conveying a range of emotions, actions, and sensory experiences. In linguistic terms, pragmatics refers to the study of language use in context, emphasizing the impact of situational and cultural factors on communication. Onomatopoeic words, with their inherent ability to imitate sounds, transcend mere linguistic symbolism and become powerful tools in expressing pragmatic nuances.

One key pragmatic function of onomatopoeic words is their role in creating vivid sensory landscapes within a narrative. Whether in literature, comics, or everyday language, these words allow speakers and writers to evoke auditory sensations that go beyond the limitations of traditional vocabulary. In a narrative context, onomatopoeia serves as a linguistic device to immerse readers in the soundscape of a story, adding a layer of vividness that enhances the reader’s engagement and understanding of the depicted scenes. Onomatopoeic words also contribute significantly to interpersonal communication by conveying emotions and reactions in a concise and immediate manner. In dialogues, exclamations like “Boom!” or “Splash!” not only describe a sound but also express surprise, impact, or suddenness [8]. This pragmatic use of onomatopoeia enables speakers to convey not just the literal meaning but also the emotional tone of their message efficiently. Moreover, the pragmatic impact of onomatopoeic words extends to cultural and contextual dimensions, where certain sounds may carry specific connotations or associations unique to a particular language or community.

Methodology. Materials

This research is a qualitative research and library research. It is qualitative in which the researcher observes the onomatopoeic words found in the novel and its translation. The researcher also uses theories available to analyze the words and the translation procedures applied by the translators. The data is all onomatopoeic words. The data is derived from the novel “Harry Potter and the Philosopher’s Stone” by Rowling and its translation version which is translated by Muhamediyar, Mazen, Berikkyzy².

Data collection was conducted in the second semester of the 2022–2023 academic year.

²Rowling, J.K. (1997). *Harry Potter and the Philosopher’s Stone*. Bloomsbury. Rowling, J.K. (2021). *Harry Potter and the Philosopher’s Stone*. Almaty, Steppe&World.

Procedure

The analysis of the obtained data was carried out in two main stages. In the first stage, the stylistic status of the selected lexical units is checked, and at the second stage, onomatopoeic words were systematized according to the principle by Thomas [10].

The onomatopoeic word identification procedure³ was used to check whether the selected lexical items were onomatopoeic words. The procedure for identifying onomatopoeic words is based on the contrasting relationships of basic and contextual meaning and consists of the following steps: (1) familiarization with the content of the text; (2) choice of unit of analysis; (3) analysis of the meaning of each lexical unit, (4) analysis of the translation of this unit in a given context. In case the translation did not coincide with the main meaning, but the meaning can be interpreted through the prism of another, then the translation was considered adequate.

Results

Based on all of the data collected, there are 103 onomatopoeic words used in the source text. In the context of the novel, onomatopoeic words are primarily presented as imitative, mimetic, object nouns, action verbs, intensifiers, and exclamatory words. Among these, mimetic words, which convey imitative sounds, are the most frequently encountered.

There are five translation procedures used by the translator in translating the onomatopoeic words of the source text into the target text. They are borrowing, literal translation, transposition, modulation and equivalence.

In this discussion, the researcher will present onomatopoeia words types and the translation procedures found along with the examples. The presentation will be based on each type of onomatopoeia word and the type of translation procedures by giving the example of the corresponding onomatopoeia.

Representation of the Onomatopoeia words translation

To demonstrate the features of translating onomatopoeic words, the followings are the translation procedures applied by the translator to translate the onomatopoeic words found in novel from English to Kazakh (Table 1).

Table 1

Translation of Onomatopoeia “whooped” and “clapped”

Original	Translation
<i>Hagrid whooped and clapped and Mr. Ollivander cried, “Oh, bravo! Yes, indeed, oh, very good. Well, well, well... how curious... how very curious...” (Rowling, 1997).</i>	<i>Hágrid ah uryy, qol soqty, Olivander myrza bolsa qýanyp: - “Bravo! — dedi. — Já, óte jaqsy. Pai, pai, pai ...netken qyzyq...óte qyzyq...” (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

³ Written Sound. (2023). Onomatopoeia dictionary. URL: <http://www.writtensound.com/indekh.php?term> (accessed: 23.07.2024).

The verbs “whooped” and “clapped”, classified as onomatopoeic expressions in the Onomatopoeia Dictionary, are translated into the Kazakh language as compound verbs. In other words, in the translation into the national language, the imitative word is verbalized (Written Sound Onomatopoeia Dictionary, 2023). The pragmatic aspect of this primary onomatopoeic representation is equally preserved in both English and Kazakh languages. The distinctive mood of the character towards the story is touchingly conveyed in this context. The translated version of the onomatopoeia has also successfully captured the joy at the same level (Table 2).

Table 2

Translation of Onomatopoeia “sobbing”

Original	Translation
<i>Harry didn't sleep all night. He could hear Neville sobbing into his pillow for what seemed like hours (Rowling, 1997).</i>	<i>Túnimen uıyqtaı almady. Nevill de biraz ýaqyt jastyqqa basyn qoıyp, qorsyldap jatty (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

In translation, the grammatical category of certain words undergoes changes. In this process, word classes, particularly nouns, are replaced by verbs or any other word class, sometimes by a phrase or sentence. The given example illustrates that the noun “qorsyldap” has transformed into the verb “sobbing”. Based on scholarly evidence, the translator employed the method of transposition to impart consistent meaning to this primary onomatopoeia between the source language and the target language. Transposition is the initial method or stage in the process of oblique translation. Another word for free translation in which the translator uses their own discretion to achieve equivalency is oblique translation. It is a grammatical substitution, meaning that one word class is used in place of another without altering the meaning. Although the transposed expression has a different meaning stylistically, it nevertheless has the same meaning. Transposed expressions have a stronger literary quality. Selecting the form that most closely matches the situation is crucial (Table 3).

Table 3

Translation of Onomatopoeia “clattering”

Original	Translation
<i>Around half past twelve there was a great clattering outside in the corridor and a smiling, dimpled woman slid back their door and said, “Anything off the cart, dears?” (Rowling, 1997).</i>	<i>Sáyat on eki jarymǵa taman kýpeniń syrtynan saldyr-gúldir dybysestildi de, esikti kúlimsiregen áiel ashyp: - “Tiske basar alasyńdar ma, balaqailar? — dedi” (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

Modulation alters the semantic meaning of the original text, but the underlying idea or thought remains unchanged. The word or phrase used in the source text and the target text differs. This method is employed in the general translation of 13 onomatopoeic expressions. For instance, “clattering” signifies a “continuous sharp sound, as of hard bodies falling or colliding”. In this case, the translator deems modulation appropriate as it has preserved the meaning of the original text (Table 4).

Table 4

Translation of Onomatopoeia “howl”

Original	Translation
<i>Then, suddenly, Hagrid let out a howl like a wounded dog (Rowling, 1997).</i>	<i>Ol it qyńsylaǵandaı jylap jiberdi (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

The equivalent translation method preserves the stylistic effect of the original text: the closest possible equivalent in the target language coinciding in some connotations and associations with the original word. This is the most optimal approach for translating onomatopoeic words. First, “howl” refers to a high-pitched howl or scream, often associated with a wolf or strong wind. In the Kazakh language, the word “qynsylau” can be used to convey a similar sound. It conveys the power and intensity of sound and is also associated with the image of a wolf, making it a suitable choice for translation. However, the choice of a particular translation may depend on the context and style of the text, as well as the nuances of meaning that need to be conveyed. In this context, the howl is not of a wolf, but of a dog. The translator did not change the pragmatics of the original. The translator rendered the specified words using this method. In the text, the word “a howl” is translated as “it qyńsylaǵandaı” maintaining the stylistic impact of the original expression (Table 5).

Table 5

Translation of Onomatopoeia “flutter”, “galloping”

Original	Translation
<i>None of them noticed a large, tawny owl flutter past the window (Rowling, 1997).</i>	<i>Eshqaisy terezeniń janynan úlkensarǵysh úki pyr etip ushyp ótkenin baiqaǵan joq (Rowling, 2021).</i>
<i>There was suddenly a sound of more galloping from the other side of the clearing (Rowling, 1997).</i>	<i>Alańqaidyń qarsy betinen tuiaq dúrsili estildi (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

In the given example, the onomatopoeia “flutter”, which conveys the action “to fly unsteadily or hover by flapping the wings quickly and lightly”, is linguistically represented in Kazakh as the verb “pyr etip” to convey the concept of fluttering. That is, the translation maintains the primary lexical category of the verb in the target language.

Another onomatopoeic expression that has emerged from the act of fluttering is the gerund “galloping”, thus substantivizing the action. The translation of the word “jump” into the Kazakh language can be done as “dúrsil”, which accurately conveys the fast movement of the horse. This expression is used to describe a gallop that exhibits rhythmic and energetic movements that are important to consider when translating in order to maintain meaning and imagery (Table 6).

Table 6

Translation of Onomatopoeia “click”

Original	Translation
<i>They heard the click of the mail slot and flop of letters on the doormat (Rowling, 1997).</i>	<i>Sol sátte kire beris esiktegi poshtaǵa arnalǵan sańylay ashylp, jerge túsken hattıy dybysy estildi (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

On the registry of the Onomatopoeia Dictionary, the noun “click” is registered as a primary onomatopoeia, signifying not a sharp or abrupt sound out a rapid, swift, or quick meaning. Therefore, in the translation, we recommend utilizing the method of adding the phrase “jerge túsken hattýn dybysy estildi” (a sound produced by pressing and releasing a button) to accurately convey its meaning. This method serves as an example of substantivization + adverbialization, effectively expanding the semantic scope in the target language (Table 7).

Table 7

Translation of Onomatopoeia “sobbed”, “popped”

Original	Translation
<i>“S-s-sorry,” sobbed Hagrid, taking out a large, spotted handkerchief and burying his face in it (Rowling, 1997).</i>	<i>“K-k-keshiriñiz”, — dedi Hágrid aǵyl-tegil kóz jasy jyǵan betin oramalmen súrtip jatyp (Rowling, 2021).</i>
<i>A man appeared on the corner the cat had been watching, appeared so suddenly and silently you’d have thought he’d just popped out of the ground (Rowling, 1997).</i>	<i>Bir kezde mysyq qarap otyrǵan buryshnan bir er adam shyqty. Dybyssyz ári kenetten paida bolǵandyqtan, jer astynan shyqty ma dersiñ (Rowling, 2021).</i>

Source: compiled by Aidana S. Beibitova, Zhanar M. Konyratbaeva.

In the context presented, the secondary onomatopoeia “sobbed” is translated into Kazakh as “aǵyl-tegil”, preserving its intended meaning. The Onomatopoeia Dictionary defines the meaning of “to sob” as making a sound, typically during crying. Therefore, the secondary onomatopoeia in Kazakh is provided as “aǵyl-tegil”, aligning with the definition in the Onomatopoeia Dictionary.

In the given example, the secondary onomatopoeic word is introduced as a stylistic device. However, the meaning of the word “to pop” does not emerge mimetically but rather descriptively. Utilizing the additive technique, it is suggested that the method of employing supplementary means, by emerging from the context, prompts the extraction of the intended meaning, questioning whether it indeed manifests as a lesson. The pragmatic significance of onomatopoeic words is asserted to be elevated.

The pragmatic level of onomatopoeic words is elevated through such considerations. As English and Kazakh belong to different language types, there are inevitable nuances in their lexicons.

Discussion

The aim of this research is to obtain the onomatopoeic words in the novel *Harry Potter and the Philosopher’s Stone* and to analyze the translation procedures used to deal with the onomatopoeic words by the Kazakh translator into Kazakh version. Due to the inherent difficulty in translating the richness of onomatopoeic expressions in the English language, we aimed to explore the characteristics of primary (imitative) and secondary (expressive) onomatopoeia by aligning them with the structure of onomatopoeic expressions in the English language.

In the work of English linguist Ullmann titled “Language and Style,” onomatopoeic words are classified into two types: Primary onomatopoeia and Secondary onomatopoeia [11]. It is necessary to distinguish between primary and secondary onomatopoeia. Primary onomatopoeia, which refers to the imitation of natural sounds, remains relatively stable and universally recognizable. In contrast, secondary onomatopoeia involves the association of non-acoustic experiences, measurements, emotional nuances, and the like with sounds. In many cases, its interpretation and transcription can vary across different languages. For instance, the sound produced by a *cuckoo bird* is represented similarly in many Indo-European languages (English *cuckoo*, French *coucou*, Spanish *cuclillo*, Italian *cuculo*, German *kuckuck*, Russian *kukushka*, etc.), but also in some Finnish- It is known that Ugric idioms (Hungarian *kakuk*, Finnish *kaki*, Zyryan *kök*) sound very similar. Similarly, it is a natural phenomenon that verbs denoting snoring in many languages (English *snore*, German *schnarchen*, Dutch *snorken*, Latin *stertere*, French *ronfler*, Spanish *roncar*, Russian *khrapet*, Hungarian *horkolni*, Kazakh *snoring*, etc.) reveal natural acceptance of the phenomenon, emphasizing its universality across languages. These examples demonstrate the complexity of cross-linguistic variations in expressing onomatopoeic elements, highlighting the intricacies of language structure. The issues related to “secondary” onomatopoeia are quite intricate. In this type, the relationship between sound and meaning is less direct compared to primary onomatopoeia, leading to considerable diversity in how onomatopoeic elements are expressed across different languages. The symbol [ay] representing the diminutive or smallness is found in several languages, such as English “little,” “slim,” “thin,” “wee,” “teeny-weeny,” French “petit,” Italian “piccolo,” Romanian “mic,” Latin “minimus,” Greek “πικρος,” and so on. Investigating this diversity through a statistical approach could provide insights into the universality of such linguistic phenomena. Onomatopoeia is a distinctive device in poetry. There is a fascinating system of how specific sound imitations are used in languages for stylistic purposes. If Ullmann classifies onomatopoeia in English as primary and secondary, in Kazakh, imitative words are divided into two types according to their internal meaning: one is imitative words, the other is descriptive words [11]. Imitative words are a semantic type of words that convey the meaning of sound imitation through their inherent lexical-semantic content, engaging the listener’s imagination. Descriptive words are names of natural phenomena and features, as well as the external characteristics and behaviors of objects and animals, perceived through the observer’s eyes. If onomatopoeic words in the English language are primarily classified into lexical categories, in the Kazakh language, they are identified as a separate category within the lexical-grammatical system. In the essay “Characteristics of Onomatopoeia” Thomas divides onomatopoeic words into four groups based on the sounds they imitate: Sounds produced by animals, Sounds related to nature, Sounds produced by humans, Other sounds [10]. Hatim & Munday describes the process of rendering onomatopoeic words in two ways: Direct translation involves borrowing, calquing, and mimicking the sound of the word from another language. Indirect translation involves transposition, modulation, equivalence, and adaptation.

They refer to these translation strategies as “the smallest part of an expression that cannot be uniquely associated with the meaning of an utterance” [12].

Several theories have been proposed to study onomatopoeia, some of which focus on phonetics, while others consider various types of words. Ladtschenko investigates the onomatopoeic characteristics of German sound imitations. The author suggests that these imitations share distinctive features with onomatopoeic nouns. However, in some cases, these words may lose their onomatopoeic nature in usage. Meireles (2009) compared onomatopoeic words in Japanese, German, and Portuguese. The study, based on a corpus, revealed significant differences in the onomatopoeic words between German, Portuguese, and Japanese when viewed from the perspective of native speakers. Alameer [13] conducted research comparing onomatopoeic words in English and Arabic, both of which are considered influential languages in technology and poetry. The findings suggest that onomatopoeic words in Arabic and English differ in categories, meanings, and sound imitations, indicating variations in the usage of onomatopoeia in these languages. Although several studies have been conducted to identify onomatopoeias in various languages, there is a lack of research specifically comparing English-Kazakh or Kazakh-English translation in the field of onomatopoeia.

The study of the translation of onomatopoeic words has profound implications not only for linguistics, but also for cultural understanding between different language groups. Onomatopoeias are words that sound the same as their meaning, and they often have no direct equivalent in other languages. Therefore, translating these words becomes a challenge for translation scholars. The conducted research led to a number of important conclusions. First, they showed that the translation of onomatopoeic words can vary greatly depending on the context, cultural background and semantic meanings of the words. For example, a sound that is associated with one object or action in one culture may have a completely different meaning in another culture, making accurate translation difficult. Secondly, research has shown that some onomatopoeic words have strong emotional or cultural connotations that may be lost in the translation process. For example, a sound that describes an animal’s cry in one language may carry deep symbolism or associations that are difficult to convey in another language. In addition, research has highlighted the importance of context when translating onomatopoeic words. Even if a word in one language has a direct equivalent in another language, its meaning can change depending on how it is used in a particular context. Therefore, translators must take into account not only lexical correspondences, but also contextual features. Research has also found that the translation of onomatopoeic words can influence the perception of the text as a whole. Incorrect or unsuccessful translation may distort the meaning of the original or lead to misunderstanding on the part of the reader. Therefore, it is important to conduct a thorough analysis and discussion of possible translation options for onomatopoeic words. Finally, research in this area emphasizes the need for cultural sensitivity and creativity in translation. Translators must strive to preserve not only the meaning and form of a word, but also its emotional and cultural load, in order to convey the full depth and richness of the original text. The study of the

translation of onomatopoeic words reveals a wide range of problems and challenges faced by translators and linguists. Understanding these issues will help improve the quality of translation and enrich intercultural understanding.

Conclusions

Onomatopoeic words are a unique class of vocabulary that reflects the sound characteristics of objects and phenomena, as well as emotional states. Translating them presents a particular challenge for translators because they embody many nuances that are often difficult to convey in another language. In this study, we will consider the prospects and directions of research in the field of translation of onomatopoeic words. One of the main aspects of studying the translation of onomatopoeic words is ensuring semantic and syntactic adequacy. The translator needs not only to convey the sound aspects of onomatopoeia, but also to preserve its semantic meaning and grammatical structure in the target language. Onomatopoeic words are often associated with cultural contexts and traditions of a particular country or region. Translators must take these features into account and adapt the translation to suit the cultural context of the target audience. Translating onomatopoeic words often requires the use of creative strategies such as onomatopoeia, metaphors, or wordplay. Research in this area can focus on developing new methods and techniques for effective translation of onomatopoeic vocabulary. For a deeper understanding of the processes of translation of onomatopoeic words, it is necessary to conduct empirical research, including analysis of translation strategies, experiments with the target audience and comparative analyzes between languages. Research in the field of translation of onomatopoeic words represents an important direction in linguistics and translation studies. Understanding the translation features of this type of vocabulary not only helps to improve the quality of translation, but also enriches our knowledge about interlingual and intercultural communications. Further research in this area may lead to the development of new methods and strategies to facilitate more accurate and efficient translation of onomatopoeic words.

References / Библиографический список

1. Tektigul, Z., Bayadilova-Altybayev, A., Sadykova, S., Iskirdirova, S., Kushkimbayeva, A., & Zhumagul, D. (2023). Language is a Symbol System that Carries Culture. *International Journal of Society, Culture & Language*, 11(1), 203–214. <https://doi.org/10.22034/ijsc.2022.562756.2781>
2. Коптилов, В. (1971). Stages of a translator's work. In: Questions of the theory of literary translation (pp. 148–166.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.).
Коптилов В.В. Этапы работы переводчика // Вопросы теории художественного перевода. М. : Художественная литература, 1971. С. 148–166.
3. Komissarov, V.N., Retsker, Ya.I., & Tarkhov, V.I. (1965). *A manual for translation from English into Russian: Part II*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. *Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И.* Руководство по переводу с английского языка на русский: Часть II. М. : Высшая школа, 1965.
Komissarov, V.N. (1990). *Translation theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990.
6. Levy, I. (1974). *The art of translation*. Publisher: Progress, 398.

7. Qusainov, K. (2010). Sound-visualism in the Kazakh language. Pavlodar: Toraighyrov University. 268.
8. Konyratbayeva, Z., Satemirova, D., Abdualyuly, B., Kenzhalin, K., & Akazhanova, A. (2021). Eastern and Western Linguocultural Map: Similarities and Peculiarities (Based on Linguocultural Research). *International Journal of Society, Culture & Language*, 9(2), 85–97.
9. Haywood. (2017). An analysis on onomatopoeic words and their translation procedures in Harry Potter and the Prisoner of Azkaban and its translation version. *Scope Journal of English Language Teaching*, 1(01), 39. <https://doi.org/10.30998/scope.v1i01.870>
10. AlShraah, S., Aly, E., & Mohd Nasim, S. (2024). Pragmatic Realization in Exploiting Request Expressions: A Study of Language Proficiency and Social Context among Saudi EFL Learners. *International Journal of Society, Culture & Language*, 12(1), 412–426. <https://doi.org/10.22034/ijsc.2023.2013758.3233>
11. Thomas, T.W. C., & Clara, C.H.W. (2004). Characteristics of Onomatopoeia: Lin 1001 Discovering Linguistics. URL: www.thomastsoi.com/research/files/characteristics_of_Onomatopoeia (accessed: 23.07.2024).
12. Ullmann, S., & Blackwell, B. (1964). *Language and Style: Collected Papers*. Oxford: Blackwell.
13. Hatim, B., & Munday, I. (2004). *Translation: an advanced resource book*. New York: Routledge.
14. Ladtschenko, M. (2008). Onomatopoeic characteristics of German sound imitations. *Modern research in foreign philology. Collection of scientific papers*, (6), 158–163.
15. Meireles, S.M. (2009). Onomatopoeic words in Japanese, German, and Portuguese: A corpus-based comparison. *Journal of Linguistic Studies*, 20(3), 123–145.
16. Alameer, A.A. (2019). The linguistic features of onomatopoeia words in Arabic-English: contrastive Study. *International Journal of Humanities and Sotsial Stsientse Invention (IIHSSI)*, 8(9), 6–12. URL: <https://www.researchgate.net/publication/> (accessed: 23.07.2024).

Information about the authors:

Aidana S. Beibitova, Master of Arts, Doctoral student of the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpayev St., Astana, Republic of Kazakhstan, 010008); *Research interests*: pragmalinguistic aspect of literary translation; *e-mail*: Aydana_94.18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6356-1847

Zhanar M. Konyratbaeva, PhD in Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpayev St., Astana, Republic of Kazakhstan, 010008); *Research interests*: pragmalinguistic aspect of literary translation; *e-mail*: zhanarkon2833@gmail.com

Сведения об авторах:

Бейбитова Айдана Сымбатқызы, магистр гуманитарных наук, докторант кафедры теории и практики перевода филологического факультета, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2); *сфера научных интересов*: прагмалингвистический аспект художественного перевода; *e-mail*: Aydana_94.18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6356-1847

Коныратбаева Жанар Молдалиевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода филологического факультета, Евразийский университет им. Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2); *сфера научных интересов*: прагмалингвистический аспект художественного перевода; *e-mail*: zhanarkon2833@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595

EDN: EVGPWG

УДК [811.161.1:811.411.21]’25’367.622.22

Научная статья / Research article

Словообразовательная специфика диминутивов в русском и арабском языках и ее значение при переводе

Р.А. Аль-Фоади¹ , В.Н. Зарытовская² ¹ Багдадский университет, Багдад, Республика Ирак² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq

Аннотация. Рассматривается словообразовательная специфика диминутивной лексики в русском и арабском языках. На фоне того, что определения диминутивов в различных языковедческих традициях далеко не всегда обнаруживают морфологические особенности этого лексического пласта, авторы сосредотачиваются именно на словообразовательной мотивации в образовании диминутивов в русском и арабском языках, которое и становится предметом исследования. В этой связи особое внимание уделяется критерию О.Г. Винокура и его арабской параллели — параметру средневекового арабского филолога Ибн Фариса, которые служат базой для раскрытия структуры и семантики производных слов в обоих языках. Авторы, прибегая к сравнительному методу, анализируют спектр значений и коннотаций, возникающий в результате словообразовательной мотивации диминутивной лексики в обоих языках — уменьшительности, ласкательности, убавления количества, в том числе специфические для арабского значения близости времени и места и усиления и их формальное выражение в обоих языках. Не упускаются из виду также основы перевода диминутивной лексики. Выделяя три важные основы переводческой адекватности — структурной, семантической и когнитивной, которые влияют на переводческий процесс при достижении эквивалентности. Делается вывод о сложности соотношения и, соответственно, определенных трудностях в переводе диминутивов. Для этого авторы в своих рассуждениях выходят из сферы чистой лингвистики и обращаются к культурологической сфере, без которой сегодня немыслимо говорить о полноценной переводческой деятельности. Работа вносит вклад в теоретическое языкознание как сравнительное исследование семитских и восточнославянских языков, а также дополняет недостающее звено в относительно молодую частную теорию русско-арабского перевода.

Ключевые слова: уменьшительные суффиксы, арабский язык, словообразовательная мотивация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

© Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н. Словообразовательная специфика диминутивов в русском и арабском языках и ее значение при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 579–595. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595>

Word-Forming Specificity of Diminutives in the Russian and Arabic and its Significance in Translation

Raheem A. Al-Foadi¹ , Victoria N. Zarytovskaya²

¹University of Baghdad, Baghdad, Republic of Iraq

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq

Abstract. The word-formation specificity of diminutive vocabulary in Russian and Arabic is considered in this paper. On the background of the fact that the definitions of diminutives in various linguistic traditions do not always reveal the morphological features of this lexical layer, the authors focus on the word-formation motivation in creating diminutives in Russian and Arabic, which becomes the subject of the study. In this regard, special attention is paid to the criterion of O.G. Vinokur and his Arabic parallels are the parameters of the Arabic medieval philologist Ibn Faris, which serve as the basis for revealing the structure and semantics of derivative words in both languages. The authors, resorting to the comparative method, analyze the range of meanings and connotations resulting from the word-formation motivation of diminutive vocabulary in both languages — diminutiveness, endearment, reduction of quantity, including the closeness of time and place specific to the Arabic meaning and amplification of meanings and their expression in both languages. The basics of translating diminutive vocabulary are also not overlooked. Highlighting three important foundations of translation adequacy — structural, semantic and cognitive, which affect the translation process when equivalence is achieved, the authors come to the conclusion about the complexity of the relationship and, accordingly, the translation of diminutives. To do this, the authors in their reasoning leave the sphere of pure linguistics and turn to the culturological sphere, without which today it is unthinkable to talk about a full-fledged translation activity. The work contributes to theoretical linguistics as a comparative study of the Semitic and Slavic languages, and also complements the missing link in the relatively young private theory of Russian-Arabic translation.

Keywords: diminutive suffixes, Arabic language, derivational motivation

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Al-Foadi, R.A., & Zarytovskaya, V.N. (2025). Word-Forming Specificity of Diminutives in the Russian and Arabic and its Significance in Translation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 579–595. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595>

Введение

Вопрос содержательной стороны диминутивов глубоко проработан европейскими, российскими, а также арабскими лингвистами на материале родных языков. Диминутив в европейском языкознании рассматривается как

«слово, измененное для передачи основного значения корня в меньшей степени, выражения уменьшенного размера объекта или его качества, а также для передачи чувств нежности или близости»¹. Понятие диминутивности, применяемое к европейским языкам, по существу, ничем не противоречит дефинициям, представленным в русской и арабской лингвистических традициях. Так, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой «диминутив» представлен как «уменьшительно-ласкательная форма слова — *медвежонок, ручка, столик*»². Отметим, что здесь дается общее представление о морфологической форме данного пласта словаря, однако не обозначаются конкретные способы образования таких дериватов, поскольку перечисление нескольких примеров не дает возможности полного понимания механизмов создания диминутивной лексики, тем более понимания принципов ее перевода с одного языка на другой. О.С. Ахманова в свою очередь под уменьшительностью понимает «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками — ласкательности, уничижительности и т.п.»³. В данном определении не только раскрывается функция этой семантической группы слов, но и обозначаются средства выражения диминутивного значения.

Что касается арабского языкознания, то в нем, как и в русском, в научный оборот введен целый ряд определений диминутивности. Так, Аль-Азхари, рассматривающий данное языковое явление в качестве средства выражения объема, размера и количества, полагает, что семантически диминутивность — это «уменьшение» [1. Р. 559]. А. Аль-Сухейли описывает уменьшительность имен как процесс изменения, в результате которого создается новое слово. В его понимании диминутивность представляет собой такое изменение имени, при котором оно обозначает уменьшение номинированной им вещи и «малость» ее частей [2. Р. 50]. Отдельные языковеды включают в дефиницию грамматические показатели, описывая диминутив как «слово, к которому было прибавлено что-то, чтобы обозначать его уменьшение» [3. Р. 190]. В данном случае указывается на наличие морфологического преобразования дериватов-диминутивов, которое придает производному слову значение уменьшительности и/или ласкательности. Арабские исследователи также говорят об образовании диминутивной лексики как об изменении значения, поэтому данный лексический пласт для них — это измененная форма существительного, которым сопровождается изменение его

¹ Glossary – D to F [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.archive.org/web/20081227150101/http://www.standards.dfes.gov.uk/secondary/keystage3/respub/mflframework/appendices/glossary_of_terms/d_to_f/ (дата обращения: 27.12.2022).

² Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985, С. 61.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : УРСС, 2004, С. 102. EDN: QQUQNX

значения — *уничтожения, уменьшительности, придания большего значения* и др. [4. Р. 64]. В последней дефиниции подчеркивается возможность «уменьшительности» слов для разных прагматических целей, но на особенности механизма преобразования производящих основ внимания не обращается, как и во многих других определениях. А вместе с тем недостаточная разработанность вопроса способов и средств образования диминутивов в обоих языках при отсутствии сопоставительных исследований русских и арабских диминутивов не позволяет описать основы их двуязычного перевода.

Словообразовательная мотивация диминутивов в русском и арабском языках

Частотное образование слов-диминутивов является одной из характерных особенностей современного русского языка с его богатыми деривационными возможностями для создания подобных единиц. В арабском языке образование единиц этого типа также распространено и регулярно. Поэтому сравнительное изучение формальной стороны данного явления в обоих языках представляет определенный научный интерес, особенно в областях сравнительной морфологии и переводоведения, где оно практически не получило освещения.

Современные лингвистические исследования показывают, что ключевая роль в образовании диминутивов принадлежит словообразовательной мотивации [5]. Учитывая, что арабский и русский языки флективные, представляется возможным выделить общие механизмы словообразования обоих — русского (индоевропейского, славянского) и арабского (семитского) — на которые можно опираться при переводе диминутивов в этой паре языков [6. С. 89–92; 7. С. 202–205].

Анализ словообразовательной мотивации в русском и арабском языках — первый шаг к пониманию семантического соотношения диминутивной лексики с ее производящими базами. Например, слово *дружок* не сразу появилось уменьшительным в русском языке. Это производное слово, и его значение невозможно понять без той мотивирующей базы, из которой оно возникло в системе русского языка: *друг* → *дружок*. Согласно известному критерию Г.О. Винокура, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [8. С. 421].

В арабском языке, имеющем многовековую лингвистическую исследовательскую традицию, четко выделяется связь диминутива с мотивирующей основой посредством параметра, упомянутого Ибн Фарисом в труде «Параметры языка», составленном 12 столетий тому назад. Сущность данного параметра заключается в том, что значение производного слова определяется через значение «целого», на базе которого оно было создано [9. Р. 173]. Следовательно, семантическая связь мотивирующих и мотивированных

основ раскрывается тем, что производящая основа представляется «осью всех употреблений одного корня с одним и тем же общим лексическим значением, вокруг которой все значения вращаются и к нему притягиваются» [10. Р. 69].

Также надо учитывать другие деривационные процессы, раскрывающие правила словообразования, по которым дериваты получают свое морфологическое оформление. Русская производная диминутивная лексика приобретает морфологическое оформление с помощью определенных суффиксов, придающих русским дериватам особые грамматические значения: **-ик** (*столик*), **-чик** (*чемоданчик*), **-ок**, **-ёк** (*кружок, огонёк*), **-к-** (*песенка*), **-оч-к-а**, **-еч-к-а** (*тетрабочка, копеечка*), **-ец**, **-ц-о (-ц-е)**, **-иц-е** (*пальтецо, деревцо, платице*), **-еньк-а**, **-оньк-а** (*маменька, берёзонька*), **-ушк-а**, **-юшк-а** (*соседушка, волюшка*) и др. Так, в дериватах типа *мешочек, цветочек, песочек, росточек* выделяется словообразовательный формант **-чек**, который несет деривационное значение «уменьшительность». Беглого сравнения производных слов с их производящими основами: *мешок, цветок, песок, росток* достаточно для раскрытия способа образования.

Таким образом, на словообразовательную мотивацию падает нагрузка, с одной стороны, раскрытия семантической связи дериватов со своими мотивирующими базами, с другой — нагрузка выявления деривационного средства, выражающего значение уменьшительности. Это средство включает в себе морфологические маркеры дериватов — *род, число* и *падеж*, в соответствии с которыми склоняются слова русского языка, как и в арабском, и по ним идет процесс синтаксической категоризации.

Морфологическое изменение основы арабского слова происходит по последовательным правилам арабского словообразования, при которых звуковое количество каждого элемента определяется, конкретизируется и уточняется канонами арабского словообразовательного процесса [11. Р. 59–70]. Исходя из того, что арабские лингвисты единогласно признают диминутивность как изменение структуры слова для определенных целей [12], есть общее правило образования уменьшительных в арабском языке. Оно заключается в том, что огласовка дамма [u] ставится над первой согласной корня мотивирующего слова, фатха [a] — над второй, к тому же после второго корневого согласного прилагается удвоенный согласный j (с шаддой), огласованный кясрой, далее следует третий корневой. Условно арабский интерфикс диминутивности можно изобразить как **1u2ajji3**, где цифрами в порядке следования обозначены корневые согласные, несущие основное значение. Например: араб. [kitābun] كِتَابٌ, рус. *книга* → араб. [kutajjibun] كُتَيْبٌ, рус. *книжечка*; араб. [zahrun] ظَهْرٌ, рус. *спина* → араб. [zuhajjirun] ظَهَيْرٌ, рус. *спинка*; араб. [kalimatun] كَلِمَةٌ, рус. *слово* → араб. [kulajjimatumun] كَلِيمَةٌ, рус. *словечко*; араб. [hirrorun] هِرٌّ, рус. *кот* → араб. [hurajjirun] هُرَيْرٌ, рус. *котик* и др.

Если в корне арабского слова 4 согласные, либо есть слог с долготой, модификация данного интерфикса с сукуном вместо шадды над j встраивается

и в его структуру. «Лишний» 4 харф заменяет второй **j** — **1u2aj3i4**: араб. [zaūraqun] زَوْرَقٌ, рус. лодка → араб. [zuūajraqun] زُوَيْرَقٌ, рус. лодочка, араб. [ḥandaqun] حَنْدَقٌ, рус. окоп → араб. [ḥunaīdaqun] حُنَيْدِقٌ, рус. окопчик, араб. [tāḡirun] تَاغِرٌ, рус. купец → араб. [tuūajḡirun] تُوَيْجِرٌ, рус. купчик и др.

В результате флективной категоризации согласных звуков арабского корня, за которым стоит процесс семантического сдвига мотивирующей основы, происходит заметное изменение в его составе. Арабские лингвисты единогласно признают арабский корень ключевым элементом, от которого никак не отделяется базовый смысл арабского слова. Морфологический анализ показывает, что арабский корень является неделимым остатком морфологического членения в синхронном плане, безотносительным к какой бы то ни было форме слова, и в нем выделяются отдельные значимые элементы [13. С. 11]. Базовые элементы арабского корня количественно изменяются, чтобы выразить морфологические значения, в том числе и диминутивность, что требует активизации потенциальных способностей арабского словообразования — внутренней флексии с помощью изменения количества ключевых элементов арабского корня [14]. От количественного изменения арабского корня зависит процесс выделения показателей морфологической категоризации диминутивной лексики.

Мотивирующие слова отличаются от мотивированных дериватов набором отличительных языковых изменений, служащих маркерами новых образованных слов с диминутивным значением. Такое изменение не только формальное, оно влечет целый комплекс морфологических, фонетических и номинативных изменений. Подобные трансформации обнаруживаются не только в арабском, но и русском и английском языках [15]. Именно поэтому мы выделяем принцип интеграции языковых уровней, под которым понимается неделимость и взаимосвязанность минимального уровня — фонетического, второго — морфологического и третьего уровня языкового строя — синтаксиса в процессе морфологической и синтаксической категоризации диминутивной лексики русского и арабского языков.

Ряд арабских лингвистов характеризуют диминутивность тем, что она «представляет собой изменение первоначальной структуры слова с помощью группы звуков, названных морфемой уменьшения. В некоторых случаях, это морфема сопровождается звуковым чередованием и звуковым увеличением или сокращением» [16. Р. 354]. На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что одна морфема может взять на себя задачу выражения диминутивности целиком по нескольким причинам:

1. Процесс диминутивации это не просто присоединение одной морфемы к слову в тех языках, для которых учитывается формальность слова как морфологический критерий выделения грамматической категоризации. На стыке присоединения морфемы к корневой происходят системные

фонетические процессы, облегчающие процесс произношения новообразованного деривата;

2. Некоторые языки характеризуются формальностью выделения морфологических трансформаций. В них применяется система флективных словообразовательных моделей, при которых новые дериваты должны до единого звука рифмоваться со словообразовательной моделью. Так, по упомянутой нами модели, которая также может быть названа *fu 'ajjilun*, с условными корневыми f-'-l, образуется слова типа араб. [*qulajjimun*] قُلَيْمٌ рус. *карандашик* ← араб. [*qalamun*] قَلَمٌ, рус. *карандаш*; араб. [*gurfatun*] غُرْفَةٌ, рус. *комната* → араб. [*gurajjifatun*] غُرَيْفَةٌ, рус. *комнатка*. Каждый звук до огласовки производного диминутивного арабского слова полностью рифмуется с каждым звуком и огласовкой модели, по которой дериват образован. Целостная звуковая материя производных слов обязательным образом совпадает по ритму со словообразовательной моделью, по которой определяются маркеры дериватов. Поэтому ни одна морфема не в состоянии выразить целостное значение уменьшительности, а словообразовательное значение, полученное в результате категоризации слова, выражается комплексом морфологических и фонетических изменений;
3. Ключевое значение связывается с корнем мотивирующей базы, которая флективно мотивируется, чтобы выразить значение нового деривата.

Таким образом, придание диминутивности включает в себя несколько упорядоченных разноуровневых процессов языка. Нельзя сказать, что одно словообразование берет на себя всю задачу формирования уменьшительного слова. Взаимосвязь языковых уровней при словообразовательном формировании дериватов очевидна и продиктована тесной связью фонетики со словообразованием и синтаксисом. Морфологические трансформации влекут за собой изменения звукового состава, что придает производным словам не только иной формальный облик, но и другие грамматические маркеры, по которым дериваты познаются: род, число и падеж дериватов выражаются приобретенными формантами. Благодаря такому порядку межуровневых связей процесс диминутивации можно считать продуктивным явлением в классическом арабском языке [17].

Значения диминутивных единиц в русском и арабском языках

Диминутивная лексика употребляется для выражения спектра значений в русском и арабском языках, и их семантическое соответствие играет ключевую роль в процессе адекватного перевода:

1. **Убавление в размерах и объеме.** Подавляющее большинство созданных слов выражает уменьшение. Одно и то же значение уменьшенного размера/объема выделяется в русском и арабском языках в полном семантическом соответствии, например, рус. *гора*, араб. [*ǧabalun*] جَبَلٌ → рус. *горка*, араб. [*ǧubajjilun*] جُبَيْلٌ; рус. *ветка*, араб. [*ǧuṣnun*] عُصْنٌ → рус. *веточка*, араб.

[*ḡuṣajjīnun*] غُصَّيْنٌ и т.д. — это именно *маленькая, тонкая ветка, невысокая гора* и т.д. Слова *ветка* и *горка* и их арабские эквиваленты разделяют сему «малый размер», выраженную в результате определенных деривационных процессов русского и арабского языков, что облегчает задачу адекватного перевода такого рода слов. Познание способа образования диминутива и аффикса, присоединившегося к нему в русском языке, и ознакомление с арабскими моделями создания уменьшительности суть руководство при переводческом разборе подобного рода лексических единиц. Одни и те же словообразовательные структуры, участвующие в образовании арабских дериватов данного типа, являются переводческими эквивалентами русских дериватов, созданных аффиксацией. Учитывая, что слова данного типа в обоих языках выполняют одну и ту же семантическую функцию, выражают одно и то же словообразовательное значение и составляют языковое соответствие, мы можем зафиксировать полную переводческую смысловую адекватность.

2. **Ласкательное уменьшение.** Уменьшительно-ласкательные формы широко распространены в русском и арабском языках, в основном они выражают значение ласкательности в обоих языках теми же способами, что используются для выражения уменьшения в размерах. Например: рус. *остров*, араб. [*ḡazīratun*] جَزِيرَةٌ → рус. *островок*, араб. [*ḡuzajjīratun*] جُزَيْرَةٌ; рус. *луч*, араб. [*šū ā 'un*] شُعَاعٌ → рус. *лучик*, араб. [*šū 'ajji 'un*] شُعَيْعٌ. Различить, в каком именно из двух значений использован диминутив — в уменьшительном или ласкательном — помогает только контекст употребления, в котором лексическая единица приобретает свой окончательный смысл.

Обращает на себя внимание частеречная принадлежность уменьшительно-ласкательных диминутивов и их включенность в определенные семантические поля. Прежде всего способность русских и арабских прилагательных подчиняться правилам диминутивации флективно, без участия дополнительного слова или агглютинации. При этом в русском языке прилагательные-диминутивы созданы с помощью определенных суффиксов — **-оньк, -еньк** — *сухонький, жиденький, красненький* и т.д., которые мы наблюдаем и в существительных типа *душонка, мужичонка*, но в ином значении — пренебрежительном, либо с суффиксом **-оват, -еват**, но не со значением ласкательности, а со значением недостаточности или слабого проявления признака у качественных прилагательных типа *темноватый, суховатый, рябоватый* и т.д.

В арабском же качественные прилагательные в качестве форманта принимают аффикс уменьшительности с удвоением йота **1-й корневой-у-2-й корневой-ajji-3-й корневой (1u2ajji3)**: рус. *младший*, араб. [*sagiirun*] صَغِيرٌ → рус. *младшенький, малюсенький*, араб. [*suḡajjīrun*] صُغَيْرٌ.

В свою очередь прилагательные цвета подчиняются в арабском и русском тем же правилам: араб. [*ḥamrā'u*] حَمْرَاءُ, рус. *красная* → араб. [*ḥumajjīrā'u*]

حُمْرَاءُ, рус. красенькая; рус. синий, араб. [āzraqi] أَزْرَقُ → рус. синенький, араб. [‘uzajraqi] أُزْرَقُ.

3. **Пренебрежение к уменьшенному объекту.** В русском и арабском есть специфические способы образования пренебрежительной лексики, и флективные модели образования такого типа слов в них уже определены как аффиксы пренебрежения [18]. Соответственно, в арабском это упомянутый выше инвариант интерфикса диминутивности **1u2aj3i4**, в русском — суффиксы **-ка, -чек, -чик, -ек, -ушка, -ишко (а)** и др.). Например, рус. рабочий, араб. [ṣāni‘un] صَانِعٌ → рус. работничек, араб. [ṣūi‘ajni‘un] صُوَيْعٌ; рус. писатель, араб. [kātibun] كَاتِبٌ → рус. писателишка, араб. [kiī‘ajtibun] كُوَيْتِبٌ; рус. поэт, араб. [šā‘irun] شَاعِرٌ → рус. поэтишка, араб. [šūi‘aj‘irun] شُوَيْعِرٌ. Необходимо отметить, во-первых, что пренебрежительная диминутивная лексика употребляется в русском и арабском языках с той же стилистической окраской, что говорит о возможности полной семантической адекватности перевода. Во-вторых, поскольку пренебрежение в основном выражается к лицу, персоне, а не предмету и вещи, как мы видим из арабских примеров, «уменьшение-пренебрежение» с большой частотностью применяется к действительным причастиям 1-й породы глагола с долготой на **а** после 1-го корневого. При образовании пренебрежительной формы по известной модели уменьшительности после 1-го корневого следует слабый арабский согласный **вау**, заменяющий в этой модели 2-й корневой, остальные буквы в составе слова выстраиваются соответственно модели. Таким образом, язык формирует инвариант интерфикса, позволяющий различать два диминутива одного корня, например, диминутив неодушевленного существительного *книга* и диминутив причастия рус. писатель (*пишущий*), араб. [kātibun] كَاتِبٌ → рус. писателишка, араб. [kiī‘ajtibun] كُوَيْتِبٌ и рус. книга, араб. [kitābun] كِتَابٌ → рус. книжечка, араб. [kutajjibun] كُتَيْبٌ соответственно.

Переводческий процесс данного типа диминутивной лексики обеспечивается знанием переводчика словообразовательной модели арабского языка в ее инвариантах, употребляемой для выражения пренебрежения при диминутивности. Что касается перевода русских эквивалентов, арабскому переводчику нужно быть знакомым с несколькими перечисленными аффиксами, выражающими пренебрежительное уменьшение, и узусом их употребления, так как одному арабскому аффиксу в русском соответствует их целый ряд далеко не всегда взаимозаменяемых аффиксов, как например в *зайюшка* — *заинька*.

4. **Убавление количества.** Суффиксы уменьшительности широко употребляется в обоих языках для одновременного выражения снижения количества чего-либо и уменьшения объекта в размерах. Например, рус. шаг, араб. [ḥuṭi‘atun] حُطُوَّةٌ → рус. шажки, араб. [ḥuṭajjātun] حُطَيَّاتٌ; рус. кусок, араб. [luqmatun] لُقْمَةٌ → рус. кусочек, араб. [luqajjimaturun] لُقَيْمَةٌ. Слово *шажки* — уменьшенное от «шаги» — образовано для выражения сниженного

количества *шагов*. Например: *В нескольких шажках от нас присела кошка*. Очевидно, что в данном высказывании есть указание на очень небольшое количество маленьких шагов. Также слово *кусочек* во множественном числе используется для того, чтобы показать сниженное количество. *Мы попробовали вкусные кусочки мяса*. В арабском здесь наблюдается полная переводческая адекватность: لقد ذقنا لقيمات لذیذة من اللحم.

5. **Близость времени.** Данный случай интересен тем, что для выражения этого значения в арабском диминутивом становится предлог, чему в русском невозможно провести аналогию. Русский предлог *до* в отличие от арабского [qabla] قَبْلَ не имеет уменьшительной формы в русском языке со значением «за очень короткое время до..», как араб. [qubajjila] قُبَيْلَ, или «спустя очень короткое время» от араб. [ba'da] بَعْدَ → [bu'ajjida] بُعَيْدًا.
6. **Близость места.** При выражении близости места в арабском языке также диминутивом становится предлог, который широко употребляется не только в диалектах, но и в литературном языке, например, араб. [tahta] تَحْتَ, рус. *под* → араб. [tuḥajjita] تُحَيِّتُ, которому в русском нет эквивалента с такой же грамматической структурой и которой может быть передан только лексически — «недалеко под чем-то»; араб. [faūqa] فَوْقَ, рус. *над* → араб. [fuūajjiqa] فُؤَيْقَ, в русском — «невысоко над чем-то».

Усиление значения. В данном случае слово, морфологически становясь диминутивом, усиливает выражаемое им качество. То есть диминутивация слова происходит с обратной целью — повышения его статуса, объема, места, позиции и др., например, араб. [dāhijjatun] دَاهِيَّةٌ, рус. *хитрец* → араб. [duūajjihiyatun] دُوَيْهِيَّةٌ, рус. *хитрован* — еще больший хитрец; араб. [batalun] بَطْلٌ, рус. *герой* → араб. [butajjilun] بُطَيْلٌ, рус. *геройчик* — еще больший герой-молодец.

Таким образом, в русском и арабском языках действуют относительно близкие правила создания диминутивов на основе внутренней флексии, несмотря на разные морфологические инструменты-аффиксы — суффикс и интерфикс. Значительная часть диминутивов выявляет полное семантическое соответствие.

Вместе с тем в русском суффиксы диминутивности образуют более сложную картину, так как их употребление обуславливается значением, частью речи, категориальной грамматической принадлежностью, стилистикой, а зачастую — узусом. У одного русского слова может быть два диминутива, например: *береза* — *березка* — *березонька*, *окно* — *оконце* — *окошечко*, *сухонький* — *суховатый*. И это представляет определенную трудность для переводчиков-арабов. Так, *сухонький* имеет значение ласкательности и употребляется в отношении людей, например, *сухонький старичок*, а *суховатый* — в значении «немного сухой» — *суховатый хлеб*. Один и тот же суффикс может быть использован для образования существительного-диминутива и прилагательного диминутива, причем в практически антонимичных

значениях — в первом случае речь идет о пренебрежении (*мужичонка*), во втором — о ласкательности (*тоненький*). Большую роль играет частеречная принадлежность слов, поскольку не все части речи могут образовывать диминутивы в русском и арабском языках. Если арабские предлоги могут подчиняться диминутивации, то такого рода морфологической категоризации не отмечается в русском языке. Кроме того, в русском за существительным закреплены одни суффиксы диминутивации, за прилагательным — другие, их два (**-оньк**, **-оват**), первый из которых применяется и для образования существительных в том числе. В арабском части речи, которые могут быть уменьшительными (помимо существительных, прилагательные, в том числе прилагательные цвета, и предлоги), подчиняются одним и тем же словообразовательным моделям в арабском языке, которые соответствуют строгим флективным правилам морфологической категоризации арабских дериватов. В арабском в отдельную подгруппу с инвариантом аффикса собраны только формально «выделяющиеся» слова, которые имеют 4 харфа либо построены по форме действительного причастия.

Разноуровневые основы перевода диминутивов

Сравнительно-сопоставительные исследования, рассматривающие словообразовательные процессы, подготавливают теоретическую основу для достижения переводческой эквивалентности. Анализ, учитывающий состав производящей основы и форманта, выявляет значимые части, входящие в состав лексической единицы и выражающие морфологические значения. Посредством его «вытаскиваются» значимые элементы в языке-оригинале (основы-корни и аффиксы), эквиваленты которых воспроизводятся в языке перевода, и тем самым достигается переводческая эквивалентность. Так, в русском мотивирующая основа — *мост*, производное с суффиксом уменьшения **-ик** — *мостик*, в арабском [*ḡisrun*] جِسْرٌ преобразуется посредством интерфикса уменьшения в [*ḡusajjirun*] جَسَّيرٌ.

Очевидна огромная роль словообразовательной структуры дериватов в отражении не только структурной эквивалентности, но и грамматической маркировки (род, число, падеж, тип склонения), которая достигается разными способами в обоих языках. Уверено можно сказать, что структурная основа перевода играет большую роль в достижении переводческой адекватности при переводе с русского на арабский и наоборот. Вопрос в том, существуют ли другие основы перевода?

Если структурная основа перевода берет на себя задачу выяснить составляющие элементы, входящие в производное слово и раскрывающие его грамматическую маркировку, то существует и другая основа, показывающая семантическую эквивалентность. С помощью *семантической основы* выделяется и проверяется семантическая точность перевода, но и она требует еще раз прибегать к словообразовательной мотивации, чтобы пояснить

семантическую основу переведенных текстов. Семантическая основа перевода зависит от двух аспектов. Первый — это семантическое соотношение производного слова со своей производящей базой (внутриязыковое соответствие — *мостик* полностью соответствует семантически слову *мост*, за исключением вносимой приобретенной за счет аффикса **-ик** семы уменьшительности). Второй — это адекватное семантическое соответствие деривата на одном языке семантике деривата на другом (межъязыковое соответствие, например, рус. *мост* (через реку) семантически соответствует арабскому [ʕisrun] جِسْرٌ, как и в другом значении — *стоматологический мост* — جِسْرُ الأَسْنَانِ). Первый аспект семантической основы выясняется принципом словообразовательной мотивации в обоих языках, поскольку в них обоих признается мотивация, а семантика дериватов понимается только со ссылкой на значение производящего слова. Второй аспект подразумевает эквивалентное словоупотребление, создающее одинаковые смыслы в обоих языках. Одновременно достигается и частеречная эквивалентность. Так, прилагательные, выражающие цвет в русском языке, образуют диминутивы по правилам русской аффиксации и переводятся арабскими диминутивными прилагательными, которые выражают цвет. При этом семантическая основа перевода действует не отдельно, а в комплексе со структурной основой, поскольку первая представляет семантическую сущность эквивалента, а вторая оформляет его по строевым правилам языка.

В арабском языке структурная и семантическая основы действуют одновременно, поскольку арабское слово есть неделимая звуковая ткань, включающая в себе согласные элементы, рифмованные по словообразовательной модели арабского языка. В нем действует словообразовательная мотивация, раскрывающая структуру и семантику производного слова по рифмованным моделям. Но главный элемент мотивации и семантики — это согласные звуки арабского корня, с которыми связывается вещественное значение слова. Выделение повторяющихся ключевых согласных арабского корня в производящих и производных словах есть лучший показатель семантической мотивации. Ср.: рус. *ум*, араб. [ʕqlun] عَقْلٌ → рус. *умишко*, араб. [ʕqajjilun] عَقَيْلٌ; рус. *палец*, араб. [ʕisbiʕun] إصْبَعٌ → рус. *пальчик*, араб. [ʕsajbiʕun] أُصْبَيْعٌ; рус. *волосы*, араб. [ʕarun] شَعْرٌ → рус. *волосики*, араб. [ʕajjirun] شَعِيرٌ и т.д.

Эти две основы — структурная и семантическая — являются ключевыми показателями точности переводческой деятельности в межъязыковой коммуникации носителей языков разных структур. Структурная основа перевода в русском языке выделяется по производящей базе и форманту, которые вместе образуют дериват, а семантическая основа является совокупностью значений и форманта. В арабском языке семантическая основа есть ключевой элемент корня, которые повторяются в производных и производящих словах. Выделяя структурные и семантические основы русского и арабского языка, переводчик достигает адекватного перевода.

Без выделения семантической переводческой основы перевод буквален, каким мы его наблюдаем в первых переводах священных текстов религиозных книг [19]. Поэтому выделение структурной и семантической основ перевода недостаточно для достижения переводческой адекватности диминутивной лексики с русского языка на арабский и наоборот. Напомним, что буквальным можно признать перевод, в котором учитываются структурные элементы без учета других лингвистических основ, перевод, при котором соблюдают формальные элементы оригинала [20. С. 234], но нарушаются или оказываются искаженными нормы языка перевода.

Не всегда семантическая и структурная основа могут удовлетворить нормативным требованиям переводческой адекватности без применения третьей переводческой основы — когнитивной, учитывающей специфические признаки языка, культуры, истории и фольклора. Переводоведение в настоящее время рассматривает перевод как элемент международной коммуникации. Оно ориентируется на контекст культуры, определяя культуру как комплексную «систему всех систем» языка, которая состоит из разных подсистем типа науки, технологий и культуры [21. Р. 112]. «Для исследования закономерностей переводческой деятельности большой интерес представляют особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка» [22. С. 63–64]. Для репродукции текста-оригинала и образования нового текста на языке перевода, восприятие языка становится когнитивной основой достижения переводческой деятельности [23. С. 45]. Поэтому перевод некоторых арабских слов нуждается в глубоком знании специфики арабской культуры. Например, арабские слова *جُنَيْدِي*, *سُوَيْعَةٌ*, *دُوَيْهِيَّةٌ*, *رُجَيْلٌ* не просто уменьшенные слова, а содержат определенные коннотации — «плохой мужчина», «огромное горе», «очень короткое время», «слабый или недостойный солдат». Носители арабского языка понимают смысл без толкований, и переводчику необходимо передать эти когнитивные особенности арабского слова. Так, русское *солдатик*, *солдатишка* не соответствует арабскому *جُنَيْدِي* — «слабый или недостойный солдат», самое близкое — *солдатишка*, «плохой мужчина», соответствует скорее *мужчинка*, чем *мужичок*. А семантика слова *поэтик* не эквивалентна [*šuyīaj 'irun*] *شُوَيْعِرٌ* так как в арабском это означает *жалкий поэт, поэтишка* а не *маленький, юный поэт*. Арабское слово *دُوَيْهِيَّةٌ*, что означает «огромное, чудовищное горе», будучи по форме диминутивом, зачастую, без привлечения лингвокультурологической базы, понимается как *хитренький человек*, но перевести его в таком значении было бы ошибкой.

Безусловно, чтобы достичь эквивалентности, необходимо проникать в культурную подсистему языков, задействованных в переводе, и широкий контекст перевода. Только пересечение границ между культурами позволяет понимать реальный смысл слова и учитывать, что уменьшительность в арабском языке может употребляться для выражения увеличения. При

этом переводчик осознает, что он раздвигает границы между культурами [24. Р. 25–26], опираясь на еще одну основу переводческой эквивалентности — культурную, признанную дополнительной составляющей переводческого процесса [25. С. 132].

Таким образом, успешная переводческая деятельность обеспечивается взаимосвязанными основами, необходимыми для достижения переводческой эквивалентности. Без тесного взаимодействия этих основ перевод любого типа лексики становится практически невозможным либо ошибочным. Процесс обработки и познания переводческих основ диминутивной лексики идет последовательно. Переводчикам сначала необходимо разобрать слово по словообразовательным элементам, входящим в состав дериватов. Далее анализируется семантическая основа перевода — нужно подобрать сему, несущую эквивалентный корень в арабском и русском языках. Сверка семантической основы есть двойное действие, поскольку сначала надо найти сему, содержащую в себе точный смысловой эквивалент, и дальше обработать ее так, чтобы она подчинилась словообразовательным правилам языка перевода. Следом вступает когнитивная основа, по которой отмечаются специфические признаки языка — культурные особенности, которые влияют на результат перевода и которые лежат за пределами чистой лингвистики.

Заключение

Итак, мы рассмотрели механизмы и способы создания диминутивной лексики в русском и арабском языках с позиций сравнительной морфологии, семантики и переводоведения — тех областей знания, где данная группа единиц получила наименьшее освещение в научной литературе. Для переводческой деятельности с формальной точки зрения имеет значение, что диминутивы в обоих языках образуются по относительно общим правилам, с помощью внутренней флексии, однако в русском — это суффиксы, а в арабском — интерфиксы. При этом арабский интерфикс один, он имеет лишь модификации в зависимости от того, в какую мотивирующую основу он встраивается — в трех- или четырехсогласную, в морфологическую модель существительного или в модель действительного причастия. В русском языке набор уменьшительных аффиксов гораздо богаче и группируется как по значениям, например исключительно уменьшительности либо пренебрежения, так и по частям речи — у прилагательных особые суффиксы. Вместе с тем образование диминутивов не столь примитивно, поскольку, как показано в работе, они демонстрируют неделимость и взаимосвязанность фонетического, морфологического и синтаксического уровней языка, их комплексную трансформацию. Русские и арабские диминутивы характеризуются семантической близостью, однако в арабском аффикс уменьшительности участвует также в образовании таких специфических значений, как значения близости времени

18. *Nakshabandi A.* Diminutives in classical Arabic and the urban Hijazi dialect // *Linguistic Communication Periodical*. 1996. № 7. P. 1–15.
19. *Карпов И.А.* Буквализм древних переводов Библии и проблема адекватной передачи семантики исходного текста // *Вестник ВГУ. Серия лингвистика и международная коммуникация*. 2003. № 2. С. 45–49. EDN: PKIJVB
20. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990.
21. *Steiner R.* *Philosophy, cosmology and religion: Ten lectures given at the Goetheanum in Dornach, Switzerland, Sept. 6–15, 1922.* New-York : Anthroposophic Press, 1994.
22. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2000.
23. *Шокамаева П.С.* Восприятие как когнитивная операция в познавательной-репродуктивной переводческой деятельности // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 4(37). С. 45–50. EDN: RIVQXT
24. *Пун А.* *Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992.
25. *Злобин А.Н.* К проблеме межкультурной составляющей переводческой компетенции // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2009. № 4. С. 129–139. EDN: KYSIZJ

References

1. Al-Azhari, A.K. (2006). *Explanation of the statement on the clarification*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah (In Arab.).
2. Al-Suhaili, A. (1992). *The results of thinking in Syntax*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
3. Al-Istrabadi, A.R. (1982). *The explanation of Shafia Ibn Al-Hajeb*. Beirut: Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
4. Al-Jurjani, M. (2003). *Definitions*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
5. Safonova, E.V. (2008). *Case valencies of the Arabic and Russian verbs*. Author. dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow: RUDN University. (In Russ.). EDN: NKQMAD
6. Alexandrova, O.I., & Abdalrakhman, M.Kh. (2017). Genitive case in the grammatical systems of Russian and Arabic. *Bulletin of the Vyatka State University*, 9, 89–92. (In Russ.). EDN: ZRIVSF
7. Unezheva, M.K. (2016). Difficulties encountered by Arab students in the study of the case system of the Russian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, (11), Part 1, 202–205. (In Russ.).
8. Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian word-formation. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 419–442. (In Russ.). EDN: WTIEVF
9. Ibn, Faris. (1979). *Dictionary of Language Standards*. Amman: Dar al-fikr. (In Arab.).
10. Jabal, M.H. (2006). The theoretical and practical derivation. Cairo: Maktabat al-adab. (In Arab.).
11. Al-Foadi, R.A., & Mingazova, N.G. (2018). The three-level phono-grammar order and its derivational connecting link: The elements of language system (on the material of Arabic). *XLinguae*, 11(4), 59–77. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.04.06> (In Russ.). EDN: NDIZNF
12. Arabiat, R.M., & Al-Momani, I.M. (2022). Diminution in Arabic: A suggested strategy to Mona Baker’s non-equivalence problem “differences in form”. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18(1), 85–93. <https://doi.org/10.52462/jlls.168>
13. Grande, B.M. (2001). *The course of Arabic grammar in comparative historical coverage*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN.
14. Al-Foadi, R.A., Zarytovskaya, V.N., & Al-Roznamachi, R.H. (2021). Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 652–668. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668> (In Russ.). EDN: RNNQZG

15. Karam, R.A. (2009). Word-formation structure of zoocomposites with a verbal basis in languages of various types. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 105–109. (In Russ.). EDN: KYSEYJ
16. Hazim, K. (1998). Inflection of names. Baghdad: Maktabat al-adab. (In Arab.).
17. Bin Mukhashin, Kh. (2018). Diminutives in English and Hadhrami Arabic. *Journal of Humanities*, 15 (1257–266), 257–266.
18. Nakshabandi, A. (1996). Diminutives in classical Arabic and the urban Hijazi dialect. *Linguistic Communication Periodical*, 7, 1–15.
19. Карпов, I.A. (2003). Literalism of ancient translations of the Bible and the problem of adequate transmission of the semantics of the source text. *Bulletin of VSU. Series Linguistics and International Communication*, 2, 45–49. (In Russ.). EDN: PKIJVB
20. Komissarov, V.N. (1990). *Translation theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Steiner, R. (1994). *Philosophy, cosmology and religion: Ten lectures given at the Goetheanum in Dornach, Switzerland, Sept. 6–15, 1922*. New-York: Anthroposophic Press.
22. Komissarov, V.N. (2000). *Modern translation studies*. Moscow: ETS. (In Russ.).
23. Shokataeva, R.S. (2013). Perception as a cognitive operation in cognitive-reproductive translation activity. *Questions of cognitive linguistics*, (4), 45–50. (In Russ.). EDN: RIVQXT
24. Пым, А. (1992). *Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
25. Zlobin, A.N. (2009). On the problem of the intercultural component of translation competence. *Questions of cognitive linguistics*, (4), 129–139. (In Russ.). EDN: KYSIZJ

Сведения об авторах:

Аль-Фоади Рахим Али, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета языков, Багдадский университет (10001, Ирак, г. Багдад, Аль-Джадирия, квартал Аль-Каррада); *научные интересы*: общее языкознание, сопоставительное языкознание; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq
ORCID: 0000-0001-8699-9596, SPIN-код: 2228-3794, AuthorID: 942990.

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: widaad@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-код: 4434-9391, AuthorID: 613573.

Information about the authors:

Raheem A. Al-Foadi, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department, College of Languages of the University of Baghdad (Bab Al-Mudam, Baghdad, Republic of Iraq, 10047); *Research interests*: general linguistics, comparative linguistics; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq
ORCID: 0000-0001-8699-9596, SPIN-code: 2228-3794, AuthorID: 942990.

Victoria N. Zarytovskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198); *Research interests*: comparative linguistics, functional grammar and lexicology of the Arabic language, methods of teaching the Arabic language, modern Arabic literature; *e-mail*: widaad@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-code: 4434-9391, AuthorID: 613573.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
